THRACIA BALCANICA

1

Sofia . 2022

Thracia Balcanica, nº 1, 2022

Edition of the Balkan Institute of Thracology
at the DIOS Society - Sofia, Bulgaria

Scientific, Bulgarian
First edition

Compiler and editor: **Tosho Spiridonov**

Volume: 19,5 (312 printed pages)
Format: 70 x 100 x 16

Prepress: **DIOS**
Printing: **VedaPrint**

© Н.И. Винокуров, Petar Balabanov, Bisserka Gaydarska, Vedat Keleş, Fatma Kızılyalçın Oyarçin, С.Ю. Сапрыкин, Svetlana Yanakieva, С.М. Крыкин, К. А. Анисимов, Engin Beksaç, M.A. Sule Nurengin Beksaç, Zeynep Koçel Erdem, Viktor Lilchikj Adams, С.М. Агульников, А. Ю. Можайский, Tosho Spiridonov - autors
c/o Jusautor

© **DIOS** - Publisher

Adress: 1309 Sofia, Bulgaria
Komplex "Sveta Troitsa" / block 3107-A / entrance 3 / app. 53
GSM: +369 887 009200

ISSN: ISSN ISSN 2815-3340 (PDF-формат)

EDITORIAL BOARD

Balabanov P., - *Bulgaria*	p_balabanov@abv.bg
Bîirliba L., - *Romania*	blucretiu@yahoo.com
Bruyako I.V., – *Ukraine*	ibruyako@yandex.ru
Duev R., – *N. Macedonia*	dekan@fzf.ukim.edu.mk
†Dzigovskiy Al., – *Ukraine*	
Engin B., - *Turkey*	ebeksac@gmail.com
Falileev Al., - *Great Britain*	a.falileyev@gmail.com
Gabelko O.L., - *Russia*	gabelko@mail.ru
Gaidarska B., - *Great Britain*	b_gaydarska@yahoo.co.uk
Georgievski D., – *N. Macedonia*	dejangorgievski@gmail.com
Grbic (Nikolic) Dr., - *Serbia*	ddgrbic@gmail.com
Haheu V., - *Moldova*	vasile.haheu@gmail.com
Jevtic M., - *Serbia*	milossjevtic6@gmail.com
Keleş V., - *Turkey*	vedat.keles@omu.edu.tr
Krykin S.M., - *Russia*	smkrykin@mail.ru
Lilchik-Adams W., – *N. Macedonia*	viktorlilcik@gmail.com
Mozhaisky A.Yu., - *Russia*	a.mozhajsky@mail.ru
Măndescu Dr., – *Romania*	dragos_mandescu@yahoo.com
Paptsova A.K., – *Moldova*	papcova@mail.ru
Panov M., - *N. Macedonia*	mitko.panov@gmail.com
Rabadjiev K., – *Bulgaria*	rabadjiev@gmail.com
Saprykin S., - *Russia*	mithridates@mail.ru
Slavova M., - *Bulgaria*	mirenaslavova@gmail.com
Spiridonov T., - *Bulgaria*	tosho_sp@abv.bg
Sudarev N.I., - *Russia*	sudarev@list.ru
Ștefan M., – *Romania*	m_magdalena.stefan@yahoo.com
Tkachuk M.E., - *Moldova*	
Vasileva M., - *Bulgaria*	lavagetas@hotmail.com
Vinokurov N.I., - *Russia*	vinokurovn@list.ru
Vranic I., - *Serbia*	ivanvran@gmail.com
Yanakieva Sv., - *Bulgaria*	s.yanakieva@mail.bg
Zeynep E., - *Turkey*	zerdem@gmail.com

Editorial Address

DIOS Society
1309 Sofia, Bulgaria
Komplex “Sveta Troitsa”
Block 317-A, Entance 3, App. 53
Tosho Spiridonov

CONTENT - СОДЕРЖАНИЕ

Н.И. Винокуров : Опыт изучения археологических памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье / **9-34**

Petar Balabanov : Ritual pits in Thrace during the Iron Age — topography, chronology, interpretation (Preliminary notes) / **35-76**

Bisserka Gaydarska : (Durham Univesity), **John Chapman** (independent scholar) "Add Salt to Taste": The place of the Provadia – Solnitsa Salt exploitation site in relation to the East Balkan Neolithic and Chalcolithic and the Varna Cemetery / **75-120**

Vedat Keleş, Fatma Kızılyalçın Oyarçin : Philippi Coins found in Parion Exavations / **121-132**

С.Ю. Сапрыкин : Фрькийская когорта на Боспоре / **133-152**

Svetlana Yanakieva : Thrace and the Indo-European Migration Hypotheses (Linguistic Aspect) / **153-160**

С.М. Крыкин : Кое-что о фракологии современной России / **161-182**

К. А. Анисимов : Забытый фракийский царь Спарадок **/ 183-198**

Engin Beksaç, M.A. Sule Nurengin Beksaç : Süloğlu: Archaeology and Heritage / **199-212**

Zeynep Koçel Erdem Starting to a new exavation at Perinthos (Tekirdağ Marmara Ereğlisi of Turkish Thrace) - preliminary report and the new findings **/ 213-226**

Viktor Lilchikj Adams : Search for the ancient city of Almana Perseus "Ad Almanam urbem pervenit et in ripa fluminis Axi posuit castra" (T. Livy, XLIV. 26. 8) / **227-248**

С.М. Агульников : Могильник Скифской культуры IV в. до н.э. у с. Казаклия (Краткий обзор, украшения) / **249-260**

А. Ю. Можайский Мир-системная теория и разорение Микалесса в 413 г. до н.э. / **261-274**

Tosho Spiridonov : The Route of Alexander of Macedon in Thrace / **275-312**

FOREWORD

2022 marks the 50th anniversary of the institutionalized Bulgarian Thracology establishment. Much has been achieved over the years. Nevertheless, in recent years, Thracology as a historical discipline has become increasingly losing its grounds, because of people entering it who seem to have no place there. The position of the institution itself has changed in all countries that have developed Thracology as a scholarly discipline. It has become quite clear that Thracology needs to change - for example, the source study discipline, which has completely disappeared shrinking only to an archaeological discipline. It is true that archeology is an almost inexhaustible source of new data. However, in Bulgarian archaeology lately there are also tendencies mainly towards excavation of sites, due to the intensive construction, without the obtained data being systematized; there is a lack of generalizing research that foreign scholars can benefit from. At the same time, the research in neighboring countries seems to have remained aside from Thracology, although their territories - more or less - were part of the Thracians' realm, and investigations from some countries is lacking at all. The accidental or infrequent studies of scholars in the Balkan publications cannot fill this growing gap; they are more a result of personal contacts.

Therefore, it becomes clear that conditions should be created for scholars from the Balkan countries, engaged in research of Thracian antiquity, to have the opportunity to release their observations and analyzes in a publication common to all. Thus the idea of ***Thracia Balcanica*** was born, whose scope covers the lands from the

Russian steppes through the Dniester to the Vardar and from the Carpathians to Asia Minor. An idea that lacks any political shade! An idea completely subordinated to scholarly analyzes, to scholarly discussions. An idea whose sole purpose is to study and present the history of the ancient Thracians correctly to Europe and the world.

Why the editorial board comprises representatives of the Balkans and their immediate environment alone? The answer is one and it states that they are scholars from the delineated Thracian territory.

Of course, no one and nothing prevents all researchers to present in the mentioned periodical. But the scholars from the Balkans have the privilege of carefully analyzing firsthand what is written and, knowing the Thracian reality, making their own corrections - either through questions to the authors, or through editing of texts or through discussions. This has always been the case in science; I hope it will be the same in the future.

Among other things, I hope that **Thracia Balcanica** will become a space for sharing academic literature. The present day offers wide opportunities for digital book exchange with its technical and technological capabilities. In this way, awareness will increase significantly, new ideas and views will be exchanged quickly, and this is one of the ways to improve the quality of science. In this way - I believe, the quality of research will increase many times over.

With hope that this first issue will remind colleagues that science has always evolved in discussions, I expect more discussion papers, reports of new and important discoveries, books and articles on Thracology, more historical, theoretical and critical analysis.

Headwind to the new edition!

Thracia Balcanica 1, 2022, 9-34

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УРОЧИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров

Аннотация Статья посвящена многолетнему опыту работ ААЭ МПГУ в Крымском Приазовье по исследованию локальной хозяйственно-экономической зоны Боспорского царства – урочища Артезиан.

Резюме Многолетние раскопки, проводимые автором данной работы, позволили восстановить сложную историю памятников урочища Артезиан, определить хронологические периоды взлётов и падений ключевого памятника городища Артезиан. Это единственный памятник региона, где были выявлены последствия боспоро-римской войны 44/45–49 гг. и нескольких мощных землетрясений. Детальная историко-археологическая реконструкция оказалась возможной благодаря наличию ряда закрытых комплексов находок, фиксирующих различные этапы жизни на городище, от начальных моментов ста-новления городища до его практически полного забрасывания. Здесь были найдены объекты и культурные напластования, которые являются важными индикаторами для уточнения общей хронологии городища и всего Боспора. Среди полиэтничного населения урочища находились потомки коренного населения этих земель – представители фракийских племен. Возможно, что городище Артезиан (Пароста?) появилось на месте военных поселений наемных воинов и их потомков.

Ключевые слова*:* Боспорское царство, городище Артезиан, боспоро-римская война 44/45–49 гг. н. э., каменный век, эпоха бронзы, античность, эллинизм, римское время, цитадель, землетрясение, хронология, Фракия, Боспор, жертвенники.

Урочище Артезиан – обширная, вытянутая с востока на запад долина, ограниченная на западе Азовским морем, расположена на царской хоре Европейского Боспора (**рис. 1**–2). С южной, северной и восточной сторон урочище прикрыто от противных ветров невысокими каменистыми кряжами, образованными выходами сарматских известняков. Южный склон урочища более крутой, чем северный, имеет холмистый рельеф и изрезан глубокими балками, разделяющими южную часть на отдельные изолированные друг от друга участки. Природный ландшафт урочища довольно спокойный, равнинный, удобный как для земледелия, так и скотоводства. Здесь находятся чернозёмные плодородные земли, самой природой приспособленные для активной хозяйственной деятельности человека, обильные водой, полезными ископаемыми, обеспеченные разветвлёнными коммуникациями, ведущими на побережье и в глубинные степные районы Керченского полуострова.

Большая часть прибрежных памятников урочища Артезиан открыто в 50–60–х гг. XX столетия Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции под руководством И. Т. Кругликовой (*Кругликова И. Т.,* 1956:236 и сл.; 1960:64 и сл.; 1966; 1975).

В 60–х гг. проводились большие по площади раскопки только в юго-западной приморской части урочища Артезиан – на Ново-Отрадненском поселении, результаты которых так и не были в полном объёме введены в научный оборот, оставаясь в отчётах (*Арсеньева Т. М.,* 1961:66 и сл.; 1963:192 и сл.; 1970:82 и сл.; *Кругликова И. Т.,* 1975: 113–116).

Памятники степной зоны урочища (Артезиан, Багерово-Северное) обнаружены разведками Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА АН СССР в середине 80–х гг. под руководством А. А. Масленникова (1990:177 и сл.).

На северо-западе урочища раскапывались в течение нескольких полевых сезонов поселения Золотое-берег (*Кругликова И. Т.,* 1953:3 и сл.; 1956:245–247; *Корпусова В. Н.,* 1983:10) и Золотое-плато, а также расположенные рядом могильники (*Корпусова В. Н., Орлов Р. С.,* 1978:65 и сл.; *Масленников А. А.,* 1995:6 и сл.).

Первые разведки в центральной части урочища Артезиан были проведены ВКАЭ ИА АН СССР под руководством А.А. Масленникова

в 1986 г., во время которых было обнаружено В.Г. Зубаревым базовое для хронологии археологических памятников урочища городище Артезиан. С 1987 г. памятники урочища исследовались Артезианским отрядом ВКАЭ ИА АН СССР, а с 1994 г. и по настоящее время – Артезианской археологической экспедицией МПГУ под руководством Н.И. Винокурова. Раскопки городища Артезиан проводились без перерывов с 1987 г., курганов эпохи бронзы на южном склоне урочища Артезиан – в 1989 г., 1994 г.; некрополя городища Артезиан – в период 2000–2007 гг., 2018–2020 гг.; городища Багерово-Северное – в 1987 г, 1991 г., 1995 г., городища Золотое-Берег – 1990 г., городище Тасуново – 2005 г., 2007 г., подводные археологические исследования в прибрежной зоне Казантипского залива – в 2007–2008 гг. (*Винокуров Н. И.,* 1998; 2012; 2015).

Как показали исследования ААЭ, территория урочища Артезиан была обитаема с эпохи каменного века. Древних людей привлекали природные условия урочища, обилие воды, здоровый климат, богатый животный мир, прекрасные охотничьи угодья и плодородные земли. В тот период вся территория урочища была покрыта довольно густым лесом, переходящим ближе к скалистому побережью Азовского моря в песчаные дюны. В низменной части урочища текла полноводная река, изобильная рыбой. Заросли камыша скрывали за густой порослью её обрывистые берега. На удобных для жизни местах появились постоянные и временные стоянки древних охотников и рыболовов каменного века, а затем на их месте возникли поселения земледельческого и скотоводческого профиля эпохи бронзы. Уже в этот период значительное место играли различные морские промыслы, вряд ли возможные без хорошего знания навигации и умения строить суда.

Современный макрорельеф урочища Артезиан в целом соответствовал древнему, по этой причине направление основных грунтовых дорог, связывающих побережье со степными глубинными территориями полуострова, мало изменилось. Их трассы хорошо заметны на поверхности, так как отмечены цепочками курганов эпохи энеолита-бронзового века. Курганы, заросшие полынью и ковылем, образовывают группы, особенно заметные на водоразделах и перепадах высот. Оплывшие курганные насыпи, пробитые грабительскими шурфами, в высоту обычно не более одного-двух метров.

Но встречаются и более мощные курганы. Они достигают высоты трёх-семи метров и в диаметре имеют несколько десятков метров. Большая часть из них ограблена в древности и сильно распахана.

Несколько больших курганов было экспедицией раскопано в предшествующие годы. Под их насыпями выявлено десятки разновременных погребений: от кеми-обинских до средневековых захоронений, жертвенные комплексы и хозяйственные ямы античного и средневекового времени[1]. Характер хозяйства, образ жизни и этническая принадлежность населения, оставившего в урочище курганы и поселения, предстоит еще установить (*Винокуров Н. И., Куштан Д. П.*, 2013:202–215). Но уже ясно, что это были не только кочевники, земледельцы и ремесленники, но и мореходы и рыболовы[2]. Вполне допустимо, что в эпоху энеолита-бронзового века происходит на территорию урочища инфильтрация среди прочих этнических групп и фракийского населения, которая продолжалась долгое время, имела несколько волн и должна была оформить в догреческий период соответствующий устойчивый этнокультурный субстрат, близкий соседним районам Таврики и Тамани (*Кияшко А. В., Сударев Н. И.*, 2018:212–217; *Иванов А. В., Сударев Н. И.*, 2018:48–55; *Гарбузов Г. П.*, 2020:80–88; *Кияшко А. В.*, 2020:89–97; *Сударев Н. И.*, 2020:68–79). Разнородный этнический состав местного населения сохранялся и в античное время (*Винокуров Н. И., Крыкин С. М.*, 2016: 64–73; 2017:170–194. См. также: *Попова Р.*, 2010:8, 13 и сл.; *Кияшко А. В.,, Сударев Н. И.*, 2018: 212–217; *Иванов А. В., Сударев Н. И.*, 2018:48–55; *Гарбузов Г. П.*, 2020:80–88; *Кияшко А. В.*, 2020:89–97; *Сударев Н. И.*, 2020:68–79).

Урочище Артезиан с момента основания Боспорского царства в V в. до н. э. становится важной экономической и стратегической ба-зой царской власти. Экологическая микросреда урочища создавала прекрасные условия для ведения оседлого хозяйства, базирующегося на земледелии и придомном пастушеском животноводстве, для развития гончарного, железоделательного и других ремесел. Это была, видимо, территория, которая входила в царские владения и населялась военными поселенцами. Не случайно, все крупные античные поселения занимали командные высоты урочища, наиболее удобные для жизни и обороны. Они находились в прямой видимости от городищ других

территориальных зон Боспорского государства. Особенно плотно была населена прибрежная зона. Этому способствовали хорошие плодородные почвы, хороший микроклимат, обилие пресной воды и богатое биоресурсами море

Типичными памятниками урочища Артезиан, имевшими важное хозяйственно-историческое значение в экономической жизни данного микрорегиона, являлись многослойные городища Багерово-Северное, Золотое-берег и Артезиан. Именно к ним было привлечено основное внимание экспедиции. Параллельно проводились исследования примыкавших к ним некрополей и зон хозяйственного и аграрного освоения, включая остатки многочисленных и местами очень хорошо сохранившихся земледельческих наделов и расположенных на них построек, внешне напоминавших усадебные сооружения, различного рода ограды и загородки, места добычи камня, глины и других строительных материалов.

Лучше прочих изучено городище Артезиан, расположенное в центре урочища. Мощность его культурного слоя достигает пяти-шести метров, площадь – более 7 га. Объект расположен в 2,5 км к северо-западу от современного поселка Чистополье (**рис. 1**–3). От столицы Боспора Пантикапея городище отстояло на 30 км, от побережья Казантипского залива Азовского моря – на 5 км. Городище исследуется ААЭ с 1988 г., некрополь – с 2000 г. (*Винокуров Н. И*., 2012).

На сегодняшний день городище Артезиан – единственный реперный памятник в Восточном Крыму, дающий дату начала активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства. Здесь был открыт мощный слой пожара времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (*Винокуров Н.И*., 2008:67–77; 2009:9–16; 2010а:38–44; 2010б:46–65; 2018:56–72)[3]. Его изучение является приоритетной задачей ААЭ МПГУ на протяжении 2003–2021 гг., так как этот слой активно разграбливается мародёрами[4]. Городище занимает господствующую над местностью естественную возвышенность, хорошо защищенную рельефом, на месте бывшей деревни Паша-Салын. Оно укреплено несколькими линиями каменно-земляных оборонительных сооружений. В центральной части объекта возвышается «Цитадель», а по краям – четыре зольника (**рис. 4**). Территория городища террасирована.

Кварталы жилой застройки занимали верхнее и нижнее плато возвышенности и склоны балок. Границы городища чётко выделяются по топографическим ориентирам, с севера, юга и запада они проходят по склонам балок, с востока – за зольниками. Однако и за пределами основной зоны расселения на некрополе выявлен культурный слой античного времени. Фактически, городище размещено на мысу, с севера и юга его защищают обводненные балки с крутыми склонами, с перепадом высот до 10–20 м. В настоящий момент балки сильно заилены и забиты наносами, но все равно труднопреодолимы, особенно в дождливые периоды. В античное время они, несомненно, были заметно глубже и представляли собой серьезную преграду для штурмующего противника. На юго-западе поселения, где балки соединяются, в запруженной котловине располагалось в древности водохранилище, округлое в плане, диаметром около 100 м, глубиной до 2,50–3,20 м. Плотные водонепроницаемые грунты, подстилающие его дно, способствовали накоплению и сохранению воды, а большое количество родников, расположенных в балках, обеспечивали проточный режим этого водоема. Родники не пересыхали и давали вплоть до середины 50–х гг. XX века большое количество питьевой воды. Удобный подход к городищу имелся только с востока, со стороны некрополя, где располагались три больших зольника. Между зольниками №№ 1–2 проходила древняя дорога, шириной не более четырех метров. Четвертый зольник располагался особо, выше водоема, западнее от городища.

История изучения городища Артезиан. В 1986 г. сотрудниками ВКАЭ ИА АН СССР под руководством к. и. н. А. А. Масленникова проведена первая шурфовка центральной возвышенной части городища. Систематические раскопочные работы выполнялись под руководством автора с 1988 г. сначала Артезианским отрядом ВКАЭ, а с 1994 г. – ААЭ[5]. На раскопах I–IV были выявлены слои и спряженные с ними строительные остатки античного и средневекового времени[6]. В целом облик материальной культуры городища Артезиан в период VI в. до н. э. – IV в. н. э. – античный, греческий, варварское же влияние проявляется незначительно. Ранние слои были срезаны в римский период. Сохранившиеся античные напластования состояли из трёх основных хронологических горизонтов:

1. 370–265/–235 гг. до н. э.[7];

2. середины I в. до н. э.– I в. н. э.– начала II в. н. э.;

3. начала II – III– IV в. вв. н. э.

На раскопе I были раскопаны кварталы плотной античной застройки и северо-восточный угол поздней цитадели; на раскопе II – «казарменные» постройки времени Митридата Евпатора, погибшие во время землетрясения 63 г. до н. э., а также многочисленные хозяйственные и жилищные комплексы первых веков нашей эры. На раскопе III доследовались преимущественно оборонительные сооружения и десять помещений ранней цитадели, погибшей в 46/47 г. в начальной фазе боспоро-римской войны 44/34–49 гг.; двор, внутренние помещения и башня 2 поздней цитадели второй половины I в. н.э. – III в. н.э. На раскопе IV открыты остатки хозяйственно-жилой застройки первых веков нашей эры. Сохранность открытых античных и средневековых строительных остатков памятника чрезвычайно плохая, отдельные непотревоженные перекопами участки незначительной площади выявлены только на дне раскопов.

Городище «Артезиан» является эталонным стратиграфическим объектом для изучения крепостей царской хоры Боспора первых веков нашей эры. Городище контролировало «царскую» дорогу вдоль северного склона Артезианского урочища – от Азовского моря к Пантикапею и собственно урочище – значительную по площади естественную локально-территориальную хозяйственную зону Боспора. Важное стратегическое значение этого поселения было несомненным.

Центральное положение Артезиана обеспечивало его доминанту над другими поселениями урочища в торговом, сырьевом, ремесленном и оборонном значениях. Этот населенный пункт был удобен для сбора налогов или контроля за поселениями указанной территории, так как находился на равновеликом удалении от морского побережья и ведущих укрепленных поселений соседних территориально-хозяйственных зон. Следует полагать, что, здесь могли постоянно или временно (в момент сбора урожая) размещаться пре-дставители государственной администрации и какой-то военный контингент. Судя по богатым находкам, здесь находились весьма обеспеченные люди, занимавшиеся профессионально торговлей,

собирающие и реализующие излишки сельскохозяйственной и ремесленной продукции населения урочища. Среди них выделялась управленческая верхушка, имевшая большие доходы, высокий социальный статус, вероятно, входившая в управленческую верхушку государства.

Вполне допустимо, что на месте городища располагалась древняя Пароста (Parosta, ?), упомянутая римским автором Плинием и выдающимся греческим географом Клавдием Птолемеем[8]. Название Пароста в переводе с древнеиранского означает как «стоящая впереди», а с индоарийского как «расположенная у устья, у гавани». Действительно, этот пункт был передовым форпостом в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа.

В прямой видимости от городища находятся высоты, на которых в древности располагались укрепленные поселения, входившие в единую оборонительную систему Боспорского царства (Ново-Отрадненское, Либкнехтовское, Багерово-Северное и др.). С цитадели городища хорошо просматриваются побережье Казантипского залива с доминирующим над местностью городищем Ново-Отрадное, устье реки Аджиэль, а также полуостров Казантип.

Городище на протяжении своей многовековой истории неоднократно горело и разрушалось по причине варварских штурмов и мощных землетрясений, но всегда восстанавливалось. Благодаря раскопочным работам последних трёх лет, было установлено три этапа функционирования оборонительных его сооружений. На первом этапе – появилась так называемая «цитадель «0», время бытования которой связано со строительной деятельностью архитекторов и строителей времени Митридата Евпатора Диониса – на рубеже II–I вв. до н. э. Крепость этого периода погибла, как и все синхронные постройки городища, в результате мощнейшего землетрясения 63 г. до н. э.

Квартал регулярной застройки II–I вв. до н. э. с фундаментами и траншеями выборок стен монументального здания со стандартными прямоугольными и квадратными помещениями, возможно, входившими в комплекс построек северной части дворца Митридата Евпатора Диониса, раскопан в 2020 г. в юго-западной части раскопа I на

площади около 300 кв. м. Его южная часть была вскрыта в 1993–2007 гг. на южном раскопе II. Бутово-глинистые фундаменты стен помещений имели ширину до 1,10 м, на которых были возведены кладки, толщиной до 0,90 м, сложенные по «шахматной» системе. Здания имели черепичную кровлю из массивных соленов и желобчатых калиптеров местного производства[9].

Камень, выбранный из руин построек и дворца (цитадели «О») впоследствии, послужил основной для возведения более поздних античных оборонительных сооружений: ранней и поздней цитаделей. Ранняя цитадель имела с южной стороны полукруглый бастион и три северных прямоугольных башни. Северо-западная башня выступала за линию стены, две других, центральная и северо-западная, расположенные близко друг другу, по линии стены, могли контролировать основной проезд в крепость. Ранняя цитадель была уничтожена в 46/47 г. союзными войсками римлян и Котиса I во время боспоро-римской войны 44/45–49 гг. Поздняя цитадель, построенная поверх её остатков при Котисе I и перестроенная при Савромате I, оказалась разрушенной мощным землетрясением в хронологическом диапазоне между 255–275 гг.

На поверхности некоторых квадров в кладках ранней и поздней цитаделей, бывших во вторичном использовании, остались следы белого двухслойного известкового раствора, толщиной до 0,05 м. Это были остатки декоративной штукатурки, раскрашенной в древности в разные цвета, заметно отличной по структуре от хорошо известной облицовки давильных платформ и резервуаров разобранных античных виноделен. Скорее всего, квадры со штукатуркой, среди которых встречались и угловые блоки, являлись элементами какого-то храма или большого общественного здания, возможно, царского дворца. Не случайным в этой связи представляются найденные ранее в строительной траншее 194 обломки архитектурных деталей от карнизов и антаблементов из плотного бело-серого мшанкового известняка. Подобные оббитые блоки от угловых фасадов карниза и их фрагменты выявлены в 2019 г. в конструкции вымостки 5 и на дне синхронной ямы 612. Они синхронны многочисленным деталям дорического и ионического ордеров, обнаруженным в предшествующие годы на раскопах II и III. Интересны три барабана дорических(?)

колонн, облицованных агломератовой бело-серой штукатуркой, с вырубами под пироны на торцах. Первый фрагментированный барабан из раскопок 2019 г. находился в забутовке ямы 599 первого века нашей эры, которая прорезала вымостку 5. Два других отменной сохранности раскопаны в 2020 г. в фундаменте угловой северо-западной башни 4 поздней цитадели, где они применялись в качестве обычного строительного материала.

В процессе изучения памятника обнаружены крепостные и жилые сооружения, уникальные артефакты, надписи, сотни граффити и дипинти, терракотовых фигурок, тысячи монет, многочисленные жилые, хозяйственные и производственные комплексы, а также – реперные для боспорской истории слои пожара периода боспороримской войны 46/47 г.

Нумизматические материалы выступают главными хронологическими индикаторами слоя пожара городища Артезиан, ранняя цитадель которого и прилегающие кварталы погибли в начале боспороримской войны 45–49 гг. н.э. Эта катастрофа связана с ожесточенной борьбой за боспорскую корону детей великого царя царей Аспурга и Динамии – законного царя Митридата III и его брата Котиса I, узурпатора и римского ставленника. Защитники крепости погибли вместе с семьями, их останки сгорели. Сочетание исторического контекста, разнообразие и сравнительно хорошая сохранность находок выделили этот памятник среди прочих объектов археологического исследования в Восточном Крыму. В 2009 г. и 2013 г. найдены шкатулки и ларцы с боспорскими монетами конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., золотыми, серебряными, бронзовыми ювелирными изделиями и бусами; кошельки с боспорской медью; кистофоры римской провинции Азия; сотни монет Агриппии, Кесарии, Аспурга, Гепепирии, Митридата III. Среди важнейших находок последних лет – десять золотых статеров Аспурга и Митридата III (**рис. 5**). Уникальный статер Митридата 343 г. боспорской эры (46/47 г. н.э.) и археологический контекст слоя пожара позволяют датировать гибель крепости либо осенью 46 г. н.э., либо концом лета – осенью 47 г. н. э. При сходных драматических обстоятельствах и, похоже, в одно время погибли расположенные поблизости от городища Артезиан другие населенные пункты, среди которых были и хорошо укрепленные крепости. Дата

катастрофы свидетельствует о том, что Артезиан и другие форпосты Митридата III, где были обнаружены синхронные слои разрушений, оказывали сопротивление Котису I и римлянам в течение года или, скорее всего, двух лет после захвата теми столицы и центральных городов Боспора (*Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю.* 2012:93–146).

Хозяйственные и жилые здания городища имели правильную планировку. Они группировались в кварталы, вытянутые вдоль вымощенных улиц, повторявших очертания террас. Стены построек, сложенные на каменном цоколе из сырцовых кирпичей, покрывала штукатурка, а крыши имели черепичные кровли. Вода и стоки отводились с территории жилой застройки городища. Отдельные постройки включали мраморные и известняковые ордерные архитектурные детали. Их находки исключительно редки для синхронных поселений степной зоны Европейского Боспора, что является очередным свидетельством неординарного характера застройки центральной части городища Артезиан. Внутри крепостных стен поселения могли находиться здания культового, общественного или представительского назначения (*Винокуров Н. И.*, 2004:78–88; 2018:89–99; *Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В.*, 2014:134–162; *Винокуров Н.И., Крыкин С. М.*, 2019:56–92). Для царской резиденции наличие построек с дорогостоящими ордерными элементами не должно вызывать большое удивление. Это показывает определенное внимание царской администрации к статусному архитектурному зодчеству в значимых для государства населенных пунктах, сравнительно отдаленных от центра. Все это в сочетании с разнообразными и богатыми находками свидетельствует о достаточно высоком уровне жизни обитателей этого населенного пункта.

Для хозяйственно-жилых построек характерно использование вместимых зернохранилищ – грунтовых ям грушевидной или цилиндрической формы, с выложенной камнем горловиной и герметичной крышкой. Они имели глубину до 3–6 метров и диаметр в придонной части до 2,5–3,5 м. Большие объемы ям свидетельствуют, по всей видимости, о том, что хлебопроизводство было доминирующей отраслью хозяйства, хотя жители занимались и виноделием. Здесь найдено четыре винодельни с цистернами для сбора выдавленного

сока, мощными прессами и полуподвальными винохранилищами с вкопанными на различную глубину огромными глиняными сосудами для хранения и приготовления вина – пифосами. Значимую роль играли также скотоводство и птицеводство. Кроме того, жители поселения занимались гончарным, ткацким, меде-и железоплавильными, стеклоделательным ремеслами, строительством, охотой и рыбной ловлей.

Северо-восточный некрополь городища, площадью более 15 га, исследовался в период с 2000–2007 гг., 2019 г. Раскопанная площадь некрополя – более 3600 кв. м. Найдено около трёхсот гробниц, среди них восемь монументальных каменных склепов I–II вв. н.э. Основные его материалы, аккумулированные в научных Отчётах ААЭ, уже полностью опубликованы и введены в научный оборот (*Винокуров Н.И.,* 2015). Погребальный обряд некрополя Артезиан, сочетавший элементы преимущественно греческого и отчасти варварского происхождения, сходен с синхронными боспорскими могильниками, открытыми в Крымском Приазовье, например, в районе современных поселков Ново-Отрадное и Золотое. Преимущественно греческий (боспорский) облик материальной и духовной культуры населения городища не вызывает сомнений, хотя намеренные прижизненные деформации на отдельных черепах взрослых заставляют думать о его смешанном этническом составе. Полиэтническое происхождение местного населения при сходстве материальной культуры вполне очевидно.

Бурный рост населения и крепостей, активная сельскохозяйственная деятельность, неумеренная вырубка леса приводили в античное время к деградации естественных ландшафтов. Этот процесс продолжался почти двенадцать столетий – до гибели Боспорского государства. Немаловажное значение имели для разрушения местной экосистемы выпас скота, особенно коз и овец, выжигание травы и подроста, рубка деревьев, добыча строительных материалов (камня, песка и глины)[10]. Возможно, ухудшение экологической ситуации, землетрясения, уменьшение водных ресурсов, да и военные потрясения, связанные с постепенным затуханием боспорской государственности в период IV–VI вв. до н. э., вызвали заметное сокращение населения в урочище. Многие цветущие ранее поселения забрасываются и ста-

новятся естественной каменоломней для добытчиков обработанного камня. На древних некрополях орудовали грабители, активность которых особенно возросла, когда здесь появились подданные Хазарского каганата – носители восточно-крымского ареала «салтово-маяцкой» культуры VIII–X вв. н. э. Пришельцы – осевшие на землю скотоводы – в основном занимались привычным для них делом – скотоводством. Впрочем, охота и рыбалка, земледельческая и ремесленная деятельность были им не чужды. Возможно, они освоили также виноградарство и виноделие. Обращает на себя внимание также деятельность по добыче камня из античных кладок, распиловка его на месте, и, видимо, последующая продажа. Именно в это время были выбраны основные кладки из крепостных и подпорных стен городища Артезиан, основательно разграблен его некрополь.

Находки и строительные остатки средневекового периода позволяют представить материальный облик крупных и мелких поселений «салтовцев» (хазар?, алан?), в которых находились как крупные блокированные постройки из нескольких помещений, так и небольшие саманные домики на каменном цоколе, округлые в плане полуземлянки и кочевые юрты, от которых сохранились только круговые обкладки камней, добытые из античных развалин. Раскопаны остатки производственно-хозяйственных, ремесленных и жилых комплексов, хозяйственные ямы и котлованы. Рядом с поселениями были поля и многочисленные загоны для скота, выстроенные из вертикально установленных плит. В настоящий момент на территории заброшенных античных городищ найдены следы религиозных ритуалов, связанных с жертвоприношениями людей и животных.

В урочище Артезиан поставлены на госучет в 2019–2020 гг. усилиями сотрудников ААЭ десятки курганов эпохи бронзы, несколько эллинистических и средневековых поселений, включая найденные в ходе разведок ААЭ 2017–2018 гг.[11] Полевые работы на городище Артезиан оказались весьма продуктивными. На исследованной территории раскопов I и III зафиксирован культурный слой и сопряженные с ними строительные остатки античного времени: насыпи террас и подпорные стены рубежа нашей эры, фортификационные сооружения I–III вв., постройки с помещениями культового

и хозяйственного назначения первых веков нашей эры, хозяйственные ямы и ямы из-под вкопанных сосудов I–IV вв., мусорные золистые сбросы средневекового времени.

Раскопки позволили уточнить стратиграфию культурных отложений первых веков нашей эры городища Артезиан, определили конструктивные особенности восточной крепостной стены Цитадели, расширили наши представления о характере застройки городища в первые века нашей эры, установили хронологию строительных комплексов этого периода. Уникальным моментом следует признать обнаружение клада из восьми палеолитических орудий (рубил, скрёбел, остроконечников) эпохи ашель под античными напластованиями раскопа I.

Археологические изыскания, проведенные в 2020 г., позволяют сделать ряд выводов:

1. Выявленные на исследованном участке полуподвал 8, синхронный доследованным в 2014 г. полуподвалам 1–4, фортификационные сооружения, полуподвал 5, а также культурный слой, изученный в восточной части раскопа III, относятся к наиболее интенсивному периоду жизни на памятнике – I–III вв. н.э.

2. Наличие остатков подпорных стен террас, открытых на восточной прирезке раскопа III, свидетельствуют, что началу фортификационных работ по возведению ранней цитадели городища Артезиан предшествовало в I в. до н. э. – рубеже нашей эры террасирование восточной части склона возвышенности.

3. Исследование центральной части городища еще далеко от завершения, тем не менее, полученные археологические комплексы закрытых находок, дают новые данные о структуре, хронологии, периодизации памятника, его предназначении и функции в историческом прошлом Европейского Боспора. Нет никаких сомнений в том, что городище являлось на протяжении нескольких веков резиденцией должностных лиц боспорских государей и выполняло важные задачи по обеспечению обороны и экономического благополучия царского домена в урочище Артезиан.

Скорейшее доследование остатков ранней и поздней цитадели позволит приступить к её музеефикации и реконструкции. Работы текущего полевого сезона показали перспективность ведения раскопок

широкими площадями на территории городища и его некрополя.

Целью работ 2021 г. будет доследование до материка вскрытых участок раскопа III на городище Артезиан, прежде всего продолжение изучения насыпи ранних террас, оборонительного рва городища, проведение раскопочных работ на некрополе городища, а также продолжение исследования строительных остатков на раскопе II в южной части городища.

[1] Исключительно интересными с научной точки зрения являлись «скорченное» захоронение подростка в каменном ящике развитого этапа кеми-обинской культуры середины III тыс. до н. э., парное захоронение мужчины и молодой женщины эпохи срубной культуры конца среднего бронзового-позднего бронзового века. Последнее захоронение отличалось необычными пропорциями могильной ямы, вытянутой позой костяков и окрашенностью их костей в синий цвет. Совершенно незаурядной стала находка антропоморфного известнякового изваяния, некогда стоявшего на насыпи кургана эпохи энеолита-ранней бронзы (XXIV–XXIII вв. до н. э.). Длина стелы достигала 2,10 м, ширина – 0,54–0,64 м, при толщине 0,27 м. На лицевой стороне изваяния вырезаны 16 чашевидных углублений; а также схематичные изображение гривны или ожерелья и боевой секиры на длинной рукояти (*Винокуров Н. И.*, 2012).

[2] В Восточном Крыму и на сопредельных территориях выделяются греческая, фракийская, балтийская, иранская топонимии античного периода. Имеется ряд неизвестных по происхождению названий, преимущественно городов внутренней Таврики, которые естественно увязываются с таврами как автохтонным населением (часть доскифского киммерийского населения) полуострова в целом и могут быть объяснены на основе индоиранской (санскритской) лексики. Ряд названий связан с понятием «вершина, убежище, укрепленное место», характерными для расположения таврских поселений.

[3] Насыщенность слоя пожара обломками терракотовых фигурок, боспорскими и римскими монетами, остатками оружия, ювелирных украшений, бытовой утвари и различных сакральных предметов делает этот памятник эталонным для изучения истории и хронологии Европейского Боспора. Открытие слоя времени боспоро-римской войны является столь значительным, что ставит античное городище Артезиан в ряд наиболее важных памятников в Крымском Приазовье, достойных музеефикации.

[4] Слой пожара, мощностью до 1,20–2,40 м, существенно пострадал а результате варварского разграбления 2007–2017 гг. При этом были уничтожены культурные напластования на площади более 1400 кв. м, подкопаны и частично обрушены

борта и кладки античных построек.

[5] В 1989 г. была выполнена А.В. Токаревым первая топосъемка городища и прилегающих к нему территорий. Для исследования городища были размечены в 1989–1991 гг. два раскопа: раскоп I, расположенный на верхнем плато возвышенности, севернее цитадели, площадью 2720 кв. м; раскоп II – на южном склоне возвышенности, южнее цитадели, площадью 1900 кв. м. В 2002 г. была сделана вторая сводная топографическая съемка городища и некрополя Артезиан, а на акрополе городища – в юго-западной части цитадели – размечен раскоп III площадью 400 кв. м, увеличенный прирезками в 2005–2015 гг. до 2155 кв. м. В 2017 г. была выполнена подробная топографическая съёмка 141 га территории урочища Артезиан вокруг городища и некрополя Артезиан, которая проводились компанией «Кредо-диалог» при участии привлеченных специалистов и студентов-практикантов во главе с А. П. Пигиным. Съёмка выполнена в системе координат СК63 на всей территории памятника, единая для некрополя и городища, выполнена очень подробно с использованием современных технологий.

[6] В результате проведённых археологических работ ААЭ на городище Артезиан в период 1989–2019 гг. исследовались площади в размере 6805 м2: 2720 м2 – на раскопе I (северная часть городища), 1900 м2 – на раскопе II (южная окраинная часть), 2155 м2 – на раскопе III (центральная часть), 30 м2 – на раскопе IV (юго-западная часть). До материка исследовано на раскопе I – 2300 м2, на раскопе II – 600 м2, на раскопе III – около 1496 м2 при толщине культурного слоя от 1,20 до 5,80 м. В 2010–2016 гг. удалось соединить в единую площадь раскоп I и раскоп III, что облегчило привязку друг другу выявленных здесь разновременных археологических объектов и культурных напластований.

[7] Последние датировки получены на основании определения клейм на амфорах и боспорской черепице, проведённые А. Б. Колесниковым в 2010–2020 гг.

8 *Ptol.*, III. 6. 5. См. *Зубарев В. Г., Масленников А. А., 1987: 44. Позднее А. А. Масленников* (1998:125) ассоциирует Паросту либо с Артезианом, либо с Либкнехтовкой, а *В. Г. Зубарев* (2005) – с городищем Багерово-Северное.

[9] Возможно, именно к этому зданию относилась обширная по площади вымостка 5, сооруженная между двумя подпорными стенами 216 и 217, ориентированных по линии запад-восток. Она находилась севернее ранней цитадели и раскопана в 2019 г. Кладки 216 и 217 сложены из квадров и бута по «шахматной» постелистой тычковой схеме на глиняном растворе. Южнее располагалась синхронная вымостка 6, примыкавшая к полуподвалу 4. Она была связана с серией глубоких ям, выполнявших функцию зернохранилищ. Этот участок использовался и до сооружения вымосток для выкапывания хозяйственных ям. Камни вымосток в нескольких местах просели в засыпанные более ранние ямы. Одна из них

была раскопана в 2019 г. , другая – в 2020 г. Среди находок в ямном заполнении выделялись фрагменты позднегераклейских амфор типа С-Ia, которые могут служить реперными хронологическими находками для данных объектов (*Внуков С. Ю.*, 2013: 21–54).

[10] Древесная растительность постепенно отступала в глубинные районы урочища, в балки, лощины, на крутые склоны и в другие труднодоступные для человека места, хотя и туда, возможно, приходили люди, вырубая последние остатки деревьев и кустарников. Подтверждением чему служит постепенное доминирование костей диких степных животных над лесными в культурных напластованиях античных поселений и обмеление реки, что потребовало в первые века нашей эры задерживать воду в искусственных водохранилищах, создавая плотины, перегораживающие балки урочища.

[11] В 2017–2018 гг. в связи с карьерными разработками были проведены научные разведки (Н.И. Винокуров) и хоздоговорные разведки (А. В. Зинько), а также – раскопки трёх курганов эпохи энеолита-бронзы (С. Г. Колтухов). Они выполнялись в непосредственной близости от городища Артезиан на территории его юго-западного некрополя, где обнаружены гробницы эллинистического времени и рубежа нашей эры, а также средневековые грунтовые захоронения (*Винокуров Н.И.*, 2018:229–230; 2019, с 116–124; *Кропотов В.В., Колтухов С.Г.,* 2019:327–330). К большому сожалению, работы крымских исследователей проводились с многочисленными методическими и законодательными нарушениями, включая работу без соответствующего Открытого листа. Грунтовый некрополь вскрывался бульдозерами. Работы проводились в спешке, крайне небрежно. При этом часть античных гробниц была снесена без должного исследования. В результате, опасаясь признавать работу на территории юго-западного некрополя городища Артезиан, они открыли «новый» некрополь, не «заметив» собственно городища Артезиан, бывшего в 200 м северо-восточнее (*Кропотов В.В., Колтухов С.Г.*, 2019:327–330). Подобные действия, конечно, недопустимы, но должной правовой оценки не получили, хотя соответствующие письма от руководства Восточно-Крымского историко-культурного заповедника и Артезианской археологической экспедиции были своевременно направлены во все необходимые инстанции. Вскрытый землеройной техникой участок юго-западного некрополя городища, где работали местные археологи в 2017–2018 гг., до сих пор не рекультивирован и не доследован.

Литература

Абрамзон, М. Г., Винокуров, Н. И., Трейстер, М. Ю., **2012** Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан – ВДИ, 3, 93–146

Арсеньева Т. М., **1961** Раскопки у дер. Ново-Отрадное в 1959 г.– *КСИА*, 86

Арсеньева Т. М., **1963** Раскопки некрополя у дер. Ново-Отрадное – *СА*, 1,

Арсеньева Т. М., 1970 Могильник у дер. Ново-Отрадное.– *МИА*, 155

Винокуров Н. И., 1998 *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. Москва

Винокуров Н. И., 2004 Практика человеческих жертвоприно-шений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) – *OPUS: Междис-циплинарные исследования в археологии*, 3, 78–88

Винокуров Н. И., 2008 Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памят-никах античной археологии в Крымском Приазовье. – IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 67–77

Винокуров Н. И., 2009 Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье.– *PARA BELLUM*. 31, 9–16

Винокуров Н. И., 2010а Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.).– ΣΥΜΒΟΛΑ. *Античный мир Северного Причерно-морья.* Новейшие открытия и находки – А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.), I, 38–44, Москва–Киев

Винокуров Н. И., 2010б Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году – *ДБ*, 14, 46–65, Москва

Винокуров Н. И., 2012 Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген: Lap Lambert academic publishing. 680 с.

Винокуров Н. И., **2014** Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) – *Серия: Боспорские исследования*. Supplementum 12. Симферополь–Керчь. 680 с.

Винокуров Н. И., **2015** Винокуров Н.И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье.- *OLBIO. In Memoriam V.V. Krapivina – АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ* – Наукова серія з проблем археології та давньої історі. 1(14), 271–294. Київ.

Винокуров Н. И., 2018 Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49

гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму – *ДБ*, 22, 56–72. Москва
Винокуров Н. И., 2018 Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье.– *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации* – Материалы научной конференции, XIX, 89–99. Симферополь-Керчь
Винокуров Н. И., Крыкин С. М. 2016 Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. – *Вестник Московского Городского Педагогического Университета,* 2 (22), 64–73.
Винокуров Н. И., Крыкин С. М., 2017 Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э – *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4 (2017), 170–194. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
Винокуров Н. И., Крыкин С. М., 2019 Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное – *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2019, 4, 56–92. Магнитогорск
Винокуров Н. И., Куштан Д. П., 2013 Первобытные памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье (по материалам Восточно-Крымской и Артезианской археологических экспедиций) – *ДБ,* 17, 202–215
Внуков С. Ю., 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе – Древности Боспора, 17, 21–54. Москва
Гарбузов Г. П., 2020 Особенности распределения памятников эпохи поздней бронзы на Таманском полуострове.– *Сборник матери-алов XV Всероссийской археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону Таганрог, 80–88
Зубарев В. Г. 2005 *Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции*. Москва
Зубарев В. Г., Масленников А. А. 1987 Историческая география Восточного Крыма по Клавдию Птолемею – *СА,* 3, 40–44
Иванов А. В., Сударев Н. И., 2018 Арифарн - царь фракийцев? – *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира.* Материалы международной научной конференции, 2, 48–55 – Санкт-Петербург
Кияшко А. В., 2020 К вопросу о заселении Таманского полуострова в эпоху бронзы в свете новых археологических открытий.- *Сборник материалов XV Всероссийской археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону Таганрог, 89–97
Кияшко А.В., Сударев Н.И., 2018 К вопросу об этнокультурной

принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове.– *XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации*. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 212–217

Корпусова В. Н., **1983** *Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора)*. Киев

Корпусова В. Н., Орлов Р. С., 1978 Могильник VI–IV вв. до н. э. на Керченском полуострове.– *Археологія*, № 28

Кропотов В.В., Колтухов С.Г., **2019** Новый некрополь антич-ного времени в Крымском Приазовье.– *Боспор Киммерийский и вар-варский мир в период античности и средневековья*. Основные итоги и перспективы исследований, XX, 327–330. Симферополь-Керчь

Кругликова И. Т., **1956** Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря – *СА*, XXV, 236–260

Кругликова И. Т., **1960** Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. – *КСИИМК*. Вып. 78, 64–73

Кругликова И. Т., **1966** *Боспор в позднеантичное время*. Москва

Кругликова И. Т., 1975 *Сельское хозяйство Боспора*. Москва

Масленников А. А., 1990 *Население Боспорского царства в первые века н. э.* Москва

Масленников А. А., 1995 Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э. – *Боспорский сборник*, 8. Москва

Масленников А. А., 1998 Эллинская хора на краю Ойкумены (Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху). Москва

Попова Р., 2010 Тракийска култура в Северното Черноморие до III век – *Studia Thracica* 13. София

Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В., 2014 Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) – *ВДИ,* 3, 134–162

Сударев Н. И., 2020 Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы - раннего железного века Таманского полуострова.– *Сборник материалов XV Всероссийской археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону-Таганрог, 68–79

Список сокращений

ААЭ МПГУ – Артезианская археологическая экспедиция Московского государственного педагогического университета, Москва

БИ – Боспорские исследования. Симферополь, Керчь

ВДИ – Вестник древней истории. Москва

ВКАЭ ИА АН СССР – Восточно-Крымская археологическая экспедиция Академии наук СССР, Москва

ДБ – Древности Боспора. Москва

КСИА - Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология. Москва

СА – Советская археология. Москва

Список иллюстраций

Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ, Москва, ул. Малая Пироговская ул., 1/1, Москва, 119435. Тел.: 8 (499) 245-03-10. E-mail: vinokurovn@list.ru

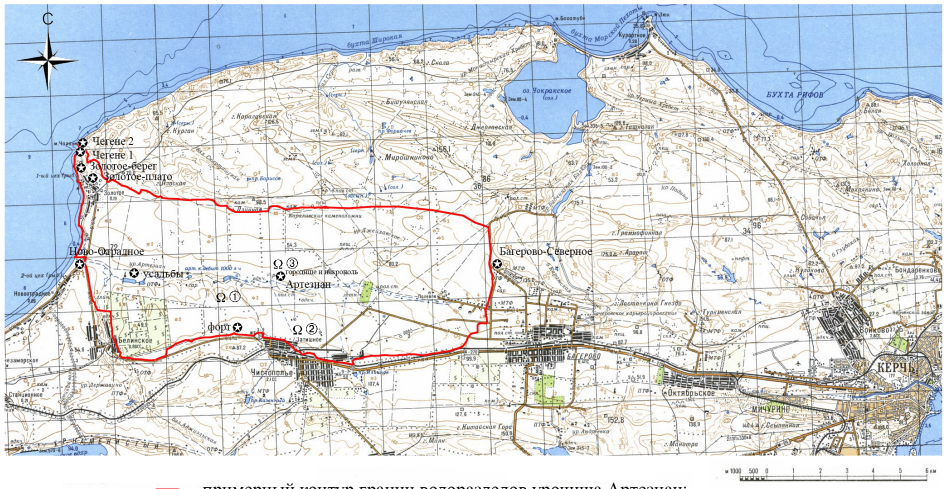

Рис. 1. Памятники урочища Артезиан, исследованные ААЭ 1988-2020 гг.

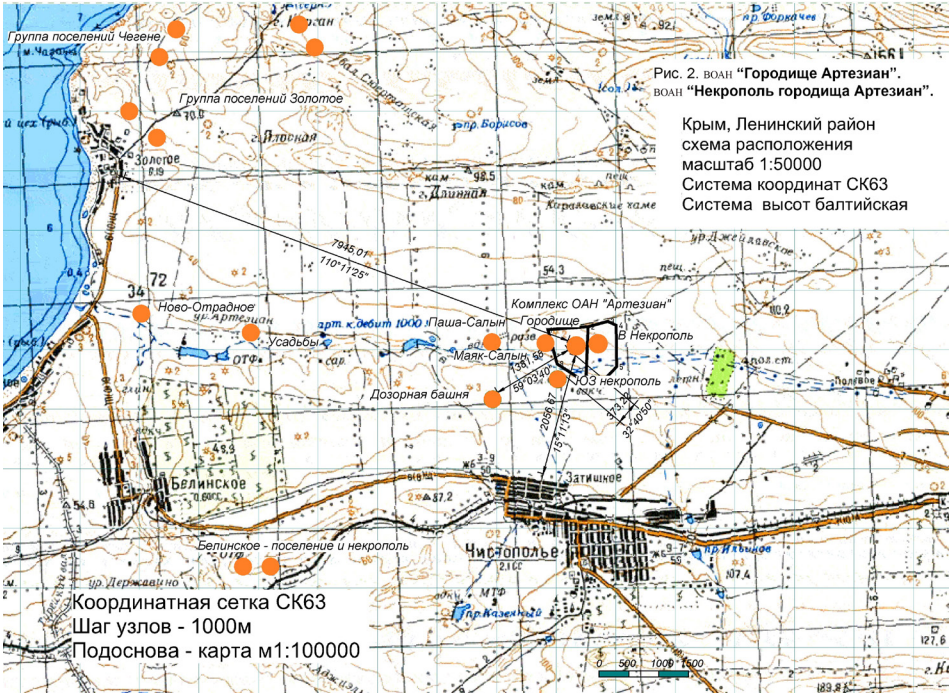

Рис. 2. ВОАН **"Городище Артезиан"**.
ВОАН **"Некрополь городища Артезиан"**.

Рис. 2 *Схема расположения археологических памятников урочища Артезиан* (по А. П. Пигину)

Рис. **3. 1** - *раскоп III*

Рис. 3.1–2 *Общие панорамы раскопов I и III с высоты птичьего полёта до начала работ 2020 и после их завершения. Вид с востока и северо-востока. Городище Артезиан. Ленинский район Республики Крым*

Рис. **3. 2** - *раскоп III*

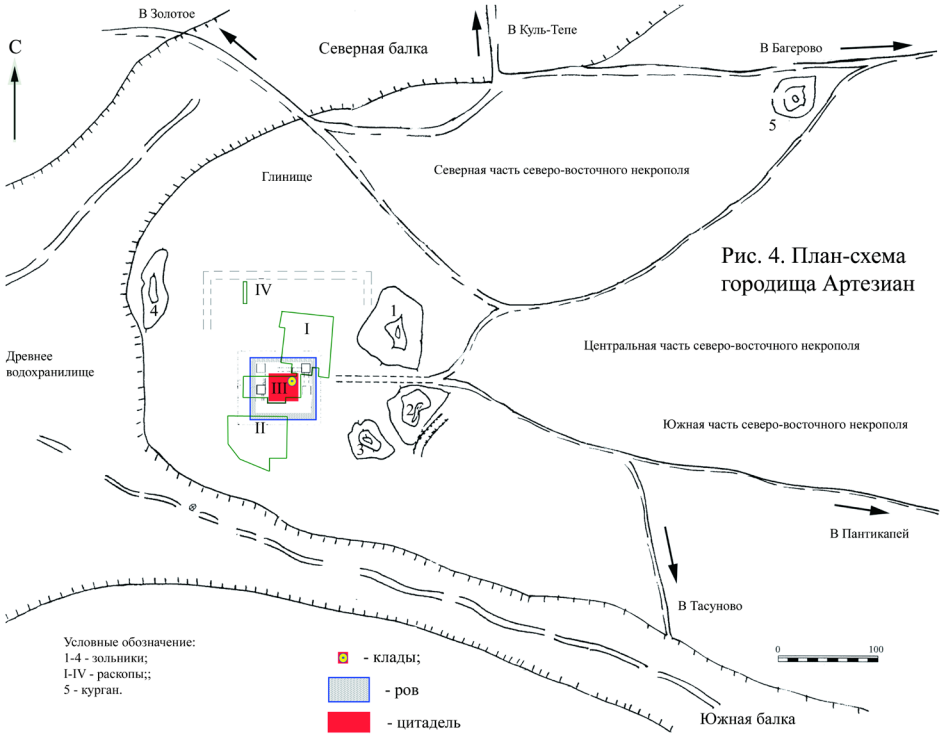

Рис. 4. План-схема городища Артезиан

Рис. 5. *Золотые боспорские монеты из слоя пожара 46/47 г. начального периода боспороримской войны 44/45 гг.*
1-7:Аспург; 8-10 - Митридат III (ПТ)

Рис. 6. *Находки золотых монет и ювелирных украшений в помещении 4 ранней цитадели из слоя пожара 46/47 г. начального периода боспороримской войны 44/45 гг.*

Рис. 7 *Панорама раскопов I-III с высоты птичьего полета после завершения работ 2021 г. Вид с юга. Ближний план. Городище Артезиан, Ленинский район. Республика Крым.*

Thracia Balcanica 1, 2022, 35-76

RITUAL PITS IN THRACE DURING THE IRON AGE — TOPOGRAPHY, CHRONOLOGY, INTERPRETATION

(Preliminary notes)

Petar Balabanov

After the excavations of the Kostadin Cheshma site near the village of Debelt, Burgas region, in the early 1980s (*Балабанов П.*, 1999), a new type of archaeological complexes related to the culture of Ancient Thrace was discussed - pits (from a few to several hundred), in which there are traces of performing various rituals. In the scientific literature, they have been interpreted as "pit sanctuaries" (*Георгиева Г.*, 1991). In the publications this term indicates the idea of a confined terrain, which has received the status of a "sacred place", intended for performing rituals in honor of a deity. It is customary to use the term "temenos" to denote it. From the famous in the ancient world "botros" found in the vicinity of temples and sanctuaries, such as the one in Odessos (*Тончева Г.*, 1974), ritual pits are distinguished both by their formal characteristics and by the fact that they have irrefutable traces of some ritual performed "in situ".

A pit or small groups of pits revealed within flat necropolises, mounds, settlements and other archaeological structures should be added to the same type of complexes. Later, burials with other forms became known, which were also associated with ritual activity. Therefore, the term "negative contexts" was proposed to denote such objects. However, in the already significant array of known monuments of this type, the vast majority of pits, ditches and excavations of different dimensions has a geometrically correct shape, which makes different terms suitable for use, provided that they express accurate information about the specific sites. In this text, the term "pit" will mean an excavation with a close to cylindrical or bell-shaped shape and a flat cut bottom. These are the technical characteristics of more than 90% of the negative contexts accepted as remnants of ancient rites. (**Fig. 1**)

Fig. 1

Only a few years later, concentrations of pits similar to Kostadin Cheshma were studied in different places in our country (*Бонев Ал., Александров Г.*, 1996). Their number increased significantly after the mid-90s of the old and in the first years of the new century. During this period, including at present, along the routes of the new highways and infrastructure facilities, especially in Southern Bulgaria, several dozen similar sites were mostly partially studied. Of particular interest for the subject are the complexes in the area of "Maritsa-Iztok", the site near Karnobat, as well as the one near the village of Malko Tarnovo, Chirpan region (*Tonkova M., Savatinov S.,* 2001; *Тонкова М.*, 2008; *Христова Р.*, 2009; *Тонкова М*., 2010; *Божкова А*., 2010). The presence of similar pits and ritual negative complexes in some mounds (*Агре Д.,* 2001; *Дичев Д.*, 2014) and in the periphery of significant settlements (*Колева Б*., 1997; *Делев П., Божкова А.,и кол.,* 2002) also became known.

The chronological framework of this type of ritual contexts has sig-nificantly expanded. Recent observations date the beginning of the tradition to the late Neolithic (*Николов В.*, 2012). Attempts to interpret negative contexts as containing remains of ritual activity have also been made for Chalcolithic complexes (*Чернаков Д.,* 2010). Similar objects are common in the Early Bronze Age (*Kostova Kr.,* 2003; *Христов М*.,2007; *Райчева М., Алексиев А.*, 2020). Among their most characteristic features is the lack of clear preferences for the shapes of negative complexes and

their size, as well as the relatively frequent use of fire burning on the spot. According to the publications, the ritual pits discovered in Bulgaria from the time before the Early Iron Age have separate formal analogies with some of those dated to the middle and second half of the 1st millennium BC. This does not at all mean that we can equate the meaning and functions of ritual practices, separated by a several centuries hiatus (*Нехризов Г.,* 2006). Formal analogies rather suggest that we are talking about a generally accepted way of performing the same type of actions to provoke a reaction in the intangible world, rather than a specific cult.

The lower chronological boundary of the phenomenon has also been significantly "rejuvenated" recently. The findings of recent years give us reason to talk expressly about rituals performed in pits during the first centuries of our era (*Георгиева Р.,* 2000; *Торбатов С.*, 2004; *Торбатов С.*, 2007; *Върбанов В*., 2008). Separate even later finds of this kind cannot yet be interpreted with sufficient certainty - whether they are late reminiscences of local traditions or customs introduced by new ethnic groups in the course of migration movements in late antiquity and the early Middle Ages.

Meanwhile, archaeological complexes with similar characteristics became known from the territories of Bulgaria's neighboring countries on the Balkan Peninsula (*Căpetanu V.*, 1993; *Sîrbu V., Clocea E., Damian P.*, 1992; *Sîrbu V.*, 1993; 2006; *Volkotopoulou J.*, 1996), as well as Ukraine (*Новиченкова Н.*, 1993) and Southern Russia (*Фролова Н., Савостина А*., 1998). Thus, the territory of their distribution increased significantly beyond the borders of Ancient Thrace and covered the Eastern Carpathians and the Northern Black Sea Coast. Unfortunately, the publications of the individual monuments are not always detailed and precise enough for their preliminary interpretation to be accepted unreservedly. On the other hand, a number of monuments, especially from older studies, are suspected to have even contained remnants of ritual activities. On the other hand, mainly according to older studies a number of monuments are suspected to have contained remnants of ritual activities. Recently this has given rise to serious discussions - both about the interpretation of each individual site and about how to deal with complexes of this type of in general. Recently, a number of researchers have refused an unambiguous interpretation of the sites where such negative contexts are found, arguing that there are no sufficiently indisputable grounds to define them as ritualistic (*Попов Хр.,*

Василева Д., Дянкова Г., 2007). The search for an imperative argument to guarantee the objectivity of the interpretation can only be welcomed, but it protects us from errors only in the analysis of specific sites. There are plenty of cases in which indisputable traces of rites in negative complexes with similar formal characteristics have been documented. We can now be certain that it is wrong to declare a priori all of the negative complexes in Ancient Thrace as ritualistic, but also it is not acceptable to deny the existence of the negative ritual complexes in general. The strongest argument against the ultimate denial of them are the well-known numerous re-ferences in different ancient and antique texts about the performing of such practices (*Hom.,* Od., XI.; *Apoll. Rhod*., Arg., X, 1020-1080; *Ovid.*, Met., VII, 234-267; *Попко М.*, 1983; *Конова Л.*, 2007).

Among the reasons for the discrepancy in the assessments and opinions of the specialists for the specific sites are to some extent the unjustified to date attempts to offer a universal unambiguous interpretation of the ritual actions performed in them (*Георгиева Р.,* 1991; *Паунов Е.,* 1998; *Георгиева Р.*, 1999; *Конова Л.*, 2007). A significant disadvantage of the publications on the topic so far is the use of only a small part of the known sites, finds and written sources to substantiate the theses. The main hypotheses expressed by the cited authors suggest that rituals performed in negative contexts be linked to the rites specific to the cults of Artemis Phosphoros (the Thracian version of the Asia Minor goddess Hecate), Dionysus, the Mother Goddess and the chthonic deities. Today the acceptance of pit (or negative) contexts as remains of rites associated with only one cult or deity or even only with certain religious notions can hardly be proven with certainty, given their extreme diversity. This would mean to assume that the same religious understandings, which wee accompanied by the same (or very similar) ritual practices, existed in the territory of the Eastern Balkans, in the Carpathian region and in the Northern Black Sea coastal region during the Iron Age - something which has never been a historical reality.

The enormous territorial scope and no less significant chronological range of the positioning of negative ritual contexts become decisive proof that a universal interpretation can hardly be proposed for the phenomenon. Our understanding of the reasons for the appearance and the real purpose of specific sited at the moment cannot find a solid enough argumentation,

if it is sought mainly in the technical analogies of forms, remains of rituals or materials used, between sites located too far in time and space, as well as with attempts to view all such objects through the prism of a single quotation from an ancient text.

One way to overcome this hurdle is to proceed to a broader and more precise analysis of the documented archaeological realia. Thus, sites with sufficiently similar characteristics could be grouped in clusters. At a later stage, on the basis of the specified systematics, it will be possible to look for the directions and forms of cultural and religious influences, the variants of realization of similar rituals, as well as the development of this type of rites throughout time.

Due to the huge number of currently known ritual contexts from the territory of Ancient Thrace, here we will limit ourselves to an overview of the sites relating mainly to the period VII - III century BC. This is the time of their widest spread throughout the country and the documentation of the greatest variety of this type of ritual practices.

I.

First of all, we need to make a few clarifications. The collected, already quite significant in volume and quality literature on the religion and the cults in Ancient Thrace is devoted, almost without exception, to the formation and development of the "official" pantheon - deities and cults, professed mostly among the high aristocracy, for which there is indisputable and specific written data. The emphasis in previous publications is on the cults associated with Orpheus, Dionysus, Artemis Phosphoros, the Mother Goddess, Hermes, Bendida, Demeter, the Great Samothracian goddesses and several other names known from ancient literature or epigraphic monuments (the cited publications contain a complete enough bibliography on the topic - *Попов Д.*, 1981; 1982; 1989; *Фол Ал.,* 1986; 1991; 1994). Most experts generally underestimate the fact that in prehistory and antiquity widespread beliefs and rites related not so much to the official pantheons, but rather to local traditions, superstitions and solving problems of everyday life were widespread in broad circles of society. A large part of them were inherited from older epochs and cultures, others - borrowed from neighboring ethnicities, some arose and established themselves for various reasons within relatively narrow ethnic or territorial

boundaries. The fact that religious ideas are in principle dynamic is also underestimated. The same action, performed several centuries apart, could easily have had a qualitatively different religious meaning. The so-called domestic magic rite, without being necessarily connected to the official religious beliefs, often existed quite aloof from them, has been documented in all historical epochs. Its role in people's daily lives has often been no less important than actions related to the practice of "official" religious beliefs and practices. We observe similar "magical" elements in our everyday life as well: wearing Martenitsi, painting eggs, giving sacrificial offerings, variants of Kuker's games, love spells, fortune-telling using coffee, cards, beans; casting a bullet – rites and rituals, originated at different times, for various reasons, which have nothing to do with Christianity nor with any other of the officially practiced religions. Paradoxically, today you cannot find legitimate information about how to tell fortune using coffee, but as an element of everyday life, it is very widespread. A cup of coffee sediment is very difficult to interpret correctly if the researcher does not have the necessary primary information about the reasons that led to its preservation. Unfortunately, the existence in antiquity of such "informal" rites and beliefs to this day has not been posed at all as a problem of research in the field of prehistoric and ancient beliefs and ritual practices.

There are several arguments that give us the right to assume that for the negative ritual complexes in question we should also consider the following option for a possible interpretation. Among the characteristic features of large archaeological sites, which contain several dozen to several hundred pits, is the great variety of documented rituals, both within a single field (*Балабанов П.*, 1999; *Tonkova M., Savatinov S.,* 2001) and in summarizing information from different sites. In practice, the remains of sacrifices of all kinds of wild and domestic animals, including mussels and fish, are already known from such complexes. Whole animal skeletons are found relatively rarely, as a rule, separate parts are placed in the pits: thighs, heads, shoulders or carcasses without limbs. In some cases, only one bone was placed in the pit - for example, an owl's beak, a detail corresponding to the description of the spells performed by Medea in the text of Ovid (*Балабанов П.*,1999:74). Although they were made only in a few cases, the paleoanalysis of the embankments from some pits allowed the determination that a wide range of agricultural products were also placed

in them (*Tonkova M., Savatinov S.,* 2001:124). In separate cases, the placement of seeds or fruits in a whole ceramic pot has been documented. Of interest is the observation that, in addition to the huge number of fragments – apparently deliberately thrown in – whole ceramic vessels, sometimes deliberately fragmented, are known from such complexes. Of interest is the finding in almost all publications the presence of a relatively large number of spindle whorls and loom weights in the inventory of individual contexts. Just as inexplicable at the moment is the apparently conscious placement of one or more fragments of ceramic vessels or other objects that are significantly older than the bulk of the finds in a given context. It is difficult to interpret unambiguously the presence in quite a few pits of building ceramics, fragments of escharae, household items, terracotta, graffiti and coins.

The wide range of possible gifts documented in the ritual pits suggests that the latter were not tied to a single addressee. As a rule, "official" deities such as Apollo, Ares, Demeter, Hecate, were worshiped by sacrificing certain kinds of animals or offerings of certain types of plants and their fruits. The composition of the gifts in these cases was related to the main ideas of their cult and its arbitrary "filling" with other types of gifts was not tolerated.

For example, one local phenomenon remains inexplicable so far: the discovery of a relatively large number of human sacrifices in pits and negative contexts from the end of the 5th to the beginning of the 3rd century BC within a relatively small area: mainly in the plains along the middle course of Maritsa and to the east to the region of Karnobat/Burgas and the shores of the Black Sea (*Tonkova M., Savatinov S.,* 2001; *Георгиева Р., Момчилов Д*., 2006; *Тонкова М.*, 2012), while in other regions of the country they are found only in rare occasions. The cases in which only a human skull or separate bones of a human skeleton are placed in the pits can be attributed to the same type of rituals (*Balabanov P.*, 1999, 72; *Тонкова М.*, 2008). (**Fig. 2**)

The laid out archaeological materials related to the exercise of human sacrifices are sufficient to rule out any possibility of their interpretation as a development of the known ritual practice of human sacrifices in the Getae, usually associated with Herodotus' description of the rites of worship of Zalmoxis (*Hdt.,* IV, 93, 96). There are no convincing analogies for their

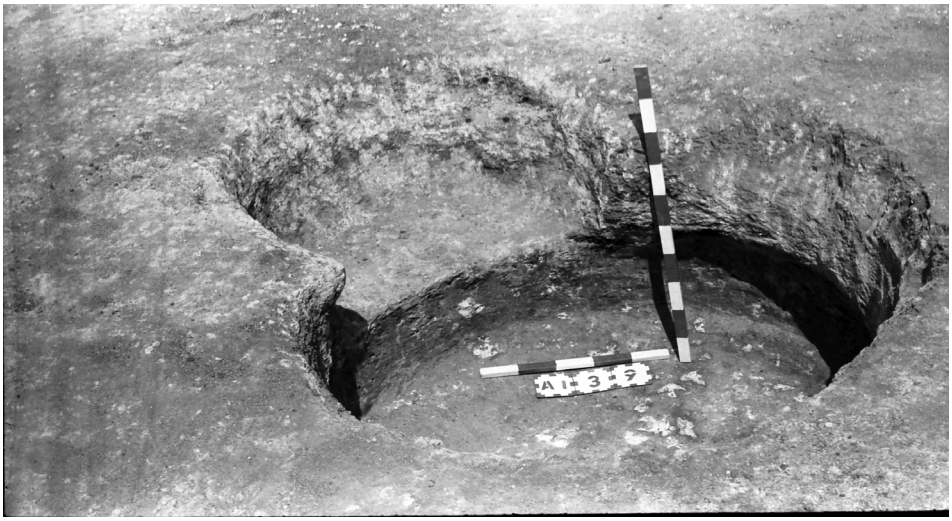

Fig. 2

possible connection or proximity to modern rites in the neighboring lands of Ancient Thrace.

The significant differences in the content and in the details of the ritual activity related to the negative complexes documented so far suggest that it was performed by people who did not have a sufficiently unified understanding of the need to follow a strict procedure, the application of mandatory items and materials and about how to perform the rituals. The observation is an indirect evidence of the relatively lower level of development of the pantheon in the interior of Ancient Thrace than the one known for the big centers of the Mediterranean. It is logical to assume that, as in neighbouring lands, outside the major administrative and economic centers where "official" religious beliefs and their related ritual practices were formed and enforced, local cults and local beliefs were strong and competitive enough to the deities worshiped by the official authorities. At the same time, they were much more amorphous and multifunctional than orthodox ones. It has long been known that, especially in the rural areas of Hellas and Italy, alongside the official gods a large number of their hypostases or local cults were worshiped. A large number of different magical rites were performed in their honour. A wonderful illustration in this regard is the description of spells and magical rituals in Apuleius's famous novel The Golden Ass (*Apul*.). Even if we assume that the reality

of the information in the text is quite conditional, due to the nature of the work, it is noticeable that the daily life of the characters is literally permeated by magical rituals of various kinds, and a relatively small part of them are associated with widespread official cults of the Roman Empire.

All this does not rule out the possibility, at least in some cases, that rituals performed in pits or ditches dug in advance were deliberately tied to the worship of a particular deity. According to the reports in the poems of Apollonius of Rhodes and Ovid, one of them is the goddess Hecate. It is known that in Ancient Thrace it was worshiped under the name of Artemis Phosphoros (*Фол Ал., и кол*., 1993). It is possible that particular complexes may be associated with the worship of other cults, as suggested by the authors cited above. It is significant that in Ruse the complex of ritual pits is related to a sanctuary dedicated to Apollo and other gods (*Вербанов В*., 2008; *Вербанов В., Русев Н*., 2020). Of course, in this case, too, it should be borne in mind that the belief in deities called names "borrowed" from Hellas or Asia Minor in the reality of Ancient Thrace was probably directed at their local hypostases, possibly called otherwise. In the same way, the rites associated with their worship do not at all necessarily copy the reality in neighbouring countries.

We should therefore clarify some characteristics of the term "pit sanctuary" often used in the literature. Its classical interpretation is related in scientific notions to the data for a separate sacred area, usually called "temenos". As a rule, it was located near or on the contrary – quite far from populated areas. According to the archaeological realis that have reached us, some rituals were performed within the boundaries of a certain terrain by the inhabitants of one or many surrounding settlements, in which the excavation of a pit had a main place. It can be assumed that a central place in it was a temple or altar, or some object of religious worship (for example, a tree, a rock or other natural phenomenon). The territory of the temenos, according to the prevailing notions was marked, and in some cases surrounded by various structures. Of interest is the hypothesis that sometimes long trenches of different shape and cross-section were made to define its boundaries. Similar facilities are already known from several sites (*Тонкова М*., 2006; *Лещаков Кр., Тонкова М., Лещаков Л*., 2011).

However, especially outside large settlement centers, the emergence of such sacred sites became spontaneous and unregulated and depended

on a huge number of factors. This made them extremely amorphous and mobile in time and space. Archaeological excavations to date have shown serious dynamics in the territorial distribution of villages in Ancient Thrace – life in the entirely or partially studied sites, defined as such, rarely lasted more than two hundred years (*Балабанов П.*, 2013:72-78). This fact alone is enough to understand the fact that most of the places for performing ritual activity changed quite intensively in geographical terms. This does not exclude the possibility that in less dynamic areas of the settlement structures such sites have functioned for a longer period (*Тонкова М.*, 2010; *Божкова А.*, 2010). On the contrary, in some cases the appearance of ritual pits from the Late Iron Age on a territory inhabited much earlier is documented (*Балабанов П.*, 1999; *Бъчваров К., Тонкова К., и кол.*, 2011). It is interesting to assume that at some point such "temenos" were officially "closed" by performing a special ritual or "closed" by erecting mounds on them.

With rare exceptions, among the published sites of this type there are no unambiguous traces of permanent marking or fencing of their territory, with the exception of the few mentioned ditches. A reasoned answer about the presence or absence of a fence in most cases cannot be given both due to the fact that many of the sites have not been fully studied and due to the fact that fences or similar perishable structures leave virtually no traces. The big difference in the linear dimensions of the objects is impressive – from a few to several dozen decares. Whether their development as an area depended on predetermined boundaries or took place spontaneously cannot be determined at this time.

The abovementioned differences between the individual sites, so far impossible to explain, show that the complexes called "pit sanctuaries" originated in different ways and had different degrees of authority and value in the minds of the local population.

From what has been said, it logically follows that this type of "temenos", at least in their majority, hardly enjoyed an official legal status and did not have precisely defined boundaries. The discovery of separate complexes of several to several dozen pits near large settlements, within which the materials refer to a rather short chronological period, suggests the possibility that they were used by specific families, or small groups of people bound in a different way.

In most of the studied sites of this type on Bulgarian territory there is a sufficiently frequent overlap of the old pits with new ones. At the same time, as a rule, the materials from such contexts are chronologically close to each other – most often within a period of a few to ten or twenty years. One such example is the two pits from quarter 5 in sector A-I of the Kostadin Cheshma site, which coincided in their formal characteristics, but the bottom of one was 0.45 m deeper than the bottom of the other. (**Fig. 3**) The observation suggests that the site where the earlier ritual was performed was not considered "sacred" - subject to protection and

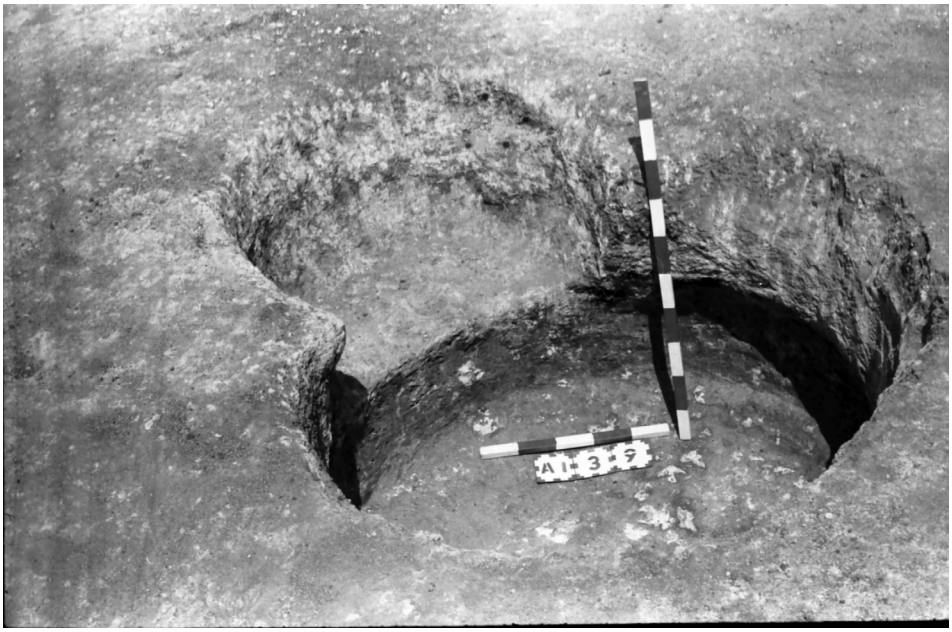

Fig. 3

preservation. Only in rare cases can we talk about attempts to have contexts closed with permanent markings on the surface of the terrain, despite the observation that they were sometimes "sealed" just below their opening with a layer of stones or soil. From this we can conclude that, unlike the classical "botros", on the location of which there was a ban on subsequent intervention, ritual contexts lost their ideological protection almost immediately after the performance of the particular rite.

The situation is complicated by the fact that in some cases, pits or

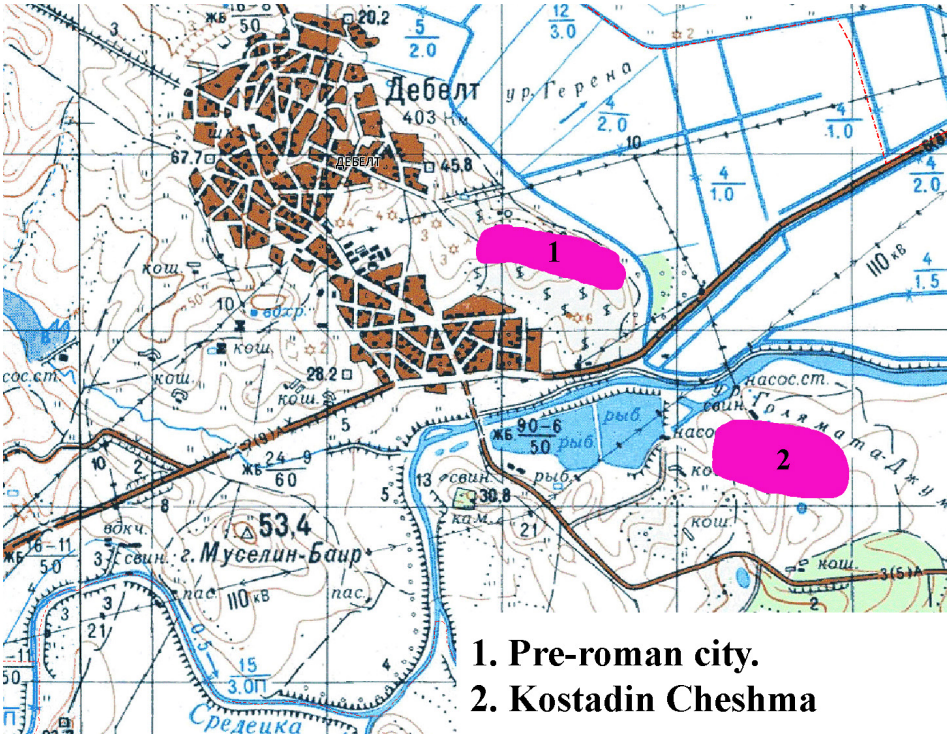
negative complexes, in which traces of rites have been documented, are also found as isolated objects. One or two pits found away from other archaeological remains can hardly be accepted as a sign of a lasting ritual practice of this kind or as evidence of the emergence of a new "temenos". On the contrary, it is known that for certain types of magic, traditionally, the rituals should be performed in remote locations selected by another criterion. Here again we can refer to Ovid's poem, which describes the magical activity of Medea, explicitly stating that for this purpose she was looking for "free" terrains. We find a curious case for such an exception in the ritual pits located in a cave sanctuary near Silistra (*Atanasov G.*, 2005).

A typical example in this regard can be found in the famous account of the sacrifice performed by Odysseus to summon the spirits of the dead. It is easy to consider that the remains after the episode described by Homer (*Hom*., Od., XI) can be extremely difficult to correctly interpret in the course of research and documentation of the archaeological realia: to prove judging on specific remains whether it is an excavation made for the purpose of performing any rites related to the sacrifice of a lamb or it is a random site – a pit intended to bury an animal that has died of a disease, buried so it does not spread the infection.

It is noteworthy that remains of massive architecture have not been found in none of the fields with ritual pits studied so far in our country. Information about such remains is missing in both excerpts from ancient poems (*Apoll. Rhod*., Arg., X, 1020-1080.; *Ovid*., Met., VII, 234-267.), which describe the spells performed by Medea in pre-dug pits on the banks of the Fasis River and in the field near the town of Yolk. This does not necessarily mean that temenos of this type generally lacked buildings or central objects. It is quite probable, however, that in some cases they had a rickety structure (like a simple canopy over an idol made of wood) and did not leave sufficiently distinct traces.

Given the variety of documented rituals, it is remarkable that in the period under review we observe a relatively strict adherence to certain shapes and dimensions of ritual pits. In more than half of the several thousand known complexes of this type, it is near cylindrical, usually with a slight extension above the lower base. Their linear dimensions are identical, with the diameters of the openings fluctuating between 0.8-1.2 m, and the depth – 0.75-1.1 m. Second in terms of their number are the

pits with a distinct bell-shaped form. Their extension usually begins below the upper half, and the maximum diameter is slightly above the bottom. They are usually larger in their linear dimensions, in some cases up to 2.4 m in diameter of the opening and up to 3.5 m in diameter at the bottom, at a depth exceeding 2.4 m. The openings and bottoms of the pits in more than three quarters of the published complexes of both types are, as a rule, horizontal. At the same time, the stratigraphy of their filling is extremely diverse. Numerous, structures of stones, fragments of ceramics, horizontal layers of different nature deliberately made in them are also documented. Adherence to these specified shapes makes the hypothesis logical that a certain model was deliberately sought when digging the pits. (**Fig. 4**). It is possible that they were intended to recreate a woman's womb, just as possible is the connection between their shape and that of the buried repositories suggested by some authors. Finally, numerous examples suggest that in specific cases the rites were performed in pits created in advance for other, including utilitarian purposes.

1. Pre-roman city.
2. Kostadin Cheshma

Fig. 4

Another characteristic feature of the vast majority of the ritual pits is the fact that it was mandatory that their lower part be dug into the firm soil. Sometimes significantly increasing their depth for the purpose. Cases are also known in which the bottom of the pit was dug into a relatively hard rock. The search for the firm/dead earth type can also be interpreted in different ways, but it is obviously a consciously sought-after element of rites.

It seems absolutely logical that in performing some - obviously quite different in their meaning and formal elements - rituals, digging a pit or ditch in itself was an integral part of the necessary actions. It is completely possible that the meaning of the preparation of a negative complex had a sig-nificance similar to the erection of a shrine or altar. According to Ovid's story, Medea did both: she dug a pit and placed an altar next to it. Accepting such hypothesis leads to the consideration of the process of excavation of negative complexes as a universal element in the ritual practice of antiquity (*Балабанов П.*, 2002). Therefore, it is methodologically incorrect to look for a universal connection of ritual pits with a specific cult. As is well known, some altars were used to perform religious rites which were completely different in their purpose. By the way, the custom of using pits to perform magical rituals is preserved to this day. During the study of the Thracian tumulus "Helikon" near the village of Debelt, Burgas region, the remains of magical actions were found, buried in a shallow pit, literally days before the start of archaeological excavations.

Due to the highlighted circumstances, when we talk about "sanctuaries" or "temenos" related not to an official religious cult, but to its regional or local varieties, as well as to everyday or traditional domestic magic, we must always take into account the amorphousness of their ideological and material characteristics. It can be qualitatively different, even within a limited area or chronological segment. To illustrate the thesis, we will note the great differences in the occasions and forms of such a rite nowadays – Kurban. It is a distant reminiscence of sacrifices and ritual feasts in antiquity, but in different parts of the country it is done in quite different ways and in connection with qualitatively different events. Therefore, in order for the interpretation of such sites to be certain, it must rely on a very wide and precisely selected range of arguments.

II.

As mentioned, currently the highest number of ritual pits from the sanctuaries that are or have been studied is mainly on the territory of the Thracian lowlands and the Black Sea coast south of the Balkan Mountains, dating from the end of VII to the middle of III century BC. This allows us to consider them as complexes of a single category. We can tentatively call it "South Thracian temenoses with ritual pits".

After the publication of the results of researches at numerous sites in the Central Thracian Plain in recent years, it becomes logical to assume that the entry of ritual pits in the life of the inhabitants of Ancient Thrace during the Iron Age began from south by southeast. So far, the most probable "importer" of this phenomenon is considered to be the lands of Asia Minor, where in the second millennium BC the performance of magic in pits is well described in the epigraphic monuments (*Конова Л.*, 2007 with citation).

The lack of a sufficient number of studied complexes does not give us certainty about the boundaries of distribution this type of sites had in the beginning and the middle Early Iron Age, although similar have been documented in the north, but again mainly south of the Balkan Mountains (*Делев П., Божкова А., и кол.*, 2002; *Божкова А., Делев П.*, 2005; *Нехризов Г., Валентинова М.*, 2006; *Колева Б.*, 2006). From the lands of modern Northern Bulgaria, they are known as incidental finds (*Китов Г.*, 1985; *Atanasov Г.,* 2005). The modest number of known sites from this period, as well as the fact that they are, as a rule, very limited in area and time of operation is noteworthy. Another interesting detail is the rectangular cross section of the excavations found in some cases from the Early Iron Age (*Китов Г.*, 1985; *Делев П., Божкова А.*, 2002:105). It has only one illustration in ancient literature – the already quoted description of Homer of the ritual performed by Odysseus. At the moment, the documented monuments show that this shape occurs in Thrace only during the Early Iron Age, a phenomenon to which we cannot offer an interpretation.

Despite the fact that within the boundaries of some sites there are documented contexts, which can be dated to the end of the 7th century BC, only towards the end of the next century can we talk about a wider distribution of complexes of pits with a characteristic shape, obviously related to ritual activity. The latest studies show that they appear in both

the eastern and the western parts of Thrace, south of the Balkan Mountains (*Балабанов П.*, 1999; *Делев П., Божкова А*., 2002; *Колева Б.*, 1997; *Божкова А.,, Ников Кр.*, 2005). The lack of currently known synchronous sites north of the Balkan Mountains is puzzling, as the close analogies in the documented material culture and burial practices of the inhabitants of Moesia and Dobrudja are relatively well known.

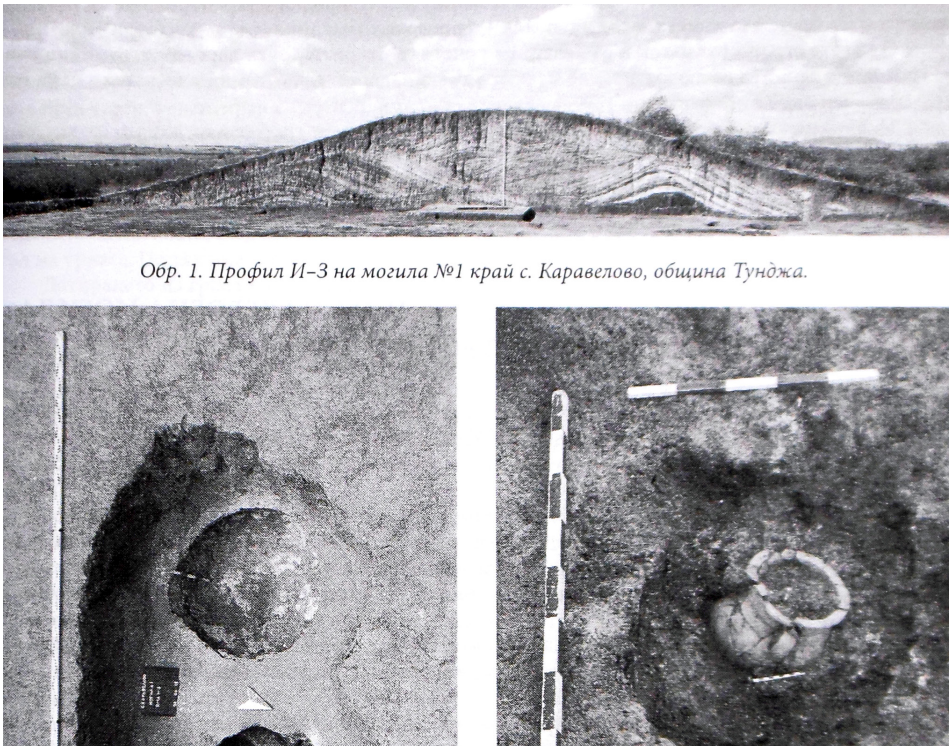
What is extremely strange is the "explosive" spread of the fields with ritual pits, as well as a significant number of negative complexes with other formal characteristics, obviously related to the performance of ritual actions, between the Classical and Hellenistic eras. Within only a few decades after the middle of the 5th century BC, they appeared as widespread sites, practically in the whole of Ancient Thrace, as well as in some of its neighbouring lands. The bulk of the known, similar in their functions negative complexes - facilities differing in shape and size, related to the ritual practice in the erection of mounds belong to the same period; excavations containing concentrations of finds that can also be interpreted as objects of this type, isolated excavations of various shapes for which there are reasons to assume they were part of the performance of ritual acts. It is indicative that during the rescue excavations along the route of Trakia highway north-west of Bourgas only in the roughly 40 km long section up to the border of Karnobat Municipality, similar complexes dating back to the first half of the 4th century BC were discovered every few kilometres (*Карайотов Ив., Кияшкина П.,* 2005; *Господинов Д., Костова Кр.,* 2005; *Дражева Ц.,* 2005). **Fig. 5**.

Despite the fact that it is impossible to make precise calculations based on primary publications, today we can certainly state that the greatest spread of cult practices related to the preparation of negative complexes in Ancient Thrace continued in the first three quarters of the IV century BC. According to the publications, we can attribute to these period more than 2,500 documented pits, which the researchers define as ritual. By the end of the century, the number of known monuments of this type decreased significantly, and at the beginning of the next fell to a hardly noticeable minimum.

It is noteworthy that according to the materials known so far, the gradual extinction of this ritual practice also happened from south to north - within the Odrysian kingdom the bulk of similar sites date from the first

three quarters of the IV century BC but to its north the peak of their spread comes a little later (*Sîrbu V*., 2006). Over the next two centuries, however, they spread widely in what is now southern and eastern Romania, Moldova, southern Ukraine, Crimea and the Taman Peninsula, where only a limited number of similar finds from ancient times have been made.

Despite their rapid decline, these rites were preserved to a limited extent in Thrace, as shown by recent discoveries in the town and region

Обр. 1. Профил И–З на могила №1 край с. Каравелово, община Тунджа.

Fig. 5

of Ruse (*Върбанов В*., 2008; *Върбанов В., Русев Н*., 2020). Apart from their relatively late date, they are of interest because, according to their researchers, they are associated with a sanctuary dedicated the beginning of our era to the god Apollo. Apart from their relatively late date, they are interesting because, according to their researchers, they are associated with a sanctuary dedicated to the beginning of our era of the god Apollo. The known sites allow us to claim that the rituals performed in pits were

practiced in the first centuries of the new era, in the Roman provinces of the Balkan Peninsula.

An interesting phenomenon is the increase in the number of documented objects of this type in the II-III century (*Георгиева Р*., 2000). The results of the archaeological excavations of some late antique and medieval sites in our country present a reason to assume that the rituals associated with negative complexes continued to be performed at the time too, although in an insignificant number of cases. A completely different problem is the reason for their late emergence - a preserved but dying local tradition or the result of similar ritual practices reintroduced by different ethnic groups in the course of migration movements during the "the Migration Period".

Some generalizations can be made in the array of the pit sanctuaries from the considered period. After the excavations in the Kostadin Cheshma locality, near the village of Debelt, a similar site was discovered in the Staliyska Mahala locality (*Бонев Ал., Александров Г.*, 1996). In the following years, several similar ones were studied near the village of Gledachevo (*Tonkova M., Savatinov S.,* 2001; *Тонкова М.*, 2008). Although only partially studied, with a high degree of certainty some of the sites documented during the excavations of the infrastructure projects, (*Карайматов Ив., Кияшкина П.,* 2005; *Дражева Ц.*, 2005; *Божкова А., Ников Кр*., 2005; *Нехризов Г.,* 2006; *Нехризов Г., Валентинова М.,* 2006), should be assigned to the same type of sites.

Most of these complexes are located away from synchronous settlements. They have an area of over 10 decares and contain from several dozen to several hundred pits, located in no particular order. Nevertheless, in each site there are areas with significant concentration and areas with greater distance between separate pits. Most of the pits in them have similar linear dimensions and shape, but in the outlines of the individual sanctuaries, as a rule, there are several significantly larger ones. Trenches or negative contexts with an irregular shape, the purpose of which cannot be clarified at the moment are not uncommon. All such sites have a relatively short period of intensive operation – most often several decades and only in isolated, so far incidental cases – more than a century (*Тонкова М*., 2006; 2010). It is obvious for the Kostadin Cheshma site that the ritual activity during the archaic period can be dated between the last quarter of the 7th and the last decades of the 6th century BC, and after about a hundred-

year hiatus was resumed even more intensively at the beginning of the 4th century BC, to be finally terminated by the last quarter of the same century (*Балабанов П.*, 1999).

Two main variants can be distinguished relatively clearly within this group of sites. In the first of them, the fields with pits can hardly be linked to specific significant settlement structures located in the immediate vicinity. This variant with a high degree of certainty includes sites such as those near the villages of Troyanovo and Bratovo, Burgas region, the village of Staliyska Mahala on the banks of the Danube, the village of Gledachevo and the village of Malko Tarnovo, Stara Zagora region, cited above. Some of the structures linked to this option, although studied by probe during rescue excavations along the routes of the new highways, have an extremely large area and include up to 1000 and more negative contexts. Apparently, people living in a relatively large geographical area had been coming here. A possible alternative explanation is that they were located next to a busy road and "served" those travelling along it.

Another variant of this group includes the fields with pits, which can be linked to settlements that existed synchronously near them, such as the cases in Koprivlen (*Делев П., Божкова А., и кол.*, 2002) and Nebettepe in Plovdiv (*Колева Б.,* 1997; 2006; 2009), possibly also at the site in the area of Kostadin Cheshma near the village of Debelt, Burgas region (*Балабанов П.*, 2005; 2018). (**Fig. 6**). The sites of this type known so far also fit into short chronological boundaries, despite the fact that life in the settlements on the periphery of which they were found developed long before their appearance and certainly continued long after their abandonment. In general, they are smaller in area and number of contained contexts, compared to larger sites between settlements. It is an interesting observation that the two sites in the area of Nebettepe in Plovdiv differ chronologically, although there are some analogies between them in terms of formal features. These "pulsations" in the appearance and disappearance of the fields with ritual pits near the remains of settlements are one of the arguments that the rites performed in them were not bound to the main figures of the Thracian pantheon and with traditional, generally Thracian religious ideas that existed for a long time. Documented realia make it possible to think about the interpretation of this variant of the pit sanctuaries as a "family", "clan" or "group" temenos, in which members of a large fa-

mily, clan or small group of people with informal relationships within one or more generations have performed rituals associated with daily life.

In both variants of this group the rites can be reduced to several main typological groups: sacrifices, libations, lighting a fire on the spot, building some structures, deliberately filling the pit with aggregate with different

Fig. 6

characteristics, collecting in the pit the remains of rituals, possibly performed elsewhere, backfilling the pit with materials carried from other places. Of particular interest among the latter are the fragments of eschars. Placing them in a pit dug to perform some rituals suggests that they were related to domestic cults. Even if we assume that formally the rituals were meant to make requests to one or several deities, the spectrum of requests and the nature of the results sought were obviously very different. An interesting detail from the Kostadin Cheshma site, for example, is the presence in twenty-eight pits of fragments of vessel walls (almost without

exception imported amphorae) with graffiti - mostly digital recordings in Greek letters (*Balabanov P, Garlan Y, Avram A.*, 2017:50- 51). This allows us to infer that the specific rituals performed in them were associated with the fulfilment of some economic relations, most likely - commercial transactions. Concurrently, other remains of ritual actions from this site - lighting of fire in pits, sacrifices of mussels, turtles, cereals, placing various objects and building materials in the embankment of some pits, can be interpreted rather as remains of domestic rites related to the everyday life and individual problems of their authors.

III.

The accumulation of materials now allows suggesting the differentiation of other arrays of similar complexes according to several characteristic features - primarily situational and functional - into separate types.

One of the relatively clearly outlined groups to date should include pits and negative contexts containing remains of ritual activity that are directly related to funeral practices. Several variants can be distinguished among them. The first should include the pits and negative complexes containing remains of rites, found in the embankments of burial mounds or are located next to them and are obviously related to the process of erection of the mound (*Филов Б.*, 1934; *Агре Д.,* 2001; *Балболова М*., 2003; *Агре Д.,* 2011; *Дичев Д.,* 2014; *Балабанов П., Пантов,* 2020). It should be noted right away that at the moment we do not have information that would allow an unambiguous interpretation of the meaning of the rituals performed in them. It is indicative, for example, that in several cases, in addition to pits in the embankments of mounds, ritual hearths were found, even eschars or other similar facilities (*Агре Д.*, 2001; *Балболова М.*, 2003). This suggests that the very process of erecting the burial mound was accompanied, at least in some cases, by ritual actions. The multitude of documented archaeological observations of them shows that they had various purposes. It is quite another question which of them and to what extent were part of the process of building the mound itself, which were an integral part of the burial ritual itself, which should be associated with commemoration practices, and which had a different meaning.

It is noteworthy that some of the documented pits are found at the level of the main burial or below the ancient day surface of the terrain

on which the mound was erected. Of interest in this regard are the pits discovered in its immediate vicinity, such as those near the mound of the famous tomb near the village of Starosel, which unfortunately have not been published in an appropriate manner. They have two possible interpretations: preliminary empirical formation of the temenos, on which the mound was then erected or performing rites related to the preparation of the main burial and its covering with a mound, which is assumed for the famous tumulus between the villages of Malomirovo and Zlatinitsa (*Агре Д.*, 2011). It is much more complicated to offer an explanation of the negative contexts documented in the embankment of the tumulus itself. The well-known complex of pits in Kukova Mogila (*Филов Б.*, 1934) due to insufficiently detailed documentation and information in the primary publication allowed for different interpretations (*Радунчева А.*, 1994), which in turn due to lack of sufficient arguments, are debatable rather than final. The pit documented just below the top of the mound near the village of Bogdanovo (*Балболова М.*, 2003) is most likely associated with a ritual dedicated to the end of the construction of its embankment and the provision of "divine" protection for the buried and his tomb. An interesting complex, unfortunately again insufficiently researched and published, are the remains of a large hearth, in all probability a pit containing the remains of a stake in the mound, in the embankment of which is placed the famous tomb near the village of Starosel. It emerged over the upper edge of the crepidoma and apparently came to being in the process of accumulating the mound. A similar facility in another mound is vaguely mentioned in the summary report of the excavations in the Valley of the Thracian Rulers (*Китов Г.*, 2005). At present, the pits documented at the base of mound embankments, the openings of which are situated above the level of the ancient day terrain and of the main burial (*Агре Д.*, 2001; *Китов Г.,* 2003) (**Fig. 7**), cannot even be hypothetically interpreted.

Another variant of remains of ritual activity in this category are the contexts containing the remains of a funeral table, known in ancient literature as "trizna". In turn, they have several varieties. The most typical example is in the base of the famous mound near the village of Zlatinitsa, where this role was performed by two ditches placed at right angles to each other, east of the main burial pit (*Агре Д.*, 2011). The analogy in the formal characteristics with a similar construction, documented in the sanctuary

near Malko Tranovo (*Тонкова М.*, 2010) in this case is not a sufficient argument for searching for a rational one, but the latter should also not be ruled out as a possibility.

A third variant of this group - pits located in the immediate vicinity of the mound - could be associated to a high degree of certainty with rites within the framework of commemorative activities. Of course to make such an interpretation the proximity of time of appearance of the mound and the pits around it must be certain. This, in turn, requires both precise field observations and quality documentation, as well as a bit of luck.

The question of the connection between the complexes of ritual pits documented below the level of the ancient terrain and the mounds erected on them also remains debatable (*Китов Г.*, 1985). In the first place, the hypothesis that the connection between the already existing complex and

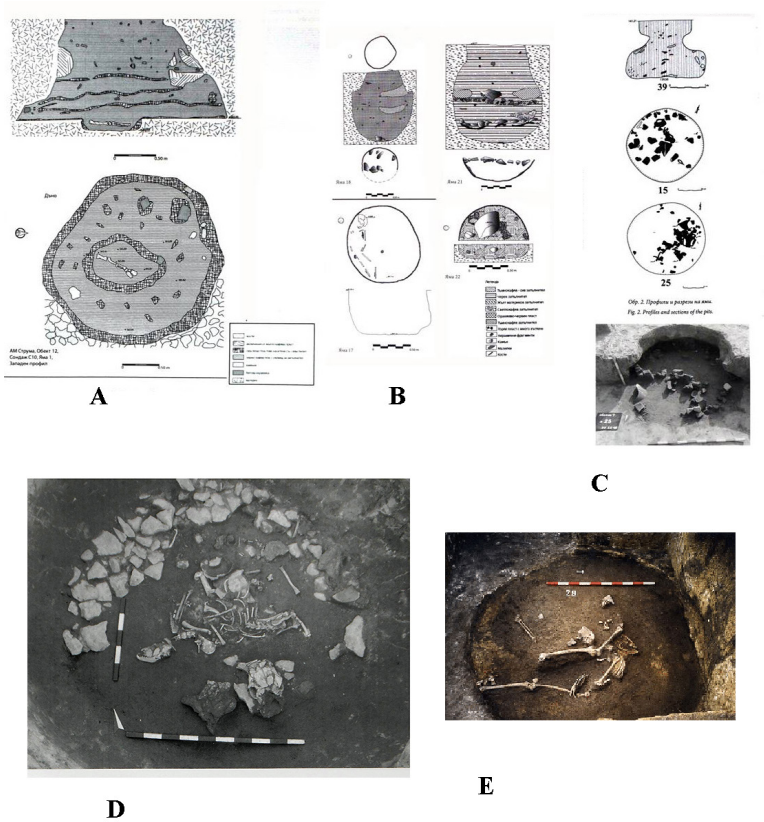

Fig. 7

the later tomb is deliberately sought is extremely difficult to prove. In practice, in cases where the dating of the pits and the mound itself differs by decades, the conclusions for a consciously sought connection or a coincidence cannot be sufficiently substantiated.

For the time being we can only state that in the flat necropolises of the same time similar remains are relatively rare. It is not always possible to link them specifically to one of the funerals performed there, as well as to determine their purpose unambiguously: whether they are part of the funeral rite, remains of funeral rituals or – at least in some cases – remains of triznas. With these complexes it is extremely difficult to answer the question whether they are synchronous or diachronous with the burial they were related to. In the first case, they should be associated with funeral rituals, and in the second - probably with the commemorative rituals. The question of the nature of the connection of pit sanctuaries with synchronous necropolises discovered in the immediate vicinity also remains open, as is the case with the village of Barutin in the Rhodopes (*Кисьов К*., 1993, 200). Despite the noted formal differences and the difficulties in interpreting the specific sites, the pits associated with the flat necropolises can be merged as an independent variant related to burial rituals.

In some sites studied in recent decades, the search for continuity between standard necropolises, ritual pits and later embankment mounds can be assumed. Most significant in this respect are the results of the many years of research on the site where the famous tumulus in the locality of Yurenya, Nova Zagora once stood (*Игнатов В., Кънчева-Русева Т., Велков Кр.*, 2006), as well as the Helikon mound in the necropolis of the ancient Deultum (*Балабанов П.,* 2018a).

IV.

Another group of which quite a small number of sites is currently known are the pits in which contexts are documented carrying information about rites, pits found in synchronous settlements or residential complexes. The modest number of pits as well as the different level of the publications, do not allow their unambiguous interpretation to be offered at the moment. Among the findings from recent years, two sites reported by M. Tonkova are worth noting (*Сидерис А., Тонкова М.,* 2011; Т*онкова М., Сидерис А*.,2012; *Тонкова М., Тонева М., Георгиева Р., Димитров Я.*, 2012). Of

particular interest is the performance of human sacrifice within the Hellenistic settlement in the Halka Bunar locality. At the same time a significant part of what were initially interpreted as pits in which ritual activities may have taken place are ultimately more logical to be interpreted as standard elements of economic infrastructure.

The documented pits with remains of sacrifices under the hearths in residential premises are relatively rare in settlement structures. The custom was preserved afterwards, in particular until the twentieth century in Strandzha mountain, during the construction of new houses.

V.

From the point of view of selecting an adequate methodology for the research of the phenomenon of the ritual activity, related to the preparation of negative contexts and the rites performed in them, it is logical to consider and interpret the identified types of sites mostly independently from each other. For each of them, a number of problems can be identified right now that deserve independent consideration. On first place, it is necessary to determine effective criteria valid in the interpretation of similar complexes, as well as those related to similar ritual practices. For example, in the group of negative contexts from the embankments of the timuli, it is still not possible to decide a criterion by which to distinguish between the pits containing the remains of a trizna or a commemoration, as well as those in which a separate rite with another meaning was performed.

Another area of research is the elucidation of the factors that determined the geographical and chronological framework of the emergence and dynamics of the spread of the phenomenon in Ancient Thrace and neighbouring lands. An explanation, for example, is yet to be found of the discrepancy between the relatively short chronological boundaries within which the known complexes of mounds are dated in comparison to those of the pit sanctuaries. The "journey" in time of the sites in question from south to north also remains inexplicable.

It is especially difficult to distinguish the arrays of rites performed for different purposes. Linking specific rituals to certain cults, even hypothetically, is still not well-argued. An important issue to clarify in this regard, for example, is the already mentioned numerous cases of human sacrifice. Some of them were performed in pits with qualitatively larger

sizes than the usual for the given temenos, which can be explained by the special place of the performed ritual in the mass ritual practice or by the more important content of the request to the gods made by its perpetrators. The question remains as to the extent to which the sacrifice of a human being can be linked in general to the individual interest and to what extent to the public interest. According to Herodotus'account, during the Greco-Persian wars, first the Persians and then the Athenians made human sacrifices in the name of ultimate victory. However, such a ritual is also possible as a preventive measure or protection from natural disasters, epidemics or other extraordinary events affecting the vital interests of local social structures.

Of interest is the hypothesis that within the individual pit sanctuaries there may be pits, usually of larger size and non-traditional shapes, which played the role of a kind of "botros" of the respective temenos, as well as the assumption that the abandonment of the field in question included the performance of a special ritual. Proposals for such include, for example, performing a specific ritual in a particularly large pit or pouring a mound over the main area of the "temenos".

The solution of these and other problems is significantly complicated by the lack of established rules in the ritual activity, valid for a long period of time and for the whole territory of Ancient Thrace. Today it is difficult to assess the reasons for the serious differences documented in the remains of rites, even in seemingly identical sites. Therefore, in addition to the division into categories of negative contexts, it is possible to proceed to the differentiation of groups among them on a territorial and chronological basis. Studies made to date allow the pit sanctuaries from the 6th to the 3rd century BC in southeastern Bulgaria to be separated in such an array, and in another - those located between the middle course of the Maritsa River and the Tundzha River. According to the results of previous studies, the contexts of the mounds of the wealthy Thracian burials in the areas of the middle course of the Maritsa River and Kazanlak Valley can be separated into an independent group, regardless of the similar sites documented in Strandzha. Interesting conclusions would be made following a precise comparison of the complexes from the 6th century BC with those from the end of the 5th and the beginning of the 4th century BC. The research of complexes of this type which are separated in time and space, accompanied

by a comparative analysis of the remains of ritual activity, will allow us to make significantly more accurate observations and to formulate more reliable arguments in their interpretation.

Of course, the research of the phenomenon cannot be limited to the archaeological sites on the territory of contemporary Bulgaria. There is some progress in their research in the Republic of Romania, the Republic of Moldova, the Republic of Ukraine, the Russian Federation. Interesting contexts of this type are known in Greece. The lack of more definite information about their presence in the territories of the Republic of North Macedonia and the European part of the Republic of Turkey cannot be interpreted as proof of their absence there. Furthermore. The presence of similar contexts in Asia Minor and other areas along the Mediterranean coast has long been known. The solution of the specific problems relevant to the monuments from the territory of modern Bulgaria cannot be exhaustive if it does not fit into the large circle of similar studies for sites of this type in the whole Mediterranean region.

The accumulation of enormous empirical material related to the ritual negative contexts of ancient Thrace has in recent decades become a serious provocation to Bulgarian archaeologists and historians. The time comes when it is absolutely necessary to move from the simple registration and documentation of the archaeological sites to the complex comparative analysis which will allow for their more reasonable and objective interpretation. This will provide good opportunities for their transformation from questionable monuments into an objective source of historical information.

Notes

[1] Unfortunately, the overall publication of the excavation results was delayed unjustifiably long.

[2] Even listing the publications of the sites of this kind would take more than five pages. A particular problem is created by the fact that the primary reports (the main part of which - in the AOR collections) do not always give a clear enough idea of the archaeological realities. Therefore, only objects with a higher degree of certainty in their interpretations will be cited in the exposition.

[3] Photo from the excavation documentation in 1981.

[4] The materials have not been published

[5] Personal observations of the author during the archaeological excavations in 2001. The pits were discovered at the level of the ancient day surface in the immediate vicinity of the crepidoma of the mound.

[6] According to locals, there was a similar complex under the top of mound № 4 "Helikon" near the village of Debelt, destroyed in the early 50s of the last century as part of its embankment was removed for construction work.

[7] Personal observations of the author.

[8] Unpublished complex of Kostadin Cheshma site near the village of Debelt, Burgas region.

BIBLIOGRAPHY

Apoll Phod. Argonautica. http://mcllibrary.org/Argonautica/)
Hom., Od. Odiseia.
https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text: 1999.01.0135
Ovid. Met. Metamorphoses. https://www.thelatinlibrary.com/ovid.html
Apul. Golden ass.
http://www.thelatinlibrary.com/apuleius/apuleius1.shtml

Atanasov G., 2005 Thracian rock cult center on the river Taban, Silistra. "The sacred valley of Zalmocsis". Silistra, 2006.

Balabanov P., Garlan Y., Avram A., 2017 Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et quelques autres centres de production (première moitié du IVe siècle av. J.-C.) recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie).— Pontica, 48-49, Supplementum, IV, Constanta.

Căpetanu V., 1993 Hallstattian ritual pits, discovered at Răcătău, Barcău country.— *Premier âge de fer aux bouches du Danube et dans les régions autour de la Mer Noire*. Actes du Colloque International, Tulcea, 111 – 112

Kostova Kr., 2003 The fire – its Place and function in the Early Bronze Age.— *ИИМХ, 2, 2003, с. 87 – 97.*

Sîrbu V., Clocea E., Damian P., 1992 Damian Inhumation rituelles d'animeaux, decouvert dans l'etablissements géto-dace de Căscioarele, dep. De Călărach.— *Istros*, VI, 1992. pp. 34-52.

Sîrbu V., 1993 Credinţe şi practicifunerale, religioase şi magice în lumea geto-dacilor. Galaţi

Sîrbu V., 2006 Man and gods in the Geto-Dacian world. Braşov

Volokotopoulou J., 1996 Cities and sanctuaries of the Archaic Period in Chalkidiki.— *ABSA, 91, 318-328*

Tonkova M., Savatinov S., 2001 Thracian culture of the late iron age.— *"Maritsa-Iztok"*, V, Radnevo, 95-125.

Агре Д., 2001 Ями и олтари в тракийските могили от Етрополско (V-IV в. пр. Хр.).— *Археология, 1-2, 52-60.*

Агре Д., 2006 Проучвания на две могили в землището на с. Маломирово-Златиница, Елховска община, Ямболски окръг.— *АОР, 2005. София, 64-66.*

Агре Д., 2011 Голямата могила край Маломирово и Златиница. София

Балболова М., 2003 Гробничен комплекс от могила "Тумбата", край с. Богданово, Област Бургаска.— *ИМЮИБ, XX, 9–16.*

Балабанов П., 1999 Тракийски ритуални ями край с. Дебелт, Бургаско.— *Археология, XL, , 3-4, 62–77.*

Балабанов П., 2002 Ритуальные ямы как универсальный элемент общения с богами в Древней Фракии и Скифии.— *Eight international congress of thracology*, v. II, Sofia, 541-547.

Балабанов П., 2005 Археологически документи за тракийския град Добелт.— *Четвърти международен семинар "Поселищен живот в Древна Тракия"*, Ямбол, 221-235

Балабанов П., 2013 Бележки за селищните структури в Древна Тракия.— *Годишник на Департамент „Археология", т. VII,* София, НБУ, 68–112

Балабанов П., 2018 Тракийският Добелт. В: Тракия и околния свят.— *Сборник с доклади от Национална научна конференция*, Шумен, 27-29. 10. 2016 г. (Ред. Ст. Стойчев). В. Търново, 122-140

Балабанов П., Пантов 2020 Археологическо проучване на могила № 1 (IV – III в. пр. Хр.) в м. Старо село до с. Ново Паничарево, Община Приморско.— АОР 2019, София, 559-563

Балабанов П., 2018а Могила № 4 „Хеликон" от некрополите на Деултум (под печат).

Божкова А., Ников Кр., 2005 Археологическо проучване на обект "Тракийско ямно светилище" в землището на с. Малко Тръново, Община Чирпан (Обект № 10 по трасето на АМ "Тракия". ЛОТ 1).— *АОР,* 2004, София, 94-97.

Божкова А., Ников Кр., 2004 Археологическо проучване на обект "Тракийско ямно светилище" в землището на с. Малко Тръново, Община Чирпан (Обект № 10 по трасето на АМ "Тракия". ЛОТ 1).— *АОР,* 2003, София. 94-97.

Божкова А., Делев П., 2005 Сондажно археологическо проучване на обект с обредни ями от ранножелязната епоха при с. Микрево, Община Струмяни, през 2004 г.— *АОР* 2004, София, 90-92.

Божкова А., 2010 Археологическо проучване на комплекс от ями в землището на с. Малко Тръново, Община Чирпан, югозападен сектор. Предварителни бележки.— *Югоизточна България през II – I хилядолетие пр. Хр.* Варна, 213 – 220.

Божкова А., Александров Ст., Тодорова Н., Милчева В., 2015 Спасително археологическо изследване на обект № 7 по трасето на газопровод № 2 за Република Турция, замлище на с. Маленово, Община Стралджа, област Ямбол.— *АОР*, София, 221–224.

Бонев Ал., Александров Г., 1996 Багачина, селище от късната каменомедна епоха и тракийски култов център (III-I хилядолетие пр. Хр.). Монтана

Бъчваров К., Тонкова М., и кол., 2011 Спасителни археологически разкопки на ритуални комплекси от късноеолитната, ранножелязната, късножелязната и римската епоха при Сърнево, Радневско (Обект 5, ЛОТ 2, АМ „Тракия", км 226+600 – км 226+850).— *АОР, 2011, София, 8-60*

Върбанов В., 2008 Тракийски ямен комплекс при Русе (проучвания, 2007).— *Известия на РИМ-Русе, т. XII, 2008, с. 188-199.*

Върбанов В., Русев Н., Тодорова С., 2020. Структури от късноелинистическата епоха от Скаидава при с. Батин, Русенско (предварително съобщение).— Проблеми и изследвания на тракийската култура, т. 10, Казанлък (ред. М. Тонкова, Г. Нехризов), 246-254

Георгиева Р., 1991 Обредни ями в Тракия (края на II – I хил. пр. н. е.).— *Археология*, XXXIII, 1 – 11

Георгиева Р., 1999 Обредни ями (края на II-I хилядолетие пр. н. е.).— Р. Георгиева, Т. Спиридонов, М. Рехо, *Етнология на траките*.София

Георгиева Р., 2000 Раннотракийска обредност в надгробните могили от римската епоха.— *Seminarium Thracicum, 4, 2000, pp. 153-173.*

Георгиева Р., Момчилов Д., 2006 Разкопки на "Гяурската могила" край Карнобат.— *АОР, 2006, с. 89-92.*

Господинов Д., Костова Кр., 2005 Спасителни археологически разкопки на обект № 16, ЛОТ 5, АМ "Тракия" в землището на с. Трояново, община Камено.— *АОР 2004, С., 2005, с. 102-104.*

Делев П., Божкова А., и кол., 2002 Копривлен. т. I. София

Дичев Д., 2014 Археологически разкопки на могила № 1 в м. „Саланчаг"

край с. Каравелово, Община Тунджа.— *АОР* за 2012, 162 – 165

Дражева Ц., 2005 Археологическо поручване на обект № 22, ЛОТ 5, АМ "Тракия" в землището на с. Кръстина, Община Камено.— *АОР* за 2004*,* София, 104-106.

Игнатов В., Кънчева-Русева Т., Велков Кр., 2006: Проучвания на надгробна могила в м. "Юреня", с. Еленово, Новозагорско.— *АОР* за 2005*,* София, 112-113.

Карайотов Ив., Кияшкина П., 2005 Тракийско ямно светилище от късножелязната епоха при с. Вратица, Община Камено (АМ "Тракия", ЛОТ 5, обект № 17).— *АОР* за 2005, София, 100-102.

Кисьов К., 1993 Погребални практики в Родопите (края на II-I хил. пр. Хр.). Дисертация. София

Китов Г., 1985 Тракийски могили край Дойренци и Смочан н Ловешки окръг.— *АОР* за 1984. София

Китов Г., Александров Ст., 1999 Къснобронзов подмогилен комплекс при с. Дойренци, Ловешко.— *АВ,* 1, 1991, 8.

Китов Г., 2003 Долината на тракийските владетели. II.— *Археология,* 2, 28-43

Китов Г., 2005 Проучвания на надгробната могила „Светица" край Шипка.— *Археология,* 1-4, 137-147

Колева Б., 1997 Новооткрито светилище по източните склонове на Джамбазтепе.— *Годишник на Департамент "Археология" към НБУ,* IV, 76-86

Колева Б., 2006 Ритуални ями от VII-V в. пр. Хр. в североизточното подножие на Небеттепе в Пловдив.— *ИАИ*, XXXIX, 81-89

Колева Б., Кацаров Г., 2009 Спасителни разкопки на западния склон на Небеттепе в Пловдив.— *ГНАМПл*, XI, Пл., 1-19.

Конова Л., 2007 Свещенодействия "по обичая на предците". Към интерпретацията на ямното светилище в местността Костадин чешма при с. Дебелт.— *Анали*, 1-3, с.9-24

Лещаков Кр., Тонкова М., Лещаков Л., 2011 Проучвания на вкопани структури от КЖЕ в сектор север на обект Ябълково.— *АОР* за 2012, *138-141*

Нехризов Г., Валентинова М., 2006 Спасителни разкопки на ямно светилище от желязната епоха и селище от ранннобронзовата епоха при гр. Свиленград.— *АОР* за 2005, София, 144-146

Нехризов Г., 2006 Ямно светилище от желязната епоха и селище от бронзовата епоха при Свиленград.— (В. Николов, Г. Нехризов, Ю. Цветкова - съст.), *Спасителни археологически разкопки по трасето на железо пътна линия Пловдив-Свиленград през 2004 г.* Велико Търново, 397 - 501

Ников Кр., 2005 Спасителни археологическипроучвания на некропол от къснобронзовата епоха и поле с обредни ями от ранножелязната епоха край

с. Полски градиц, Община Раднево през 2004 г.— *АОР* за 2004, София, 92-94

Николов В., 2011 Неолитни ямни светилища.— *Археология,* 1, с. 7–25

Новиченкова Н., 1993 Святілище біля Гурзуфське сідло.— *Археологія*, 1, 45-62

Паунов Е., 1998 Жертвени и ритуални ями в Древна Тракия: извори, разпространение и опит за интерпретация.— *Стипендианти /97*, НБУ, София (1998), 7-13

Попко М., 1983 Митология на хетска Анатолия. Български художник. София

Попов Д., 1981 Тракийската богиня Бендида. София

Попов Д., 1982 Артемида Брауро (една тракопеласгийска богиня).— *ИБИД,* 34, 21-33

Попов Д., 1989 Залмоксис. Религия и общество на траките. София

Попов Хр., Василева Д., Дянкова Г., 2007:Спасителни разкопки на ямно поле от желязната епоха и средновековно селище при с. Капитан Андреево (Обект № 27, км. 312+550 – 312+850 по трасето на железопътната линия Пловдив – Капитан Андреево).— *АОР* за 2006. София, 194-198)

Радунчева А., 1994 Отново за Кукова могила и околностите на с. Дуванлий, Пловдивско.— *Годишник на департамент „Археология“ в НБУ.* София, 178–185

Райчева М., Алексиев А., 2020 Обект от бронзовата и желязната епоха в землището на с. Горни Дъбник, Община Долни Дълник.— *АОР за* 2019, София. 365-369

Сидерис А., Тонкова М., 2011 Археологически проучвания на многослоен обект от късния неолит и I хил. пр. Хр. при извора Халка Бунар, с. Горно Белево, Община Братя Даскалови, Старозгорска облат.— *АОР* за 2011, София, 156-158

Тонкова М., 2006 Тракийско ямно светилище от втората половина на V – началото на III в. пр. Хр. в м. Карабюлюк при с. Ябълково, Димитровградско.— *Спасителни археологически разкопки по трасето на железопътната линия Пловдив – Свиленград през 2004 г*. В. Търнов, 205-234.

Тонкова М., 2008 Ямно светилище от късножелязната епоха и средновековно селище и некропол (обект Двора) в центъра на бившето село Гледачево, Община Раднево.— *АОР* за 2007, София, 168-170.

Тонкова М., 2010 Резултати от проучванията на Източния сектор на тракийско ямно светилище от V - началото на III в. пр. Хр. в м. Козлука, с. Малко Тръново, Община Чирпан. (Обект 11, ЛОТ 1, по ОВОС на автомагистрала „Тракия“).— *Югоизточна България през II – I хилядолетие пр. Хр*. Варна, 198–212

Тонкова М., Сидерис А., 2012 Археологически проучвания на

многослоен обект от късния неолит и I хил. пр. Хр. при извора Халка Бунар, с. Горно Белево, Община Братя Даскалови, Старозгорска облат.— *АОР* за 2012, София, 147-149.

Тонкова М., Тонева М., Георгиева Р., Димитров Я., 2012 Селище от ранноелинистическата и ранннобронзовата епоха при кв. „Макака“, гр. Шумен (АМ „Хемус“, обект 7).— *АОР* за 2012, София, 156-159

Тонкова М., 2015 Археологически проучвания на многослоен обект от късния неолит и I хил. пр. Хр. край извора „Халка бунар“ през 2015 г.— *АОР,* София, 2016, 258–261.

Тонкова М., Василева М., 2014 Спасителни проучвания на обект от късноелинистическата и римската епоха при с. Златна ливада, Община Чирпан (обект 7, ЛОТ 1, АМ „Марица“, км. 23+160 – 23+510).— *АОР,* София, 2015, 175–178.

Тончева Г., 1974 Некрополът край светилището на Херос Карабазмос в Одесос.— *ИНВМ,* X, 287–301

Торбатов С., 2004 Неизвестно скално светилище в Южна Добруджа.— *Археология,* 1-2, 77-93

Торбатов С., 2007 Тракийско ямно светилище от римската епоха край Снягово.— *Археология, 1-4, 46-57*

Филов Б., 1934 Надгробните могили при Дуванлий. София

Фол Ал., 1986 Тракийският орфизъм. София

Фол Ал., 1991 Тракийският Дионис. Книга първа: Загрей. София

Фол Ал., и кол., 1993 Кратка енциклопедия тракийска древност. София

Фол Ал., 1994 Тракийският Дионис. Книга втора: Сабазий. София

Фролова Н., Савостина А., 1998 Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва?— *РА, 1, 140–156*

Христов М., 2007 Проучване на ритуални структури и некропол от РБЕ III в м. “Балинов горун” край с. Дъбене, Карловско.— *АОР* за 2007, София, 114 – 119.

Христова Р., 2009 Комплекс от ями по трасето на АМ „Тракия“, ЛОТ 5, кв. 6+700 – 6+800.— *Спасителни археологически проучвания по трасето на АМ „Тракия“, ЛОТ 5, обходен път на град Карнобат, км 6+400 – 6+800*. Варна, 33-49

Чернаков Д., 2010 Археологически разкопки на халколитен некропол до с Кошарна в местността „Кору гьодлжук“.- *АОР*, Софэия, 2011, 81-83

Illustrations:

1. Ritual pit № 12 from the Kostadin Cheshma site.
2. A human skull in ritual pit from the Kostadin Cheshma site
3. Two ritual pit from from the Kostadin Cheshma site.
4. Ritual pits dated V – IV BC from different place in Trace. (*Божкова А., Александров Ст., Тодорова Н., Милчева В.,* 2015; *Тонкова М., Василева М*., 2014)
5. Ritual pits fields in Burgas region. 1: *Балабанов П.,* 1999; 2. *Каснаков* 2021. 3. *Дражева Ц.*, 2005. 4. *Карайотов Ив., Кияшкина П.*, 2005. 5. *Господинов Д., Костова Кр*., 2005. 6. *Христова Р.*, 2009.
6. Fields of ritual pits and preroman place of Dobelt. 1. Preroman city. 2. Ritual pits fields.
7. Ritual pits under burial mound (*Дичев Д*., 2014)

РИТУАЛНИТЕ ЯМИ В ДРЕВНА ТРАКИЯ ПРЕЗ ЖЕЛЯЗНАТА ЕПОХА – ТОПОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(предварителни бележки)

Петър Балабанов

(Резюме)

След разкопките на обект "Костадин чешма" край с. Дебелт, Бургаска област, в началото на 80-те години на миналия век (*Балабанов П.*, 1999) , се заговори за нов тип археологически комплекси, свързани с културата на Древна Тракия – струпвания от ями (от няколко до няколкостотин), в които има следи от извършване на различни ритуали. В научната литература те получиха интерпретация като "ямни светилища" (*Георгиева Р.*, 1991).

Към същия тип комплекси следва да се прибавят и ями, които се разкриват по една или на малки групи в рамките на плоски некрополи, надгробни могили, селища и други археологически структури. В настоящия текст под термина „яма" ще разбираме изкоп с близка до цилиндрична или камбановидна форма и равно отрязано дъно. Това са техническите характеристики на повече от 90% от негативните контексти, приемани за останки от древни обредни практики.

Само няколко години по-късно подобни на "Костадин чешма" концентрации от ями бяха проучени на различни места в страната ни (*Бонев Ал., Александров Г.*, 1996). Броят им се увеличи значително след средата на 90-те години на стария и в първите години на новия век. През този период, включително в момента, по трасетата на новите магистрали и инфраструктурни съоръжения, особено в Южна България, предимно частично бяха проучени няколко десетки подобни обекта .

Археологически комплекси с аналогични характеристики станаха известни от територииите на съседни на България страни на Балканския полуостров (*Căpetanu V.*, 1993; *Sîrbu V., Clocea E., Damian P.*, 1992; *Sîrbu V.*, 1993; 2006; *Volkotopoulou J.,* 1996), а също така Украйна (*Новиченкова Н.*, 1993) и Южна Русия (*Фролова Н.*, 1998).

Сред причините за разминаването в оценките и мненията на специалистите за конкретните обекти донякъде стоят и неоправданите засега опити да бъде предложена универсална еднозначна интерпретация на извършваните в тях обредни действия (*Георгиева Р.,* 1991; *Паунов Е.,* 1998; *Георгиева Р.*, 1999; *Конова Л.*, 2007). Съществен недостатък на досегашните публикации по темата е използването за обосноваване на тезите само на

малка част от известните обекти, находки и писмени извори. Основните, изказани от цитираните автори хипотези, предлагат ритуалите, извършвани в негативни контексти да бъдат обвързани с обредните практики, характерни за културите към Артемида Фосфорос (тракийския вариант на малоазийската богиня Хеката), Дионис, Богинята-майка и хтоничните божества. Огромният териториален обхват и не по-малко значителният хронологически диапазон на ситуирането на негативните ритуални контексти се превръщат в решаващо доказателство, че за феномена трудно може да бъде предложена универсална интерпретация. За преодоляване на тази трудност е необходимо да се пристъпи към по-широк и по-прецизен анализ на документираните археологически реалии. Така биха могли да се групират в клъстери обектите с достатъчно близки характеристики. На по-късен етап на базата на уточнената систематика ще могат да се търсят посоките и формите на културните и религиозни влияния, вариантите на реализация на сходни ритуали, както и на развитието на този вид обредни практики във времето.

I.

Преди всичко е необходимо да направим няколко уточнения. Натрупаната, вече доста значителна като обем и качество литература върху религията и културите в Древна Тракия е посветена почти без изключение на формирането и развитието на "официалния" пантеон – божествата и културите, изповядвани най-вече в средите на висшата аристокрация, за които има безспорни и конкретни писмени данни. Акцентът в излезлите досега публикации пада върху културите, свързани с Орфей, Дионис, Артемида Фосфорос, Богинята майка, Хермес, Бендида, Деметра, Великите самотракийски богини и още няколко имена, познати от античната литература или от епиграфски паметници (в цитираните публикации се съдържа достатъчно пълна библиография по темата – *Попов Д.*, 1981; 1982; 1989; *Фол Ал*., 1986; 1991; 1994). Повечето специалисти по правило подценяват обстоятелството, че през праисторията и античността в широки кръгове на обществото са били широко разпространени вярвания и обредни практики, свързани не толкова с официалните пантеони, а по-скоро с местни традиции, суеверия и решаване на проблеми от ежедневния бит. Голяма част от тях са били наследени от по-стари епохи и култури, други – заимствани от съседни етноси, някои са възниквали и са се утвърждавали самостоятелно по различни причини в сравнително тесни етнически или териториални граници. Подценява се и обстоятелството, че религиозните представи по принцип са динамични. Едно и също действие, извършено с разлика от няколко века, напълно спокойно е могло да има качествено различен религиозен смисъл. Така наричаната битова магическа обредност, без да е задължително обвързана с официалните религиозни вярвания, не-

рядко съществувала съвсем настрана от тях, е документирана през всички исторически епохи. Ролята ѝ в ежедневието на хората често пъти е била не по-малко съществена от действията, свързани с изповядването на "официалните" религиозни представи и практики.

Широкият набор от възможните дарове, документирани в ритуалните ями, подсказва, че последните не са били обвързани с единен адресат. Като правило "официалните" божества като Аполон, Арес, Деметра, Хеката, са били почитани чрез жертви на определени видове животни или поднасянето на определени видове растения и техните плодове. Съставът на даровете в тези случаи е бил свързан с основните идеи на техния култ и самоволното му "попълване" с друг тип дарове не е било толерирано.

Значителните разлики в съдържанието и в детайлите на ритуалната дейност, свързана с негативните комплекси, документирани досега, подсказват, че тя е извършвана от хора, които не са имали достатъчно уеднаквени разбирания за необходимостта от спазване на стриктна процедура, прилагането на задължителни предмети и материали и за начина на извършване на ритуалите.

С редки изключения сред публикуваните обекти от този тип липсват еднозначни следи от трайно маркиране или ограждане на територията им, с изключение на няколкото споменати рова. Прави впечатление голямата разлика в линейните размери на обектите – от няколко до няколко десетки декара. Дали тяхното развитие като площ е зависело от предварително определени граници или е ставало стихийно, също така за момента не може да бъде определено.

Изложените по-горе различия между отделните обекти, засега невъзможни за обяснение, показват, че комплексите, наречени „ямни светилища" са възниквали по различен начин и са се ползвали в съзнанието на местното население с различна степен на авторитет и стойност.

Логично следва заключението, че този тип „теменоси", поне в множинството си, едва ли са се ползвали с официален юридически статут и не са имали точно определени граници. Разкриването на отделни комплекси от няколко до няколко десетки ями в близост до големи селищни центрове, в границите на които материалите се отнасят към доста кратък хронологичен период, подсказва възможността те да са били експлоатиране от определени родове, или малки групи от хора, обвързани по различен начин.

Досега в полетата с ритуални ями не са открити останки от масивна архитектура. Сведения за такава липсват и в двата откъса от антични поеми (*Apoll*. *Rhod*., Arg., X, 1020 – 1080.; *Ovid*., Met.,VII, 234 – 267.). Напълно вероятно е обаче централните обекти в тях да са били с паянтова конструкция (от типа на прост навес над направен от дърво идол) и да не са оставили до-

статъчно различими следи.

II.

Както бе споменато най-многобройни към момента са ритуалните ями от светилищата, проучени и проучвани предимно на територията на Тракийската низина и Черноморското крайбрежие на юг от Балкана, датирани от края на VII до средата на III в. пр. н. е. Това позволява да ги разглеждаме като комплекси от една категория. Условно можем да я наречем „Южнотракийски теменоси с ритуални ями“.

Независимо, че в границите на някои обекти са документирани контексти, които могат да бъдат отнесени към края VII в. пр. н. е. едва към края на следващото столетие можем да говорим за по-широко разпространение на комплексите от ями с характерна форма, очевидно свързани с ритуална дейност. Последните изследвания показват, че те се появяват и в източната и в западната част на Тракия, на юг от Балкана (*Балабанов П.*, 1999; *Делев П., Божкова А.*, 2002; *Колева Б.*, 1997; *Божкова А., Ников Кр.*, 2005).

Изключително странно е “взривното” разпространение на полетата с ритуални ями, както и на значителен брой негативни комплекси с други формални характеристики, очевидно свързани с извършването на ритуални действия, на границата между класическата и елинистическа епохи. Само за няколко десетилетия след средата на V в. пр. н. е. те се появяват като масово срещани обекти, практически в цяла Древна Тракия, както и в някои от съседните ѝ земи. Вече към края на следващото столетие обаче, броят на известните паметници от този тип чувствително намалява, а в началото на III в. пр. Хр. спада до трудно забележим минимум.

В масива от ямните светилища от разглеждания период могат да се направят някои обобщения. След разкопките в м. “Костадин чешма”, край с. Дебелт, подобен обект бе разкрит в м. “Сталийска махала” (*Бонев Ал., Александров Г.,* 1996). През следващите години бяха проучени няколко подобни при с. Гледачево (*Tonkova, M. Savatinov S.*, 2001; *Тонкова М.*, 2008). С висока степен на сигурност към същия вид обекти следва да се причислят някои от документираните при разкопките по инфраструктурните проекти, макар и само частично проучени (*КарайотовИв., Кияшкина П.*, 2005; *Дражева Ц.*, 2005; *Божкова А., Ников Кр.*, 2005; *Нехризов Г., Валентинова М.*, 2006.).

В рамките на тази група обекти могат сравнително ясно да се разграничат два основни варианта. При първият от тях полетата с ями трудно могат да бъдат обвързани с конкретни значителни селищни структури, разположени в непосредствена близост. Друг вариант на тази група включва полетата с ями, които могат да бъдат свързани със синхронно съществували в близост до тях селища, както са случаите в Копривлен (*Делев П., Божкова А., и кол.*, 2002) и Небеттепе в Пловдив (*Колева Б.*, 1997; 2006; 2009), възможно и

при обекта в местността "Костадин чешма" при с. Дебелт, Бургаска област (*Балабанов П.*, 2005; 2018) Известните до момента обекти от този тип също се вместват в кратки хронологични граници, независимо от факта, че животът в селищата, в чиято периферия се откриват, се е развил много преди появата им и със сигурност е продължил дълго след тяхното изоставяне. По принцип те са по-малки по площ и брой на контекстите, които съдържат, по сравнение с големите "междуселищни" обекти.

И в двата варианта на тази група обредните практики могат да бъдат сведени до няколко основни типологични групи: жертвоприношения, възлияния, палене на огън на място, изграждане на някакви структури, съзнателно насипване в ямата на запълнител с различни характеристики, събиране в ямата на останки от ритуали, възможно извършени на друго място, засипване на ямата с материали, носени от други места. Особен интерес сред последните са фрагментите от есхари. Поставянето им в яма, изкопана, за да бъдат извършени някакви ритуални действия подсказва, че те са имали отношение към домашните култове.

III.

Натрупването на материали вече позволява да се предложи обособяването и на други масиви от подобни комплекси съобразно няколко характерни признака – преди всичко ситуационен и функционален – в самостоятелни видове.

Една от сравнително ясно очерталите се към момента групи трябва да включи ямите и негативните контексти, съдържащи останки от ритуална дейност, които са свързани пряко с погребалните практики. Сред тях могат да бъдат разграничени няколко варианта. Първият трябва да обхване ямите и негативните комплекси, съдържащи останки от обредни действия, които се откриват в насипите на надгробни могили или се намират непосредствено до тях и са очевидно свързани със самия процес на издигане на надгробното съоръжение (*Филов Б.*, 1934; *Агре Д.*, 2001; *Балболова М.*, 2003; *Агре Д.*, 2011; *Дичев Д.*, 2014; *Балабанов П., Пантов* 2019). Веднага трябва да се отбележи, че за момента ние не разполагаме с информация, която да позволи еднозначна интерпретация на смисъла на извършените в тях ритуали. Показателно е например, че в няколко случая освен ями в могилните насипи са открити и ритуални огнища, дори есхари или други подобни съоръжения (*Агре Д.,* 2001; *Балболова М.*, 2003). Това навежда на мисълта, че самият процес на издигането на надгробните могила е бил съпроводен, поне в някои случаи, с извършването на обредни действия. Разнообразието на документираните археологически наблюдения за тях показва, че те са имали различни цели. Съвсем друг е въпросът кои от тях и доколко са били част от процеса на изграждане на могилния насип сам по себе си, кои са неразделна

част от самият погребален ритуал, кои трябва да се свържат с поминалните практики и кои са имали друг смисъл.

Друг вариант на останки от ритуална дейност от тази категория, са контекстите, съдържащи останки от погребална трапеза, известна от античната литература като "тризна". От своя страна те имат няколко разновидности. Най-характерен е примерът в основата на известната могила край с. Златиница, където тази роля са изпълнявали два рова, поставени под прав ъгъл един спрямо друг, на изток от основната гробна яма (*Агре Д.,* 2011). Аналогията във формалните характеристики с подобна конструкция, документирана в светилището край Малко Тръново (*Тонкова М.,* 2010) не е достатъчен аргумент за търсене и на смислова такава, но последната не бива да се пренебрегва като възможност.

Трети вариант от тази група– ями, разположени в непосредствена близост до могилния насип – биха могли с висока степен на сигурност да се обвържат с обреди в рамките на поминалните дейности.

За момента можем само да констатираме, че в плоските некрополи от същото време аналогични останки се срещат сравнително рядко.

В някои обекти, проучени през последните десетилетия, може да се предположи търсенето на приемственост между стандартни некрополи, ритуални ями и по-късно насипан могилен насип. Най-показателни в това отношение са резултатите от многогодишното проучване на терена, на който е била издигната известната надгробна могила в м. "Юреня", Новозагорско (*Игнатов В., Кънчева-Русева Т., Велков Кр.,* 2006), както и на могила „Хеликон" в некропола на античния Деултум (*Балабанов П.*, 2018а)

IV.

Още една група, от която за момента са известни доста малко на брой обекти представляват ямите, в които са документирани контексти, носещи информация за обредна дейност, открити в синхронни селища или жилищни комплекси. Скромният брой на ямите, както и различното равнище на публикациите, не позволяват към момента за тях да бъде предложена еднозначна интерпретация. Сред находките от последните години заслужава да отбележим два обекта, съобщени от М. Тонкова (*Сидерис Я.,, Тонкова М*.,2011; *Тонкова М., Сидерис Я*., 2012; *Тонкова М., Тонева, Георгиева Р., Димитров М.,* 2012). Сравнително рядко в селищни структури са документираните ями с останки от жертвоприношения под огнищата в жилищни помещения . Обичаят е запазен и по-късно, в частност до началото на XX в. в Странджа, при строителството на нови къщи.

V.

От гледна точка на подбирането на адекватна методология на изслед-

ванията на феномена на обредната дейност, свързана с подготовката на негативни контексти и извършваните в тях обредни действия, е логично така набелязаните видове обекти да бъдат разглеждани и интерпретирани преди всичко сами за себе си. За всеки един от тях могат да бъдат набелязани още сега ред проблеми, които заслужават самостоятелно разглеждане. На първо място е необходимо да се определят действени критерии, валидни при интерпретацията на сходни комплекси, както и тези, свързани с аналогични ритуални практики. Например в групата негативни контексти от насипите на могилните некрополи, все още не може да бъде определен критерий, според който да се прави разлика, между ямите, съдържащи останки от тризна или от помен, както и на тези, в които е извършен самостоятелен обред с друго значение.

Друго направление на търсенията е изясняването на факторите, предопределили географските и хронологически рамки на появата и динамиката на разпространение на феномена в Древна Тракия и съседните земи. Предстои например да се потърси обяснение на несъответствието между сравнително кратките хронологически граници, в рамките на които са датирани известните досегашни комплекси от могилните насипи, в сравнение с тези от ямните светилища. Остава необяснимо и „пътуването“ на разглежданите обекти от юг на север във времето.

Интерес представлява хипотезата, че в рамките на отделните ямни светилища могат да се обособят ями, обикновено с по-големи размери и нетрадиционни форми, играли ролята на своеобразни “ботроси” на съответния теменос, както и предположението, че изоставянето на конкретното поле е било свързано с извършването на някакъв специален ритуал.

Решаването на тези и на други проблеми значително се усложнява от липсата на установени правила в ритуалната дейност, валидни за продължителен период от време и за цялата територия на Древна Тракия. Днес е трудно да се прецени кои са причините за сериозните разлики, документирани в останките от обредност дори в еднотипни на пръв поглед обекти. Ето защо е възможно освен делението на категории на негативните контексти да се пристъпи и към обособяването сред тях на групи по териториален и хронологичен признак. Досегашните проучвания позволяват в подобен масив да бъдат обособени ямните светилища от VI – III в. пр. н. е. в Югоизточна България, а в друг – тези, разположени между средното течение на р. Марица и р. Тунджа. Според резултатите от досегашните проучвания могат да бъдат обособени в самостоятелна група контекстите от могилните насипи на богатите тракийски погребения в района на средното течение на р. Марица и Казанлъшката долина, независимо от документирането на подобни обекти в Странджа. Интересни заключения

биха били направени след едно прецизно сравнение на комплексите от VI в. пр. н. е. с тези от края на V – началото на IV в. пр. н. е. Изследването на подобни, обособени във времето и пространството еднотипни комплекси, съпроводено със сравнителен анализ на останките от ритуална дейност, ще ни даде възможност за значително по-точни наблюдения и формулиране на по-достоверни аргументи при тяхната интерпретация.

Разбира се, изследванията на феномена не могат да се ограничат с археологическите обекти от днешната територия на България. Определен прогрес в тяхното изследване има и в Румъния, Молдова, Украйна, Руската федерация. Известни са интересни контексти от този тип в Гърция. Липсата на по-определена информация за наличието им в териториите на Северна Македония и европейската част на Турция не може да се тълкува като доказателство, че там те липсват. Нещо повече. Отдавна е известно наличието на подобни контексти в Мала Азия, и други райони по бреговете на Средиземно море. Решаването на частния кръг от проблеми, свързани с паметниците от територията на съвременна България, не може да бъде пълноценно, ако не се впише в големия кръг на сходни по своя характер изследвания за еднотипни обекти в целия Средиземноморски регион.

Thracia Balcanica 1, 2022, 77-120

"ADD SALT TO TASTE": THE PLACE OF THE PROVADIA – SOLNITSA SALT EXPLOITATION SITE IN RELATION TO THE EAST BALKAN NEOLITHIC AND CHALCOLITHIC AND THE VARNA CEMETERY

Bisserka Gaydarska (Durham Univesity) &
John Chapman (independent scholar)

Abstract

In the introduction to this article, we outline the significance of salt to prehistoric diets and consider its descriptor as "the world's first addiction". We discuss the irregular distribution of salt sources in the East Balkans, highlighting salt-rich and salt-poor regions.

We then focus on the Bulgarian tell and cemetery of Provadia, inland from the Black Sea coast, where audacious claims have been made for the site to constitute **both** the earliest salt exploitation in the world **and** the first city in Europe (!). We refute both claims, beginning with the dating of other early salt exploitation sites and then turning to a summary of the recent debate concerning early urbanism in the Balkans and Eastern Europe, to which Provadia and other Balkan tells are entirely marginal.

After outlining the problems associated with the current publications of Provadia, we turn to the *chaîne opératoire* for salt production and discuss the evidence required to model each of the six stages:– the four input stages of fuel, pottery production, brine-boiling and the making of containers for the storage of salt before consumption / exchange; and the two output stages of salt output and the by-product discard of *briquetage* fragments. We then present five models for salt production at Provadia – the High-intensity, the Medium-intensity, the Low-intensity, the Sustainable and the Episodic Models. We attempt a fresh evaluation of the place of Provadia in its local, regional and inter-regional contexts, not least in relation to the Varna cemetery and the broader picture of the East Balkan Neolithic and Chalcolithic.

Keywords: Provadia - Solnitsa; salt exploitation; Bulgaria; Neolithic; Chalcolithic; Varna cemetery; briquetage; *chaîne opératoire*, AMS dating; congregation

1. Introduction

There are two contrasting approaches to the demand for salt – as a physiological necessity and as part of a cultural practice. It is a standard, if narrow, view that salt is a physiological necessity for humans (*Multhauf R.P.,* 1978), with the partial replacement of meat and fish protein by plant-based diets at the start of the Neolithic raising the need for salt supplements (*Tasić N*., 2000). Multhauf (1978, 4) has claimed that salt was "the primordial addiction." However, the consumption of food as a multi-dimensional social practice means that we should not overlook the cultural importance of salt for taste in many dishes. Other Neolithic innovations (or intensifications), such as dairying and especially cheese production, the preservation of meat and fish, the provision of salt as a supplement to domestic ruminants and its use in pottery-making and tanning, combined to increase the demand for salt (*Chapman J., Gaydarska B.,* 2003:203-4).

Chapman & Gaydarska (2003) have modelled the range of domestic salt requirements, based on three estimated daily salt demands: low, medium and high (**Table 1**). Even if salt was not deliberately added as a

Table 1 Estimates for the human and animal consumption of salt (kg.) for a village module (source: *Chapman J., Gaydarska B.*, 2003, Table 5)

	LOW INTAKE	MEDIUM INTAKE	HIGH INTAKE
PER DIEM	Humans - 5g per day	Humans - 10g per day	Humans – 15g per day
100 PEOPLE	0.5	1.0	1.5
30 CATTLE	0.3	0.45	0.75
150 SHEEP	0.45	0.9	1.5
TOTAL	1.25	2.35	3.75
MONTHLY			
100 PEOPLE	15	30	45
30 CATTLE	9	13.5	22.5
150 SHEEP	13.5	27	45
TOTAL	37.5	70.5	112.5
ANNUAL			
100 PEOPLE	180	360	540
30 CATTLE	108	162	270
150 SHEEP	162	324	540
TOTAL	450	846	1350

food supplement for animals, human salt requirements were cumulatively rather high, with even the low salt intake amounting to 180kg *per annum* for a typical tell village population. This makes the accurate definition of the distribution of salt a priority for any regionally-based prehistoric salt research.

The key fact in salt research in the East Balkans concerns the evident regional disparities between extensive brine sources, and even some rock salt sources, in Eastern Romania, and the paucity of salt sources in Bulgaria (**Fig. 1**). Intensive ethno-archaeological research into Moldavian sources

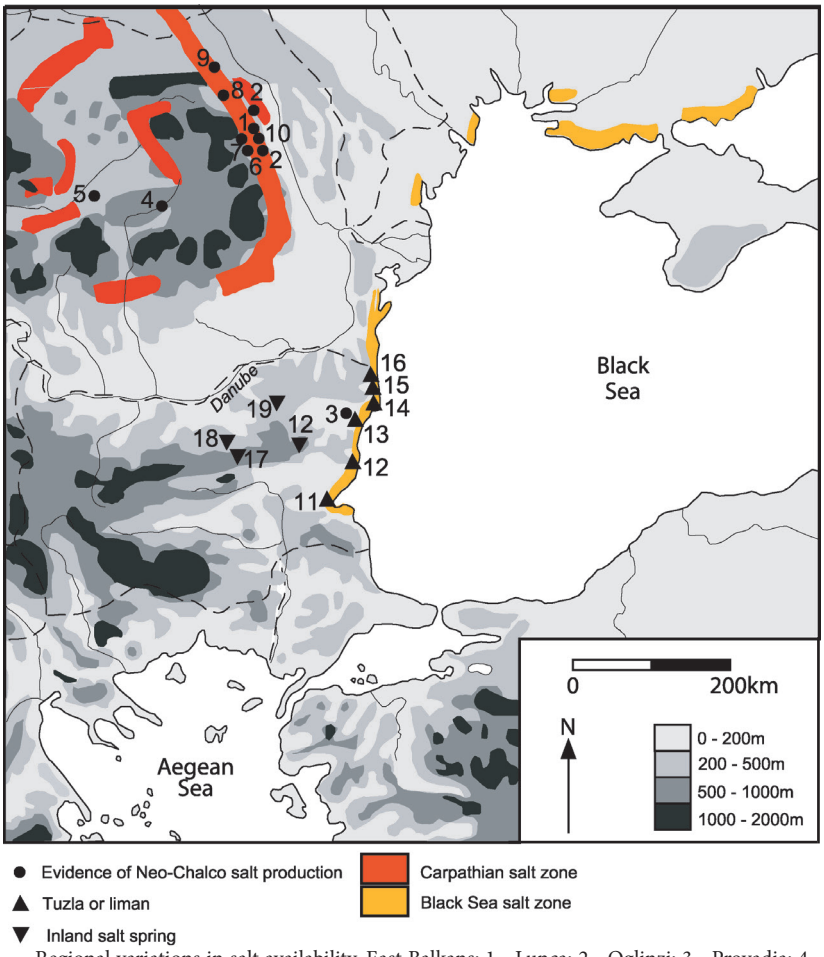

Fig. 1 Regional variations in salt availability, East Balkans: 1 - Lunca; 2 - Oglinzi; 3 - Provadia; 4 - Olteni; 5 - Păuleni; 6 - Poduri; 7 - Cucuieti; 8 - Solca; 9 - Cacica; 10 - Ţolici; 11 - Pomorie; 12 - Kamchiya; 13 – Balchiska tuzla; 14 - Taukliman; 15 – Shablenska tuzla; 16 - Durankulak; 17 - Majsko; 18 - Ljubentsi; 19 – Maluk Porovets; 20 - Ivanski (source: authors, re-drawn by L. Woodard)

(*Alexianu M., et al*., 2011; *Monah D., Dumitroaia Gh.*, 2007) has recently been amplified by GIS-based studies (*Weller O*., *et al.*, 2007), indicating the early exploitation of salt springs at Early Neolithic Lunca (*Dumitroaia Gh*., 1994; *Weller O., Dumitroaia Gh.*, 2005) and Ţolici (Sordoillet et al. 2018) as well as the significance of salt sources in Late Neolithic Cucuteni communities (*Monah D.*, 1991; *Weller O., et al.,* 2011). It seems probable that the main reason for the development of the only known tell in the Cucuteni group – at Poduri – was its control of the exploitation of a network of nearby salt springs (*Monah D., et al*., 2003; *Chapman J., Monah D.*, 2007).

By contrast, salt research in Bulgaria hardly developed before the 2000s. One part of the British Academy-funded salt network (2002 – 4) led to fieldwork in Bulgaria, where ethno-historic research helped to identify a small number of often minor Neolithic – Chalcolithic sites near salt sources on the Black Sea coast and inland (*Gaydarska B*., 2003). The exception to these sources which Gaydarska (2003) recognised was the founding of a Chalcolithic tell beside a salt source at Provadia. This site had great potential for a future international venture but this was cut short in its initial phase, officially by the bureaucracy of permits for international project but unofficially because of the emerging research plans of the then director of the AIM-BAS, who started excavations there in 2005.

The Provadia salt springs were re-discovered by Bulgarian soldiers in 1917. Once the subterranean salt dome which created the springs was recognised as an important salt source – perhaps the most important in Eastern Bulgaria, initial exploitation of the salt dome began immediately, with gathering momentum through the 1920s, but it was only in the 1950s that 'industrial-scale' socialist production began. A downturn occurred in the late 1980s, when small-scale brine was exported to the nearby industrial complex at Devnya. In 2000, Solvay became the main stakeholder of the Devnya and Provadia plants and their operation continues until today (*Христов Н.*, 2008).

Four separate elements of the complex site have been identified: (a) a multi-period tell occupation in the Late Neolithic and Middle to Late Chalcolithic, which included the construction of a poorly dated perimeter stone wall in some phase of the Chalcolithic; (b) salt exploitation on the tell (early Late Neolithic) and off the tell (late Late Neolithic, Early and Middle Chalcolithic, with claims for later, Late Chalcolithic solar

evaporation); (c) ritual deposition in off-tell pits (Late Neolithic, Middle and Late Chalcolithic); and (d) a Late Chalcolithic cemetery, with other burials as the final deposition in former salt installations. These excavations have been reported in three monographs (*Николов В*., 2008; *Николов В., и кол.*, 2009; 2021), annual reports to the Bulgarian national excavation committee (AOP, 2005 onwards) and various other articles and book chapters. We present a summary of the salt-boiling or solar evaporation installations below (**Table 2**).

Table 2 Types of data required to model the stages of the *chaîne opératoire* for salt production

Stage	**Main characteristics of operation(s)**	**Evidential basis**
general/a	Population size (labour available for all operations)	Size of dwelling area Type and size of houses
General/b	Temporality of salt-boiling operations	AMS dating of salt-boiling operations AMS dating of coeval dwelling units
1a	Gathering and storage of fuel: pottery-firing	Volumetric estimates, pottery Type of woodland environment Distance of woodland from settlement Type and size of storage facilities
1b	Gathering and storage of fuel: brine-boiling	As for Stage 1a
2	Production of pottery	Quantities of clay and temper Spatial zones for pottery-firing
3	Brine-boiling	Flow and salt strength of brine springs Distance of springs from settlement
4a	Production of containers for storage of salt before consumption / exchange: linen bags	Availability of flax Local potential for retting of flax Labour estimates for spinning Labour estimates for weaving Type and size of storage facilities Balance between local consumption and wider exchange
4b	Production of leather bags	Availability of domestic animals Slaughter patterns for cattle, sheep and goats Labour potential for tanning leather Labour estimates for making bags Type and size of storage facilities
4c	Production of wooden boxes	Type of woodland environment Distance of woodland from settlement Type and size of storage facilities
5	Production of dry salt	Volumetric estimates of installations Volumetric estimates for *briquetage* (published pottery drawings)
6	By-production of *briquetage* fragments	Volumetric estimate of sherd dumps Estimates of volume of *briquetage* fragment discard

In this article, we continue the critique over the salt production site of Provadia, which started with Fol and Spiridonov (*Фол Ал., Спиридонов Т.*, 2022:129-145 [in print]), with four aims in mind: (1) an investigation of the claims that Provadia is not only the earliest *briquetage*[1] site in the world but also the first urban complex; (2) a general characterisation of the *chaîne opératoire* of salt production; (3) the development of five models for salt exploitation at Provadia; and (4) a re-consideration of the place of Provadia salt exploitation in its local, regional and inter-regional contexts.

The world's first briquetage site

At the outset, it is important to evaluate the grandiose claims that Nikolov et al. (*Николов В., и кол.*, 2021:21) make for Provadia. Nikolov's (*Николов В.*, 2008:339) proposal that the complex was Europe's earliest salt exploitation site has been scaled back to Europe's first use of *briquetage* for brine boiling (*Николов В., и кол*., 2021:21). This second conclusion is in concordance with the earlier dates for the Lunca –Poiana Slatinei site (*Weller O., Dumitroaia Gh.*, 2005), as well as the results of Sordoillet et al.'s (2018) soil micromorphological and geochemical analyses that *briquetage* was not used at the Early Neolithic Moldavian salt sites of Lunca and Ţolici. However, there are now several claimed salt production sites with 6th or 5th millennium cal BC dates for the boiling of brine in vessels. The exploitation of the Early Neolithic site of Moriez, in the French Alps, has been dated to the first half of the 6th millennium cal BC (*Morin D.*, 2003). The proposal that funnel-shaped coarse vessels from Körös sites such as Ibrány-Nagyerdő were used as *briquetage* (*Kalicz N*., 2012: disputed by *Bánffy E*., 2015, 200) would place the dating of salt exploitation in the North Carpathian Basin in the 2nd half of the 6th millennium cal BC. The absolute dating of the Vinča C phase equivalent to the Vinča pottery of the kind associated with the use of *briquetage* at the Bosnian site of Donja Tuzla (*Chapman J.,* 1981, 113 & Fig. 58) is 5020/4905 – 4550/4445 cal BC (*Whittle A., et al.,* 2016, 31 & Fig. 37). Equally, despite the lack of AMS dates in direct association with the Late Lengyel pottery used to boil brine at a series of sites near Kraków, Southern Poland (Prybyła 2017), the relative dating for the ceramics suggests a date in the mid-5th millennium

[1] '*Briquetage*' refers to the vessels in which brine is boiled to produce hard salt – vessels which have to be broken to extract the salt (*Daire* 2002; *Olivier L.,* 2000; *Sordoillet D., et al.,* 2018).

cal BC (cf. Lengyel 3 in Hungary: 4625 – 4550 cal BC: *Regenye J., et al*., 2016, Fig. 16). Thus the current view of the invention of the *briquetage* process posits a multi-centric process stretching from the Black Sea coast to Southern Poland and the French Alps over 1.500 years in the 6th–5th millennia cal BC.

The earliest urban centre at Provadia?

When it comes to the question of early urbanism at Provadia, there has been a lively discussion in the last decade over urban forms that emerged before the commonly accepted Mesopotamian urbanism (*Fletcher R.*, 2012; *Wengrow D.*, 2015; *Gaydarska B.*, 2016; *Graeber D., Wengrow D.*, 2021). There are two reasons why Provadia never became part of this discussion: (1) the poor theoretical justification for its urban status, which led to (2) a lack of serious arguments to be considered against recently developed urban definitions (*Gaydarska B*., 2021; *Smith M. L.,* 2003; *Smith M. E*., 2016). The principal development has been the broadening of the urban agenda to include a massive diversity of cases across the world and the identification of 'Great Anomalous Sites' (or 'mega-sites') defined as low-density urban forms and running in parallel to the traditional high-density nucleated model (*Childe G*., 1950; *Adams R*., 1965). The claim that Provadia can be classified as an urban centre has lost all credibility as it is based on an outdated theoretical framework. As Fol and Spiridonov (*Фол Ал., Спиридонов Т.,* 2021:149-154 [in print]) have observed, the claim has been overtaken by rapid recent developments in the urban debate!

While the importance of local context in the definition of what is a town/city is rightly acknowledged (Николов и кол. 2021, 161), in essence, their justification of urban status depends on two aspects:– the high-intensity, 'industrial' production of salt and its long-distance exchange. While the core of this article concerns the scale of salt production at Provadia (see below), the question of salt exchange is puzzling. It is clear that the absence of local salt sources in large parts of prehistoric Bulgaria (Fig. 1) encouraged the possibility of inter-regional salt exchange, especially with Thrace (*Gaydarska B., Chapman J*., 2007). However, the periods of the Provadia site with evidence for salt exploitation (Late Neolithic and Middle Chalcolithic) do not coincide with evidence for prestige imports, which were rare even in Late Chalcolithic contexts (e.g., the copper shaft-hole axes from Pit 3 and a Late Chalcolithic grave: *Николов В., и кол.,*

2021, Figs. 77 & 98).

Other criteria often discussed in the context of urban status include site size, the scale of storage facilities and the presence of fortifications. The size of the Provadia tell at 105m diameter (or 0.8ha) reveals that it is one of many dozens of small tells in the East Balkans, which has been estimated to support a population of 150 - 200 people (*Chapman J.*, 1989). Nikolov's assumption of 400 people on the tell would double to 800 people if two-storey buildings had been built (*Николов В., и кол.*, 2021:166) but this is pure conjecture. However, taking the size of the tell in conjunction with the widely accepted population density of 200 people per ha leads to a maximal estimate of c. 200 people on the tell. While this tell may indeed be larger than the Poljanitsa tell (*Todorova H.*, 1982), Provadia's size is by no means exceptional for Chalcolithic tells in the Black Sea zone and is miniscule in comparison with Trypillia mega-sites such as **Taljanki** (340ha), **Nebelivka** (238ha) or **Majdanetskoe** (200ha) for which early urban status has been claimed (*Gaydarska B.*, 2020).

Storage is often considered to be fundamental to the creation of urban complexes. It is indeed curious that no salt storage facilities have yet been identified in domestic contexts on the tell. The significance of the storage of salt between the boiling phase and the consumption phase has been generally neglected, as has the storage of fuel for drying out, containers to hold the salt and pottery to boil the brine. In our modelling, we seek to restore storage to its rightful place in the salt-making *chaîne opératoire* (see below).

On the theme of fortifications, the stone walls with bastions overlie the Late Neolithic tell layers but there are no AMS dates to place the walls securely within any Chalcolithic phase. Moreover, very few weapons have been found on the site (*Николов В., и кол.*, 2021, Fig. 92/11). A preliminary estimate of the labour required to construct the three separate drystone walls shows a range of 3,690–8,003 person-days (or between 36 days and 80 days for a workforce of 100 people), indicating a completion in one or two construction seasons. In general, it is not stretching the evidence to suggest that the walls attest a monumental status rather than a military function.

It is clear that not even the relational approach to urbanism developed by Gaydarska (2020) and applied here cannot strengthen the case of urban status for Provadia. Although the site is neither the first salt production

centre in Europe nor Europe's first city, it is, however, a very important prehistoric site with evidence for salt exploitation and developing social complexity. However, not every single tell with specialized production can be re-classified as an urban centre!

Problems with the Provadia narrative

The greatest single problem for an understanding of the Provadia complex is the way that the existing publications obfuscate any evidence that may exist for the intensity and scale of the salt exploitation. There are four principal problems with the data so far published on Provadia: (1) the lack of a *chaîne opératoire* for salt production; (2) missing data; (3) an absence of an understanding of the temporality of the salt production cycle; and (4) a failure to comprehend the question of the scale of production.

First, there are epistemological grounds for doubting the logical structure of Nikolov's account, since he proceeds from the excavation data directly to the interpretation of these data with only a very partial specification of the assumptions on which the interpretation is based. There is no consistent development of the *chaîne opératoire* of salt production which could be used to link people, resources, time, scale, planning or logistics – in short, to make sense of the complex excavational data.

Secondly, there are no overall estimates for the number of vessels used for boiling the brine (*briquetage*). There are occasional, inconsistent mentions of vessel numbers from time to time, such as the minimum estimate of 500 vessels plucked out of the air for the 30m^3 sherd deposit in Middle Copper Age Installation 1a and a brief mention of a layer of such sherds of unknown thickness, said to cover 0.5ha of the off-tell exploitation area (*Николов В., и кол.*, 2021:168).

Thirdly, since there is no sense of scale and temporality, the production cycles are entirely unclear. The length of the production cycle is vital to establish whether the *briquetage* was used in one firing, ten, one hundred or more. The length of time any installation was in use is nowhere specified, although 200 years is claimed for the late-phase Late Neolithic pits. It is also essential to know the number of coeval installations; the claim that five late-phase Late Neolithic installations were in coeval use (nos. 10, 14–17) (*Nikolov V., et al.,* 2021:54) is unsupported by AMS dating or ceramic typology.

(4) Finally, the publications show has no understanding of the concept

of scale of salt production. There have been claims for an 'industrial' scale of salt production at Provadia. But we have only to compare the 30 m^3 of broken sherds in one installation at Provadia with what Olivier terms a 'proto-industrial' operation at Seille, where AD 18th c. estimates of the size of the three largest piles of broken vessels ranged from 260,000 m^3 to 600,000 m^3 to one million m^3 – an estimated total of 1,93 million m^3 (*Olivier L., & Kovachik J.,* 2006). The designation of the Provadia production as 'industrial' is a classic case of Balkan hyperbole.

In summary, all the estimates that Nikolov et al. (*Николов В., и кол*., 2021) provide point to how much salt **could** be produced, not how much **was** produced. In the light of these problems, we have returned to the primary excavation data in an attempt to model salt-production operations at Provadia. Since the modelling process is wide-ranging and detailed, we can only present key results at this juncture, omitting the estimates for dry-stone-wall building and land use requirements. But a comparison of five models of salt production, including the High-intensity Model based upon Nikolov et al. (*Николов В., и кол*., 2021) will give the reader an *aperçu* of the interpretational possibilities of this production site.

Modelling salt production at Provadia

Readers will have understood the centrality of the *chaîne opératoire* to our understanding of salt production. We believe that earlier studies of prehistoric salt production (e.g., *Harding A., Kavruc V.*, 2013; *Harding A*., 2013) have concentrated so much on the technologies of salt production that they have neglected the two parallel production lines required for the completion of salt production – viz., pottery production and the making of containers from wood, linen or leather – two of the crucial elements of what Clive Gamble (2007) has called 'the container revolution'. Although any method of salt production would have necessitated major storage capacity, the acceptance of the method of brine- or seawater-boiling in special vessels (*briquetage*) as the principal technology led to a major expansion in pottery production, as recognised in general terms by Nikolov et al. (*Николов В., и кол.,* 2021:168). An important question is the extent to which reliance on single-use *briquetage* meant that the volume of possible ceramic production could be a limiting factor on salt production.

The basis for any serious modelling of salt-production is the creation of a *chaîne opératoire*. We propose six stages in this *chaîne*, comprising

four input stages and two output stages. The input stages are: Stage 1: collection and storage of fuel for: Stage 2: the production of vessels for the transport of brine from the spring(s) to the installation(s); Stage 3: the boiling of the brine in specially-made installations; and Stage 4: the making of containers of wood, linen or leather for the storage and transport of the dry salt prior to consumption or exchange. The output stages are: Stage 5: the quantity of dry salt released by the smashing of the *briquetage*; and Stage 6: the by-product of large quantities of *briquetage* fragments. The types of data required to model each stage are presented below (**Table 3**). The absence of quantified data for most of the stages means that this can

Table 3 Household input and output data per calendar month of the firing season for five salt production models at Provadia (GREEN - early production (LN – ECA); RED - late production (MCA))

	High-intensity	Medium-intensity	Low-intensity	Sustainable	Episodic
Stage 1a: fuel collection	13 – 73 / 230 – 400 p-days	13 – 23 / 320 p-days	8 – 13 / 180 p-days	3 - 5 / 90 p-days	2 – 4 / 28 – 57 p-days
Stage 1b: timber storage	7 - 77m^3 / 57 – 870m^3	10 - 15m^3 / 10 - 120m^3	6 - 8 / 5 - 32m^3	3 - 4 / 3 - 16m^3	2 / 3m^3
Stage 2: pottery production input	480 / 2,760 – 3,160 p-days	80 – 120 / 224 - 640 p-days	40 - 80 / 66 - 98 p-days	20 - 40 / 33 – 49 p-days	1 – 5 / 2 – 7 p-days
Stage 3: brine-boiling input	3,600 – 23,400 / 460,800 – 3,060,000 litres	1,200 – 7,800 / 153,600 – 1,020,000 litres	480 – 3.120 / 61,440 – 408,000 litres	240 – 1.560 / 30,720 – 204,000 litres	120 – 780 / 15,360 – 102,000 litres
Stage 4: linen bag input	360 – 2,340 / 55,300 – 145,000 bags	120 - 780 / 8,000 – 21,000 bags	48 - 162 / 1,840 – 4,840 bags	24 – 81 / 920 – 2,420 bags	2 – 13 / 128 – 208 bags
Stage 5: dry salt output	720 – 4,680 / 110,600 – 290,000 kg	240 – 1,560 / 16,000 – 84,000 kg	96 - 324 / 3,680 – 9,680 kg	48 – 162 / 1,840 – 4,840 kg	4 – 26 / 256 – 416 kg
Stage 6: discard of *briquetage* sherd output	1 - 12 / 38 - 64 m^3	0.4 – 3.2 / 5 – 9 m^3	0.2 – 0.4 / 1.3 – 2 m^3	0.1 – 0.2 / 0.65 – 1m^3	0.001 – 0.01 / 0.06 – 0.1m^3

only represent preliminary modelling, with improvements in accuracy with the publication of more rigorously quantified excavational data. Given the paucity of hard data from the excavation reports, all of these calculations have a minimum built-in error factor of 25% and perhaps more. We begin with basic parameters for any model – the temporality of the salt production

and the size of the local population.

There are various aspects of the **temporality of salt production** which are of interest – the seasonality of production, the number of years in which salt production was in continuous operation, and the longer-term periods when salt production was or was not operating.

On the first question, there is no direct chronometric or palaeo-environmental evidence related to seasonality of production. There are good logistical and environmental reasons – including snow cover and unhelpfully low temperatures - for limiting the brine-boiling season to six months *per annum*, particularly if solar evaporation became the preferred technology in the Late Chalcolithic.

For the second question, there is no current way of estimating the number of continuous cycles of production at any single salt-boiling installation at Provadia, although the data modelled in the Episodic model offer some suggestions. This lack of basic data complicates all attempts at modelling, while at the same time undermining claims for the long-term basis for salt production at Provadia. This leaves open as a possible *modus operandi* intermittent episodes of production at an as yet undetermined scale.

For the question of longer-term continuities in production, a seemingly impressive set of 32 AMS dates has been published (*Николов В*., 2017). However, there are issues with the materials dated, the presentation of the dates and the question of what is actually being dated. The samples for all of these dates except those from mortuary contexts were probably charcoal, with the old-wood effect undermining their accuracy. Thus, there are serious reservations about the dates for the tell occupation and the salt production installations. Moreover, the dates are neither presented in a standard fashion (viz., according to Millard 2014) nor utilised according to best practice as established by the TOTL Project's dating of the Neolithic tells of Vinča-Belo Brdo (*Tasić N., et al.*, 2016) and Uivar (*Bayliss A., et al.*, 2020). Some dates are published as calibrated date ranges – e.g., 5570 – 5470 cal BC - (whether 1 or 2 sigma is not made clear consistently); other dates are published as calibrated dates with their standard deviations – e.g., 4630 +/- 60 BC; while other dates are glossed as a century or more – e.g., the 59th – 48th century cal BC (*Nikolov V.,* 2017). Worst of all, no lab numbers are quoted and no uncal BP dates have been published, vitiating any independent adjudication of the site's internal chronology.

It is important to note that the events and social practices dated in the various parts of the complex – the tell, the cemetery and the ritual depositions - do not necessarily indicate coeval salt exploitation, which requires separate, independent AMS dating. It is also important to note an additional complication, viz. the vast majority of *briquetage* found at Provadia is undecorated (e.g., *Николов В., и кол.,* 2021, Figs. 17-19) and cannot be closely dated.

Nikolov's claim (2017) that there was a 1,250-year span of salt production at Provadia (5600–4350 cal BC) rests on a literal reading of the AMS dates, which in fact show the likelihood of lengthy periods of salt-production inactivity (**Fig. 2**). There are no AMS dates for early-phase Late Neolithic salt production, while the seven AMS dates for late-phase Late Neolithic tell settlement do not overlap with the only AMS date for brine-boiling in this period (5210 +/- 70 cal BC). There follows a hiatus in tell occupation and dated salt production of over 300 years (5125–4775 cal BC). One of the two AMS dates for Middle Copper Age salt production (4730 – 4530 cal BC and 4610 – 4440 cal BC) overlaps with MCA tell occupation, while the other post-dates it. Although there are AMS dates for Late Copper Age tell occupation and cemetery burial, there are no

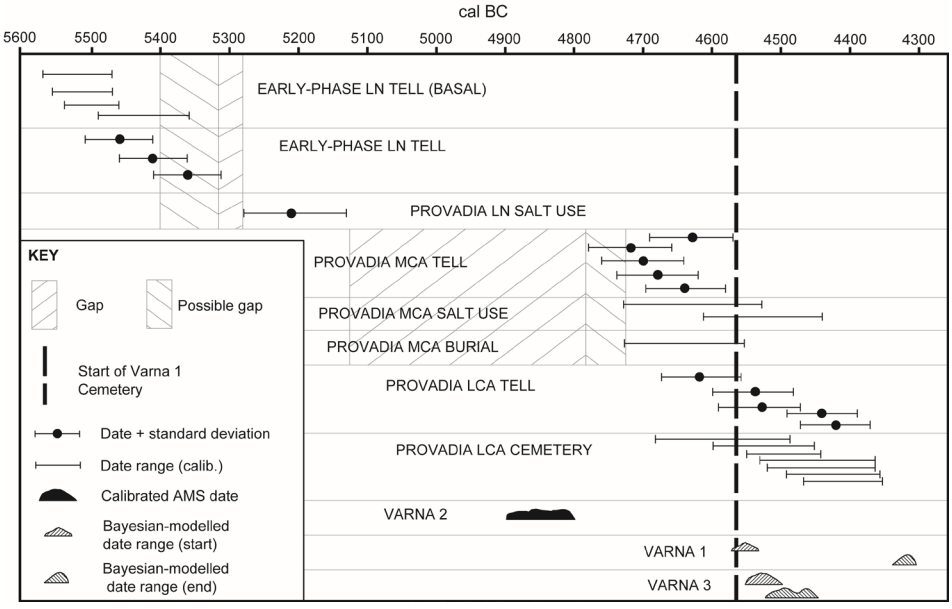

Fig. 2

corresponding dates for salt production.

In summary, we assume a six-month brine-boiling season from April to September, with currently no evidence for the number of continuous seasons in which brine-boiling was in operation. Rather than a constant and continuous 1,250-year exploitation period, these AMS dates indicate discontinuous salt exploitation at Provadia (Fig. 2); reasons for this temporality are discussed below (p. xxx).

Turning to the basic parameter of **local population size**, we have already concluded from the size of the tell, in conjunction with the widely accepted population density of 200 people per ha, that the maximal population estimate for the Provadia tell community was c. 200 people. Based upon the limited published production data, even Nikolov et al.'s (*Николов В., и кол*., 2021) inflated estimate of a local tell population of 400 – 800 people (see above, p. xxx) was insufficient for the scale of hypothesised salt-boiling. However, as Nikolov et al. acknowledge, the more accurate population estimate of c. 200 people makes the labour issue even more serious, especially with the lack of evidence for people living off the tell within the Provadia complex. The lower baseline population estimate of 200 people is important for calculations of land use capability, local salt requirements and therefore the potential for exchange of surplus salt. But the most important aspect is the amount of labour (presented in terms of person-days) available for all the stages of the *chaîne opératoire* of salt production.

One of the most onerous stages in the entire *chaîne opératoire* concerns the collection and preparation of **timber for fuel** for both pottery-firing and brine-boiling. Two estimates for each operation are provided – one in which fuel is gathered and prepared throughout the year and the second where fuel is collected during the intensive pottery-making and brine-boiling cycle. However, because of the high volume of other activities, it would have been a logistical nightmare to do anything other than collecting and processing timber throughout the dry season. These calculations are based upon 10 person-days devoted to collecting, transporting, cutting and preparing 6 cu. m. of timber (or two medium-sized trees). The volume of requisite fuel indicates the need for separate timber storage areas in addition to dwelling-houses so that the fuel could dry out and mature for burning.

The next stage in the overall salt production sequence was the large-

scale **production of pottery** to carry the brine from the Provadia springs and boil it in the installations. It is important to emphasize that salt-boiling cannot occur without a pottery production process of commensurate scale. The summary statistics for pottery production conceal much detail for the 14 individual stages of the *chaîne opératoire*, as defined by Sofaer (2015). This work is divided into days of active work (e.g., collecting the clay and temper, forming the vessels and firing the pots) and 'rest' days, when little active work is required from the potting team (e.g., days for soaking the clay, drying or cooling the vessels). Both the low-and high-intensity phases of production required a communal effort by the entire tell population. Nikolov et al. (*Николов В.,и кол.,* 2021, 47, 65) note that the inner surface of the vessels was lined with kaolinite, which could have been brought from a distance of 40-130km from the two sources known in North East Bulgaria.

The starting-point of the model is the mean volume of salt-pots derived from pottery illustrations (*Николов В., и кол.,* 2021, Figs. 5-8, 17–21, 27–31 & 49–59), which provides an estimate of not only the mean volume of clay required for making the different types of vessel but also the number of vessels that could be placed in the installations (see **Table 2**). Here, it is assumed that vessels of the 'small' size category were not used for salt-boiling but for other uses, including soaking cheese in brine. The 'least effort' assumption is that, at least from the late-phase Late Neolithic to the Middle Copper Age, the installation pits were excavated for their clay, which was used to form the pots which were then fired in the pits before brine-boiling in the same pits[2]. The size of the installations also give an indication of the number of vessels used per firing operation, without necessarily providing clues as to the number of firings and their frequencies. These data are used to model the estimated minimum number of vessels for brine-boiling by period, in turn enabling an estimate the time required for their production.

The third input for salt production was the **supply of brine** from the Provadia salt spring(s). The absence of any evidence for the output volume of the salt springs(s) makes it difficult to make calculations allowing for an estimate of the brine input from the local salt spring(s), which could then lead

[2] The oven-boiling of salt in the early-phase Late Neolithic meant provision of potting clay from other pits, while multiple-use vessels would be required for the projected solar evaporation operation in the Late Copper Age.

to estimates of the hard salt output and the proportion of dry salt available for exchange after local domestic consumption. In view of Weller's (2012) criticism of Konstantinov's (1940) excessive estimated salt yield for the Provadia salt spring of 312g/per litre, we have used the estimated yield of 200g of dry salt per litre of brine – a far higher salt concentration than in the Moldavian salt springs. Brigand and Weller's (2015) classification of the Moldavian salt springs differentiates between weak, moderate and strong water flow (not further quantified) and moderately saline springs producing 30 – 80g of salt per litre, very saline springs with 80–110g/per litre and exceptionally saline springs with over 100g/litre. Clearly, the salt yield at Provadia places it in the category of exceptionally saline springs.

One of the key changes in Holocene Europe was what Clive Gamble (2007) has termed the '**Container Revolution**' – the creation of new kinds of spaces for social practices. These spaces include villages, houses and pottery. It will soon be recognised that salt production was impossible without several forms of container for storing the product - the final input for salt production. Four possible storage methods were available: additional pottery production, wooden containers, basketry containers and textile bags. None of these containers was particularly suitable for large-scale storage and each of them required high labour input during several stages in their own complex *chaîne opératoire*. Some processes also involved the use of more salt - for example, the making of leather bags would have included the use of salt in the tanning process as well as for preservation of the meat produced in the slaughter of sufficient cattle for a large quantity of leather bags. For these models, and in the absence of secure evidence for wool production in this period (*Chapman J*., 2020, Table 3.2), we have selected the production of 2-kg linen bags as an example of the salt storage issues which would have rapidly become very serious for the Provadia community. The estimate for the requisite number of linen bags was derived from the total volume of salt output in each phase.

The production of linen bags would have required the large-scale planting of flax in the arable soils near the site. However, neither Marinova (*Маринова Е.,* 2008) nor Hristova et al. (*Hristova I., et al.,* 2019) have identified traces of flax (*Linum usitatissimum*) in the botanical macro-remains from Provadia. Be that as it may, the retting of the flax would have been possible in marshy areas of the Provadia basin, while spinning

the material into linen thread would have preceded weaving into the finished shape. On a small scale, this practice would have been possible at the household level but the vast numbers of bags required for greater salt output makes it unlikely that this operation could have been completed on the tell. The household storage priority would surely have been bags of dry salt rather than pottery or fuel. One alternative to on-tell storage was a mode of exchange in which salt-seekers from other settlements brought their own linen bags in massive quantities and filled up their own bags with Provadia salt, thus reducing the storage bottle-neck. However, precise timing would have been required for the successful operation of this exchange mechanism, in which the *briquetage* would have been smashed only when the salt-seekers arrived. This solution distributes the 'problem' of flax cultivation to the other sites in the exchange network.

The estimates for the **volume of salt production** at Provadia through the brine-boiling method using large quantities of *briquetage* depend on the size of the installation (from excavation data), which equates to the number of medium-and large-sized vessels for boiling in each operation and their respective volumes (see above, p. xxx).

These estimates for the numbers of vessels in any given operation leads directly to the study of the by-products of breaking the vessels to recover the dry salt – viz., **the number of discarded fragments**. The excavation data on discard is weak, with only one quantified example of a Provadia *briquetage* dump - the 30m^3 of Middle Copper Age sherds deposited in the disused Installation 1. The excavator also mentions an unquantified layer of *briquetage* over the 0.5ha of the off-tell production area (*Николов В., и кол.,* 2021, 168). If we assume a thickness of 0.10m of this layer, the total volume of sherd discard approximates to 500m^3 – a very serious discard operation. It would be very helpful if the excavator published proper quantification of this significant deposit. To fill this lacuna, we provide a comparison from a rare example of this approach. Arnold (1991) has estimated the minimum number of vessels derived from sherd dumps near the pottery kilns in the Comoapan production area at the large urban centre of Matacapan, Veracruz, Mexico. The main pottery dump covers 7m^3, whose 5,000 sherds per cubic m Arnold equates with production on a scale greater than household production (1991:147).

In summary, the basis of the modelling of salt production at Provadia is the definition of a *chaîne opératoire* with six stages: four input stages

(fuel, pottery, brine and containers) and two output stages (dry salt and *briquetage* sherd discard). While the derivation of quantified data for each of these stages from the excavated reports proved the most challenging aspect of the modelling, the general conclusion of this research is that salt production involves much more than the boiling of salt, with critical issues of labour management and logistical decision-making at every stage of the process. We now turn to the characteristics of the five models for the production of salt at Provadia, using the baseline assumptions of the utilisation of an exceptionally saline spring or springs and a tell population of 200 people, probably living in 20 households, and with collective organisation of production at the whole-settlement level. We assume a six-month brine-boiling season which was multi-annual but over an unknown number of years over a long period of discontinuous brine-boiling.

Five models for salt production

The basic parameters outlined in the previous section underpin five different models of cumulative, annual salt exploitation: the High-intensity model, based upon the views of the excavator; the Medium-intensity model; the Low-intensity model; the Sustainable model; and the Episodic model. In the High-intensity model, there were two firings per day of the early-stage Late Neolithic domestic kiln and daily firings of the remaining installations over the six-month season. In the Medium-intensity model, firings were constrained to one per three days for the Late Neolithic and Early Copper Age operations and once per week for the Middle Copper Age pits. The Low-intensity model assumes one firing per week for the Late Neolithic and Early Copper Age installations, with one firing per month for the Middle Copper Age pits. In the Sustainable model, fortnightly firings throughout the six-month boiling season are assumed for the Late Neolithic, the Early Chalcolithic and Middle Chalcolithic Installation 7, while bi-monthly firings are assumed for the massive Middle Chalcolithic installations. The Episodic model assumes two firings *per annum* in a single house oven in the early-phase Late Neolithic, two firings *per annum* in one pit installation at a time, with sequential use of installations, in the late-phase Late Neolithic, two to three firings *per annum* in one installation in the Early Chalcolithic and one firing *per annum* of a part (perhaps a half) of any of the massive Middle Chalcolithic installations. The general similarity in scale of production in Late Neolithic and Early Copper Age

installations along with Middle Copper Age Installation 7 mean that these sites are discussed together as the 'early' stage of production, in strong contrast to the four large Middle Copper Age installations 1a, 1b, 12 and 22, here considered as the 'late' stage of production.

We present in two ways the principal characteristics of the five models: the standardization of inputs and outputs for each household over one calendar month for both the 'early' and the 'late' phases of operations (**Table 3**); and maximum annual inputs and outputs shown on a logarithmic scale by period or installation (**Fig. 3**). Both sets of results show similar overall patterns of a decline in outputs and inputs from the High-intensity model through the other four models, with only three exceptions (brine and container inputs and dry salt output for MCA Installation 7. This can be explained by more intensive use of a small installation. Otherwise, the modelling has produced a consistent set of results, with a major increase in values from the 'early' stage to the 'late' stage. While MCA Installation 1 always produces higher values than the other two installations (12 and 22), the highest input and output values in the 'early' stage vary by period, with higher pottery production values in the early-phase Late Neolithic, higher numbers of containers in the late-phase Late Neolithic and highest fuel inputs in the Early Copper Age. These minor variations relate to the size of the installations and the diachronically different ways in which they were utilised.

In terms of monthly household inputs and outputs (**Table 3**), a similar overall pattern is observed, with inputs and outputs rising by a factor of three to 13 from the Medium-intensity to the High-intensity model and the Medium-intensity inputs and outputs two to six times those of the Low-intensity estimates. The inputs and outputs further decline by a factor of two (Low-intensity to Sustainable models) and two to ten (Sustainable to Episodic models). What do these strongly contrasting differences in input and output value mean for the inhabitants of the Provadia tell?

Fuel gathering (Fig. 3/1)

In the High-intensity model (early phase), each household team provided ten to 70 person-days per month for fuel gathering in the 6-month firing season, in contrast to 10 – 20 person-days for the Medium-intensity model and a few person-days for the other three models. While household storage of fuel was possible for four models, the High-intensity model's requirement of up to 77m^3 of timber storage per household was

quite unrealistic and must have led to the construction of special storage buildings.

Increased fuel gathering in the late phase (MCA) led to an unrealistically high labour requirement of 230-400 person-days per household, which equates to more than an 8-hour working day on all seven days. Equally, it would have been impossible to sustain a household fuel storage requirement of between 600 and 10,000 m^3 for even one firing season. The other models posit manageable storage levels of up to 11m^3 per household, with feasible labour contributions of fewer than 18 days' household labour per month.

Pottery production (Fig. 3/2)

The labour requirements for pottery production in the High-, Medium- and Low-intensity models were unrealistically high, especially for the High-intensity model requirements of 690 – 790 person-days for each firing - six to seven times the maximum possible. Even in the Low-intensity model, three – four days per household were expected for many weeks. It is clear that the only way to sustain such high levels of pottery production was reliance on either massive pottery imports, for which there is no evidence, or *corvée* labour[3], perhaps in return for salt supplies, or both.

Brine supply (Fig. 3/3)

The requisite brine volumes even for the early phase of production seem remarkably high, from 94 – 4,440 litres per week in the Low-intensity model, 188 – 8,880 litres per week for the Medium-intensity model and an impressive 1,300 – 30,700 litres per week for the High-intensity model. The massive demands of 15,360 – 117,360 litres per week for the High-intensity model in the late phase sounds improbably high for any salt spring in the record. If this level of output was attempted for a sustained period, it would not be surprising to find that the salt spring had dried up or moved to another part of the complex.

Containers (Fig. 3 / 4)

In the early phase of production, annual numbers of linen bags would have reached five figures because of the high projected dry salt outputs. A further logistical complication is the necessity of providing storage for the full linen bags, which could not possibly have been stored in households

[3] *Corvée* labour is characterised as a form of often seasonal labour given to discharge a kin or exchange debt.

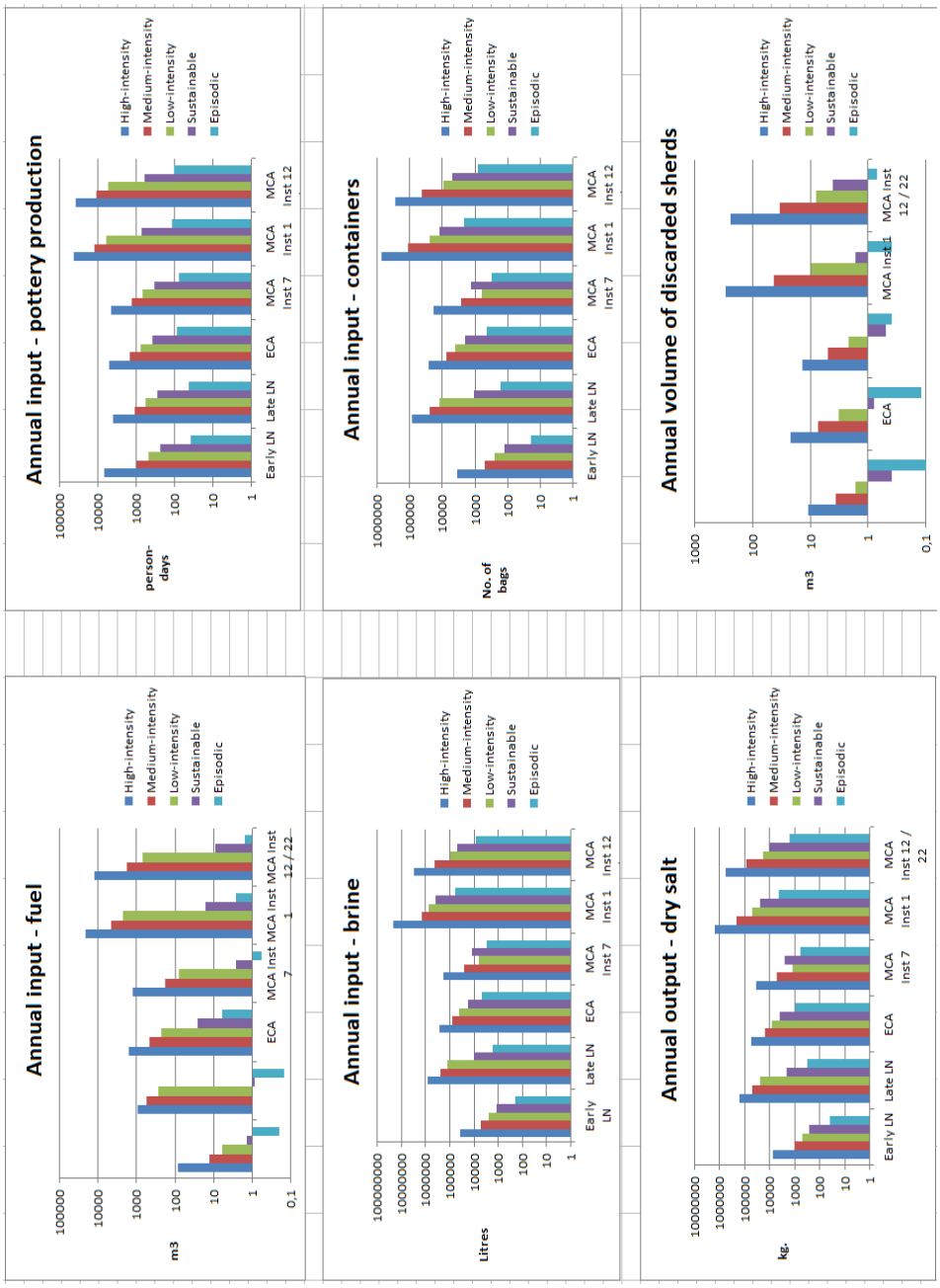

Annual input - pottery production
person-days
High-intensity
Medium-intensity
Low-intensity
Sustainable
Episodic
Early LN
Late LN
ECA
MCA Inst 7
MCA Inst 1
MCA Inst 12
Annual input - containers
No. of bags
Annual volume of discarded sherds
m3
MCA Inst 12 / 22
Annual input - fuel
Annual input - brine
Litres
Annual output - dry salt
kg.

Fig. 3/1, 2, 3, 4, 5, 6

already full of pottery and fuel.

The level of production of linen bags becomes impossible for the late phase of production, in which a household working on a high-intensity model would have required 13,825–36,250 bags per week, with 2,000 – 5,250 bags per week for a Medium-intensity household and 460–1,210 bags per week for a Low-intensity household. Thus the output phase produces its own pinch-point in the form of the storage method used for the salt, whether for local domestic use or for export, once the *briquetage* has been broken to extract the salt.

The only possible solution to the issue of linen bag production and storage is a mode of exchange in which the salt-seekers brought their own linen bags in massive quantities and filled up their own bags with Provadia salt, thus reducing the storage bottle-neck. This solution distributes the 'problem' of flax cultivation to the other sites in the exchange network. However, no evidence of exported *briquetage* vessels has ever been recorded in the pottery assemblages of tells in other regions of Bulgaria.

Dry salt output (Fig. 3/5)

The outputs of 24–156kg (Episodic model) or 288–972 kg (Sustainable model) in the early phase could provide more than enough salt for the low or medium intake for humans of 180-360kg *per annum*, with animals acquiring their own salt through pasturing near the springs. The totals for the other three models seem unreasonably high, with the modelled per annum output of over 28,000kg for the High-intensity model in the early phase. The total output of 5,000kg for a single Middle Chalcolithic installation (No. 1a) in the late phase seems utterly out of tune with a prehistoric operation.

Briquetage sherd discard (Fig. 3/6)

In the early phase of production, manageable quantities of sherds were deposited in four of the five models. However, in the High-intensity model, there was a sharp increase in sherds deposited, to 1,385–13,346 sherds per week, covering an area of 7 – 70m^3 *per annum*. The annual dumping of *briquetage* sherds on this huge scale would have created large, highly visible features at Provadia, which would have exceeded the volumes of all the MCA installations put together! It is extremely improbable that such a scale of sherd deposition was ever practised at Provadia.

We have reached the stage at which we can identify six major pinch-points in Provadia salt production on the basis of the three models for two

intensities of salt production (**Table 4**). These logistical problems affect both the early and the late phases of production but are far more serious for the latter. Crucially, each of the parameters discussed has its own logistical problems. There are issues of labour shortage and storage for fuel provision; labour issues for the production of pottery, the making of containers and the transporting of brine; storage problems for the dry salt produced; and no fit with the reported evidence for pottery dumps and the scale required for three out of the six cases. These results cast doubt on the

Table 4 Parts of the Provadia model with significant logistical issues

	Early phase					Late phase				
	High-intensity	**Medium-intensity**	**Low-intensity**	**Sustainable**	**Episodic**	**High-intensity**	**Medium-intensity**	**Low-intensity**	**Sustainable**	**Episodic**
Input / fuel	X	?	-	-	-	X L S	?	-	-	-
Input / pottery production	X L	-	-	-	-	X L	X L	X L	?	-
Input / bags	X S	?	-	-	-	XX S	X S	X S	?	-
Input / brine	X	?	-	-	-	X	?	-	-	-
Output/ dry salt	X S	?	?	-	-	X S	X S	X S	?	-
Output / *briquetage*	XX	X	?	?	-	XX	XX	X	?	-

Key: XX – serious issue; X – issue; L – labour; S – storage; ? – possible issue; - no issue

scale of the first three models for the late phase of salt production as well as challenging the High-intensity model for the early stage of production. We suggest that these results disqualify the High-intensity model of salt production at Provadia, especially in the late phase, and lead us to a

consideration of the Sustainable and Episodic models.

The basis of a Sustainable model of salt production at Provadia (**Fig. 3**) would cover the annual salt requirements of the local population of 200 people (a range of 240-360kg at a low rate of consumption rising to 480 - 720kg for a medium rate), plus a reasonable surplus for local exchange (say 25% of salt output: 60-180kg). These achievable demands for a low rate of salt consumption would have required the annual production of 80 - 120 vessels, 127-190m^3 of fuel, 2,241–3,362 litres of brine and 227-334 2-kg linen bags or comparable containers.

We have already identified the early-phase Late Neolithic as a time when sustainable domestic salt production was taking place on the Provadia tell (see above, pp. xxx – xxx). A single house oven firing once per week for six months would have produced just under an estimated 500kg of dry salt per annum, more than sufficient for a low or medium salt consumption for the whole community. One additional firing per fortnight would have yielded an exchangeable surplus of over 200kg of dry salt.

In the late-phase Late Neolithic, the replacement of a model with concurrent use of all installations by a sequential use of the pits enables sustainable production involving one firing per week for six months, with each firing having inputs of 8–44m^3 of fuel, 4–26 vessels for brine-boiling, taking one day each to make, 120–780 litres of brine and 12–78 2-kg linen bags, with yields of 24–156kg of dry salt and a by-product of 50 – 326 sherds, discarded in an area of 0.01–0.06m^3. These figures indicate that weekly firings of even the smallest Installation (No. 8) would have produced sufficient salt to cover local requirements and a substantial exchangeable surplus.

In the Early Chalcolithic. Installation 23 and Installation 7 from the Middle Chalcolithic, these weekly inputs rose to 75-224m^3 of fuel, 32- 48 vessels for brine-boiling, 96-144 litres of brine and 192 - 288 2-kg linen bags, with yields of 192-288kg of dry salt and a by-product of 600 sherds, discarded in an area of 0.12m^3. Requirements for local medium-rate consumption and a modest level of exchange (to 25% of dry salt output) would have been fulfilled within three months in the Early Chalcolithic and four months in the Middle Chalcolithic using only Installation 7. Any continuation of brine-boiling would have led to an impressive salt surplus, with all the attendant issues of storage. The alternative to continued accumulation was a fortnightly firing in these phases.

The use of analogous production estimates for the four massive Middle Chalcolithic installations (Nos. 1a, 1b, 12 and 22) reveals that the local demands for high-rate salt consumption plus an equal quantity of exchangeable salt could have been satisfied in one single firing in any of the installations at any time in the six-month boiling season. One production cycle for any of the four installations would have required inputs of 663–1,376m^3 of fuel, 300–512 vessels for brine-boiling, taking one day each to make, 15,360–102.000 litres of brine and 1,536–2,500 2-kg linen bags, with yields of 3,072–5,000kg of dry salt and a by-product of 3,923–6,727 sherds, discarded in an area of 0.78–1.35m^3. This last estimate, of the volume of discarded *briquetage*, can be compared with the 30m^3 sherd dump found in MCA/Installation 1 and may be interpreted as indicating a period of 22–38 years in which an annual firing was completed. Increases in the quantities of briquetage found in the Middle Chalcolithic sherd layer would simply reduce the number of brine-boiling seasons. The other data indicate how much time and labour was required for even a single successful firing and leave us to suggest that only parts of each installation was used for any single firing – which easily could have covered local salt demand as well as an exchangeable surplus in two or three smaller firings in the six-month boiling season.

Four principal conclusions emerge from this sustainable, small-scale salt production model:

(1) The logistical data of the Sustainable model conform to both the scale of production possibilities for a small tell population and the output data for number of *briquetage* sherds and volume of discarded sherds;

(2) The Sustainable model indicates, by definition, an episodic temporality in production, which stands in strong contrast to a long-term, permanent production process;

(3) The Sustainable model would cover the salt requirements of this small population as well as producing an exchangeable salt surplus; and

(4) The high potential for expansion of salt exchange from Provadia depends on local decision-making over the scale of exchange and the demands of local and regional communities for salt.

However, there are still serious logistical objections to adopting even

this Sustainable model of much reduced salt production. While the four input variables require new efforts every year, and the dry salt output is equally an annual product that was presumably consumed or exchanged as it became available, this was not the case for the output of broken *briquetage*, which was a cumulative process in which newly utilised sherds were discarded every year. We have modelled the duration of Middle Chalcolithic salt production at 22–38 seasons on the basis of the observed size of the sherd discard of that phase, with a shorter period to take account of the Middle Chalcolithic sherd layer, but the excavations have not yet encountered piles of sherd discard for earlier phases – the Late Neolithic and the Early Chalcolithic. The annual Late Neolithic discard of 50-236 sherds covering an area of 0.01–0.06m^3 was expanded considerably in the Early Chalcolithic to a discard of 600 sherds in an area of 0.12m^3. An estimate of 50 seasons of salt production would have led to areas of 0.5–3.0m^3 in the Late Neolithic and 6m^3 in the Early Chalcolithic. These sherd discard areas constitute serious volumes of waste products, for which little evidence has yet been found. The volumes of the pit installations in these periods show that a volume of over 6m^3 would have been available for a deposition of a 0.15-m-thick layer of sherds in each of the late-phase Late Neolithic pits. However, the evidence for *briquetage* deposition is mixed, with one layer of sherds in Pit 8, a few sherds in Pits 5, 6 and 9 and layers of *briquetage* from earlier operations cut by Pits 11 and 13 (this latter 7cm thick) (*Николов В., и кол*., 2021, 35 – 45 & Fig. 13). In the Early Chalcolithic, although the volume available from the sole pit of 4.18m^3 was considerably less than the volume of sherds produced over 50 years, once again, little evidence has been published to support this deposition, with many *briquetage* sherds in Pit 23 and a greater concentration of domestic pottery than *briquetage* in Pit 18 (*Николов В., и кол.,* 2021, Figs. 24 & 26).

It is our contention that the absence of such evidence is a strong argument for a further reduction in the proposed scale of salt production, equating to the Episodic model (**Fig. 3**), which could have met the annual demands for salt with a low rate of salt intake for 200 people, no additional salt for animals and the use of brine rather than dry salt for cheese-making. This proposal clarifies the scale of use and the temporality of the operations. It suggests that in the period coeval with Hamangia phase I (or the early-stage Late Neolithic), salt boiling took place in domestic contexts on the tell on a regular, annual basis but there is no sense of how many

years in which operations were mounted in the 54th–53rd centuries cal BC. When the salt-boiling operation was moved off the tell in the Hamangia II phase (late-phase Late Neolithic), there was a potential for achieving higher output but this was scarcely realised, since so little *briquetage* was deposited in the late 53rd – early 52nd centuries cal BC. Nonetheless, it is possible that annual firing operations continued for a century before there was a hiatus in salt-boiling for over three centuries (late 52nd – early 48th centuries cal BC). The resumption of salt-boiling in the Hamangia III phase (or Early Chalcolithic), in the 48th century cal BC, probably lasted shorter than 40 years and at the same modest annual, if not biennial scale. Even if Hamangia IV (or Middle Chalcolithic) installations were expanded for more intensification production of dry salt, only small volumes of discarded *briquetage* have been found in these pits. This phase of salt-boiling was carried out over only a small fraction of years in the 48th – 47th centuries cal BC – probably less than 40 years – indicating that annual operations may not have been carried out but that these events occurred every two or three years.

The temporality of the Episodic model has three meanings: (a) one to three operations *per annum* in a firing season of six months; (b) some years when there were no operations, which however resumed soon thereafter – perhaps often the next year; and (c) there were decades and even centuries when there is no evidence for salt-boiling at all. Research on prehistoric salt exploitation has scarcely come to terms with such episodic use of such an important resource but this picture is very familiar to those studying the ethnographic and ethno-historic records, when summer trips to the uplands to collect dry salt or brine was a regular part of some parts of the calendar (*Brigand R., Weller O.,* 2015). How can we integrate episodic salt production into our narratives of Neolithic and Chalcolithic settlement in the East Balkans? We now turn to the social implications for the episodic mode of salt production at three different spatial scales – the local, the regional and the inter-regional.

The local picture

In the continuing absence of fieldwalking, we must assume that the Provadia complex is the only site in the Provadia Basin and in that stretch of the Provadijska River in the Late Neolithic and Chalcolithic. Other small, flat sites may have existed, as is common in the Late Neolithic of the

Black Sea zone (*Leshtakov* 2016), linked as they were to the tell that was the centre of the network (cf. Cucuteni flat sites around tell Poduri: Monah et al. 2003). This aspect of the local narrative remains as an urgent task for future research. The local requirements for salt depend on the definition of the local scale of settlement.

We can assume that the attractions of the Provadia salt springs led to the start of long-term, if discontinuous, dwelling within a hundred metres of the springs. The brine yield of a spring does not, however, guarantee continuing and perpetual strong brine-flow and springs have been known to move in the landscape, as well as suffer from reduced flow over time (e.g., the Ivanski, Lyubentsi and Solnik sources: *Gaydarska B., Chapman J.,* 2007), with severe repercussions for local settlement (e.g., the changing fate of Balchik in relation to Balchiska Tuzla: *Gaydarska B., Chapman J.,* 2007). It is suggested that the variable location and strength of the Provadia salt springs had a similar effect on the medium- and long-term attraction of the Provadia salt resource, explaining the hiatus in salt-boiling operations on and off the tell.

The probability that the local salt springs fluctuated in brine output and that they were not a guaranteed annual resource is likely to have influenced the temporality of usage, with a celebratory aspect of the 'good times' when the brine was widely available. This would have focussed the tell-dwellers' attention not only on seasonal exploitation but also on particular days when the brine-boiling was propitious. The lengthy preparations for the actual brine-boiling operation meant that, in many ways, the operation itself was the culmination of months of preparatory work – accumulating firewood and making linen bags as well as shaping and firing pottery. It was important to incorporate all of these tasks into the annual calendar which culminated in the production of the white gold. This scheduling meant that the salt springs were, in some way, 'domesticating' the tell-dwellers whose annual round of social practices were shaped by the annual or biennial salt-boiling event.

The regional picture and the Varna cemetery

The times when the Provadia source was producing salt for local, domestic consumption and potential exchange was a period of great change in Balkan prehistory (*Chapman J*., 2020) and nowhere more so than in the East Balkans. The Provadia exploitation was bracketed by two

major developments: the start coincided with the major usage of the Medni Rid copper sources some 75km to the South of Provadia (*Krauss R., et al.*, 2020), while the end of the salt exploitation was in some as yet unclear way related to the development of the Varna copper production centre and the emergence of the spectacular Varna I cemetery, less than 40km East of Provadia (*Димитров К.,* 2007; *Slavchev Vl.,* 2010; *Higham T., et al.,* 2018). Each of the major metallurgical developments was accompanied by a settlement expansion – the Late Neolithic settlement network for the most part inland from the Black Sea in the South (*Leshtakov K.,* 2016, Fig. 1) and the emergence of a network of sites along both sides of the Varna lakes in the Late Chalcolithic (*Ivanov I.,* 1993). Two important issues concern the degree to which Provadia was connected to the regional settlement networks through time and the relationship between salt-production along the Black Sea coast and the Provadia operations. Both metallurgical centres boasted long-distance connections materialised by the deposition of polished jadeite axes whose source was the French Alps (*Leshtakov K.,* 2016; *Pétrequin P., et al*., 2017).

With the paucity of programmes of intensive, systematic fieldwalking in the study region (exceptions include *Вагалински & Михайлов* 2007; *Klasnakov* 2010), the site maps which we publish (**Fig. 4**) represent the minimal baseline of the settlement network, based as they are on traditional topographical data accumulation in the North (*Димов Т.,* 1992; 2002) and fieldwalking and excavation along the line of the Thrace – Black Sea motorway, with its focus on the Late Neolithic site of Krushaka (*Leshtakov K.,* 2016) and the research programme centred on the copper sources of Medni Rid (*Krauss R., et al*. 2020).

In the Late Neolithic (**Fig. 4a**), sites of the Usoe group clustered in the South, with few Hamangia I – II sites in the North, a scattering of sites just South and West of Provadia, including in the Great Kamchiya valley and a lack of settlement along the Varna lakes and further up the Provadijska valley. The lack of evidence for Early Chalcolithic mining in the Medni Rid area is perhaps linked to the decline in the Southern settlement network (**Fig. 4b**), in contrast to a slight increase in settlement in the North in Hamangia phase III and a denser network in the Great and Luda Kamchiya valleys, while the absence of settlement continues along the Varna lakes. In the Middle Chalcolithic (Sava group in the South, Hamangia IV group further North) (**Fig. 4c**), the first signs are found of

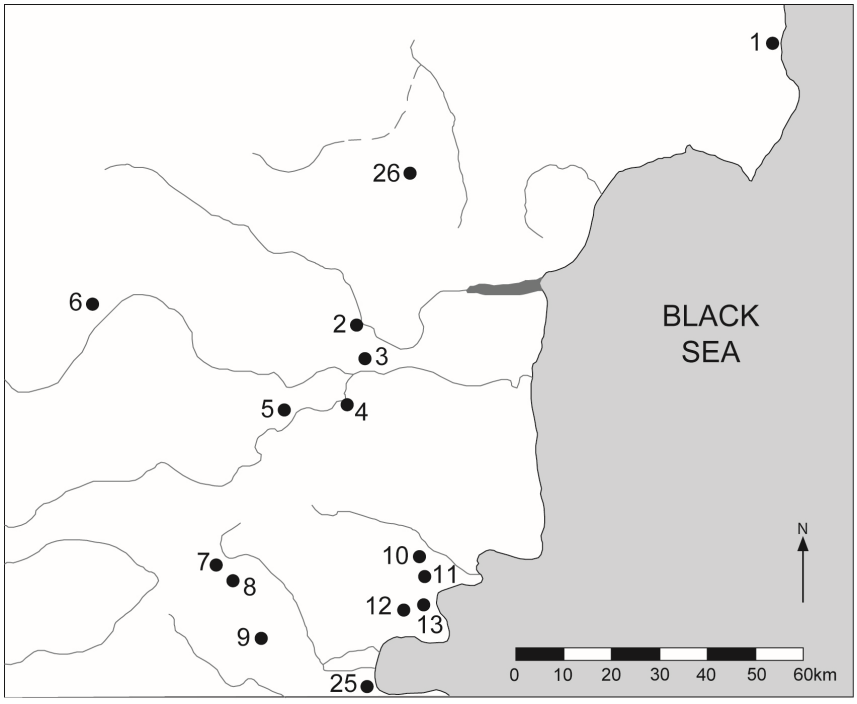

1
26
6
2
3
5
4
BLACK
SEA
N
7
8
10
11
12
13
9
25
0 10 20 30 40 50 60km

Fig. 4a

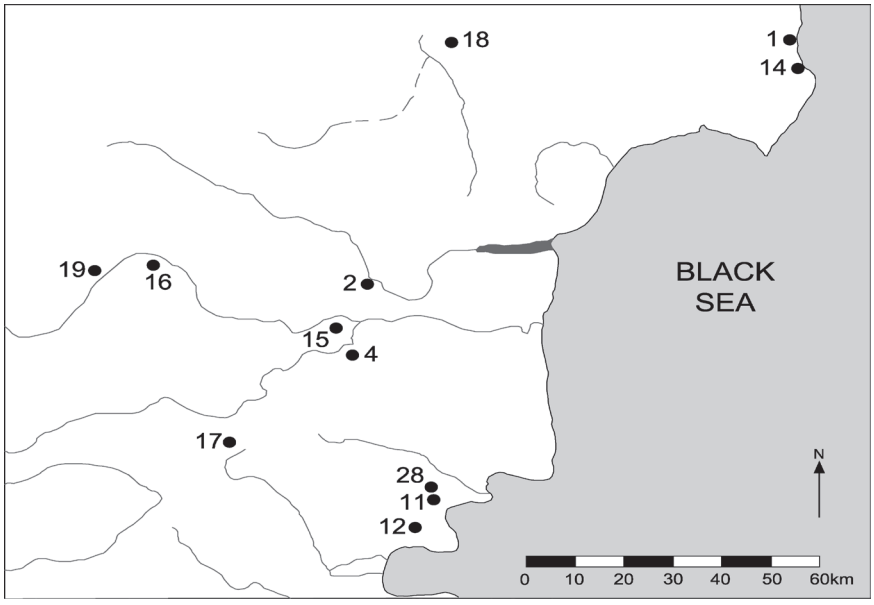

18
1
14
19
16
2
BLACK
SEA
15
4
17
N
28
11
12
0 10 20 30 40 50 60km

Fig. 4b

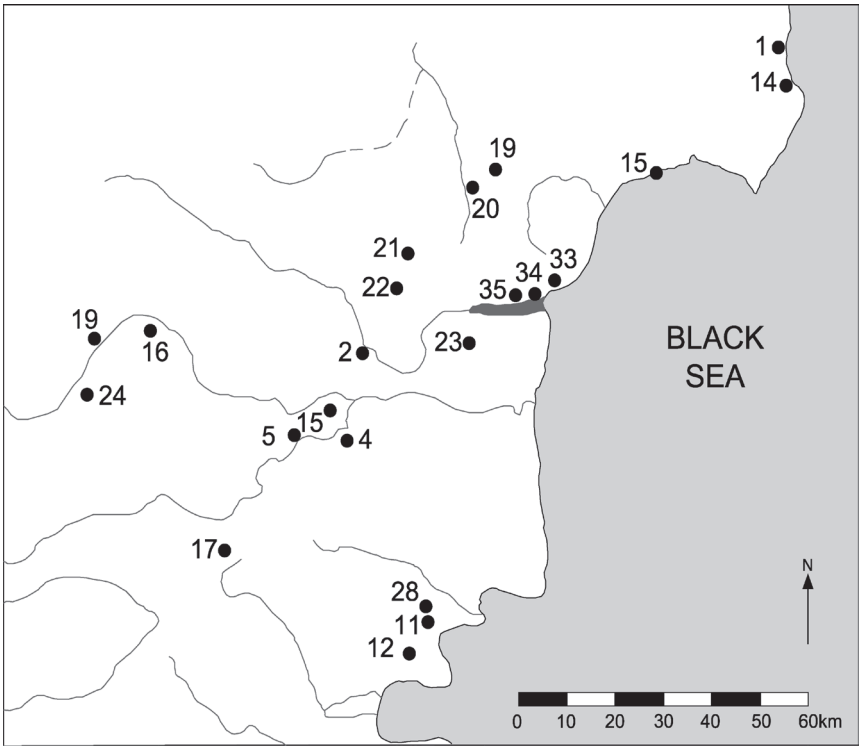

Fig. 4c

settlement near the Varna lakes, as well as along the North Black Sea coast. While there was no resurgence of the Southern network, the Great and Luda Kamchiya valley networks continued to expand along with more sites in the lower Provadijska valley (East of Provadia) albeit with no sites recognised in the Upper Provadijska valley. It was only in the Late Chalcolithic that a major settlement network developed along the Varna lakes as well as in most parts of the study region.

Provadia is located at some distance from both major metallurgical centres. The lack of Varna lakes settlements in the Late Neolithic – Early Chalcolithic meant that there were no obvious routes linking settlement on the way to the Black Sea until the start of dwelling in the Varna area in the Middle Chalcolithic. The absence of sites in the Upper Provadijska valley showed no obvious links to the Shumen area, while contacts to North East Bulgaria and eventually the Lower Danube plains were more likely along the Great Kamchiya valley, via the Razgrad – Targovishte region.

Settlements along the Luda Kamchiya valley stopped well short of obvious links to Thrace. The settlement data show little sign of Provadia as a centre of an exchange network, with a few links to East, South or South West but with connections to the West and North West. Provadia was unexceptional in being one of a series of tells in the study period and its impressive stone walls enclosing a small dwelling area were paralleled in the region from the Late Neolithic onwards (*Leshtakov K*., 2016). Perhaps surprisingly, in view of Nikolov's claims for Provadia as the centre of a wide-ranging salt-based exchange network, hardly any exotic finds have been made at Provadia, even in the mortuary domain, during the main phases of salt exploitation (Late Neolithic – Middle Chalcolithic). Two shaft-hole copper axes were deposited after the main period of salt exploitation:- one probably made in the Varna metallurgical centre (*Dimitrov* 2007) and deposited in a Late Chalcolithic grave (*Николов В., и кол.*, 2021, Fig. 98) and a Pločnik-type axe placed in Late Chalcolithic ritual pit 3 (*Nikolov V., et al*., 2021, Fig. 77). It is time to consider an alternative view of salt exchange and interaction with other settlements in the region.

Apart from Provadia itself, the alternative salt sources comprise the limans and tuzlas along the Black Sea coast (*Gaydarska B., Chapman J.,* 2007) (here, Fig. 1). The most obvious of these is Durankulak, where the long-lasting complex is located near to a liman (*Todorova H.,* 2002). In addition, two Late Hamangia sites were located near the tuzla at Shabla (*Dimov T.,* 2002), while another Hamangia IV site is known near the tuzla at Balchik, as well as the spectacular figurine deposition in a rock cleft overlooking the tuzla (*Todorova H.,* 1972). Further sites are known from near the Burgas liman, although no direct association has yet been documented. This series of finds underlines the use of sea-water as the source of salt, most probably through solar evaporation. Current typological dating of these sites indicates that both variants of salt production started from the start of the Late Neolithic. The absence of a tuzla or liman near Varna or along the Varna lakes is perhaps one reason for the absence of local settlement prior to the Late Chalcolithic.

The recognition of two alternative methods of salt production – nucleated brine-boiling at Provadia and dispersed solar evaporation at multiple locations along the Black Sea coast – leads to a consideration of the interaction of these two technologies. We could summarise the Provadia salt-boiling as a high-input - high-output operation, with high potential

for exchange to other settlements through intensification of production. By contrast, coastal solar evaporation was a low-input – low-output strategy, with low marine salinity (c. 20 parts per thousand) limiting the efficiency of salt recovery and restricting salt production to local supply with low potential for exchange to inland sites. Interaction between the various salt-makers, as well as with communities from other sites in the region, led to interchange of ideas about the two technologies. If there were Late Neolithic or Early – Middle Chalcolithic coastal groups who attempted to imitate the Provadia operation by sea-water boiling, we have not yet found any archaeological traces. Conversely, the switch to solar evaporation of brine at Provadia in the Late Chalcolithic suggests interactions with coastal salt-evaporators who exported their technology to Provadia. This switch implied the downgrading of salt production at Provadia in the centuries of the Varna I cemetery, through interactions with coastal salt-producers accustomed to the use of tuzlas or limans.

One obvious way for the evolution of salt production at Provadia was the conversion of the annual or biennial salt-boiling from a local ritual into a wider congregation including visitors from a wide range of settlements (*Gaydarska B., Chapman J.,* 2021). There were several social advantages to the development of Provadia seasonal congregations. The invitation to other settlements to join the culmination of the salt-boiling operation could incorporate whatever resources the visitors chose to bring, reducing the heavy input on the relatively small Provadia community; for example, in addition to gifts, visitors could bring linen or leather bags to carry away the white gold. Secondly, congregations bring great social benefits in providing opportunities to meet people with whom contact was otherwise rare, leading to exchanges of information, gifts and even marriage partners. A third advantage was the creation of a significant fixed point in the region's annual calendar, for which other settlements could make plans and organise labour. The series of special pit deposition events dated to the Late Neolithic and Middle Chalcolithic at Provadia (*Николов В., и кол*., 2021:121-140) could readily be seen as indicators of such seasonal gatherings. And, fourthly, the strengthening of regional alliances centred on the Provadia congregation would benefit the tell community in terms of influence and status. However, the logistical complexities of bringing *briquetage* vessels to Provadia and taking them away full of dry salt seems too great for regional interactions, besides which *briquetage* is un-

(?under-)reported from pottery assemblages from other settlements. It is, however, important to underline that the holding of an annual congregation did not of necessity imply the intensification of salt production at Provadia beyond a level aided substantially by the contributions of the visitors. The emergence of a Late Chalcolithic settlement network along the Varna lakes may have changed the dynamic of regional congregations, leading to a shift in congregation to the Varna area.

The inter-regional picture

The massive contrast in the frequency of dispersed salt springs in Eastern Romania and the relatively few nucleated salt-spring sites and dispersed coastal tuzlas and limans in Bulgaria (Fig. 1) underpins a fundamental difference in the way that settlements procured their salt. Most Romanian Neolithic settlements were located no more than a day's walk from one or often more salt springs, so that, whenever a salt spring moved location or even dried up, there were local alternatives for salt supplies. The effect of this distribution pattern over time was matched by the predominantly dispersed Neolithic settlement strategy, which reached a peak in Cucuteni Phase A with a large number of small (<1ha) sites (*Monah D., Cucoş St.,* 1985; *Weller O., et al.,* 2011). This dispersed distribution militated against any kind of local and especially regional control of this key resource. One of very few exceptions was tell Poduri, with its local network of small sites close to salt springs (e.g., *Prohozeşti: Chapman J., Monah D.,* 2007). The reasons for the tell inhabitants of Poduri to hold congregations based on salt-boiling would have been identical to those at Provadia, despite the dispersed communities' own local salt resources. The Poduri dwellers overcame inhibitions over socio-political integration and the formation of central places to create a long-lived tell settlement which must have been in opposition to local autarky. Such local independence may well have contributed to the absence of a copper metallurgical centre in Eastern Romania, as attested by the dispersed distribution of copper tools and weapons (*Chapman J., Gaydarska B.,* 2020).

This dispersed pattern of salt availability was repeated along the Black Sea coast, where small Neolithic sites have been found near tuzlas or limans. However, this is in strong contrast to the rich salt springs at Provadia, which was certainly the most productive salt resource in the Western Black Sea zone. Here, the absence of alternative salt sources for

most inland communities would have favoured the creation of a seasonal congregation based upon the culmination of salt production at Provadia. However, the absence of local alternatives meant that (?over-) reliance on a single salt source could well have led to a discontinuous exploitation of the salt springs, perhaps even prompting intermittent abandonment of the settlement. The failure of the seasonal congregations at Provadia to materialise because of inter-annual fluctuations in brine supply would have had the same effect as the dispersion of salt production in the Cucuteni groups – a de-escalation of centralising possibilities and the return to local autarky in the Provadia basin. In a later development after the main brine-boiling had ended at Provadia, the impact of the copper metallurgical centre in the Varna area was not constrained by local supplies but provided the context for major inter-regional exchange centred on the Varna 1 mortuary zone.

Conclusions

The re-assessment of prehistoric salt exploitation at the Provadia – Solnitsata complex near the Western Black Sea coast has taken us on a journey far from the Provadia salt springs, via tell Poduri in Eastern Romania, the French Alpine source of jadeite axes, the French Iron Age salt complex of Seille and the pottery production centre of Matacapan, Veracruz, Mexico. The conceptual voyage centred on the *chaîne opératoire* of salt extraction has taken us from the salt-winning technologies current in the Neolithic – Chalcolithic Balkans to the implications of Clive Gamble's 'Container Revolution', the logistics of pottery production, the accumulation of linen or leather bags for transporting the white gold and the means to dispose of the broken fragments of *briquetage* vessels after the salt was extracted. We have found that a broader view of the *chaîne opératoire* has led to a deeper understanding of what could have happened at Provadia, and what actually did occur.

The first aspect of this re-assessment was to address the startling claims made by Vassil Nikolov, the director of the Provadia excavations, that the site was the world's first example of recovering salt through the use of *briquetage* at the same time as being the world's earliest urban centre. Although Provadia is undoubtedly one of the earliest examples of the use of *briquetage*, it is only one of four *briquetage* complexes which have been dated to the 6th – mid-5th millennia cal BC, ranging from the French

Alps to southern Poland and Bosnia. The more likely interpretation is the multi-focal development of the same technology, which spread through the extensive Balkan exchange networks well documented for this period (*Chapman J.,* 2020).

Despite the promising use of a relational approach to the question of urban status, it became clear that none of the six traits quoted by Nikolov was sufficient to support an urban way of life. There was no evidence for the proposed 'industrial' scale of salt production, while the scarcity of exotic imports hardly demonstrated the claims for extensive exchange networks. In fact, none of the aspects of Provadia tell – its small size, low population, agricultural hinterland, minimum storage facilities, ritual deposition and the dry-stone walls enclosing the tell - was either necessary or sufficient to demonstrate the presence of a city; in any case, each feature has analogies at other coeval sites.

Moving to the central part of the re-assessment, it is important to note that even low *per capita* salt consumption for a small population of 200 people can lead to the progressive requirements of hundreds of kg of salt *per annum*. In this sense, Nikolov's claim that cooking salt became the only strategic resource in the Neolithic is correct, especially because there were relatively few salt sources in prehistoric Bulgaria (*Gaydarska B., Chapman J.,* 2007). However, the claim for an industrial scale of salt production is poorly documented, with no sense of the many steps in the *chaîne opératoire* necessary for producing large quantities of salt for exchange and insufficient data to make accurate production estimates, let alone understand the scale of the salt operation.

The High-intensity model that Nikolov advances is based upon a continuous, high-level production for a period of 1,250 years, which relied on not only one salt-boiling operation per day but sometimes two per day. While we have noted weaknesses in every aspect of the High-intensity model, there were three particularly serious problems. First, the (poorly reported) AMS dates offer no support for a continuous, long-term production process, in fact corresponding more closely to periods of production interspersed with long periods of a hiatus in production. Secondly, as Nikolov et al. (2021) admit, the local labour from the tell was totally insufficient to support the scale of salt production envisaged over such a long period. And, thirdly, the excavated finds of *briquetage* fragments in no way match the number of sherds which would have

resulted from such a large-scale productive process. Comparison of the well-documented, massive salt production process at the Iron Age site of Seille, in eastern France, shows that the notion of an 'industrial' scale of production at Provadia is pure hyperbole.

The next stage in our research was to model Provadia salt production at a more reasonable scale. We divided the temporal sequence into an 'early', low-intensity production phase (Late Neolithic, Early Chalcolithic and one Middle Chalcolithic installation) and a 'late', high-intensity phase (the remaining massive Middle Chacolithic installations). It was intriguing that each time we developed a more modest model, the inputs and outputs continued to provide a poor fit to the evidence from the Provadia excavations. This led to three attempts at scaling down our 'modest' models, with the final 'Episodic' model marking a reasonably close fit to the excavation data.

In modelling terms, there were six pinch-points in the five models of salt production – specific disjunctions between the predictions of the model and the excavated evidence. There are issues of labour shortage and storage for fuel provision; labour issues for the production of pottery, the making of containers and the transporting of brine; storage problems for the dry salt produced; and no fit with the reported evidence for pottery dumps and the scale required. These results cast doubt on the scale of the late phase of salt production.

The basis of the Sustainable model was a series of weekly operations for the low-intensity phase, with monthly firings for the massive Middle Chalcolithic installations. These outputs worked well for providing low salt requirements to the small population on the tell and a modest exchangeable surplus. However, the volume of *briquetage* discard predicted by a model based upon so many firings greatly exceeded the volume of *briquetage* found in the excavations.

It was only with the Episodic model that we found a good fit between the model and the excavation data, including the volume of *briquetage* fragments produced. It was assumed that there was a low salt requirement for the tell population, with no additional salt for the animals. The key difference in this model was a reduction in the number of firings to one or two per firing season in the Late Neolithic, Early and Middle Chalcolithic. This produced much more realistic outputs of *briquetage* sherds, allowing an estimate of the number of firing seasons. This last part of the Episodic

model indicated that, in any major chronological phase, there were likely to have been many years in which salt production did not occur.

In the final part of the article, we examined the role of Provadia in the local, regional and inter-regional contexts. For the local area, the absence of other coeval sites in the Provadijska valley may well be a function of the paucity of systematic fieldwalking near the salt complex. The mutability of salt springs was emphasised as the most likely reason for temporary abandonment of salt-boiling operations. At the regional scale of settlement, Provadia lay between the principal settlement concentrations of the 6th and 5th millennia cal BC that developed around, and influenced, the metallurgical centres at Medni Rid in the Late Neolithic and the Varna lakes in the Late Chalcolithic. One of the most puzzling aspects of the Provadia narrative is the absence of a major settlement network connected to the salt complex, which had links more to the West and North West rather than to the East and South. The interplay of the two principal forms of salt production – the high-input, high-output, nucleated brine-boiling at Provadia and the low-input, low-output solar evaporation of sea water practised at limans and tuzlas along the Black Sea coast – most probably accounted for the replacement of the former by the latter at Provadia in the Late Chalcolithic, by which time the main settlement network had moved to the Varna lakes. At the inter-regional level, a comparison can be drawn between tell Poduri, as the centre of a local salt operation, and Provadia, as the key salt source in North East Bulgaria. One of the ways in which both centres could have consolidated their exchange networks and social power would have been the establishment of seasonal congregations at the time of the salt-winning operations, which meant the arrival of many visitors from sites in the region, with their own personal labour, containers and gifts for exchange. The most significant advantages gained by hosting seasonal congregations was the consolidation of regional alliances based upon the salt centres. However, it was much harder to extend these congregations into long-term political power because of the strong tendencies towards local autarchy in most Neolithic and Chalcolithic settlements. It is proposed that the congregation centre shifted from Provadia to the Varna area in the Late Chalcolithic, co-emergent with the development of the Varna 1 cemetery and coeval with the local slowing of salt production at Provadia with the onset of solar evaporation.

Acknowledgements

We are most grateful to our friends and colleagues who have helped us with information for this paper: Marie-Yvane Daire and Laurent Olivier on salt production; Arek Marciniak and Katarzyna Mihałak on the dating of Lengyel salt exploitation; Stuart Johnstone on wooden containers; Laci Bartosiewicz on leather bags; Alice Choyke on bag fasteners; and Susanna Harris on textile bags. We are, as before, happy to thank Lauren Woodard for her illustrations. Finally, we acknowledge the kindness of the editor for his kind invitation and his agreement to extend our word-limit to take account of the modelling research.

References

Вагалински Л., Михайлов Й., 2007 Археологическо теренно издирване в община Поморие.— *Известия на Исторически музей – Поморие*, 1, 13-22

Димитров К., 2007 Медната металургия по западния бряг на Черно море. Автореферат на дисертация. Софийски Университет Св. Климент Охридски, София.

Димов Т., 1992 Културата Хаманджия в Добруджа.— *Добруджа*, 9, 20 – 34

Маринова Е., 2008 Археоботанически изследвания.— В: В. Николов (ред.). Праисторически солодобивен център Провадия-Солницата. Разкопки 2005-2007 г. София, 79-81, 173-174, 203, 225.

Николов В., (ред.) **2008** Праисторически солодобивен център Прова-дия-Солницата. Разкопки 2005-2007 г. София, 204-207; 274-276

Николов В., Петрова В., Бъчваров К., Лещаков П., Христов Н., Анастасова Е., Люнчева М., Такорова Д., Бояджиев К., Трифонов С., Маринова Е., Пенкова П., Рангелов Б., 2009 Провадия-Солницата: археологически разкопки и изследвания през 2008 г. Предварителен отчет. София,

Николов В., 2017 Провадия-Солницата: сол, хора, крепости и хронология.— В. Николов (ред.). *Тракийската древност: технологични и генетични изследвания, история и нематериално наследство*. София

Николов В., Люнчева М., Самичкова Г., 2021 Специализираното производство на сол в Провадия-Солницата през VI и V хил. пр. Хр. и обществено-икономическото му въздействие. София.

Стоянова П., 2008 Постройка 5: керамични съдове за производство на сол.— В: В. Николов (ред.). *Праисторически солодобивен център Провадия-Солницата. Разкопки 2005 - 2007 г*. София, 135 - 154
Тодорова Х., 1972 Колективна находка от идол и съд от Балчик.—*Известия на археологическия институт,* XXXIII, 39-45.
Фол А., Спиридонов Т., 2022 (под печат) Историческа география на тракийските племена, София.
Христов Н., 2008 Природен контекст на археологическия паметник Провадия-Солницата. Експлоатация на солното находище край Провадия в ново време.— В. Николов (ред.). *Праисторически солодобивен център Провадия-Солницата. Разкопки 2005 - 2007 г.* София, 15-21

Adams R., 1965 Land Behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plains. Chicago: The University of Chicago Press
Alexianu M., Weller O., Brigand R., Curcă R.-G., Cotiugă V., Moga I., 2011 Salt springs in today's rural world. An ethnoarchaeological approach in Moldavia (Romania).— Alexianu, M., Weller, O. & Curcă, R.-G. (eds.) *Archaeology and anthropology of salt. A diachronic approach*. BAR 2198. Oxford: Archaeopress, 7–23
Arnold P. J., III 1991 Domestic ceramic production and spatial organization. A Mexican case study in ethnoarchaeology. Cambridge
Bánffy E., 2015 The beginnings of salt exploitation in the Carpathian Basin (6th – 5th millennium BC).— *Documenta Praehistorica*, 42, 197-209.
Bayliss A., Gaydarska B., Whittle A., Draşovean F., Schier W., 2020 Scientific dating and chronological modelling.— Draşovean, F. & Schier, W. (eds.) *Uivar „Gomila" — a prehistoric tell settlement in Romanian Banat.* Vol. I: site, architecture, stratigraphy and dating. Rahden, Westphalien: Marie Leidorf, 549-66
Brigand R., Weller O., 2015 Spatial analysis for salt archaeology: a case study from Moldavian Neolithic (Romania).— Brigand, R. & Weller, O. (eds.) *Archaeology of salt. Approaching an invisible past*. Leiden: Sidestone Press, pp. 157-182
Chapman J. 1981 The Vinča culture of south east Europe. Studies in chronology, econ,omy and society. 2 vols. International Series 119. Oxford: British Archaeological Reports.
Chapman J., 1989 The early Balkan village. Varia Archaeologica Hungarica, 2, 33-53.
Chapman J., 2020 Forging identities in the prehistory of Old Europe. Dividuals, individuals and communities, 7000–3000 BC. Leiden: Sidestone Press.
Chapman J., Gaydarska B., 2003 The provision of salt to Tripolye mega-sites.— A. Korvin-Piotrovsky, V. Kruts & S. M. Ryzhov (eds.), *Tripolye settlements-giants*. Kiev: Institute of Archaeology, 203-211
Chapman J., Gaydarska B., 2020 The deposition of history in prehistory: copper objects on sites and in the landscape. Proceedings of the Prehistoric Society, 86, 139-163.

Chapman J., Monah D., 2007 A seasonal Cucuteni occupation at Silişte-Prohozeşti, Moldavia.— D. Monah, Gh. Dumitroaia, O. Weller & J. Chapman (eds.), *L'exploitation du sel à travers le temps. Piatra Neamţ*. Centre International de Recherche de la culture Cucuteni, 71–88.
Childe V. G., 1950 The Urban Revolution. The Town Planning Review, 21 (1), 3–17
Daire M., 2002 Le sel des gaulois. Paris: Editions Errance.
Dimov T., 2002 Die Gräberfelder der frühen Hamangia-Kultur in der Dobrudscha und im Varnabereich.— Todorova, H. (ed.), Durankulak Band II. *Die prähistorischen Gräberfelder*.Teil I. Berlin – Sofia, 293-296
Dumitroaia Gh., 1994 Depunerile neo-eneolitice de la Lunca şi Oglini, judetul Neamt.— *Memoria Antiquitatis*, XIX, 7 - 82.
Fletcher R., 2012 Low-density, agrarian-based urbanism: scale, power, and ecology.— M. Smith (Ed.), *The Comparative Archaeology of Complex Societies*. New York: Cambridge University Press, 285-320
Gamble C., 2007 Origins and revolutions: human identity in earliest prehistory. Cambridge: Cambridge University Press
Gaydarska B., 2003 Preliminary research on prehistoric salt exploitation in Bulgaria. Изследвания в чест на Хенриета Тодорова.— *Добруджа*, 21, 110-122
Gaydarska B., 2016 The City is dead! Long live the City!— *Norwegian Archaeological Review,* 49/1, 40–57
Gaydarska B., (ed.) **2020** Early Urbanism in Europe: The Trypillia mega-sites of the Ukrainian forest-steppe. Berlin: De Gruyter
Gaydarska B., 2021 Fragmenting Trypillia sites: a bottom-up approach.— Thurston, T. L. & Fernández-Götz, M. (eds.) *Power from below in pre-modern societies. The dynamics of political complexity in the archaeological record*. Cambridge: Cambridge University Press, 40–60
Gaydarska B., Chapman J., 2007 Salt research in Bulgaria.— D. Monah, Gh. Dumitroaia, O. Weller & J. Chapman (eds.), *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra Neamţ: Centre International de Recherche de la culture Cucuteni, 147-160
Gaydarska B., Chapman J., 2021 Relations make the world go round: a relational approach to Trypillia megasites.— Diachenko A., Harper T. K., Rassamakin Y., Sobkowiak-Tabaka I., (eds.) *Data systematization in the Neo-Eneolithic of Southeastern and Central Europe: Essays in honor of Sergej Ryzhov*. Kiev: Institute of Archaeology NASU, 204–245
Graeber D., Wengrow D., 2021 The dawn of everything. A new history of humanity. London: Allen Lane.
Harding A., 2013 Salt in prehistoric Europe. Leiden: Sidestone Press.
Harding A., Kavruc V., (eds.) **2013** Explorations in salt archaeology in the Carpathian zone. Budapest: Archaeolingua.
Higham T., Slavchev V., Gaydarska B., Chapman J., 2018 AMS dating of the Late Copper Age cemetery of Varna, Bulgaria.— *Radiocarbon*, 60/ 2, 493–516

Hristova I., Marinova E., Heiss A. G., Papadopoulou L., Nikolov V., Popov H., Iliev S., Valamoti S. N., 2019 Recognising archaeological food remains: archaeobotanical case studies from Bulgaria.— *Be-Ja*, 9, 181-211.
Ivanov I., 1993 À la question da la localisation et des études des sites submergés dans les lacs de Varna. Pontica, 26, 19-26.
Kalicz N., 2012 Méhtelek-Nádas. The first excavated site of the Méhtelek fazies of the Early Neolithic Körös culture in the Carpathian Basin.— Anders A., Siklósi Zs., (eds.), *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect.* Volume III. The Körös Culture in Eastern Hungary. British Archaeological Reports IS 2334. Oxford: Archaeopress, 113–123
Klasnakov M., 2010 Neolithic sites along the Bulgarian Black Sea coast and its hinterland.— *Archaeologia Bulgarica*, XIV, 3, 1–27
Krauss R., Pernicka E., Kunze R., Dimitorv K., Leshtakov P., 2020 Prehistoric mining and metallurgy at the Southeast Bulgarian Black Sea coast. Tübingen: Tübingen University Press.
Leshtakov K., 2016 Krushaka evidence and the Late Neolithic period in the South Black Sea littoral.— *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*, 6, 5-101
Millard A., 2014 Conventions for reporting radiocarbon determinations.— *Radiocarbon*, 56 (2), 555–559.
Monah D., 1991 L'exploitation du sel dans les Carpates Orientales et ses rapports avec la culture de Cucuteni-Tripolye.— V. Chirica, D. Monah (eds.), *Le paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en context européen*. BAI IV. Iaşi: Institut d'Archéologie, 387–400.
Monah D., Cucoş St., 1985 Aşezarile culturii Cucuteni dîn România. Iaşi: Junimea.
Monah D., Dumitraoaia Gh., 2007 Recherches sur l'exploitation préhistorique du sel en Roumanie.— D. Monah, Gh. Dumitroaia, O. Weller & J. Chapman (eds.) *L'exploitation du sel à travers le temps. Piatra-Neamț*: Centre International de Recherche de la Culture Cucuteni, 13-34
Monah D., Dumitraoaia Gh., Monah F., Preoteasa C., Munteanu R., Nicola D., 2003 Poduri – Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpaţii Moldovei. Piatra Neamț: Muzeul de Istorie
Morin D., 2003 L'extraction du sel dans les Alpes (5810-5526 cal. BC). La source salée de Moriez, Alpes de Haute Provence (France).— Weller O., (ed.) *Archéologie du sel. Techniques et sociétés dans la Pré-et Protohistoire européennes*. Arbeitsgemeinschaft Symposium Tagung Kongress, 3, 153-62
Multhauf R. P., 1978 Neptune's gift. A history of common salt. Baltimore: Johns Hopkins University Press
Olivier L., 2001 Le «Briquetage de la Seille» (Moselle): nouvelles recherches sur une exploitation proto-industrielle du sel à l'âge du Fer.— *Antiquités nationals*, 32, 143-71
Olivier L., Kovacik J., 2006 The 'Briquetage de la Seille' (Lorraine, France): proto-industrial salt production in the European Iron Age.— *Antiquity*, 80, 558–566

Pétrequin P., Cassen S., Errera M., Tsonev Ts., Dimitrov K., Klassen L., Mitkova R., 2017 Les haches en “jades alpins” en Bulgarie.— Pétrequin P., Gauthier, E., Pétrequin A.-M. (eds.) *Jade. Objets-signes et interprétations sociales des jades alpins dans l’Europe néolithique*. Tomes 3-4. Ledoux: Presses Universitaites de Franche-Comté, 1231-1279

Prybyła M. M., 2017 Nowe perspektywy w badaniach nad solowarstwem pradziejowym w zachodniej Małopolsce.— Prybyła M.M., (ed.) *Nowe perspektywy w badaniach nad solowarstwem pradziejowym w zachodniej Małopolsce*. Klosno. 355–398

Regenye J., (and 11 others) **201**6 Narratives for Lengyel funeral practice.— *BRGK*, 97, 5-80

Slavchev V., 2010 The Varna Eneolithic cemetery in the context of the the Late Copper Age in the East Balkans.— Anthony D.W., with Chi. J.Y., (eds.), *The lost world of Old Europe. The Danube Valley, 5000 – 3500 BC*. New York: Institute for the Study of the Ancient World, 192–210

S**mith M.E., 2016** How Can Archaeologists Identify Early Cities: Defini-tions, Types, and Attributes.— M. Fernández-Götz, D. Krausse (Eds.), *Eurasia at the Dawn of History*. Urbanization & Social Change. New York: Cambridge University Press, 153–168

Smith M.L., 2003 The social construction of cities. Washington DC: Smithsonian Books

Sordoillet D., Weller O., Rouge N., Buatier M., Sizun J-P., 2018 Earliest salt working in the world: From excavation to microscopy at the prehistoric sites of Ţolici and Lunca (Romania).— *Journal of Archaeological Science*, 89, 46-55

Sofaer J.R., 2015 Clay in the Age of Bronze : essays in the archaeology of prehistoric creativity. New York: Cambridge University Press

Tasić N., 2000 Salt use in the Early and Middle Neolithic of the Balkan Peninsula.— L. Nikolova (ed.), *Technology. Style and society*. International Series 854. Oxford: BAR, 35-40

Tasić N., Marić M., Filipović D., Penezić K., Dunbar E., Reimer P., BarclayA., Bayliss A., Gaydarska B., Whittle A., 2016 Interwoven strategies for refining the chronology of the Neolithic tell of Vinča-Belo Brdo, Serbia.— *Radiocarbon*, 58, 4, 795-831

Todorova H., 1972 Kolektivna nahodka ot idol i sud ot Balchik.— I*zvestia na Arhelogicheskija Institut*, XXXIII. Sofia, 39-45.

Todorova H., 1982 Kupferzeitliche Siedlungen in Nordostbulgarien. München: MAVA 13.

Todorova H., 2002 Die geographische Lage der Gräberfelder. Paläoklima, Strandverschiebungen und Umwelt der Dobrudscha im 6.-4. Jahrtausend v.Chr.— Todorova H. (ed.), *Durankulak* Band II. *Die prähistorischen Gräberfelder*.Teuil I. Berlin–Sofia: Anubis, 17-24

Weller O., 2012 La production chalcolithique du sel à Provadia-Solnitsata:

de la technologie céramique aux implications socio-économiques.— Nikolov V., Bacvarov K., (eds.) *Salz und gold: die Rolle des Salzes im prähistorischen Europa*. Provadia & Veliko Trnovo, 67-87
Weller O., Brigand R., Alexianu M., 2007 Cercetări sistematice asupra izvoarelor de apă sărată din Moldova.— *Memoria Antiquitatis*, XXIV, 121-190
Weller O., Brigand R., Nuninger L., Dumitroaia Gh., 2011 Spatial Analysis of Prehistoric Salt Exploitation in Eastern Carpathians (Romania).— M. Alexianu, O. Weller, R.-G. Curcă (eds.) *Archaeology and Anthropology of Salt*. A Diachronic Approach. International Series I-2198. Oxford: Archaeopress, 69-80
Weller O., Dumitroaia Gh., 2005 The earliest salt production in the world: an early Neolithic exploitation in Poiana Slatinei-Lunca, Romania.— *Antiquity*, 79, 306. http://antiquity.ac.uk/ProjGall/weller/index.html
Wengrow D., 2015 Cities before the State in Early Eurasia. Jack Goody Lecture in Max Planck Institute for Social Anthropology. Department 'Resilience and Transformation in Eurasia'.
Whittle A., (and 13 others) **2016** A Vinča potscape: formal chronological models for the use and development of Vinča ceramics in south-east Europe.— *Documenta Praehistorica*, 43, 1-60.

List of Figure captions

1. Regional variations in salt availability, East Balkans: 1 - Lunca; 2 - Oglinzi; 3 - Provadia; 4 - Olteni; 5 - Păuleni; 6 - Poduri; 7 - Cucuieti; 8 - Solca; 9 - Cacica; 10 - Ţolici; 11 - Pomorie; 12 - Kamchiya; 13 – Balchiska tuzla; 14 - Taukliman; 15 – Shablenska tuzla; 16 - Durankulak; 17 - Majsko; 18 - Ljubentsi; 19 – Maluk Porovets; 20 - Ivanski (source: authors, re-drawn by L. Woodard)
2. The chronology of salt production at Provadia (source: authors, re-drawn by L. Woodard)
3. Five models of salt production at Provadia: the Maximalist, the Medium Way and the Minimalist models (source: authors)
4. Settlement distributions in the Western Black Sea region during phases of salt exploitation at Provadia: (1) Late Neolithic; (2) Early Chalcolithic; (3) Middle Chalcolithic; (4) poorly dated sites ((source: authors, re-drawn by L. Woodard)

Thracia Balcanica 1, 2022, 121-132

PHILIPPI COINS FOUND IN PARION EXCAVATIONS

Vedat Keleş
Fatma Kızılyalçın Oyarçin

Abstract: The subject of the study consists of Philippi coins found in Parion excavations between 2005 and 2019. Although Philippi, which is located between Drama and Kavala cities in northeastern Greece, has the feature of being the city that mints the most colonial coins in its region, there is no Philippi coin published in Anatolia, while coin finds dating back to the 2nd century AD were published in Edirne Zindanaltı excavations in Thrace Region. In the Parion excavations, a total of 6 Philippi coins, 1, 2009 (1), 2015 (1), 2018 (1) and 2019 (2), were recovered in 2005 and all dated between 42-30 BC. The fact that Philippi coins found in Parion excavations were recovered in 4 different sectors and studies in different years including South Necropolis, Roman Bath, Agora-Shops and Drilling 10/Bath gives the impression that these coins were brought to the city not by a certain person in a certain period of time, but by different people when Parion was established as a Roman colony. This has a very important place in terms of showing that there is a relationship between the city of Philippi and Parion in the early periods of Roman colonization. These coins, which we think may have been brought to the city by soldiers or colonists coming to Parion from Philippi in the early periods of Roman colonization in Parion, were examined in detail within the scope of our study and comments were made on the relations between the city of Parion and the city of Philippi.

Keywords: Parion, Philippi, Rome, Colonization, Coin.

Özet: Çalışmanın konusunu 2005-2019 yılları arasında Parion kazılarında bulunmuş Philippi sikkeleri oluşturmaktadır. Kuzeydoğu Yunanistan'da, Drama ve Kavala şehirleri arasında yer alan Philippi, bulunduğu bölge içerisinde en çok koloni sikkesi basan kent olma özelliğine sahip olmasına rağmen, Anadolu'da yayımlanmış Philippi sikkesi bulunmazken, Trakya Bölgesi'nde Edirne Zindanaltı kazılarında bulunan MS 2. yüzyıla tarihlenen sikke buluntusu yayımlanmıştır.

Parion kazılarında 2005 yılında 1, 2009 (1), 2015 (1), 2018 (1), 2019 (2) olmak üzere toplam 6 Philippi sikkesi ele geçmiş olup tamamı MÖ 42-30 yılları arasına tarihlenmektedir. Parion kazılarında bulunan Philippi sikkelerinin, Güney (Tavşandere) Nekropolü, Roma Hamamı, Agora-Dükkânlar ve Sondaj 10/Hamam olmak üzere 4 farklı sektörde ve farklı yıllardaki çalışmalarda ele geçmiş olması da, bu sikkelerin belirli bir kişi tarafından belli bir zaman diliminde değil de, farklı kişiler tarafından Parion'un Roma kolonisi olarak kurulduğu dönemde kente getirildiği izlenimi uyandırmaktadır. Bu durum, Philippi kentiyle Parion arasında Roma kolonizasyonun erken dönemlerinde bir ilişki bulunduğunu göstermesi açısından oldukça önemli bir yere sahiptir. Parion'da Roma kolonizasyonunun erken dönemlerinde, Philippi'den Parion'a gelen askerler ya da kolonistler tarafından kente getirilmiş olabileceğini düşündüğümüz söz konusu sikkeler çalışmamız kapsamında detaylı bir şekilde incelenmiş ve Parion kentiyle Philippi kenti arasındaki ilişkiler üzerine yorumlar yapılmıştır.

Anahtar Kelimeler: Parion, Philippi, Roma, Kolonizasyon, Sikke.

Located on a land that does not have much elevation and has an important port, Parion ancient city is located in Çanakkale Province, Biga District, Kemer Village, Bodrum (shipyard) Cape extending towards the sea and in a valley that is not too elevated behind it (*Başaran C.,* 1999: 349-364; *Filges A.,* 2015:38; *Keleş V., Oyarçin K.,* 2019a:191; *Keleş V., Oyarçin K.,* 2019b:337). The Roman Period of Parion coincides with a period when it was very strong both in terms of commercial relations with the surrounding cities and economically.

As in Parion, although the purpose of the establishment of Roman colonies is to dominate that region, it should also be considered that it is to Romanize the people of the region and to provide military, economic, agricultural and political benefits from the cities that are in an important strategic position. Iulius Caesar, Augustus and Hadrian are emperors engaged in significant colonial activities. Parion, one of the cities that Rome attaches great importance to colonization, is understood from the Roman coin mints that the city was granted colonial status during the Iulius Caesar Period and this status was renewed during the Augustus and Hadrian Periods; this is understood from the examples of C G I P (*Colonia Gemella Iulia Pariana*) in the coins printed between Caesar and Hadrian's period and C G I H P (*Colonia Gemella Iulia Hadriana Pariana*) in the years 131-132 AD as a reflection of the satisfaction with Hadrian's visit to the city (*Halfmann H.,* 1986:191-192, 199, 204-205; *Buruldağ E.,* 2017a:65-66; *SNGCopMysia,* 280-312; *BMCMysia,* 102-109, 77-126; *RPC I,* 385-386, 2253-2267). The first examples of Parion Roman Colonization Period coins are *pseudo-autonomous* coins printed during the Iuilius Caesar Period. These coins date back to 46-45 BC (*Imhoof-Blumer F.,* 1884:251, No. 128; *BMCMysia,* 102, No. 77; *RPC I,* 2253-2254, Pic. 8, A-B).

During the studies carried out in Parion from 2005 to the present day, numerous coin finds were found in the city from the Classical Period to the Medium-Late Byzantine Period (*Oyarçin K.,* 2018:165-174; *Keleş V.,* 2020:523-534; *Oyarçin K.,* 2020:624 - fig. 4, 625 – fig. 5). Although 361 of these coins are Roman state coins, it is possible to say that state coins constitute a small part of Roman coins when viewed as a percentage. Among 361 coins, Philippi (6), Byzantion (2), Coela (13), Deultum (1), Perinthos (1), Alexandria Troas (40), Ilion (4), Lampsakos (5), Parion (279), Elaia (1), Pitane (1), Adramytteion (1), Kyzikos (1), Pergamon (1),

Apameia (Myrlea) (3), Kalkhedon (1) and Nikomedia (1) are represented by examples.

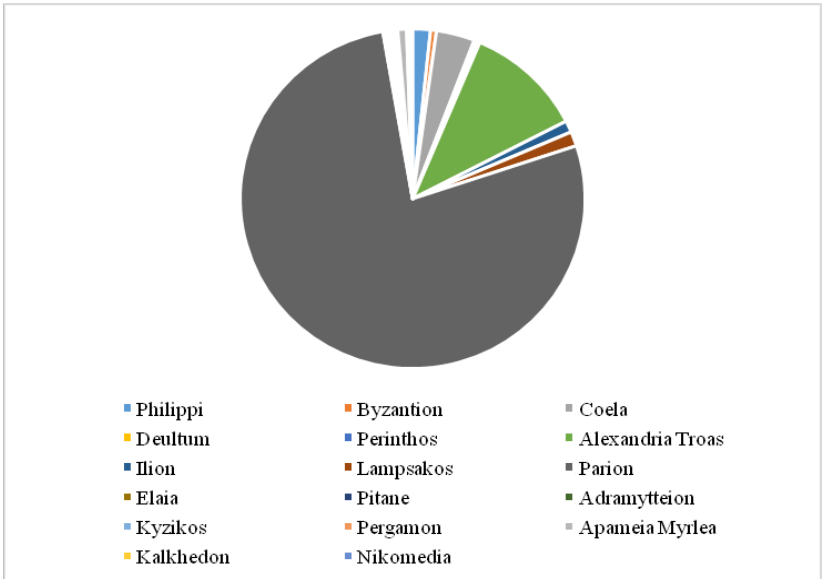

Figure 1: Distribution of Roman State Coins Found in Parion Excavations by Cities.

Figure 2: Cities Which Have Roman State Coins in Parion Excavations.

Philippi, which is the city where the coins forming the subject of our study are minted, is located between Drama and Kavala cities in north-eastern Greece. The city of Philippi still maintains its importance with its many ruins such as theater, Roman forum, heroin and basilica (*Kurt H., Sarı H. İ.,* 2017:74). The city was founded by the Thasos in the 4th century BC and was later rebuilt by Philip II, the Macedonian king. In 42 BC., it was transformed into a Roman colonial city during the Battle of Philippi (*Sakellariadi A.,* 2013:16). Few bronze coins have been minted between the reign of Augustus and the formation of the Roman Province in Macedonia, where the city of Philippi is located. During the civil wars, cities such as Philippi, Thessalonica, Cassandrea and Pella could only mint a certain amount of coins. Apollonia, Philippi, Thessalonica, Edessa, Amphipolis, Pella and Dium coined during the Augustus period. Philippi is the city that produces the most colonial coins in this region (*RPC I,* 22). It is also reported from the PRAE PHIL COHOR legion that the city is the settlement of Veteran Praetor Cohorts (*Erol-Özdizbay A.,* 2014:251).

Of the 6 Philippi coins recovered in Parion Ancient City, 2 were found in the South (Tavşandere) Necropolis in 2005 and 2015, 2 in the Roman Bath in 2019, 1 in 2009 in Agora and Shops and another coin was found in Drilling 10 in 2018. While 1 of the Philippi coins was *pseudo-autonomous*, 5 of them were dated to the Marcus Antonius Period. Although all of the coins are bronze, their diameters vary between 17-21 mm. and their weights vary between 3.24 g and 8.71 g.

C V P legend was used in the first coins of the city of Philippi. Later, when it was turned into a colony city by Marcus Antonius in 42 BC, its legend was changed to A I C V P (*Antoni iussu Colonia victrix Philippensis*) (*RPC I*, No. 6). Among the Philippi coins found in Parion excavations, there are examples of 3 different coin types mint by the city. Type 1; Q. It dates back to Paquius Rufus Period and is *a pseudo-autonomous* mint A I C V P (*Antoni iussu Colonia victrix Philippensis*) legend (*RPC I,* No. 6) and lekythos are depicted on the observe. On the reverse, in three lines: Q PAQVI RVF LEG CD is written (Cat. No. 1). The Lekythos depiction is one of the types we often see on colony coins, just like in the praefericulum. Lekythos, which have been used for many years as multifunctional, have been described as a religious vessel used in urban building rituals on coins. Legatus coloniae deducendae, found outside the city of Parion, wearing

toga in a colonial coin from Philippi, is depicted sitting on a sella curulis. In this case, it is clearly understood that descriptions containing religious symbols such as lekythos, praefericulum, sella are related to colonial foundations (*RPC I,* No. 1647; *Buruldağ E.,* 2017b:179).

The 5 coins dated to the Marcus Antonius Period are divided into 2 different types. A I C V P (*Antoni iussu Colonia victrix Philippensis*) legend on the observe of these and a head from the front/Marcus Antonius's naked head are depicted. On the reverse side, Q PAQVIVS RVF LEG C D legend and plow takes place (Cat. No. 2). On the obverse of the coins of the other type, which have 4 examples found in Parion, A I C V P (*Antoni iussu Colonia victrix Philippensis*) legend and a figure is depicted wearing a toga, sitting on a backless chair with the bare head of Marcus Antoninus on the reverse, with an urn with a sacred presentation bowl in front of it. (Cat. No. 3-6). There is a countermark at the bottom of the observe depicting the naked head of Marcus Antonius in Cat. No. 3 and 4. In Cat. No. 3, Athena holds a spear and shield in his hand within the countermark. These coins belonging to the Marcus Antonius Period were mint in 42-30 BC.

Result

It is seen that the Philippi coins found in the excavations carried out in Parion from 2005 to the present day are the coins of the early period that the city mint after having colonial status. While there is no Philippi coin published in Anatolia, coin finds dating back to the 2nd century AD were published in Edirne Zindanaltı excavations in Thrace Region (*Erol-Özdizbay A.,* 2014:250). In Parion, the finding of Philippi coins in 4 different sectors and 5 different excavation seasons shows that there are some relations between the city of Philippi and Parion in the early periods of Roman colonization. These coins, which we evaluated within the scope of our study, are very likely to have been brought to the city by soldiers or colonists arriving to the city in the first years when Parion was granted colonial status. Another issue to be mentioned here is the debate about whether Parion or Philippi was the place of the minting due to the fact that the name of the city mint by Parion on Roman colonial coins in the Augustus Period dated to the later period from the coins we examined within the scope of our study was not written. These coins were mostly attributed to the Parion mint in the catalogs. Michael Grant supports this

view and states that Parion is an important city in coin minting (*FITA* 111-114; *Lenger D. S.,* 2008:255). According to Lenger's reports, it is stated that coins, which are described in RPC I as ploughing priests and thought to belong to the city of Philippi, but which are still an uncertainty, are largely similar to Parion impact coins (*RPC I*, 1656-1660). Although the lack of legend in these coins creates uncertainty, it is also thought that there may be coins produced and circulating in the Philippi mint in Macedonia (*Lenger D. S.,* 2008:256-257). The fact that there are many examples of these coins recovered in Parion excavations supports the view that Parion city has mint them. Although Philippi coins, which are likely to be revealed in Parion excavations in the following years, will reveal the relations between both cities with clearer data, it is possible to say that the relationship between Parion and the city of Philippi, which has existed since early periods, continues in the Early Roman Period and that numismatic data can constitute evidence of this situation.

Catalogue

Technical abbreviations included in the catalogue:

AE	: Copper / Bronze
Dp.	: Die Position
Exc. Inv. N.	: Excavation Inventory Number
gr.	: Gram
mm.	: Millimeter
Obv.	: Obverse
Ref.	: Reference
Rev.	: Reverse

Pseudo-Autonom Mint
Q. Paquius Rufus, Legatus Coloniae Deducendae (42 BC.)
Obv.: AICVP
Lekythos.
Rev.: In three lines: Q PAQVI RVF LEG CD
Ref. : *RPC I*, 1649; FITA 274; AMNG 13; ZfN 1929.

1*. AE, 17 mm., 3.24 gr., Dp.12, 2009/Agora and Shops, Exc. Inv. N.: AGR 17.
Marcus Antonius (42-30 BC.)
Obv.: A I C V [P]

Facing head.
Rev.: Q PAQVIVS RVF LEG CD
Plough.
Ref. : *RPC I*, 1648; AMNG 12; ZfN 1929; FITA 274.

2*. AE, 18 mm., 3.89 gr., Dp. 1, 2005 / South (Tavşandere) Necropolis, Exc. Inv. N.: F4A 1.
Obv.: A I C V [P]
Bare head of Marcus Antoninus, r., under countermark. Athena holds a spear and shield in his hand within the countermark.
Rev.: Q PAQVIVS / RVF LEG / [C D]
Togate figure, seated, l., on chair holding up writing board, at feet, urn.
Ref.: *RPC I*, 1647; FITA 274; *SNG* 673; AMNG 11.

3*. AE, 21 mm., 8.71 gr., Dp. 12, 2015 / South (Tavşandere) Necropolis, Exc. Inv. N.: CAD 7.

4. AE, 18 mm., 6.51 gr., Dp. 12, 2018 / Drilling 10 (Bath), Exc. Inv. N.: CLB 8; Obv.: [A I C V P]; Rev.: [Q PAQVIVS / R]VF LEG / [C D]

5. AE, 21 mm., 6.69 gr., Dp. 12, 2019 / Roman Bath, Exc. Inv. N.: CRB 5; Obv.: [A I C V P]; Rev.: [Q PAQVIVS / RVF LEG / C D]: no countermark.

6. AE, 21 mm., 6.70 gr., Dp. 12, 2019 / Roman Bath, Exc. Inv. N.: COD 3; Obv.: A I C [V] P;
Rev.: Q PAQ[VIVS] / RVF LEG / CD: no countermark.

Cat. No. 1/AGR 17

Cat. No. 2/F4A1

Cat. No. 3/CAD 7

Bibliography

AMNG 1898-1913 F. Imhoof-Blumer (ed.). Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Berlin.

Başaran C., 1999 Parion 1997 Araştırmaları.– *XVI. Araştırma Sonuçları Toplantısı,* Vol I, 349-364.

Başaran C., 2011 Parion 2009 Yılı Kazı ve Restorasyon Çalışmaları. A. N. Toy – H. Dönmez – Ö. Ötgün (ed.), *32.– Kazı Sonuçları Toplantısı,* Vol. 1, 24-28 Mayıs 2010, İstanbul, 283-300.

BMC*Mysia* British Museum Catalogues of Greek Coins: Mysia, (W. Wroth), Bologna, 1964.

Buruldağ E., 2017a Roma Kolonizasyon Sürecinin Parium'daki Siyasi Yansımaları.– *MASROP*, Vol. 11/17, 55-72.

Buruldağ E., 2017b Anadolu'nun Romalılaşma Sürecinde Troas Bölgesi Kolonileri (Unpublished PhD Dissertation), Ankara University, Ankara.

Erol-Özdizbay A., 2014 Edirne (Hadrianopolis) Kalesi Zindanaltı Kazılarında Bulunan Sikkeler. K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyhan (eds.), *First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics 25-28 February* 2013, 245-280.

FITA: Grant M., 1969 From Imperium to Auctoritas: A Historical Study of Aes Coinage in the Roman Empire 49 B.C. - A.D. London.

Filges A., 2015 Münzbild und Gemeinschaft. Die Prägungen der römischen Kolonien in Kleinasien. Frankfurter Archäologische Schriften. Bonn

Halfmann H., 1986 *I*tinera Principum: Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich, (Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien), Vol. 2, Stuttgart.

Imhoof-Blumer F., 1884 Griechische Münzen aus dem Museum in Klagenfurt und anderen Sammlungen".– *Numismatische Zeitschrift* 16, 227-300

Keleş V. et al., 2014 (V. Keleş - A. Yılmaz - K. Oyarçin) Parion Roma Hamamı

2013 Kazıları ve Sikke Buluntuları.– *ASanat,* Vol. 147, 21-36.

Keleş V. et al., 2015 (V. Keleş - K. Oyarçin - A. Yılmaz) Parion Roma Hamamı 2014 Kazıları ve Sikke Buluntuları.– *ASanat,* Vol. 150, 53-66.

Keleş V. et al., 2017 (V. Keleş - H. E. Ergürer - H. Kasapoğlu - E. Çelikbaş - A. Yılmaz - B. E. Kasapoğlu - K. Oyarçin - M. D. Yılmaz - İ. Akkaş) Parion 2015 Yılı Kazı ve Restorasyon Çalışmaları. A. Özme (ed.), *38. Kazı Sonuçları Toplantısı,* Vol. 1, 23-27 Mayıs 2016. Edirne, 23-46.

Keleş V. et al., 2019 (V. Keleş - H. E. Ergürer - H. Kasapoğlu - E. Çelikbaş - K. Oyarçin – H. Kaba - A. Yılmaz - B. E. Kasapoğlu - M. D. Yılmaz - İ. Akkaş – E. Akın) Parion 2017 Sezonu Kazı, Restorasyon ve Konservasyon Çalışmaları. A. Özme (ed.), *40. Kazı Sonuçları Toplantısı,* Vol. 3, 07-11 Mayıs 2018. Çanakkale, 595-616.

Keleş V., Oyarçin K., 2019a Parion Odeion'undan Bir Geç Roma Definesi.– *TÜBA-AR,* Ankara, Vol. 24, 189-208.

Keleş V., Oyarçin K., 2019b Anonymous Folles Found in Parion Excava-tions.– *Seleucia IX (Olba Kazısı Serisi),* 335-358.

Keleş V. et al., 2020 (V. Keleş - H. Kasapoğlu - E. Çelikbaş – H. Kaba - K. Oyarçin - A. Yılmaz - B. E. Kasapoğlu - M. D. Yılmaz - İ. Akkaş - E. Akın - S. Özmen) Parion 2018 Sezonu Kazı, Restorasyon ve Konservasyon Çalışmaları. A. Özme (ed.), *41. Kazı Sonuçları Toplantısı,* Vol. 4, 17-21 Haziran 2019, Diyarbakır, 391-413.

Keleş V., 2020 Toprak Kuleler Mevkii Oda Mezarlarından Ele Geçen Sikkeler. V. Keleş (ed.).– *Propontis ve Çevre Kültürleri/Propontis and Surroun-ding Cultures,* İstanbul, 523-534.

Kurt H., Sarı H. İ., 2017 Kavala Şehrinin (Yunanistan) Turizm Potansiyeli. – *Marmara Coğrafya Dergisi/Marmara Geographical Review*, Vol. 36, 71-82.
Lenger D. S., 2008: Parium O Filippi?. A Proposito di una Discussa Attribuzione.– *Istituto Italiano Di Numismatica, ANNALI*, Roma, 255-260.

Oyarçin K., 2018 A General Evaluation on the Coins from the Theater of Parion. C. Başaran - H. E. Ergürer (ed.).– *Roman Theater of Parion*, İstanbul, 165-174

Oyarçin K., 2020 The Early Byzantine Period of Parion in Ligth of Numismatic

Data, V. Keleş (ed.).– *Propontis ve Çevre Kültürleri/Propontis and Surrounding Cultures.* İstanbul, 619-628.

RPC I A. (Burnett - M. Amandry - P. P. Ripollès) Roman Provincial Coi-nage, Vol. I, From the Death of Vitellius (44 BC-AD 69). British Museum Press, London Bibliothèque Nationale, Paris, 1992

Sakellariadi A., 2013 Strategic Participatory Planning in Archaeological Management in Greece: The Philippi Management Plan for Nomination to UNESCO's World Heritage List.– *Conservation and Management of Archaeological Sites*. Vol. 15 No. 1, 2013, 13-29.

SNGCopMysia Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum Mysia, Copenhagen, 1945

Yılmaz A., Oyarçin K., 2017 Parion Roma Hamamı 2015 Kazıları ve Sikke Buluntuları. I. Adak Adıbelli et al. (eds.).– *Barış Salman Anı Kitabı*. İstanbul, 283-298.

ZfN (J. Menadier - K. Regling).– *Zeitschrift für Numismatik*, Neununddreissigster Band, Mit 4 Tafeln, Weidmannsche Buchhandlung. Berlin, 19

Thracia Balcanica 1, 2022, 133-152

ФРАКИЙСКАЯ КОГОРТА НА БОСПОРЕ

С.Ю. Сапрыкин

Аннотация: статья посвящена вопросу о возможности пребывания римских регулярных воинских подразделений в Боспорском царстве в связи с надгробием Диза, сына Бифия, центуриона и принцепса Фракийской спиры, обнаруженным в Пантикапее, а также появлением в новонайденных боспорских надписях – энкомии из Пантикапея и почетной надписи из Танаиса – обозначения так называемой Фракийской тагмы (когорты). Автор статьи дискутирует с А.И.Иванчиком, который считал все эти подразделения римскими и определял их как вспомогательные части I Фракийской когорты римской регулярной армии. Автор статьи приводит аргументы против этой точки зрения и пытается доказать, что оба подразделения – спира фракийцев и Фракийская тагма – две разные воинские единицы боспорского войска. Фракийская тагма появилась после реорганизации боспорской армии в митридатовское или императорское время и объединила отряды фракийских наемников-пельтастов, которые служили еще при Спартокидах. Фракийская спира это отряд фракийцев, присланных римлянами одновременно в Ольвию (отряд дизиров) и на Боспор незадолго до или сразу после поражения Боспорского войска в войне с тавро-скифами и сарматами в 130-140-х гг. н.э. Они были отправлены римлянами, которые чуть позднее или примерно в одно время с этими фракийскими племенными отрядами послали свои вексилляции в Скифию и Таврику для отпора тавро-скифов и защиты коммуникаций и греческих городов Ольвии и Херсонеса. Фракийский отряд остался на Боспоре и влился в состав боспорской армии, сохранив племенное название.

Ключевые слова: Фракийская когорта, Фракийская тагма, тагматарх, римская армия, Боспор, спира фракийцев, дизиры, Асандр, Селевк, принцепс, центурион, гегемон, Диз, сын Бифия, Савромат III, Танаис, Пантикапей, энкомий.

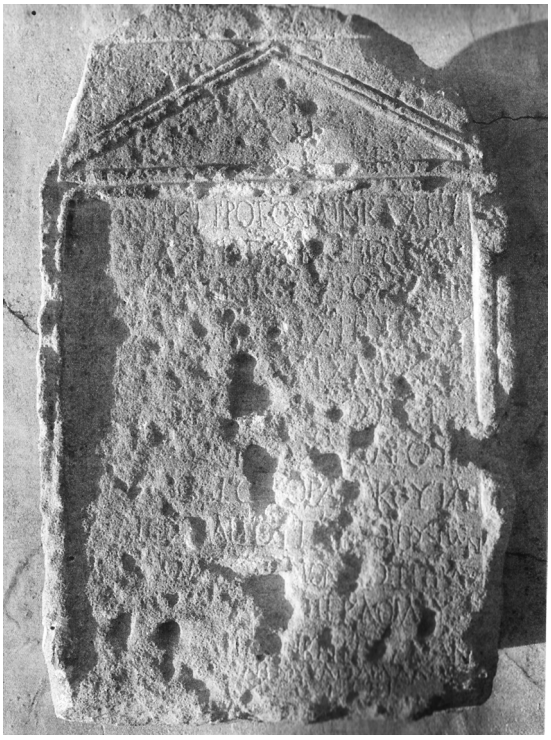
The Thracian Cohors at Bosporus

by *Sergey Saprykin*

Abstract: The author is arguing with Askold I. Ivantchik who had published a honorary inscription from Tanais where the so-called Thracian tagma is mentioned. By using two other inscriptions from Panticapaeum – the grave-stone of Diza, son of Beithius, κεντυρίων ὁ κα[ὶ] πρίνκιψ σπείρας Θρᾳκῶν, and the enkomion of unknown noble who was serving in the Thracian tagma – he is trying to prove that these military detachments could belong to the Roman auxiliary troops at Bosporus as a unit – the I Cohors Thracum. On the contrary, the author put forward the idea that they could hardly belong to the Roman army, because they were actually completely different Bosporan military detachments. The Thracian tagma could have been organized from the Thracian units of the former Spartocid army in course of reorganization, held by Mithridates Eupator or his successors at Bosporus for creating troops on the Roman manner. The speira Θρᾳκῶν was a Thracian tribal unit like that in Olbia – the soldiers from the Dizouri, a Thracian tribe, who appeared on the Lower Danube in the II century AD shortly before or during the siege of Olbia by the Tauro-Scythians. The Bosporanians who were defending the city, suffered a defeat in the war with the Sarmatians and the Tauro-Scythians and this promoted the emperor Antoninus Pius around 140-150s AD to send troops to the Crimea and Olbia. In course of these events a tribal Thracian unit was send to Bosporus and stayed there until the time when the kingdom began to revive after a military defeat in the late II century AD. Since then these Thracians were incorporated into the Bosporan army and turned into a local cohors – *speira Thrakon* – which was constantly reinforced by Thracian recruits.

Key words: Thracian cohort, Thracian tagma, tagmatarch, Roman army, Bosporus, Thracian spires, Disirs, Asander, Seleucus, princeps, centurion, hegemon, Diz, son of Bithius, Sauromates III, Tanais, Panticapaeum, encomium.

Эпиграфические документы свидетельствуют о присутствии в Боспорском царстве Фракийской когорты. В известном еще с конца XIX в. надгробии II в. н.э. из Пантикапея упоминаются Δίζα υἱε Βείθυο[ς], / κεντυρίων ὁ κα[ὶ] / πρίνκιψ σπείρας / Θρᾳκῶν, καὶ γυ/νὴ Ἑλένη, χαίρετ[ε] (CIRB 666). В энкомии из Пантикапея в честь неизвестного вельможи, по одной версии времени царя Савромата I (*Виноградов Ю., Шестаков С.*, 2005:42-44; *Сапрыкин С.,* 2005:45-81; *Сапрыкин С., Парфенов В.,* 2012:163), по другой – Савромата II (*Bowersock G., Jones C.,* 2006:117-128), среди его почестей, наград и должностей значится πρόοδος Θρᾳκικοῦ τάγματος καὶ τῆς ὁπλει[τῶν τάξεως] ἡγεμονία (SEG 55. 862). В почетной надписи из Танаиса о постановке статуи царя Савромата III (229/230 – 231/232 гг. н.э.) упоминается некий сын Асандра – [.]ΛΛ[...]Ο[...] Ἀσάνδρου / [...]ς τοῦ Θρᾳκικοῦ τά/γματος καὶ τοῦ π[λιν]θίου τῶν [ὁπλείτ]ων (*Иванчик А.,* 2013: 59-77). Т. Моммзен и К. Цихориус высказывали мнение, что речь может идти о принадлежности σπεῖρα Θρᾳκῶν римской армии, в частности, V Фракийской когорте (*Mommsen T.,* 1881:226-236;

Почетной надписи из Танаиса

Cichorius C., 1900:341-344). После них исследователи стали считать, что σπεῖρα Θρᾳκῶν служит доказательством кратко-временного присутствия римских вспомогательных воинских соеди-нений в Боспорском царстве (*Блаватский В,.* 1954:133; 1964:139; *Герасимова В.,* 1970:25; *Gajdukevič V.,* 1971:352; *Цветаева Г.,* 1979:39; *Шелов Д.,* 1981:56). Однако позднее В.Д. Блаватский исключил Фракийскую когорту из числа римских формирований на Боспоре (*Блаватский В.,* 1985:232). Т. Сарновски, допуская возможность пребывания там римских военных, отрицал тождество σπεῖρα Θρᾳκῶν с одним из придунайских римских формирований, в частности, с I Фракийской когортой, и не включил ее в список римских вексилляций в Северном Причерноморье (*Sarnowski T.,* 1988:157 note 55). А.А. Масленников, признавая присутствие римских легионов и вспомогательных войск на Боспоре, вопрос о Фракийской когорте оставляет тем не менее открытым (*Масленников А.,* 1990:144).

Публикация энкомия и надписи из Танаиса заставила А.И. Иванчика вновь поднять вопрос о так называемой Фракийской когорте и ее месте в военной структуре Боспорского царства. Он поддерживает тезис о пребывании римских регулярных воинских частей на Боспоре, поэтому считает, что σπεῖρα Θρᾳκῶν и Фракийская тагма это одно и то же римское воинское соединение. Его аргументация построена на критике позиции С.М. Крыкина, который считал, что σπεῖρα Θρᾳκῶν не римская когорта, а боспорская воинская единица, состоящая из фракийских наемников или фракийцев, проживавших на Боспоре в качестве катойков и призывавшихся в боспорские войска (*Крыкин С.,* 1990:77-79; 1993:239-254). Вопреки исследователям, также считавшим эту когорту не римским, а боспорским подразделением (*Зубарь В.,* 1998:84, 85; *Горончаровский В.,* 2003:23, 24; 2010:289-298; *Сапрыкин С*., 2005:77-79), он выдвинул ряд аргументов, согласно которым σπεῖρα Θρᾳκῶν пантикапейского надгробия Диза и Фракийская тагма пантикапейского энкомия и надписи из Танаиса это I Фракийская когорта нижнемезийской армии, являвшаяся вспомогательным подразделением регулярных римских войск, специально направленных на Боспор и размещенных там в конце II – начале III в. н.э. в связи с участием в так называемой «Боспорской войне» 196/215-235 гг. н.э. (*Иванчик А.,* 2013:63-75; ср. *Сарновски Т.,* 2017:355).

Критику позиции А.И.Иванчика высказал В.А.Горончаровский. Он исходил из того, что еще со времени Третьей митридатовой войны Митридат Евпатор реорганизовал понтийские войска по римскому образцу «на отряды и когорты почти также, как италийское войско» (*App*., Mithr., 87). В его войске находилось много римских перебежчиков (*App*., Mithr., 110), поэтому боспорская армия первых веков н.э. унаследовала римское вооружение и тактическое построение (см. *App.,* Mithr., 108). Тацит сообщает, что у боспорцев были когорты и вооруженные римским оружием отряды (*Tac*., Ann., XII. 16). Κεντυρίων ὁ κα[ὶ] πρίνκιψ в надписи Диза соответствовал centurio princeps – старшему центуриону римской когорты, так как боспорское войско строилось по образцу римского. Центурионы вспомогательных частей являлись по обыкновению римскими гражданами (*Горончаровский В.,* 2010:292), поэтому отсутствие у Диза римских tria nomina подтверждает не римское, а боспорское происхождение должности центуриона. А.И. Иванчик же выдвигает аргумент, что в надгробной надписи Диз не употребил римские имена, ибо это не являлось правилом и центурион мог просто ограничиться личным именем. При этом он ссылается на надпись – билингву центуриона Кипрской когорты на Боспоре (CIRB 691), где Элий Секунд в латинском варианте имеет римский gentilicium, а в греческом тексте его не имеет, поэтому назван просто Секунд. Этот тезис неубедителен – в одной и той же надписи не требовалось повторять римское имя центуриона, если оно фигурировало в латинской версии.

А.И.Иванчик считает, что вспомогательные когорты формировались из тех, кто не обладал римским гражданством, а их центурионы часто не являлись римскими гражданами и получали гражданство лишь по выходу в отставку (*Иванчик А.,* 2013:70). Однако центурионы, выдвигавшиеся из вспомогательных подразделений, в том числе из рядового состава и с мелких должностей, обычно получали римское гражданство. Это относится и к центурионам, происходившим из класса ниже всаднического сословия. Они добивались поста за заслуги на муниципальной службе и таким образом получали полный статус римского гражданина (*Holder P.,* 1980:82-87; *Паркер Г.,* 2017: 161-165). Поэтому отсутствие римских имен у Диза не подтверждает, а опровергает тезис о спирее фракийцев как о регулярной или вспо-

могательной когорте римской армии. Соотнесение Фракийской спиры и cohors I Thracum в надписи на надгробии Луция Фурия Севта, о принадлежности которого гарнизону Харакса говорил еще М.И. Ростовцев (*Ростовцев М*., 1911:38-40), неправомерно и не подтверждает римское происхождение боспорской Фракийской спиры (*Горончаровский В.,* 2010:293). В.А. Горончаровский считает, что Диз был одним из командиров фракийских наемников в боспорской армии, организованной по римскому образцу. Фракийская тагма, по его мнению, входила в состав личной гвардии боспорского царя и располагалась в Пантикапее, а ее командиру доверялось командование тяжеловооруженной пехотой. Основу боспорских тагм составляли спиры, а тагмы входили в хилиархию и такая структура существовала на протяжении ряда столетий (*Горончаровский В.,* 2010:293-296; 2018:3-11).

К высказанным положениям хотелось бы добавить ряд дополнительных аргументов. Танаисскую надпись А.И. Иванчик справедливо датирует началом второй четверти III в. н.э. При этом он опирается на точку зрения Г. Бауэрсока и К. Джоунса, согласно которой энкомий из Пантикапея относится к Савромату II. Здесь не место вновь ввязываться в дискурс о времени появления энкомия, ибо соображения на этот счет изложены нами в другом месте. Мы все же остаемся при мнении, что он связан с правлением Савромата I (*Vinogradov Ju.,* 1994:74; *Горончаровский В.,* 2003:23; *Сапрыкин С., Парфенов В.,* 2012:163-182). Упомянутые в нем и в танаисской надписи лица имели прямое отношение к Фракийской тагме и ополчению гоплитов. Тождество воинских единиц и, вероятно, воинских должностей в обеих надписях не исключает того, что они являлись частью военной организации Боспора в конце I – первой половине III вв. н.э. Ведь полисная структура дожила там до IV в. н.э. и служила основой, на которой формировалось управление городами (CIRB 983,1112, 1122, 1247-1254 etc.) и строилось гражданское ополчение (*Сокольский Н.,* 1954:14; *Требелева Г.,* 2003:195). Поэтому предполагаемый А.И. Иванчиком хронологический разрыв между двумя надписями в 30 лет как один из аргументов для датировки энкомия концом II – началом III в. н.э. не может надежно фиксировать Фракийскую когорту на Боспоре только в конце II в. или в начале III в. н.э.

А.И. Иванчик отмечает, что обозначение должностей в энкомии

как πρόοδος Θρᾳκικοῦ τάγματος καὶ τῆς ὁπλει[τῶν τάξεως] ἡγεμονία показывает «абстрактное понимание πρόοδος как leadership, command of» и потому «образует пару с упоминаемым в той же фразе ἡγεμονία» (*Иванчик А.,* 2013:65). Между тем контекст фразы исключает совмещение значений πρόοδος Θρᾳκικοῦ τάγματος и τῆς ὁπλει[τῶν τάξεως] ἡγεμονία как единого командования воинским соединением, поскольку обе должности разделены союзом καὶ и потому должны относиться к разным формированиям. Неизвестный в энкомии вельможа служил во Фракийской тагме, а затем предводительствовал ополчением граждан, по всей видимости, гоплитами. В отличие от него сын Асандра в надписи из Танаиса замещал должность, скорее всего, командную, одновременно и во Фракийской тагме и в ополчении гоплитов. Интерес в том, что тагма фракийцев и гражданское ополчение в обоих случаях взаимосвязаны – оба боспорца служили в тагме фракийцев, при этом один принял командование ополчением гоплитов, а другой осуществлял командование (или имел иную должность) одновременно и в тагме фракийцев и в гоплитском каре боспорцев. Это не дает оснований считать, что они командовали римской Фракийской когортой. Маловероятно, что командиров римского отряда (тем более римлян) назначали командовать гоплитами, которые набирались из местных боспорских греков. При этом служба во фракийском отряде не исключала командных функций в ополчении гоплитов. Это заставляет предполагать взаимную связь этих подразделений в структуре боспорского войска и, на наш взгляд, показывает, что фракийцы и гоплитское гражданское ополчение тактически взаимодействовали друг с другом.

Любопытен в этой связи патронимик автора надписи из Танаиса – Асандр (или имя, похожее на Кассандр, как предположил А.И. Иванчик). Самый известный его носитель – боспорский правитель второй половины I в. до н.э., у которого сложились весьма напряженные, подчас враждебные, отношения с Римом. В Танаисе в 220-225 гг. н.э. проживал фиасот Асандр, сына Таумаста (CIRB 1278, 1280). Имя «Асандр» чаще всего встречается в Македонии (LGPN IV. 53) и Беотии (LGPN III,B. 73), реже в Карии, Киликии (LGPN V.B. 71), Фригии (LGPN V.C. 66), Афинах (LGPN II.72), на Крите, Эвбее,

Паросе (LGPN I 90), в Эпире и Мессении (LGPN III.A. 78). В Анкире во II в. н.э. засвидетельствован Тиберий Юлий Асандр (LGPN V.C 66), а в Афинах в 212 г. н.э. Аврелий Асандр (LGPN II.72). Имя «Асандр» фиксируется исключительно с греческими отчествами или в качестве отчества у греков в основном без римских praenomen et nomen. Поэтому Асандр в танаисской надписи не римлянин, а боспорец, не получивший римского гражданства (имя его сына не сохранилось, по-этому мы не знаем, являлся ли тот римским гражданином). Однако сомнительно, чтобы у римлянина, командира римской когорты, отец носил греческое имя Асандр. На Боспоре и в городах римских провинций греки, получив вместе с римским гражданством римские родовые имена, указывали имя своего отца без римских имен (ср. CIRB 53, 57, 58). Структура надписи из Танаиса, особенно преамбула с титулатурой правящего царя, обнаруживает прямое сходство с почетными и прочими надписями представителей боспорской элиты и связанных с Боспором иноземцев, но никак не римских военных. Обращение к боспорскому царю как к «своему спасителю и (…)»[1] характерно для знатных боспорцев и иностранцев, обязанных монарху спасением (или защитой) от опасностей и невзгод (ср. CIRB 53: Ульпий Антисфен, сын Антимаха, хилиарх, ставит статую царя Рескупорида III ἑαυτοῦ σωτῆρα καὶ δεσπότην; 953: гражданин Прусиады-на-Гиппии воздвигает статую Рескупориду III «своему спасителю (и благодетелю?»). Греческие города, религиозные и общественно-политические союзы за пределами Боспорского царства, а также выходцы из других полисов, считали боспорского царя «благодетелем» из дипломатических соображений сообразно тогдашнему международному этикету (CIRB 44, 55, 58, 59). В римскую эпоху в провинциях Империи обращение «спаситель и благодетель» адресовалось принцепсу, крупным римским военачальникам и чиновникам (IGR I/II. 955; III. 55; IV. 200, 201, 207 etc.). Для римлянина, романизованного грека или фракийца, тем более командира римской когорты, которая официально подчинялась легату провинции или командующему римскими частями – префекту, препозиту или центуриону, а в конечном счете императору, обращение к иноземному монарху, вассалу Империи, как к своему благодетелю, без упоминания принцепса или легата провинции, откуда прибыли

войска, было невозможно. Военнослужащему, командиру когорты римских вспомогательных частей, по рангу следовало указать имя и титул императора (ср. IDR III. 77: Дакия, время императора Галлиена) или сделать посвящение божеству в ипостаси сотера (ср. IGR IV. 279: посвящение солдата I Италийского легиона, Пергам). Если надпись ставилась в ознаменование какого-то важного события или военной победы, что было адекватно греческому термину «за спасение», то текст адресовался одному из римских богов-покровителей (*Dessau H.,* 1954/1955:2706: надпись префекта IV Фракийской конной когорты; 2188: надпись всадников конной охраны из батавов и фракийцев императора Элагабала). При этом лучше было дать параллельный текст по-латыни.

Среди боспорских надписей имеется посвящение некоего сына Селевка, (тагма)тарха, сделанное между 103 и 202 г. н.э. (CIRB 1213), очевидно, командира тагмы. В отличие от танаисской надписи и энкомия, в нем не указано название тагмы. Греко-македонское имя Селевк, как и имя Асандр у отца представителя Фракийской тагмы в надписи из Танаиса, противоречат представлению о том, что тагма на Боспоре это подразделение римского войска. Тагма – все лишь одна из единиц боспорского войска и таких тагм в Боспорском царстве могло быть несколько. Вельможа из пантикапейского энкомия не был тагматархом (о сыне Асандра танаисской надписи это неизвестно), но оба служили во Фракийской тагме и командовали гражданским ополчением, набранным из одного или из нескольких городов. Это может означать, что служба во Фракийской тагме позволяла продвигаться по служебной лестнице. Неслучайно, что в указанных выше надписях Фракийская тагма и ополчение гоплитов разделены. При этом на Боспоре имена Селевк и Асандр элитные, тождественные именам правителей – Селевка из династии Спартокидов (*Diod.,* XII., 36. 1; *Яйленко В.* 2010:69-76) и царя Асандра (CIRB 30). Это косвенно доказывает, что во Фракийской тагме могли начинать службу боспорцы, принадлежавшие к боспорской аристократической верхушке.

Наше представление о Фракийской тагме могло быть более точным, если бы первоиздатель надписи из Танаиса прочитал сткк. 13-14. Однако он оставил их без восстановления, разобрав только отдельные буквы. Предложенное им в стк. 13 [...]ΠΕ καθίδ[ϱ]υ/[σεν...]

ν καὶ ΒΗ [..] Δ [..]ΑΝ не соответствует тексту на камне. Сказуемое καθιδρύω в первом значении переводится как «сажать», «помещать», «поселять» и только в поэзии имеет значение «ставить». В лексике боспорских надписей о постановке статуй или стел этот глагол засвидетельствован лишь один раз (CIRB 902). В контексте танаисской надписи и подобных ей документов чаще всего употреблялся глагол ἀνίστημι. Внимательное изучение остатков слов по фотографии позволяет предположительно реконструировать следующий текст: [...ύ] πὲρ δόμ[ο]υ [..] / [...Παντικ]άπα[ιο]ν καὶ βα[σι]λείαν / [....]– «… *поставил* за семью (м.б. *дом, клан, род*) (…) (*который прославил, возвеличил* ?) Пантикапей и царскую власть (…)». Δόμος в этом контексте может относиться как к царю Савромату III, так и к автору надписи, род которого прославил столицу Пантикапей и царствование монарха. Оба варианта понимания текста допускают единственную возможность считать автора надписи не имеющим отношения к римскому воинству. Он всячески прославляет себя, свою семью и царя, а значит это был знатный боспорец, служивший во Фракийской тагме и командовавший строем ополчения граждан столицы Боспора. Все вышесказанное идет вразрез с концепцией о принадлежности Фракийской когорты (тагмы) из энкомия и надписи из Танаиса подразделению римской армии, расквартированной на Боспоре.

Однако окончательное решение этого вопроса зависит от дислокации римских частей под названием Thracum, из коих известно 12 ал и 26 когорт, дислоцировавшихся в различных провинциях Римской империи. Это когорты quingenaria и 1 milliaria, 6 названы Augusta Thracum – три алы и три когорты, которые были сформированы в I в. н.э. на основе вооруженных отрядов Фракийского царства, которые активно использовались царями Реметалком I и Реметалком II для поддержки римлян. Реметалк I внедрял в войска дисциплину, военные знаки отличия по римскому образцу и римское оружие (Flor XXVII. 17). Это помогло римлянам быстро превратить этнические отряды фракийцев в регулярные воинские подразделения после создания придунайских провинций. Фракийцы являлись основным контингентом вспомогательных частей и когорт с I в. н.э., активно служили в провинциях Норик, Мезия, Германия (*Michailescu-Bîrliba L., Dumitrache J.*, 2012:9-16). Поскольку римские подразделения под

названием Фракийских распределялись по всей Империи, то со времени Флавиев они стали постепенно терять «фракийский» облик, так как в них вливались рекруты из тех регионов, где располагались римские Фракийские алы и когорты (*Speidel M.,* 1977:162-172; *Holder P.,* 1980:118-123; *Zahariade M.,* 2009:69, 119).

Выдвигались предположения, что на Боспоре во II – начале III в. н.э. могла находиться Cohors I Thracum milliaria. Однако во время Иудейской войны (70-80 гг. н.э.) она действовала в Сирии, где оставалась до 91 г. н.э. (*Domaszewski A.,* 1967:152). В 120-х гг. н.э. ее солдаты участвовали в строительстве вала Адриана (*Webster G.,* 1993:86, 87). В какой-то период она побывала в Германии и Паннонии (*Cuff D.,* 2010: no. 44), между 125 и 158 гг. н.э. находилась в провинции Нижняя Мезия. В 193-211 гг. снова оказалась в Британии (*Webster G.,* 1993:86, 87), после чего была отправлена на Передний Восток, в Иудею, где находилась до V в. н.э. (*Jarrett M.,* 1969: 223;). Не исключено, что в период пребывания в Нижней Мезии часть ее личного состава, включая опциона префекта когорты Луция Фурия Севта, оказалась в составе гарнизона Харакса (*Ростовцев М.,* 1911:38; AE 1990, 871; *Зубарь В.,* 1998:88; *Иванчик А.,* 2013:72). В дополнение к аргументам тех, кто отрицает присутствие римской когорты на Боспоре, следует указать, что боспорский царь Савромат II, победив в 193 г. н.э. сираков, разбил тавро-скифов и «Таврику присоединил по договору» (CIRB 1237). Договор был заключен с римлянами и Херсонесом, чтобы разделить между собой контроль и военную защиту полуострова: римско-херсонесские войска удерживали юго-запад полуострова до Харакса и Партенита, а остальная территория попала в зону ответственности боспорского царя (*Сапрыкин С.,* 2018:574). В этих условиях размещать римские регулярные части на Боспоре не было необходимости. Тем более к концу II – началу III в. н.э. I Фракийская когорта римской армии была, скорее всего, выведена из Харакса и вообще из Северного Причерноморья, так как ее передислоцировали из Нижней Мезии.

У других «фракийских» частей римской армии никаких отношений с Северным Причерноморьем не прослеживается. Ala I Thracum в 26 г. н.э. была послана в Британию, после 56 г. н.э. в Германию, со времени Траяна располагалась в Паннонии, где засвидетельствована

в 163 г. н.э., после чего ее перевели в Нижнюю Германию до 219 г. н.э.; Cohors II Thracum equitata Veterana в I в. н.э. была послана в Германию, с 71 г. н.э. в Британию и придана legio II Adiutrix. Cohors III Thracum в I в. н.э. находилась в Паннонии, а Ala III Augusta Thracum пребывала там в 118 – 252 гг. н.э. (*Speidel M.,* 1984:98-99). Cohors IIII Thracum засвидетельствована в Британии, Фракии, Германии; Cohors VI Thracum equitata была расквартирована в Британии с 56 г. н.э., ок. 60 г. н.э. была придана legio XIV Gemina, в начале 80-х гг. н.э. находилась в Германии, в 84 – 164 гг. н.э. во Фракии, Паннонии, Верхней Мезии, Дакии; Cohors VII Thracum во II – III вв. н.э. находилась в Британии (*Jarrett M.,* 1969: 223; *Webster G.,* 1993:86, 87; *Cuff D*., 2010: tabl. nº. 28, 44–47). Другие – 10 когорт I Thracum, 5 когорт II Thracum, 4 когорты III Augusta Thracum, 2 когорты IIII Thracum – также не связаны с Причерноморьем. Высказывались, правда, предположения о возможной идентичности Фракийской спиры на Боспоре с cohors V Thracum, однако существование ее вообще под вопросом в связи с активными действиями когорт IV и VI/VII Thracum (*Zahariade M.,* 2009:261-304). Если учитывать, что римские вексилляции в Крыму подчинялись администрации Нижней Мезии, а Боспор попал в зону ответственности римских властей провинции Вифиния-Понт (*Speidel M., French D.,* 1985:97-102), и при этом ни одна из вышеназванных когорт не квартировала в этих провинциях, то участие этих подразделений в делах Боспорского царства в вышей степени спорно. Поэтому перечисленное еще раз убеждает, что Фракийская тагма и, по-видимому, спира фракийцев на Боспоре не были подразделениями регулярных римских войск.

Теперь весь интерес заключается в том, когда и почему были сформированы боспорская Фракийская тагма и спира фракийцев. Фракийцы в составе боспорской армии впервые засвидетельствованы во время войны между сыновьями Перисада I – Сатиром и Евмелом. Они участвовали в битве при реке Фат в 311/310 г. до н.э. Сатир построил фалангу гоплитов, вместе с которой в одном боевом ря-ду (συνεστρατεύοντο, букв. «совместно сражались») 2 тысячи греческих наемников и 2 тысячи фракийцев, а остальные – скифы – являлись союзниками (σύμμαχοι) (*Diod*., XX. 22). Можно допустить, что тактика ведения боя совместно с фалангой и фракийцами (воз-

можно наемниками-пельтастами) применялась и впоследствии, тем более что фаланга и фракийцы взаимодействовали с конницей, решавшей исход сражения (*Блаватский В.,* 1946:100-106; 1954: 86-89). При Митридате Евпаторе и Фарнаке II воинские отряды, включая фракийцев, формировались по этническому принципу, а после реорганизации понтийской армии уже по римскому образцу. В боспорских войсках этнические отряды были преобразованы в подразделения по типу римских легионов и когорт с командованием по римским правилам, очевидно, после поражения Фарнака II. Во главе воинских единиц были поставлены не вожди племен и не мелкие царьки, как при Митридате Евпаторе и Фарнаке II, и да-же не командиры из этнических варваров, а боспорцы – греки и эллинизованные негреки, а также выходцы из других областей. Тогда, вероятно, появились тагмы –воинские подразделения типа легионов, и спиры, греческий эквивалент когорты (*Smith W.,* 1875: s.v. exercitus). Поскольку фракийцы еще со спартокидовских времен служили на Боспоре в значительном количестве, одну из новых воинских единиц назвали Фракийской тагмой. В связи с тем, что боспорская тактика ведения боя подразумевала совместные действия с гоплитским ополчением, то фракийцы и боспорцы, граждане Пантикапея и других полисов, служившие или командовавшие во Фракийской тагме, могли возглавить ополчение гоплитов, набиравшихся из граждан Пантикапея и других полисов, т.е. они могли руководить фалангой, как некогда это делал Сатир в битве при Фате, стоя в центре боевого строя. Однако, когда окончательно произошло формирование Фракийской тагмы, достоверно не известно. Не вызывает сомнений только то, что это имело место под влиянием римлян скорее всего в императорскую эпоху.

Обращает на себя внимание различие в названиях родственных подразделений: τάγμα Θρᾳκικόν – «фракийская тагма», т.е. это обозначение воинской единицы в составе государственной царской армии, в основе которого древнее этническое наименование, и σπεῖρα Θρᾳκῶν – «когорта (спира) фракийцев», т.е. прямое этническое название подразделения, набранного исключительно из фракийцев. Это говорит о разных воинских единицах, отличающихся по тактическим задачам и функциям. Диз, сын Бифия – фракиец (*Блаватский*

В., 1964:139; 1985: 238; *Крыкин С.,* 1993:268; *Зубарь В.,* 1998:84), его имя и имя его отца были распространены во Фракии и соседних областях, особенно на территории Филиппополя, Пауталии и других мест (*Dana D.,* 2014:146-150, 169-171). Он был центурионом, но не римским гражданином, так как в отличие от других военных фракийского происхождения с именем Диз, служивших в римских войсках, не имел обычные римские nomen et preanomen. Имя Диза, сына Бифия, пантикапейской надписи коррелирует с присутствием в Ольвии во II – III вв. н.э. так называемого numerus дизиров (IOSPE IV. 32 = I ². 223), очевидно, отряда из фракийского племени дизиров (*Ростовцев М.И. via Латышев В.,* 1904:14,15). Командиром этого отряда (ἡγεμὼν Διζύρων) был фракиец Дизазелмис, сын Севта, вряд ли обладавший римским гражданством, как и Диз, сын Вифия. В районе Филиппополя, где чаще всего встречаются имена Дизов и Бифиев, была община дизиров, в которой проживал M. Aur. M. f. Fl. Bithus Philippopoli vico Diiesure (CIL VI. 2799; *Latyschev V.,* Comm. ad IOSPE I². 223, p. 236). Поэт Ликофрон упоминает реку Дизир (Διζηρόν) в районе Балканского полуострова (возможно в Иллирии) (*Lycophr.,* Alex., 1026), название которой происходит от племени дизиров (ср. Steph. Byz. s.v. Διζηρός > Διζηρίους, Διζηρίτας). Воины этого племени были известны во Фракии (IGR I. 764: Φλ. Οὐάλης στρατιώτης Δυσυρηνός). Поэтому этнический, состоявший из уроженцев племени дизиров, отряд, скорее всего, был набран во Фракии и послан в Ольвию во II в. н.э. римскими властями провинции Нижняя Мезия. Аналогичный отряд, в котором были фракийцы и выходцы из дизиров, например, центурион Диз, сын Вифия, находился в Пантикапее для защиты владений боспорских царей в Крыму.

В начале II в. н.э. обстановка вокруг Ольвии и Боспора обострялась в связи с усилением тавро-скифов и союзных им сармат. Еще в правление Траяна и Адриана на помощь ольвиополитам римляне и боспорцы присылали отряды, чтобы противостоять натиску варваров (*Крапивина В.,* 1993: 148; *Зубарь В.,* 1998:70; *Зубарь В., Сон Н.,* 2007: 151). В 130-х – 140-х гг. н.э. тавро-скифы в Крыму резко усилились, укрепили связи с сарматами, что привело к войне с Боспором и его поражению, в результате чего тавро-скифы и сарматы обрушились на Ольвию и разорили ее хору (*Сапрыкин С.,* 2018:404). В это время,

очевидно, погибли защищавшие город боспорские воины, надгробия которых датируются первой половиной II в. н.э. (*Зубарь В.,* 1998:71, 72; *Сапрыкин С., Куликов А., Федосеев Н.,* 2012:358). Обострившееся положение и ослабление Боспорского царства, сделавшее его неспособным контролировать варварское окружение в Таврике и окрестных степях, заставило императора Антонина Пия в 140-х – начале 150-х гг. н.э. ввести регулярные войска в Ольвию и отогнать тавро-скифов и их союзников сарматов. Можно высказать предположение, что в это время или же незадолго до введения Антонином Пием вспомогательных римских когорт в Ольвию и Херсонес, в Нижнее Побужье был направлен отряд фракийцев из племени дизиров, чтобы вместе с боспорцами выполнить задачу по защите Ольвии. Этих дизиров считают конницей numeri и фракийскими наемниками, входившими в состав римского гарнизона Ольвии (*Кадеев В., Дьячков С.,* 1985:33; *Крапивина В.,* 1993:149). Тогда же, очевидно, другой фракийский отряд был послан на Боспор, так как после поражения от тавро-скифов его войско было существенно ослаблено.

Согласно надписи гегемона дизиров их отряд никак не был связан с регулярными римскими вспомогательными частями, присланными администрацией Нижней Мезии в Северное Причерноморье. Это заставляет полагать, что он отличался самостоятельностью в тактико-командной деятельности. А этническая близость дизиров в Ольвии и спиры фракийцев на Боспоре предполагает такую же самостоятельность последней. Оба отряда подчинялись местному, а не римскому командованию. Исследователи вслед за М.И. Ростовцевым определяли отряды фракийцев в Ольвии и на Боспоре как римские numeri, которые считаются вспомогательными подразделениями или вексилляциями (*Speidel M*., 1984:98). П. Ковач, публикуя надгробие Аврелии Валентины, поставленное Марцеллом, всадником n(umeri) III T(h)rac(um) в III в. н.э. в Паннонии, выступил против определения numerus III Thracum как национального или этнического отряда римской армии (ср. *Vittinghoff F.* 1950:389-407; *Speidel M.,* 1984:117-148). По его мнению, у нас нет сведений ни об одном другом фракийском numerus, но известны многочисленные Фракийские алы и когорты. Этническое подразделение обычно фигурировало без номера, но с названием места расположения (город, крепость, область, племя), а

numerus III Thracum выпадает из этого правила. Во II в. н.э. numeri стали приравнивать к алам, а после реформы Галлиена это название просто заменило алу (*Kovacz P*. 1998:287-290). На этом основании вряд ли можно считать отряд дизиров в Ольвии и спиру фракийцев на Боспоре римскими регулярными воинскими единицами. В надписях фигурирует племенное название (дизиры, фракийцы) без номера, следовательно это были этнические, племенные, формирования, официально не подпадавшие под понятие римских numeri.

Фракийцы служили во многих частях Римской империи и распределялись по подразделениям, которые не всегда назывались Фракийскими. Иногда их специально рекрутировали для выполнения различных задач. Ими пополняли отряды, носившие название Thracum, а также посылали в те районы, например, в Мавретанию Тингитану, где отсутствовали auxilia Thracum. Для этого создавались особые вспомогательные отряды. Фракийцы могли быть посланы в любой район, где это было необходимо Римской империи (*Roxan M.* 1973:838-855; *Speidel M.* 1977:162-172; *Zahariade M.* 2009:69, 119). Такими отрядами, скорее всего, являлись дизиры в Ольвии и спира фракийцев на Боспоре. Их направили в Северное Причерноморье в чрезвычайных военных обстоятельствах. Поэтому спира фракийцев в Пантикапее изначально не представляла собой регулярного римского подразделения и не была тождественна ни римской I Фракийской когорте ни каким-либо другим Фракийским алам, когортам и даже numeri. Она не соответствовала и Фракийской тагме – другому подразделению боспорского войска. Это был племенной отряд фракийцев, часть которых могла происходить из племени дизеров. Со временем он вошел в состав боспорского войска, которое было организовано по римскому образцу, став одной из его когорт[2] и сохранив племенное название, ибо в нем служили фракийцы. А Диз, сын Бифия, фракиец, один из командиров когорты – спиры, согласно номенклатуре, занял в ней должность центуриона. Это могла быть боспорская командная армейская должность, соответствовавшая римской, но принятой на Боспоре, или же подобные должности существовали во Фракии со времени Реметалка I, когда армия одрисов была реорганизована на римский манер. В таком случае на Боспоре она сохранялась за командирами, занимавшими соответствующую

позицию у себя на родине. Но они подчинялись боспорским спирархам – командирам боспорских когорт (CIRB 263: Гаттион, сын Аристократа, спирарх).

В надгробии Диза должности центуриона и принцепса фракийской спиры соединены союзом καί и поэтому могут быть связаны друг с другом. Πρίνκιψ σπείρας Θρᾳκῶν отождествляют с римским centurio princeps – старшим центурионом когорты (*Горончаровский В.*, 2010:292; *Ross C.,* 2014:12) или, как его еще называют – «офицером первого класса», сражавшимся в первых рядах (*Le Bohec Y.,* 1994:55-59). Однако на Боспоре принцепсы известны в III–IV вв. н.э. (CIRB 35, 744, 811), их считали начальниками отрядов боспорского войска (*Блаватский В.,* 1985:244). С.М. Крыкин справедливо сравнил их с принцепсами в Риме (исключая императора и легатов провинции), Италии, Мезии, где так называли глав деревень или общин (vici) и местечек (loci) (*Крыкин С.,* 1990:78). Поэтому Диз мог возглавлять общину или племя во Фракии как принцепс и потому имел право получить должность командира центурии в племенном отряде фракийцев. Он мог стать главой такой общины даже на Боспоре, где принцепсы в императорскую эпоху также возглавляли общины или районы хоры, управляя ими вместо ранее существовавших этнархов. Пополнявшие боспорскую спиру фракийцы могли получить за службу землю, что практиковалось боспорскими властями в отношении сарматов, сирако-меотов и других племен, часть которых оседала на царской земле, например, в Прикубанье в области аспургиан, и подчинялась «начальникам» соответствующих районов, о чем уже неоднократно писалось. Поэтому Диз мог быть командиром и принцепсом, т.е. начальником военно-хозяйственных поселенцев на царской хоре Боспоре в каком-то из районов, предназначенных для выслуживших срок фракийцев или прибывавших для службы новых рекрутов из Фракии. В этом отношении совершенно не оправдана характеристика А.И. Иванчиком как «экзотической» популярной точки зрения, что фракийцы могли быть поселены на Боспоре в качестве катойков, прикрываясь при этом мнением М.И. Ростовцева, который считал спиру фракийцев римским вспомогательным подразделением. Ведь последний не раз утверждал, что фракийцы могли быть поселены на Боспоре как катойки, и цитирую далее – «вряд ли оба отряда (отряд

дизиров и спира фракийцев на Боспоре – *С.С.*) входили в состав регулярной армии» (*Ростовцев М. via Латышев В.*, 1904:14, 15; 1911:39). О присутствии фракийцев на хоре Боспора убедительно свидетельствуют находки на поселении Артезиан в Восточном Крыму (*Сапрыкин С., Винокуров Н., Белоусов А.,* 2014:156-159) и многочисленные имена фракийцев на Боспоре (*Тохтасьев С.* 1992: 178-199).

Фракийская тагма и спира фракийцев на Боспоре это разные подразделения, которые не являлись регулярными формированиями римской армии и не соответствовали ни одной из Фракийских римских когорт. Фракийская тагма первоначально объединила в своих рядах служивших на Боспоре фракийцев и была включена в боспорскую армию как ее военная единица типа легиона. Спира фракийцев, первоначально присланное римлянами на Боспор племенное подразделение фракийцев, впоследствии вошла в состав боспорского войска в качестве когорты с сохранением прежнего этнического названия.

Литература

Блаватский В., 1946 Битва при Фате и греческая тактика IV века до н.э.– *ВДИ*, 1, 101-106

Блаватский В,. 1954 *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.* Москва

Блаватский В. 1964 Пантикапей. Москва

Блаватский В. 1985 Античная археология и история. Москва

Виноградов Ю., Шестаков С., 2005 Laudatio funebris из Пантикапея. - *ВДИ*, 2, 42-44

Герасимова В., 1970 Дислокации на римските помощни войски в провинция Мизия от 44 до 86 г. на н.е. – *Археология*, 4, 20-30

Горончаровский В., 2003 Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. Москва

Горончаровский В., 2010 К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре. – *МНЕМОН*, 9, 289-298

Горончаровский В., 2018 Элементы римского военного снаряжения в Боспорской армии первых веков нашей эры. – *История военного костюма: от древнего мира до наших дней.* Санкт-Петербург, 3-11

Зубарь В., 1998 Северный Понт и Римская империя. Киев

Зубарь В., Сон Н., 2007 Северо-Западное Причерноморье в античную

эпоху. Симферополь
Иванчик А., 2013 Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. – *ВДИ*, 1, 59-77
Кадеев В., Дьячков С., 1985 Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I-III веках н.э. – *Проблемы исследования Ольвии*. Парутино, 33 (*тезисы*).
Крапивина В., 1993 Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев
Крыкин С., 1990 Вотивный барельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея. - *ВДИ*, 1, 74-79
Крыкин С., 1993 Фракийцы в античном Северном Причерноморье. Москва
Масленников А., 1990 Население Боспорского государства в первых веках н.э. Москва
Паркер Г., 2017 История легионов Рима. Москва
Ростовцев М.via Латышев В. 1904 Эпиграфические новости из южной России (находки 1901-1903 годов). – *ИАК*, 10, 1-91
Ростовцев М., 1911 Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. – *ИАК*, 40, 1-42
Сапрыкин С., 2005 Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э.. - *ВДИ*, 2, 45-81
Сапрыкин С., Парфенов В., 2012 ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод?. – *ВДИ*, 1, 163-182
Сапрыкин С., Куликов А., Федосеев Н., 2012 Две новые пантикапейские надписи времени Савромата I. – *ВЭ* VI, 351-364
Сапрыкин С., Винокуров Н., Белоусов А., 2014 Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы). – *ВДИ*, 3, 134-162
Сапрыкин С., 2018 Древнее Причерноморье. Москва
Сарновски Т., 2017 Римское войско в Крыму в период принципата. Источники и состояние исследований. – *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VI в. н.э.)*. Симферополь, 350-369
Сокольский Н., 1954 Военное дело Боспора. Москва (*автореферат)*
Тохтасьев С., 1992 Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре. – *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург, 178-201
Требелева Г., 2003 Боспорская конница в первые века нашей эры.- ПИФК XIII, 193-197
Цветаева Г., 1979 Боспор и Рим. Москва
Шелов Д., 1981 Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. – *ВДИ*, 4, 52-63
Яйленко В., 2010 Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. Москва
Bowersock G., Jones C., 2006 A New Inscription from Panticapaeum. - *ZPE*,

156, 117-128
Cichorius C., 1900 Cohors. – *RE*, IV, 1, 231-356
Cuff D., 2010 The auxilia in Roman Britain and the Two Germanies from Augustus to Caracalla: Family, Religin and Romanization. Toronto
Dana D., 2014 Onomastocon thracicum.– MELETHMATA 70. Athénes
Dessau H., 1954/1955 Inscriptiones Latinae selectae. 2 ed. I-III. Berolini.
Domaszewski A., 1967 Die Rangordnung des Römischen Heeres. Köln
Gajdukevič V., 1971 Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam
Holder P., 1980 Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. BAR Int. Ser. 70. Oxford
Jarrett M., 1969 Thracian Units in the Roman Army.– *Israel Exploration Journal*, 19, 4, 215-224
Kovacz P., 1998 A numerus III Thracum in Pannonia. – *ZPE*, 121, 287-290
Le Bohec Y., 1994 *The Imperial Roman Army*. London, New York
Michailescu-Bîrliba L., Dumitrache J., 2012 The Thracians in the Roman Army: Evidence from Military Diplomas from Claudius' Reign up to Domitian.- *DHA*, 382, 2, 9-16
Mommsen T., 1881 Observationes epigraphicae. XXVI. Nomina et gradus centurionum.– *Ephemeris epigraphica*, 4, 226-245
Ross C., 2014 Roman Legionary AD 284-337: The Age of Diocletian and Constantine The Great. Oxford
Roxan M., 1973 The auxilia of Mauretania Tingitana.– *Latomus*, 32, 838-855
Sarnowski T., 1988 Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na pólnocnym wybrzeżu Morza Czarnego. Warszawa
Smith W., 1875 Dictionary of Greek and Roman Antiquities, John Murray. London.
Speidel M., 1977 A Thousand Thracian Recruits for Mauretania Tingitana.– *Antiquités Africanes*, 11, 162-172
Speidel M., 1984 *Roman Army Studies* I. Amsterdam
Speidel M., French D., 1985 Bithynian Troops in the Kingdom of Bosporus.– *Epigraphica Anatilica*, 6, 97-102
Vinogradov Ju., 1994 Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990).– *ACSS,* I, 1, 63-74
Vittinghoff F., 1950 Zur angeblichen Barbarizierung des römischen Heeres durch die Verbände der Numeri.– *Historia*, 1, 389-407
Webster G., 1993 The Roman Invasion of Britain. London
Zahariade M., 2009 *T*he Thracians in the Roman Imperial Army: From the First to the Third Century A.D. Cluj-Napoca

Thracia Balcanica 1, 2022, 153-160

THRACE AND THE INDO-EUROPEAN MIGRATION HYPOTHESES
(Linguistic Aspect)

Svetlana Yanakieva

(Sofia)

Summary: The genetic link between the different groups of languages in the Indo-European linguistic family ever since the dawn of comparative linguistics generated the search for the Indo-European original homeland and for the migration itineraries of the tribes, which resulted in the situation whereby the Indo-European languages and peoples occupied its present huge territory.

The paper notes briefly the main hypotheses on the localisation of the Indo-European original homeland and their corresponding migration paths. In all those hypotheses the Balkan Peninsula is either the focus of the migrational processes, or an important element in them. Therefore, the available data on the Thracian linguistic space, which are examined, should be taken into consideration in spite of their scarcity (predominantly onomastic evidence) in the ongoing attempts to find a solution to the issue.

Key word: Indo-European migrations; Thracian toponymy; oldest layer; Thrace, the Balkans and Asia Minor

The genetic link between the different groups of languages in the Indo-European linguistic family ever since the dawn of comparative-historical linguistics generated the search for the original Indo-European homeland and of the migration pathways of the tribes, which resulted in the situation in which the Indo-European languages and peoples occupied their vast territory today.

The problem is incredibly complex because its solution is influenced by an extremely high number of factors of most diverse nature. The most important linguistic factors comprise the existence of shared vocabulary,

and especially its combination with the time and place of propagation of the plants, animals and cultural *realia* corresponding to it; the accounting of the linguistic relations; the non-Indo-European contacts; the speed of the divergence of the languages, etc. However, it is also necessary to take into account the extralinguistic factors as the probable reasons for the spread, which could have been demographic (increase of the population), climatic (warming or cooling), socio-economic, etc., as well as the existence of support for the respective conclusions based on the archaeological material. The time factor is of crucial importance. The difficulty of dating linguistic facts and processes prior to the emergence of script (further complicated by the different time of appearance of written evidence on the different languages) resulted in big differences in the assumptions on the time of the existence of the hypothetical Indo-European language community – in the range between 8000 and 2000 BC, whereby dating after 3000 BC is improbable. The attempts to calculate the time when related languages split through lexical-statistical methods (glottochronology) became much more sophisticated from the time of M. Swadesh (*Swadesh M.*, 1960) to our days (*Starostin S.*, 2000; *Gray R.D., Atkinson Q.D.*, 2003; *Atkinson Q.D., et al.*, 2005), but they still evoke doubts and objections, and continue to need numerous improvements. At the same time, the archaeological cultures that can be well dated give no guarantees that the dissemination of their elements was necessarily due to mass migration movements, not to exchange of ideas and trade contacts of not very numerous groups. Some authors associate the propagation of the Indo-European languages with the propagation of agriculture from Anatolia (*Renfrew C.*, 1987), others – with the wheel and with elements of the Yamnaya Culture[1] from the northern steppes (*Gimbutas M.*, 1977; *Mallory J.P.,* 1989; *Anthony D.W.*, 2007; 2017).

Due to all of the above, there is no universally accepted solution concerning either the place or the time of the existence of the hypothetical proto-Indo-European language. None of the hypotheses is absolutely convincing. The two principal competing hypotheses on the location of the original Indo-European homeland have their differences as well: for the European hypothesis these are the Baltic-Pontic area (*Hirt H.*, 1895), the Central European-Balkan area (*Bosch-Gimpera P.*, 1960; *Devoto G.,* 1962; *Дьяконов И.М.*, 1982; *Клейн Л.С.*, 2007) and the Pontic-Caspian area

[1] On the dissemination of the Yamnaya Culture in the Bulgarian lands see *Панайотов Ив.,* 1989.

(*Schrader O*., 1883; *Горнунг Б.*, 1964; *Gimbutas M*., 1977; 1980; *Mallory J.P*., 1989), and for the Asian hypothesis – the Central Asian (*Schleicher A.*, 1848) and the Anatolian areas for which different starting points are indicated: in the northeastern, southern and easternmost parts of the Peninsula (*Гамкрелидзе Т., Иванов В.*, 1984; Renfrew 1987; *Grigoriev S.A.,* 2002, and others).[2] Some researchers have also suggested new modifications over time (*Сафронов В.,* 1989; *Drews R.*, 1997; *Renfrew C*., 2003, and others).

In all hypotheses the Balkan Peninsula is either in immediate proximity to the so-called original homeland, i.e., an important link in the migration processes, or in some cases it is even considered to be their focus. This determines the importance of the available data on the Thracian linguistic space. The present text does not aim at an in-depth discussion of the entire range of issues, because the scarcity of the data on the Thracian language – both of the basic vocabulary and of the morphology – does not allow the substantiating of an attitude to numerous questions. However, the large amount of Thracian onomastic material necessitates its inclusion in a suitable way on the radar screen of researchers on the issue of the Proto-Indo-European homeland and of the Indo-European migrations due to the need to examine each area in connection with the other areas (*Мэллори Дж.П*., 1997:70). In spite of the obvious imperative need to respect that principle, the data on the Thracian linguistic space are very rarely present in that type of studies, probably due to the insufficient knowledge of them.

The oldest stratum of Thracian onomastics, namely the toponyms formed with the suffixes *s(s)*- and -*nth*-, is relevant to the study of the issues connected with the Proto-Indo-European language, its original homeland and migration. These word-forming elements occur in the onomastics of the entire Balkan Peninsula, the Aegean islands and Asia Minor. In the Balkans they belonged to the oldest Indo-European toponymy. Paradoxically, the toponyms in question are used as proof for the theories both of the supporters of European and of Anatolian original homeland(s). Moreover, the names from Thrace mentioned in the specialised literature are insignificant in number, with the same names circulating for decades

[2] The literature is enormous, therefore only the founders of the respective hypotheses and/or some of their most eminent contemporary representatives have been mentioned – both linguists and archaeologists.

for the entire space of the Balkans and Asia Minor. A new research (even incomplete) of the literary and epigraphic sources reveals that their number is actually much greater. In an earlier study of mine I demonstrated an almost double increase of the number of toponymic parallels (about 115 for the Balkan Peninsula together with the Aegean islands and about 125 for Asia Minor), with preserved ratio of approximate equality between the two regions (*Янакиева Св.*, 2016). The toponyms from Thrace, having been poorly represented in earlier studies, have demonstrated the biggest increase with approximately 40 names of rivers, mountains and settlements:

River names: Ἁρπησσός, Ἄψινθος, Βαρβύσης (Βάρβυσσος), Ἱέρασος, Κρίσος, Λίσσος, Μάρισος, *Νάισσος, Νέσσος, Pathissus, Panisos, Πάνυσσος, *Σαλδοβυσσος, Σαλμυδησσός, Τίβισις, Τιμήσης (variant of Τιβίσκος)

Mountain names: Ῥησκύνθιον, Zilmissus

Settlement names: Ἀγησσός, Ἀγγισσός, Aegissus, Αἰζισίς, Ἄκανθος, Ἄντισσα, Βισάνθη, Βυζάντιον, Ζήρυνθος, Θυσσός, Καβησσός, Κρῆσσα, Κύπασις, Λάρισα, Lissae, Νάισσος, Ξάνθεια, Ὀδησσός, Ὄδρυσα, Ὄλυνθος, Πέρινθος, Πορόλισσον, Σαλμυδησσός, Τιρίστασις (*Detschew D.*, 1957: s.v.; *Янакиева Св.*, 2016:311–312 and map 1).

A considerable stratum of appellative words in ancient Greek, formed using the same suffixes (of the κερασός, νάρκισσος and ἄψινθος types), was inherited in Greek from the language spoken on that territory before the Greeks came.

The issue of the linguistic origin of the pre-Greek substratum is resolved differently by linguists: from the group of the Anatolian languages or from another group close to the Thracian language) depending on which of the major hypotheses on the Indo-European original homeland the respective authors support. There is such a division among the researchers of the Thracian and pre-Greek linguistic space as well (*Georgiev V.*, 1941; 1945; *Георгиев В.*, 1971; *Georgiev V.*, 1973; *Beševliev V.*, 1972; *Sakellariou M.*, 1977: map 1; *Гиндин Л.А.*, 1981; *Откупщиков Ю.В.*, 1988). *Woudhuizen F.C.*, 1989:193–198).

The number of Thracian toponyms is even greater (about 70 toponyms and more than 10 first or second components of double-stem names)[3] having

[3] The literature is enormous, therefore only the founders of the respective hypotheses and/or some of their most eminent contemporary representatives have been mentioned – both linguists and archaeologists.

lexical correlates in the toponymy of the southern and western parts of the Balkan Peninsula and Asia Minor (*Янакиева С*., 2016:318–320 and map 2)[4]. At the same time, emblematic lexical isoglosses covering the entire area of the Balkan Peninsula and Asia Minor are formed with the suffixes *-ss-* and *-nth-*: Ἄψινθος, Ἁρπησσός, Βάρβυσσος, Ἱέρασος, Καβησσός, Κρίσος, Λάρισα, Λίσσος, Πάνυσσος, etc. The prevalent majority of the lexical parallels in Asia Minor are in its western part, which gives me grounds to assume that a part of the toponymy of Western Asia Minor belonged to languages that were more closely related to the Balkan ones – the Thracian language and the pre-Greek substratum, and another part – to languages that are not – those belonging to the group of the Anatolian languages. At the same time, it should be noted that there is not a single toponym from Northwestern Asia Minor in the *corpus* of Hittite river and settlement names from the cuneiform texts (*del Monte, Tischler,* 1978), and in later times there is not a single river in Troad that has an onomastic parallel among the Hittite-Luwian names, the northernmost river with such a name in Western Asia Minor being the Šeḫa river (Kaikos, pres. Bakırçay). At the same time, convincing examples of Anatolian toponymy in the Balkan Peninsula are lacking.

On the whole, the most ancient Indo-European toponymy in Thrace and in the Balkans is closer to the common linguistic basis and its formation probably started simultaneously with the settling of Indo-European tribes in these lands, which was particularly true of hydronymy: the names of the big rivers above all. The word-forming elements *-ss-* and *-nth-* in the toponymy of the Balkan Peninsula and in Asia Minor are a common Indo-European heritage. The existence of appellative vocabulary with these suffixes among the not very numerous Thracian glosses (βόλινθος, βόνασος), together with the many onomastic isoglosses, as well as phonetic parallels, suggests kinship between the Thracian language and the pre-Greek substratum, which was assumed a long time ago (*Georgiev V*.,1981: 103 and 114; *Дуриданов Ив*., 1976: 123–124). The circumstance that in ancient Greek that layer of onomastics and appellative vocabulary is of a substrate nature gives grounds for its dating prior to the arrival of the Greeks, i.e., with initial date at the end of the fourth and early third millennium BC (*Haley J.B., Blegen C*., 1928; *Georgiev V*., 1941; *Schachermeyr F*., 1954;

[4] Among the correlations of first or second components there are components of personal names (albeit less frequently).

Crossland R.A., 1962; *Beševliev V.*, 1972, and others).

The fact that a very large number of Thracian hydronyms (17) are formed with the suffixes in question is particularly impressive:

Ἁρπησσός, Ἄψινθος, Βαρβύσ(σ)ης, Ἱέρασ(σ)ος, Κόψανθος, Κρίσος, Λίσσος, Μάρισος, *Νάισσος, Ὀδρύσης (in Bithynia), Panisos, Pathissus, Πάνυσσος, Σαλμυδησσός, *Σαλδοβυσσος, Τίβισις, Τιμήσης (*Янакиева Св.*, 2009:169).

There are as many more also among the pre-Greek hydronyms in the southern and western parts of the Peninsula and in the Aegean islands:

Ἀμνισσός, Δρῆσος, Ἐρύμανθος, Ἰηλυσσός, Ἴμβρασος, Κέδρισος, Κηφισσός (name of several rivers), Κόσκυνθος, Λάρισος, Παμισός, Πάνισος, Περμησ(σ)σός, Πυρασός, Τερμησσός (*Янакиева Св.*, 2000:89, 95-97, 101-104, 107, 113).

This oldest layer also comprises the mountain names Ῥησκύνθιον and Zilmissus in Thrace, and Ἀράκυνθος, Βριλησσός, Διρφωσσός, Ἐρύμανθος, Κύνθος, Παρνασσός, Ταφιασσός, Τευμησσός, Φάλανθος, Ὑάκινθος in Mainland Greece and in the islands (*Янакиева Св.*, 2016:312)[5]. Compared to these 46 hydronyms and oronyms in the Balkans, there are only four river names with these suffixes in Asia Minor – Ἅρπασος, Κάρησος, Λίβυσσος, Τιταρισσός – with approximately equal or slightly higher total number of toponyms compared to the number in the Balkans (see above). In view of the fact that hydronyms and oronyms are undoubtedly older than settlement names, that onomastic fact is an argument in support of the theory about migrational movement from Europe to Asia Minor by the bearers of Indo-European languages who created that toponymic stratum.

The onomastic picture thus described best corresponds to the theory about the European original homeland (Pontic-Caspian, Balkan or a modification postulating original "proto-homelands"). It could also fit that modification of the theory about the Asian proto-homeland, which accepts earlier division into Proto-Indo-European and Proto-Anatolian branches. In that case, it would be necessary to propose a later migration from Europe to Western Anatolia during the Early Bronze Age, which is supported by archaeological evidence as well[6].

[5] Again there, see also the mentioning of the impossibility to determine the exact number of lexical toponymic correlates on account of the existing probability of isolated accidental (homonymic) coincidences, but the correlation of approximate equality between the Balkan Peninsula and Asia Minor is preserved.

[6] On a more accurate localisation of these hydronyms according to areas, as well as of the remaining onomastic material, see *Янакиева С.*, 2016:31–314 and map 1.

References

Anthony D. W., 2007 The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton.
Anthony D. W., 2017 rchaeology and language: Why archaeologists care about the Indo-European problem.– P. J. Crabtree, P. Bogucki (eds.) *European Archaeology as Anthropology. Essays in Memory of Bernard Wailes*. Philadelphia, PA, 39–69
Atkinson Q. D., Nicholls G., Welch D., Gray R. D., 2005: From words to dates: water into wine, mathemagic or phylogenetic inference? – *Transactions of the Philological Society* 103: 193–219
Beševliev V., 1972: Zur Chronologie der thrakischen Siedlungsnamen.– *Actes du IIe congrès international d'études sud-est européennes*. Athènes, 277–286
Bosch-Gimpera P. I960: *El problema indoeuropeo*. Mexico
Carruba O., 1995: L'arrivo dei Greci, le migrazioni indoeuropee e il "ritorno" degli Eraclidi.– *Atheneum* 83, 5–44
Crossland R. A., 1962: The supposed Anatolian origin of the place-name formants in *-ss-* and *-tt-*.– *Atti e memorie del VII congresso internazionale di scienze onomastiche*. Vol. 1. Firenze, 375–376
Devoto G., 1962 *Origini indeuropee*. Sansoni-Firenze
Drews R., 1997 PIE speakers and PA speakers.– *Journal of Indo-European Studies* 25, 153–177
Georgiev V., 1941 Vorgriechische Sprachwissenschaft. Teil 1.– *Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет* 37, 1–162
Georgiev V., 1945 Vorgriechische Sprachwissenschaft. Teil 2.– *ГСУ, ИФ* 41, 161-240
Georgiev V., 1971 L'ethnogenèse de la péninsule Balkanique d'après les données linguistiques.– *L'ethnogenèse des peuples Balkaniques* (Studia Balkanica 5). Sofia, 155–170
Georgiev V., 1973 The arrival of the Greeks in Greece: the linguistic evidence.– *Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and Linguistic Problems in Greek Prehistory*. London 1973, 243–253
Georgiev V., 1981 Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia
Gimbutas M., 1977 The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe.– *Journal of Indo-European Studies* 5, 277–338
Gimbutas M., 1980 The Kurgan wave no. 2 (c. 3400–3200 BC) into Europe and the following transformation of culture.– *Journal of Indo-European Studies* 8, 273–315
Gray R. D., Atkinson Q. D., 2003 Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin.– *Nature* 426, 435–439
Grigoriev S. A., 2002 Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk.
Haley J. B., Blegen C., 1928 The coming of the Greeks.– *American Journal of Archaeology* 32, 141–154
Hirt H., 1895 Die Urheimat und die Wanderungen der Indogermanen.– *Hettners Geographische Zeitschrift* 1, 649–665
Mallory J. P., 1989 In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London.
del Monte G.F., Tischler J., 1978 Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Wiesbaden

Renfrew C., 1987 Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins. London
Renfrew C., 2003 Time depth, convergence theory, and innovation in Proto-Indo-European: 'Old Europe' as a PIE linguistic area.– *Languages in Prehistoric Europe*. Heidelberg, 17–48
Sakellariou M., 1977 Peuples préhelléniques d'origine indo-européenne. Athènes
Schachermeyr F., 1954 Prähistorische Kulturen Griechenlands.– *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 22, 1350–1548
Schrader O., 1883 Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. Jena
Schleicher A., 1848 Sprachvergleichende Untersuchungen. V. 1. Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Bonn
Starostin S., 2000 Comparative-historical linguistics and lexicostatistics.– *Time Depth in Historical Linguistics*. Cambridge. V. 1, 233–259
Swadesh M., 1960 Unas correlaciones de arqueologia y lingüistica.– *El problema indoeuropeo*, 343–352
Woudhuizen F.C., 1989 Thracians, Luvians and Greeks in Bronze Age Cen-tral Greece.– *Thracians and Mycenaeans. Proceedings of the Fourth International Congress of Thracology* (Rotterdam 24–26 September 1984) Leiden-Sofia, 193–204
Гамкрелидзе Т., Иванов В.В., 1984 Индоевропейский язык и индоевропейцы. I, II. Тбилиси
Георгиев В., 1977 Траките и техният език. София
Гиндин Л.А., 1981 Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.
Горнунг Б., 1964 К вопросу об образовании индоевропейской общности. Москва
Дуриданов И., 1976 Езикът на траките. София
Дьяконов И.М., 1982 О прародине носителей индоевропейских диалектов. I, II.– *Вопросы языкознания* 3, 3–30; 4, 11–25
Клейн Л. С., 2007 Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. Санкт-Петербург
Мэллори Дж. П., 1997 Индоевропейские прародины.– *ВДИ* 1, 61–82
Откупщиков Ю.В., 1988 Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Ленинград
Панайотов Ив., 1989 Ямната култура в българските земи.– *Разкопки и проучвания,* XXI. София.
Сафронов В., 1989 Индоевропейские прародины. Горький.
Черных Е.Н., 1979 Езеро, Троя, Полиохни.– Георгиев Г., Н. Мерперт, Р. Катинчаров, Д. Димитров (ред.) *Езеро – ранннобронзовото селище*. София, 306–316
Янакиева С., 2000 Предгръцката хидронимия.– *Seminarium Thracicum* 4. Sofia, 85-118
Янакиева С., 2009 Тракийската хидронимия. София
Янакиева С., 2016 Тракийската топонимия до края на I хил.пр.Хр.– *Thracia* 21, 307–329

s.yanakieva@mail.bg

Institute of Balkan Studies with Centre of Thracology

Thracia Balcanica 1, 2022, 161-182

КОЕ-ЧТО О ФРАКОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.М. Крыкин

Аннотация: Статья посвящена последним годам существования фракологии как части древней балканистики в нынешней Российской федерации в условиях реальной изоляции и ликвидации профильных структурных звеньев. Ушли из жизни большинство ученых советской школы, не оставив учеников и продолжателей их дела. Остаются несколько человек, пытающихся поддерживать по возможности это научное направление в перспективе изменения ситуации в отношениях между РФ и балканскими странами. Российский вклад во фракологических исследованиях становится все более скромным и менее заметным. Однако некоторые заготовки более раннего времени доводятся до завершения, дополняются и подкрепляются (или отвергаются) прежние гипотезы и допущения. Надеюсь, балканские ученые усмотрят в этой публикации наши скромные достижения последних лет и смогут их справедливо оценить. Теперь можно будет увидеть ряд уникальных предметов, добытых или находящихся на российской территории. Уникальный золотой статер Митридата Третьего 46/47 г. н.э. способствовал уточнению не только ряда событий римско-боспорской войны 45 – 49 гг., но и дополнительно уточнил дату аннексии Римом прежде формально независимой Фракии. Введены в научный оборот пока что два фракийских памятника художественной торевтики из частной коллекции. Следим со вниманием за коррекцией ряда вопросов по теме наличия и влияния фракийцев в античном Северном Причерноморье. Что-то устарело, а иное обновилось по мере появления некоторых новых фактов и публикаций.

Ключевые слова: Фракия – Рим – Митридат Третий – Котис – Артезиан – ритон – статер – Северное Причерноморье – фракология – Фракийский Всадник

Если во времена СССР помимо занятий отечественной историей советские ученые должны были по мере возможностей (и приличной государственной поддержке) заниматься и изучением истории иностранной, притом не только для нужд преподавания, но и прямых научных исследований, то после 1991 г. ситуация быстро изменилась. Собственное идеологическое credo было поспешно отвергнуто и словно пропала необходимость систематически поддерживать «заграничные» исследования по мере вступления в единое планетарное научное пространство. Многие тематические группы быстро исчезли путем естественного старения прежде подготовленных специалистов, их эмиграции или вынужденного перепрофилирования, отсутствия возможностей готовить себе научную замену (реальных интеллектуальных наследников).

В нашем случае по сути произошла фактическая ликвидация научного направления советской (российской) фракологии прежде как скромной ветви продекларированного в Болгарии в 1972 г. профиля важнейшей части истории древнего мира внушительной части Балканского полуострова. Так, Институт славяноведения и балканистики остался с 1997 г. без балканистики, причем без древней – вполне. Лингвистическая группа палеобалканистов под началом Л.А. Гиндина (1928-1994) после его смерти рассыпалась. Ушел из жизни и лучший ученик Л.А. Гиндина – В.Л. Цымбурский (1957 - 2009).

Ушел из балканистики исследовавший язык древних македонян В.П. Нерознак (1939-2015). Изучением не только иранистики, но фракийской ономастики успешно занимался С.Р. Тохтасьев (1957–2018) - можно выделить посвященную тому специальную статью (*Тохтасьев С.Р.* 1992). Давно уже не с нами конкретно советский фраколог Т.Д. Златковская (1918–1981), автор широко известной монографии (*Златковская Т.Д*. 1971).

В Институте Археологии РАН не оставила учеников-наследников археолог д.и.н. А.И. Мелюкова (1921-2004), успешно изучавшая огромные эоны этнокультурной интерференции скифских и фракийских племен. Аналогично и специалист по более древним временам территории будущей Болгарии д.и.н. Н.Я. Мерперт (1922-2012).

Давно уже вышли главные труды (*Никулицэ И.Т*., 1977; *Никулицэ И.Т.*, 1987) старейшего специалиста по археологии гетов – И.Т. Нику-

лицэ (1939 г.р.). Только что прекратил научную деятельность Н.И. Соловьянов, доцент Красноярского государственного педагогического университета.

Единственным действующим специалистом по фракийцам (прежде всего по малоазийским – вифинам) остался О.Л. Габелко (1968 г. р.), профессор РГГУ. Его фундаментальное исследование по истории Вифинского царства (*Габелко О.Л.*, 2005) является весомым вкладом в научное направление по фракологии.

Находясь во многих сотнях километров от былых фракийских земель, очень трудно искать нечто новое об их истории. Особенно, если уже нет возможности работать там на раскопках и бывать на научных мероприятиях, как то бывало прежде. Поэтому хочется сконцентировать на тех скромных достижениях, которые всё же удались или приключились.

Моя монография «Фракийцы в античном СП» (*Крыкин С.М.*, 1993), вышедшая в очень трудное время без изъятых иллюстраций, конечно же может послужить основой для пересмотра этой поставленной крупной проблемы с привлечением массы новой литературы – но теперь уже не только в печатном, но и в электронном виде. Этим в Болгарии и занялась Р. Попова (*Попова Р.*, 2010). Однако она сосредоточила все свои усилия на выявлении только вероятного и реального религиозного влияния фракийцев на культуру населения полисов античного Северного Причерноморья. Прямо это осуществилось с размещением у северопонтийских городов вексилляций римских оккупационных войск из Нижнего Подунавья, в составе которых во множестве служили лица фракийского происхождения – именно они оставили после себя культовые памятники «фракийского круга» и надгробия с характерными именами и культовой символикой. В более раннее (V–II вв. до н.э.) время могла оставить заметный след в духовной жизни Боспора фракийская по происхождению династия Спартокидов. Впрочем, и поначалу полуфракийская династия Аспурга там же могла аналогично проявить себя в этом направлении. Заметное опосредованное влияние, через полисы Западного Причерноморья, несомненно могло быть – но при этом собственно фракийские компоненты могли быть только субстратными, с трудом заметными. Книга Р. Поповой успешно знакомит болгарского читателя

с памятниками и особенностями духовной культуры античного Северного Причерноморья, но убедительно собственно фракийское религиозное влияние удается представить только для римской эпо-хи. Между тем свой скромный след могли оставить и потомки многочисленных фракийских наемников на Боспоре, а в Северо-Западном Причерноморье естественной была незначительная чаще всего этнокультурная инфильтрация северных фракийцев-гетов.

Фракийские воины-наемники в конце IV в. до н.э. были приглашены правителями Боспора, которые к тому же сами относились тогда к фракийской по происхождению династии Спартокидов. Диодор (XX. 22 -25) сообщает, что две тысячи фракийских пельтастов наряду с таким же количеством эллинских гоплитов приняли участие во внутридинастической распре братьев – боспорского царя Сатира и его брата Евмела. Они приняли участие в битве 310/309 г. до н.э. на реке Фат. Тогда же и позднее наемники могли достаточно массово осесть в гостеприимном царстве, так, в коропластике наблюдаются намеки на почитание там кое-где Фракийского Всадника (*Крыкин С.М.*, 2015). Тезис В.Д. Блаватского об организации на Боспоре наемнических военных поселений-катойкий получил решительное подтверждение на материалах конкретно Артезианского городища на былой западной границе Боспора в сутках пути от столицы царства – Пантикапея. Раскопки Н.И. Винокурова убедительно подтвердили смешение сарматских и фракийских этнокультурных элементов в населении этого городка-крепости (Пароста?) именно в эллинистический период, что позднее прервалось вторжением и успешным сокрушительным штурмом прибывших туда римских войск (*Винокуров Н. И., Крыкин С.М.*, 2017).

Фракийцы приняли активнейшее участие в Митридатовых войнах. Коснулось это в какой-то степени и Северного Причерноморья. Скончавшийся в Ольвии Διζάζελμις Σεύτου ʿηγεμὼν Διζύρων (IOSPE, 1916: № 223), судя по имени и патронимику, мог даже быть одрисским аристократом (*Крыкин С.М.*, 1993: 56 – 57). Однако издавший памятник В. В. Латышев датировал эпитафию римским временем, румынский исследователь Г.Г. Матееску допускал привлечение в позднеантичную Ольвию целого гетского клана во главе со своим вождем, однако и еще раньше М.И. Ростовцев (*Rostowzew M.*, 1902:84) предполагал

прибытие из Фракии дизиров в качестве римского вспомогательного отряда-нумера. Однако конкретно во Фракии после двух восстаний в 20-е гг. I в. н.э. племенные формирования римляне не собирали, смущает и отсутствие признаков романизации начальника дизиров. Отчасти и поэтому Ю. Г. Виноградов (*Vinogradov J.G.*, 1987:67 -68) отнес памятник ко времени Митридата Евпатора, приглашавшего к себе на службу целые племенные формирования. Тем не менее С.Б. Буйских (*Буйских С.Б.*, 1991:129) предположил появление близ Ольвии «небольших групп римских, вероятно, фракийских наемников в первой половине I в. н.э.». Много лет назад я предложил реконструкцию найденного в Ольвии фрагмента вотивного посвящения как [Deo Sanc]to Porobono и связал его с пребыванием прибывших из Фракии воинов вспомогательной части, набранной в Испании из кельтиберов (*Крыкин С.М.*, 1992; *Крыкин С.М.*, 1993:186-189), при этом отнес его к эпохе не ранее Адриана. Р. Попова (*Попова Р.*, 2010:192–193) попыталась оспорить кельтское происхождение данного посвящения и предположила его фракийское происхождение. Почти тогда же и в России вотив из Ольвии был заново пересмотрен, фиксируя его явную принадлежность к «фракийскому кругу» и датируя второй половиной II- первой половиной III вв. н.э. (*Иванчик А.И., Фалилеев А.И.*, 2011: 143). Вот только имя божества они прочли как Porus Bonus. Между тем в Болгарии в 2014 г. у с. Рибен близ Плевена (там была римская путевая станция Ad putea) был найден вотивный алтарь начала III в. с посвящением все же Поробону (*Торбатов С.*, 2018:34), причем допускается как фракийское, так и кельтское все же происхождение этого культового персонажа.

Должен добавить, что ещё в 1983 г. на раскопках в соседней к Ольвии античной Тире непосредственно в моем присутствии из руинированной кладки раннеримского времени (последней трети I в. н.э.) вывалился фрагмент мраморного рельефа надгробия с изображением вне всяких сомнений кельтского воина, некогда вторично использованный (*Карышковский П.О., Клейман И.Б.*, 1985: рис. 27). Руководитель экспедиции И.Б. Клейман (*Клейман И.Б.*, 1987:46–52) истолковал этот памятник как фрагмент стелы воина-кельта эпохи Митридата Евпатора (наемника понтийского царя, как и погребенного у Ольвии фракийца Дидзадзелмиса), но без полной уверенности. Мне

же видится здесь захоронение солдата римского вспомогательного формирования, тем более из Фракии могли прислать свои вексилляции auxilia, набранные поначалу на землях Испании. Между тем упомянутые авторы книги об античной Тире (*Карышковский П.О., Клейман И.Б.*, 1985:94 и сл.) остались на мнении, что римляне использовали на службе себе фракийские племенные формирования во главе со своими офицерами или даже собственными вождями. Будто даже по поручению римлян гарнизоны в полисах Северо-Западного Причерноморья оформили отряды тогда ещё формально независимого Одрисского царства из Фракии. По моему разумению, это все же было нормальной традицией только до восстаний в горной Фракии, второе из которых имело решительное требование задействовать на римской службе целые фракийские племенные формирования во главе с собственной родовой аристократией и для действий вблизи (*Tac*., Ann. IV, 46) - так, легендарный Спартак явно на службе у римлян командовал конным отрядом (пусть даже маленькой турмой, если не конной когортой – cohors equitata), вероятно из числа таких же как он сам фракийцев (*Крыкин С.М*., 2018а).

К 45 г. н.э. относятся первые золотые монеты боспорского царя Котиса Первого, младшего сына Аспурга и фракийской царевны Гепепирис (*Фролова Н. А.*, 1997:210, табл. XXII, 13–15) – перед этим император Клавдий сверг с престола его старшего брата Митридата Третьего, применив специально присланные для этого войска. Митридат не смирился, сумел найти союзников и произошла война, успешный для римлян конец которой в 49 г. н.э. описал Корнелий Тацит (*Tac*., Ann. XII, 15 -21). Описание начала произошедшей боспороримской войны содержалось, вероятно, в несохранившихся книгах «Анналов», но она явно началась в 44/45 г. н.э. потребовала времени и значительных усилий – параллельно римляне в 44–46 гг. решали проблему присоединения одрисско-сапейской Фракии. В начале войны, как выяснилось в ходе невероятно успешных раскопок Н.И. Винокурова на Артезианском городище, важнейшую роль сыграла располагавшаяся там, в Крымском Приазовье, стратегически очень важная царская крепость. Любопытно и то, что некую существенную часть живших там военных поселенцев составляли выходцы из европейской Фракии (*Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов*

А.В., 2014:134–162) помимо мощного ирано-сарматского компонента, с которым основательно смешались. Крепость эта претерпела ката-строфический разгром с масштабным пожаром, но при том же упомянутом Котисе Первом (45–68/69 гг. н.э.) была основательно перепланирована и перестроена. Слой пожара относится ко второму году боспоро-римской войны в 46/47 г. н.э., конкретнее вскоре после сбора урожая окрест – т.е. в конце лета – начале осени. Неожиданный штурм тотально уничтожил население городка-крепости обоего пола и всех возрастов, вместе со скотом, припасами, оружием и орудиями труда. Под слоем пожарища Н.И. Винокуров открыл и солидные материальные ценности, до которых победившие римляне в силу неких причин не добрались. Раскопки и на соседних с Артезианом объектах продемонстрировали, что только теперь римляне и сторонники Котиса Первого разгромили объекты под контролем свергнутого Митридата Третьего, отталкиваясь от прежде захваченных морскими десантами (силами вспомогательных войск – когорт из Вифинии) Пантикапея и Феодосии. Затем уже, потерпев поражение на Европейской стороне Боспора, Митридат перебрался на Азиатскую и ещё несколько лет там сопротивлялся объединенным силам римлян, приверженцев Котиса в римском облачении (cohorts et Bosporani… nostris in armis – *Tac*., Ann. XII, 15) и сарматских союзников-аорсов (традиционных конкурентов иного сарматского племенного союза - сираков, поддержавших тогда Митридата).

Между тем раскопки Артезиана свидетельствуют, что роковым для крепости оказался не первый, но второй штурм – а после первого осуществлялись восстановление и доукрепление рубежей. Получается, что первый наскок со стороны Пантикапея был отражен и только затем римляне смогли резко усилить свой контингент прибывшими с Балкан воинами, причем даже, вероятно, помимо как из вспомогательных войск, так и легионариями.

Важнейшей для нашего внимания находкой явилось обнаружение в слое пожарища уникального золотого статера (см. снимки аверса и реверса). Монета диаметром 20-21 мм с лицевой стороны имеет изображение императора Клавдия (41–54 гг. н.э.), вправо в кольцевом ободке, с надписью по кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, а на обороте – головы Митридата вправо, посоха (?) справа и внизу дата –

ГМТ, т.е. 46/47 г. н.э. Смещение контуров и нечеткие изображения свидетельствуют о повторности удара, поле монеты – неровное. Автор изображения, похоже, был отличным, наблюдательным скульптором, но не нумизматом. Продукция походного монетного двора? Царские инсигнии отсутствуют, что намекает на понижение статуса организовавшего эмиссию правителя – при этом любопытным является и отсутствие чеканки Котиса в том 46/47 г. н.э.

Анализ уникальной находки в Артезиане золотого статера было свергнутого правителя Боспора – Митридата III, сына явно царя-сармата, судя по имени, Аспурга и фракийской царевны Гепепирис – показал, что утраченные книги «Истории» Корнелия Тацита могут быть немного восстановлены предполагаемым ходом событий между ante quem – post quem в описании хода событий. Первые годы произошедшей римско-боспорской войны могут быть реконструированы яркими подробностями. Римский десант около 44/45 г. из Вифинии вспомогательных войск под руководством Г. Юлия Аквилы способствовал свержению с престола Митридата в пользу его брата Котиса, однако обиженный старший брат отнюдь не смирился и ушел к своим верным сторонникам на западной (против крымских скифов) границе. Монет Котиса этого короткого времени (даже меди) не найдено, а Митридат решился в походных условиях на передвижном монетном дворе, довольно небрежно с точек зрения художественной и технической, эмитировать свое золото из соображений как политических, так и утилитарно практических (воины привыкли получать по расчету и хорошие средства).

Итак, у границ все еще разраставшейся Римской империи в 45 г. н.э. произошли два события – речь идет о начавшейся римско-боспорской войне и вероятно загодя задуманной аннексии Фракии. Можно ещё добавить факт превращения в милитаризованную императорскую провинцию Вифинии в 48 г. н.э. События с присоединением Фракии складывались таким образом, что dux Romanus Авл Дидий Галл никак не мог ни в 44-45 и даже в 46 гг. н.э. отправить крупные воинские силы на весьма удаленный Боспор. В те времена 7-8 тысяч даже ауксилариев являлись грозной, могучей силой – переправлять такие формирования морем требовали использования многочисленного флота с солидным тоннажем (т.е. не традиционных боевых кораблей – тем

более в Черном море римляне охотнее всего использовали легкие либурны). За помощь в столкновениях с фракийцами и войной на Боспоре временную (на 5 лет) ателию получил Византий (*Tac*., Ann. XII, 21). Именно в 46-47 гг. н.э. Ольвия и Херсонес фактически признали свою зависимость от Рима, оценив успехи римских войск в Европейском Боспоре. Очень похоже, что примерно в 45 г. н.э. с помощью византийского флота в Пантикапее высадился Г. Юлий Аквила во главе когорт из Вифинии, но решать проблему радикально с передачей власти Котису от Митридата не удалось – наблюдался некоторый период двоевластия на Боспоре. Фракия стала римской сенатской провинцией в 46 г. н. э. во время наместничества Авла Дидия Галла в Мезии. И только после этого успеха dux двинул внушительные силы на помощь своим коллегам из Вифинии и вероятнее всего уже в 47 г. н.э. сокрушил соратников Митридата на востоке Крыма, за что позднее был триумфально почтен в Риме (ornamenta triumphalia), и вернулся в Мезию. По мнению же В.М. Зубаря (*Зубарь В.М*., 1994:19-23), А. Дидий Галл удостоился триумфа за присоединение Фракии (где серьезные военные действия вообще-то не понадобились или почти), а не за победу над Митридатом. Кстати, Н.И. Винокуров в соав-торстве с известным нумизматом М.Г. Абрамзоном пришли к выводу, что Артезиан претерпел решительный римский погром все же именно осенью 47 г. н.э. (*Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И.*, 2016:712–743).

Гаю Юлию Аквиле и его малоазийским когортам предстояла задача добить сторонников Митридата уже далеко от столицы Боспора, что им и удалось в итоге в 49 г. н.э. И награждены они были гораздо скромнее: прокуратор теперь уже императорской провинции Вифиния Юний Цилон удостоился консульства, а сам Г. Юлий Аквила стал претором.

Интересно, что свергнуть боспорского царя полуфракийского происхождения по матери Гепепирис Митридата Третьего сначала прибыли римские войска из фракоязычной Вифинии. Вероятную Паросту защищали верные сторонники грубо свергнутого царя – сами многие сармато-фракийского происхождения. Для подавления открытого неповиновения воле Рима были командированы крупные формирования из фракоязычной Мезии, причем до и для этого римский наместник (легат) Мезии с 44 по 47 гг. н.э. Авл Дидий Галл

аннексировал собственно Фракию, да ещё римлян снабдили кораблями для десантирования жители Византия – полиса опять же на былых фракийских землях и в плотном окружении фракийцев.

В болгарской науке встречаются две основные точки зрения на возможную дату аннексии Римской империей одрисско-сапейской Фракии- 45 или 46 г. н.э. Иногда просто дается вариант 45/46 г. (*Торбатов С*., 2012:111). Так. Ив. Христов (*Христов Ив*., 2018:64) безапелляционно называет 45-й год. Конкретно этому вопросу посвятила специальную статью Д. Ботева (*Ботева Д*,, 2017:157–168) – она пришла к однозначному выводу, обозначив в итоге с помощью серии аргументов 46-й год, что вполне соответствует и нашим наблюдениям.

На боспорских надгробиях позднеэллинистической и раннеримской эпохи (II в. до н.э.- II в. н.э.) весьма часты изображения всадников нередко в сопровождении культовых паредров и символики. Касается это и коропластики, где культовый контекст выражен гораздо меньше. Однако это не означает массового присутствия фракийцев на Боспоре. Да, их эллинизированно-сарматизированных потомков было немало, но не стоит преувеличивать. Терракотовые всадники с Артезианского городища параллельны с данными антропонимии из скудной эпиграфики – среди погребенных под стелами с изображением всадников тут явно попадаются фракийцы. Между тем древняя орфическая традиция героизации усопших в облике всадников проявилась ещё с раннеархаических времен – с этим трудно не согласиться, просмотрев хотя бы знаменитый корпус С. Рейнака (*Reinach S.*, 1909–1912). При этом постепенно оформилась культовые символика и атрибутика задолго до оформления стабильной иконографии на ставших позднее серийными художественно-культурных памятниках. Знаменитый Фракийский Всадник оформился в торевтике, позднее мелкой пластике и коропластике не ранее V в. до н.э. – тому есть основательные политические причины: без исторического опыта Ахеменидской империи (особо вспомним и о недолговечной персидской сатрапии Скудра) и Афинской Архэ фракийское Одрисское царство могло и не появиться в истории. Рельефы Фракийского Всадника были визитной карточкой генетически фракийцев (даже почти ассимилированных в сложной этнокультурной амальгаме Римской империи, а до этого этнического субстрата в эллинских западнопонтийских полисах)

во II в. до н.э. – IV н.э. не только на Балканах – таких же, серийно из Вифинии, можно увидеть, например, в Археологическом музее в Стамбуле. Фракийский Всадник на памятниках античной эпохи часто не символизировал фракийского Хероса, но демонстрировал привязанность к фракийским землям (даже у набранных в Нижнем Подунавье преторианцев в самом Риме). Среди российских историков об этом у преторианцев и вообще в целом в римской армии неоднократно акцентировал красноярский исследователь Н.И. Соловьянов (см. среди прочих его работ: *Соловьянов Н.И.*, 2006; *Соловьянов Н.И.*, 2007).

Однако не следует образ конного воина (или охотника) считать монополией фракийцев. Культовые конные персонажи помимо существенно варваризированных жителей Боспора явно имелись у поздних скифов и у сарматов. Р. Попова (*Попова Р.*, 2010:188-190) решила вслед за несколькими известными украинскими учеными и мной рассмотреть рельеф (*Фармаковский Б. В.*, 1915) из селища Козырки (Козырка - а не Козырек, как у Р. Поповой неоднократно), за многие годы при СССР раскопанной энтузиастом этого памятника А.В. Бураковым.

В Ольвии римский гарнизон располагался стационарно на окраине (при исследовании руин лагеря вначале проявился раскоп R 19 – довелось там участвовать в раскопках в 1974 и 1976 гг.). Примерно в 82 г. знаменитый оратор и философ Дион Хрисостом оказался в Ольвии и в своей «Борисфенитской речи» описал безрадостные реалии существования граждан полиса, опасавшихся задерживаться за городскими стенами перед лицом постоянной сарматской угрозы. Поход Тиберия Плавтия Сильвана Элиана но помощь осажденному скифами Херсонеса примерно в 62 г. н.э. (мимо, или, что более вероятно, через Ольвию) был победоносным. Однако, в отличие немного раньше оккупированной Тиры и самого Херсонеса, римские вексилляции в Ольвии определились на постоянной основе не ранее правления Антонина Пия (по моему предположению (*Крыкин С.М.*, 1992) никак не ранее времени Адриана). Так что будто фракийский по мнению Р. Поповой (*Попова Р.*, 2010:192–193) или все же кельтский (*Hoddinott R.*, 1975:112) Deus Sanctus Porobonus не мог там появиться раньше. Насчет неизвестного «кельтского конного божества» сразу

вспоминается конная богиня Эпона, но могли быть и другие. Кельтов из состава римских вспомогательных войск в римских вексилляциях в Северном Причерноморье хватало – почему во Фракии они должны были почитать местных, а не своих богов, если сами фракийские воины широко в пределах Римской империи поклонялись генетически своим? Близ Ольвии открыты два временных лагеря римских войск середины I в. н.э. (*Буйских С.Б.*, 1991:130; *Козленко Р.А*., 2015:29 – 33). Вопреки тревожным наблюдениям Диона Хрисостома С.Б. Буйских (*Буйских С.Б*., 1991:114, 132) предположил сооружение защитных рубежей близ Ольвии от времени похода Т. Плавтия Сильвана Элиана и неубедительно попытался передатировать эпитафию скончавшегося в Ольвии знатного боспорита Марка Ульпия Парфенокла (акцентирую на nomen gentile императора Траяна!) на вторую половину I в. н.э. (IOSPE, 1916: № 203 – первая половина II в. н.э.), который между тем на рубеже I – II вв. успешно сражался на Боспоре со скифами (КБН, 1965: № 32) и служил наместником царской резиденции (КБН, 1965: № 628). Да, римляне в результате успешного похода 62 г. н.э. фактически взяли под контроль как бы все Северное Причерноморье: для этого имперским силам будто бы хватило 3 тысяч бойцов и 40 кораблей согласно утверждению Иосифа Флавия (Bell. Jud. II, 16, 4). Но говорить о целой разветвленной сети укреплений с гарнизонами в то время явно рано.

Происходящий из Козырки рельеф II–III вв. из местного известняка и довольно грубой работы представляет всадника перед женским персонажем в длинном одеянии и внизу две собаки атакуют кабана. Р. Попова ссылается на гипотезу А.С. Русяевой (*Русяева А.С*., 1992:153, рис. 52), будто фракийский памятник с образом Фракийского Всадника оказался в руках эллинизированного сармата, также почитавшего некое конное божество, и тот нанес на уже готовый рельеф сарматские знаки-тамги. И будто бы у Козырки осели ветераны из состава римских вексилляций (*Крыжицкий С.Д*., *Лейпунская Н.А*., 1982:64), что после получения традиционной honesta missio вне пределов Римской империи представляется совершенно невозможным. Воспроизведенная сцена охоты на кабана действительно весьма популярна была на памятниках фракийцев, я же имел в виду, что глубинный сакральный смысл такой сцены толкуется

в высшей степени гипотетически. И если безапелляционно принимать гипотезу, будто некий сармат на фракийскую по содержанию сюжета заготовку нанес характерные знаки-тамги (вместо греческого текста, раз уж он был «эллинизированным»), то хорошо бы было предоставить хоть один похожий прецедент (если уж в Европе не найдено примеров почитания Поробона помимо Фракии и Ольвии). Не стоит преувеличивать возможности интуиции даже высокоинтеллигентных специалистов, когда немало «установленных» фактов являются не более чем convention - условной (часто временной) договоренностью специалистов так считать «при нынешнем состоянии источников». Искусствоведческий анализ многих памятников торевтики, например, не следует считать установлением исторических реалий. К числу таковых «конвенций» является и культовый сюжет охоты на кабана. Вынужден заметить, что постепенно сложившаяся иконография самого Фракийского Всадника практически полностью формировалась в огромной Малой Азии, примеры откуда обладают убедительным хронологическим приоритетом. Смысловое же содержание сами фракийцы явно понимали до мелочей, а фантазии исследователей спустя века при отсутствии дошедшей до нас фракийской мифологии достойны внимания, но не безоговорочного признания.

Критическое утверждение Р. Поповой не принимаю: «Сигурно е, че появата ѝ в паметниците на Конника има дълга предистория и тя в никакъв случай не може да се тълкува като изненадващо заета от келтското, иранското, скитското (синдо-меотското?) или гръко-персийското изкуство според опитите на Крыкин» (*Попова Р.*, 2010:190). Фракийское искусство сформировалось под безусловным греческим, в заметно меньшей степени из империи Ахеменидов и сколько-то из культуры ряда других, менее известных нам народов. Никто теперь не оспаривает, что кириллица и латиница производны от эллинской азбуки, хотя там и свои «предыстории» имели место. Греки и мастера из Ахеменидской империи сами впитали традиции ещё более древние – в случае же со Всадником следы уводят в Малую Азию. Образ обрел свой общепринятый художественный вид. Занявшись памятниками фракийской торевтики, вполне в этом убедился.

Однако в завершение «диалога» о Фракийском Всаднике в Северном Причерноморье вернемся к логике анализа, полемизируя с

оппонентом Р. Поповой. Более века назад М.И. Ростовцев (*Ростовцев М.И.*, 1911:38–39, фиг. 3) обратил внимание на происходившее со слов владельца этого «экспоната» из частной коллекции «родом» конкретно из Харакса (мыс Ай-Тодор) надгробие Л. Фурия Севта, оптиона префекта Первой Фракийской когорты. Златозара Гочева (*Гочева З.*, 2008:161-165) сравнила его с некоторыми подобиями из Одессоса, определив все же иначе - как вотивное посвящение, и Р. Попова (*Попова Р.*, 2010:219) пришла к мысли, что это изделие вполне могло быть изготовлено в Западном Понте, но затем уже оттуда оказаться и в Хараксе. Мне же довелось 30 лет назад усомниться в обнаружении этого рельефа именно в Хараксе (*Крыкин С.М.*, 1991:108) в силу недоверия к обстоятельствам открытия.

Тогда же довелось работать со снимком экспоната из Полтавского краеведческого музея (*Крыкин С.М.*, 1990) – явно фракийского рельефа с изображением Фракийского всадника и надписью: Ἀγαθῇ τύχη Ἀύ-λουζενις Μουκαπό|ρεος ἀνέθηκεν εὐχαριστήριον. Р. Попова (*Попова Р.*, 2010:220-221) вроде как добралась до неизвестного мне каталога археологической секции музея от 1911–1912 гг., где утверждалось, что памятник происходил из частной коллекции из числа, добытого в Северном Причерноморье. Известный эпиграфист В.П. Яйленко (*Яйленко В.П.*, 1987:250-251) продатировал памятник концом I–II вв. н.э., признал изготовление его во Фракии, но подписан он был вроде уже как на Боспоре, обозначая именами представителя некую фракийскую когорту. Полностью согласен с З. Гочевой, что посвящение не содержит ни малейших признаков романизации (*Гочева З.*, 2008:161-–165), что и осложняет интерпретацию. Между тем давно уже М.Ю. Трейстер (*Трейстер М.Ю.*, 1993:70) усомнился в обнаружении этого памятника на Боспоре, приняв одновременно приведенную мною давнюю гипотезу М.И. Ростовцева (*Rostowzew M.*, 1902: 84; *Ростовцев М.И.*, 1911:39; *Латышев В.В.*, 1904:15 –16; *Wagner W.*, 1938:128-188) о вероятной принадлежности фракийской когорты, выявленной по надгробию в Пантикапее (КБН, 1965: № 666- стела II в. н.э. с надписью Δίζα υἱὲ Βείθυο[ς] κεντυρίων ὁ κα[ὶ] πρίνκιψ σπείρας Θρᾳκῶν) собственно к боспорской армии. А далее он цитирует другую мою работу о том, что вскоре после аннексии Фракии ««несколько позже римляне вполне могли перебросить какие-то вспомогательные

войска, в том числе и фракийские отряды взамен более удобных для ведения войн с даками боспорских вспомогательных отрядов» (*Крыкин С.М.*, 1988:80). Затем М.Ю. Трейстер, поначалу признавая вероятность длительного пребывания на Боспоре римских когорт из Вифинии, присоединился к заключению Н.А. Фроловой о том, что после завершения римско-боспорской войны 45–49 гг. римских постоянных гарнизонов на Боспоре вообще никогда не было. И таким образом не вижу веских оснований отказываться от моего давнего предположения, что эпиграфический памятник якобы с Боспора, и на самом деле он оказался в некоей частной коллекции прямиком из Фракии. Правда, гипотетически нероманизированный фракиец мог оказаться в Херсонесе-Таврическом по итогам похода Т. Плавтия Сильвана Элиана, но тогда уже начинаются совсем немотивированные гадания.

Что касается опыта изучения частных коллекций античных вещей, то имеется и такой опыт (*Крыкин С.М.*, 2001:84–109). В фондах Костромского областного музея хранится привезенная из Керчи небольшая коллекция античных вещей, явно приобретенных там на рынке на рубеже XIX–XX вв. у «черных копателей» той поры. Среди оригинальных вещей, добытых в Европейском Боспоре и на Тамани, оказались несколько грубых подделок. А некоторые предметы подверглись изощренной «реставрации», что убедило в полнейшей некомпетентности незадачливого неведомого покупателя этого «собрания».

Наконец, в самое последнее время довелось участвовать в экспертизе любопытной коллекции фракийских раритетов, добытых некогда для офицеров армии Российской империи в ходе или сразу после успешных русско-турецких войн. Сначала удалось ознакомиться с серебряным ритоном с позолотой начала IV в. до н.э. и ввести результаты изучения в научный оборот (*Крыкин С.М.*, 2015a; *Крыкин С.М.,* 2015b; *Крыкин С.М.*, 2016). Затем был изучен золотой нагрудник-медальон последней трети IV в. до н. э. с гиппокампом и нереидой (*Крыкин С.М.*, 2018b; *Крыкин С.М.*, 2019). Знаю о существовании и ещё памятников торевтики того же времени из этой коллекции, но пока они мне очно недоступны. Естественным образом возник вопрос: кто именно и когда мог добыть себе в кол-

лекцию столь уникальные, дорогие вещи? Ближайшим аналогом серебряного ритона из коллекции является знаменитый ритон из с. Розовец (Рахманлий) из знаменитой курганной группы. В 1879 г. там продолжились раскопки на месте неорганизованных поисков более ранней поры – среди серии уникальных предметов он и был тогда найден. Поручил вести раскопки «руският управител на Пловдив барон Людингхаузен – Волф». Часть находок отправилась тогда же на выставку в Санкт-Петербург в Эрмитаж.

Род «русских» баронов фон Людингх(а)узен-Вольф очень интересен – потомки рыцаря из-под Мюнстера в Вестфалии (отсчет ведется с 1185 г.), где и сейчас известен городок Lüdinghausen. Внушительный куст потомков баронского рода известен весьма пунктирно. В XIX в. часть носителей фамилии фон Людингхаузен-Вольфф служила в Пруссии, а некоторые отправились служить царям Российской империи (известен прославленный генерал-лейтенант и весьма немного два генерал-майора), которые сформировали русскую ветвь этого рода. Похоже, что «управителем Пловдива» был генерал-майор Alexander von Lüdinghausen genannt Wolff (1818–1884). Поиск показал, что фамилия эта сильно разветвилась и периодически на слуху – так, сейчас традиции родов практически вымершего по мужской линии графов Строгановых и князей Щербатовых продолжает Элен (Елена Андреевна – 1942 г.р.) де Людингхаузен (по отцу Андрею из баронского рода Людингхаузен-Вольф). Ассоциативно вспоминается, что один из её предков граф Александр Сергеевич Строганов (1818-1864) в середине XIX века серьезно увлекся археологией и коллекционированием, тратил на это немалые средства.

Но в XX веке помимо отца Элен де Людингхаузен предпринимателя Андрея проявились и другие члены знатного баронского рода. Офицером по особым поручениям при командующим в годы Второй мировой войны РОА (коллаборационистской Русской освободительной армии) А.А. Власове был капитан фон Людингхаузен-Вольф, ветеран Белого движения и успешный участник гражданской войны в Испании на стороне генерала Ф. Франко. Именно он организовывал контакты генерала А.А. Власова с диктатором Испании, в итоге все же отказавшемся спастись на самолете в Испании перед лицом пленения РККА. Уже в апреле 1945 г. он отправился одним из

двух переговорщиков (с меморандумом от Власова) к английскому командующему в Средиземноморье фельдмаршалу Х. Александеру, но потерпел неудачу и был интернирован.

Одной из самых загадочных фигур Второй мировой войны является В.В. Родионов-Гиль (1905–1944). Попав в немецкий плен в начале войны, скромный (по формальной должности) офицер среднего звена РККА делает невероятную карьеру. После встречи лично с В. Шелленбергом и представления даже А. Гитлеру В.В. Родионов (Гиль) будто как попытался возглавить русское националистическое движение, создал Боевой союз русских националистов, две «дружины» СС из числа бывших советских военнопленных и в итоге к весне 1943 г. русскую бригаду СС «Дружина» из 3-4 тыс. хорошо оттренированных и оснащенных бойцов. От визитеров из РОА по поручению генерала А.А. Власова с предложением об объединении «дружинники» отстранились. В середине августа 1943 г. в бригаде организованно устраняют всех немцев и сопротивлявшихся белоэмигрантов (часть захватывают и скоро с помощью партизан на самолетах переправляют в Москву). На сторону партизан тогда перешло подавляющие число ее бойцов и таким образом в Белоруссии появилась «Первая русская антифашистская бригада», которая затем самым активным образом воевала в тылу фашистских войск вплоть до апреля 1944 г., когда в результате широкомасштабной карательной операции против полоцко-лепельских партизан в жестоких боях практически полностью погибла вместе со своим командиром, но уже не полковником СС, а РККА., орденоносцем. Только в последние годы постаревшие дети погибшего офицера попытались объяснить феномен его карьеры на службе у фашистов. Семейное предание сохранило память о том, что отцом вынужденно поменявшего фамилию на Гиль (не знаю других примеров смены фамилий Volksdeutsche в годы Первой мировой войны из соображений безопасности) был потомок немецкого баронского рода фон Лютенхаузен-Вольф, а мать вообще была внучатой племянницей последнего польского короля из рода Понятовских. В.В. Гиль действительно вполне знал немецкий, польский и даже французский язык. Со слов его сестры он перед Войной будто даже выполнял секретные поручения в Германии, будучи изначально советским разведчиком. Но одна важнейшая деталь по поводу этой

пока ещё загадочной во многом биографии такова: баронского рода Лютенхаузен-Вольфов в Германии и потом с распространением на территориях Российской империи никогда не было. А существовал хорошо многим известный с XII века вестфальский рыцарский род фон Людингхаузен-Вольф и даже при самом генерале А.А. Власове служил достаточно влиятельный родственник В.В. «Гиля-Родионова» (*Крыкин С. М*., 2021). Возможный потомок (родственник уж точно) вероятного «управителя Пловдива» и организатора раскопок в центре Фракии Владимир Владимирович Людингхаузен-Вольф тоже оказался отменным офицером, но фигурой волей судьбы исторически более заметной.

Таковы более чем скромные результаты поисков последних лет на ниве фракологии с территории нынешней Российской Федерации. Что-то удалось, что-то вызывает вполне логично вопросы – о том судить заинтересованному читателю.

Литература

Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., 2016 Золотые статеры Аспурга и Митридата Третьего и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан.– *ВДИ*, 3, 712 – 743.

Ботева Д., 2017 Създаването на провинция Тракия.– *ΚΡΑΤΙΣΤΟΣ*. Сборник в чест на професор Петър Делев. София, 157–168.

Винокуров Н.И., Крыкин С.М., 2017 Римская политика в северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э.– *Проблемы истории, филологии, культуры.* 4 (58), Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 170 – 194.

Габелко О.Л., 2005 История Вифинского царства. СПб.

Гочева З., 2008 Разпространение на култа на Тракийския конник в Северното Черноморие.– *Югоизточна Европа през Античността (VI в. пр. Хр. - VIIв. След Хр.)* Studia in honorem Alexandrae Milcheva. София, 161–165.

Златковская Т.Д., 1971 Возникновение государства у фракийцев. VII –V вв. до н.э. Москва.

Зубарь В.М., 1994 Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.

Карышковский Б П.О., Клейман И.Б., 1985 Древний город Тира. Киев.

КБН, 1965 Корпус боспорских надписей. Ред. акад. В.В. Струве. Москва – Ленинград.

Клейман И.Б., 1987 Изображение воина фрагменте рельефа из Тиры.– *Новые*

исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 46–52.
Козленко Р.А., 2015 Римский форт на границе Ольвийского государства.– *Laurea I., Античный мир и Средние века*. Чтения памяти проф. В.И. Кадеева. Харьков, 29-33.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А., 1992 Ольвия – память тысячелетий. Одесса.
Крыкин С.М., 1988 Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья.– *Thracia* 8, 58 – 83.
Крыкин С.М., 1990 Вотивный барельеф Фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея.– *ВДИ*, 1, 74 – 79.
Крыкин С.М., 1991 Значение и сущность фракийского влияния в античном Северном Причерноморье.– *Acta associoni internacionale (Terra antiqua balkanica 6)*. V Международный конгресс по фракологии. София, 102 – 110.
Крыкин С.М., 1992 Deus Sanctus Porobonus.– *ВДИ*, 3, 140 – 147.
Крыкин С.М., 1993 Фракийцы в античном Северном Причерноморье. Москва.
Крыкин С.М., 2001 Керченская коллекция из КОИМЗ «Ипатьевский монастырь».– *Вестник Костромской археологической экспедиции*. 1. Кострома, 84-109.
Крыкин С.М., 2015 Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре.– *Вестник Московского городского педагогического университета*, 2 (18), 57-66.
Крыкин С.М., 2015a Фракийская торевтика: ещё один ритон.– *Древний мир: история и археология*. Труды 1-й и 2-й Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения». Москва, 147 – 154.
Крыкин С.М., 2015b Древний фракийский ритон из Болгарии.– *Наука, образование, культура*. Научно-практическая конференция, посвященная 24 -й годовщине образования Комратского государственного университета. Комрат, 170-174.
Крыкин С.М., 2016 Фракийский серебряный ритон с позолотой из Болгарии.– *Вестник Московского городского педагогического университета* (МГПУ), 1 (21), 71-77.
Крыкин С.М., 2018a Гетска хипотеза за произхода на Спартак – Епохи. Т. XXVI, №1. Велико Търново, 63–78.
Крыкин С.М., 2018b Золотой медальон с гиппокампом и нереидой.– *Наука, образование, культура*. Научно-практическая конференция, посвященная 27-летию Комратского государственного университета. Сборник статей. II, Комрат, 109-117.
Крыкин С.М., 2019 Золото Фракии, его источники.– *Наука, образование, культура*. Научно-практическая конференция, посвященная 28-летию

Комратского государственного университета. Сборник статей. II, Комрат, 2019, 122-126.
Крыкин С.М., 2021 «Генетический» патриотизм или загадка «белоруса» «Гиля».– *Наука, образование, культура*. Научно-практическая конференция, посвященная 30-летию Комратского государственного университета. Сборник статей. II, Комрат, 132-137.
Латышев В.В., 1904 Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 гг.).– *ИАК*, 10, СПб, 1 – 91.
Никулицэ И.Т, 1977 Геты в IV – III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев.
Никулицэ И.Т., 1987 Геты в VI-V вв. до н.э. Кишинев.
Попова Р., 2010 Тракийска култура в Северното Черноморие до III в. София.
Ростовцев М.И., 1911 Святилища фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре.– *ИАК*, 40, 1 – 42.
Русяева А.С., 1992 Религия и культы античной Ольвии. Киев.
Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А. В., 2014 Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы).– *ВДИ*, 3, 134 – 162.
Соловьянов Н.И., 2006 Религиозная практика римских воинов в I – III вв. Красноярск.
Соловьянов Н.И., 2007 Римское религиозное сознание и его отражение в пантеоне армии в I –III вв. Красноярск.
Тохтасьев С.Р., 1992 Из ономастики Северного Причерноморья: II Фракийские мена на Боспоре.– *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб, 178-200.
Трейстер М.Ю., 1993 Римляне в Пантикапее.– *ВДИ*, 2, 50 – 74.
Фармаковский Б.В., 1915 Памятники античной культуры, найденные в России.– *ИАК*, 58: 82 – 132.
Фролова Н.А., 1997 Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – IV в. н.э.). Ч. 1. Москва.
Христов Ив., 2018 Античната история на Троянския край – I хил. Пр. Хр. – началото на VII в.– *Троян – документи, открития, събития, личности*. Велико Търново, 48 – 82.
Яйленко В.П., 1987 Вотив Авлудзениса из Северного Причерноморья.– *Terra antiqua balcanica (TAB)*, II, Sofia, 250-251.
IOSPE, 1916 Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Ed. Latyschev V. V. Ed.2-a. Vol. I. Petropoli.
Reinach S., 1909–1912 Répertoire de relief grecs et romain. Vol. 1 – 3. Paris.
Rostowzew M., 1902 Römische Besatzungen in der Krym und das Kastell Charax.– *Clio*, 2, Leipzig, 80 – 95.
Vinogradov J. G., 1987 Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und

kulturelle Einheit und die Epigraphik.– *Terra aniqua balcanica*. II. Acta centri historiae. Trinovi, 9–77.
Hoddinot R., 1975 Bulgaria in Antiquity. London.
Wagner W., 1938 Die Dislokation der römischen Auxiliaformationen in den Provinxen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Agustus bis Gallienus. Berlin.

В.В. Гиль-Родионов

Аверс золотого статера Митридата

Реверс золотого статера Митридата

Золотой нагрудник-медальон последней трети IV в. до н.э.

1,2 - Серебряный с позолотой ритон поры начала правления Котиса Первого

Thracia Balcanica 1, 2022, 183-198

ЗАБЫТЫЙ ФРАКИЙСКИЙ ЦАРЬ СПАРАДОК

К. А. Анисимов
(Тула, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается проблема биографии одрисского правителя V в. до н.э. Спарадока, упоминаемого Фукидидом и надписями на монетах, выпущенных от его имени. Опираясь на исследования нумизматов и письменные источники, предпринята попытка реконструировать основные направления внешней и, отчасти, внутренней политики Спарадока. Подвергаются сомнению попытки отождествления Спарадока с безымянным братом царя Ситалка, упомянутым Геродотом, и боспорским тираном Спартоком.

Ключевые слова: Фракия, фракийцы, одрисы, Терес, Спарадок, Ситалк, Севт I, афиняне, скифы, персы

В V в. (здесь и далее все даты «до н.э.») большая часть фракийских племен, населявших обширные пространства на северо-востоке Балканского полуострова, была объединена под властью Одрисского царства. В период своего расцвета в 431-424 гг. Одрисское царство было одним из могущественнейших государств Средиземноморья, обладая значительной территорией, экономическими и военными ресурсами (*Thuc*., II, 96 – 98; *Diod*., XII, 50, 3). Создателем этого царства был Терес I, сведения о котором сообщают Фукидид (*Thuc*., II, 29, 2), Геродот (*Hdt*., IV, 80), Ксенофонт (*Xen*., Anab. VII, 2, 22). Из этих кратких сообщений следует, что основным направлением экспансии одрисов при этом царе было восточное – одрисы закрепили за собой черноморское побережье от устья Дуная до Византия. По сведениям, восходящим к историку IV в. Феопомпу, Терес скончался в возрасте ок. 92 лет (*Lucian*., Macrob., 10), а значит, скорее всего он пришел к власти еще до персидского завоевания фракийского побережья.

Большая часть наших сведений об Одрисском царстве V в. свя-

зана с именем царя Ситалка, сына Тереса (*Hdt*., IV, 80; *Hdt*., VII, 137; *Thuc*., II, 29; *Thuc*., II, 67; *Thuc*., II, 95-101; *Thuc*., IV, 101, 4; *Aristoph*., Acharn. 145-147; *Diod*., XII, 50-51). Это связано с его активной политикой в отношении ведущих греческих государств и тем, что он заключил союз с Афинами в годы Пелопонесской войны 431-404 гг. Для Ситалка ключевым направлением экспансии было западное: он покорил часть пеонийских племен на Стримоне, в 429 г. пытался поставить под контроль одрисов Македонию, подчинить греческие полисы на Халкидском полуострове, в 424 г. погиб во время войны с трибаллами, могущественными соседями Одрисского царства на северо-западе. В источниках Ситалк предстает как опытный и талантливый полководец, дипломат, справедливый судья, храбрый воин. Во время его правления Одрисское царство достигло своего расцвета и максимально расширила свои границы.

Фукидид сообщает, что следующим царем одрисов стал племянник Ситалка Севт (*Thuc*., IV, 101, 5). Еще при жизни дяди он был вторым человеком после царя, вероятно считаясь его наследником: Севт сыграл важную роль в окончании войны с Македонией, именно через него македонский царь Пердикка II вел переговоры, а позднее отдал Севту в жены свою сестру (*Thuc*., II, 101, 5-6). При Севте достигла максимальной величины дань с греческих полисов (*Thuc*., II, 97, 3). Отцом Севта был некий Спарадок, о чем дважды упоминает Фукидид (*Thuc*., II, 101, 5; *Thuc*., IV, 101, 5). Учитывая родственные отношения его сына с Ситалком и Тересом, а также то, что историк не счел нужным как-то прокомментировать упоминание Спарадока, подавляющее большинство историков убеждены, что он был сыном Тереса и братом Ситалка. Единственный повод для сомнения состоит в том, что Фукидид не говорит об этом напрямую, называя лишь Севта, сына Спарадока, племянником Ситалка (*Котова Д*., 2016). Впрочем, альтернативный взгляд основан на слишком слабой аргументации и устаревших фактах. Больше письменные источники ничего о нем не сообщают.

Кроме письменных источников в нашем распоряжении есть монеты, отчеканенные от имени Спарадока. Чеканка Спарадока представлена серебряными монетами трех номиналов. Тетрадрахма: на аверсе – всадник с двумя копьями на коне, идущем шагом налево; на

реверсе – в квадратном поле орел с распростертыми крыльями держит в клюве змею, надпись: «Σ/ΠΑΡ/ΑΔ/ΟΚΟ» по краю. Драхма: аверс - конь, идущий шагом налево, надпись: «ΣΠΑΡΑΔΟΚΟ» по краю; реверс – в квадратном поле орел с распростертыми крыльями держит в клюве змею. Диобол: аверс – протома коня в галопе налево или направо, надпись: «ΣΠΑ» или «ΣΠ/ΑΡ»; реверс - в квадратном поле орел с распростертыми крыльями держит в клюве змею. Драхмы и диоболы могли содержать также дополнительные символы. (Наи-более полные обзоры монет Спарадока: *Peter U*., 1997: 62-74; *Юрукова Й*., 1992:36-42; *Топалов С*., 2014:373 след.).

Этим ограничиваются наши источники, связанные с ним. Неожиданное продолжение получила биография Спарадока в отечественной историографии. Одрисы в V в. оказались тесно связаны с Северным Причерноморьем. Это в некоторой степени позволило некоторым отечественным исследователям предполагать участие Спарадока в событиях скифской и боспорской истории.

Согласно «Отцу истории», некогда скифский царь Ариапиф взял в жены дочь Тереса, основателя Одрисской державы. От этого брака родился сын – Октамасад. После смерти Ариапифа царем стал другой его сын, полуэллин по происхождению, Скил. Через некоторое время его свергли соплеменники, передав власть Октамасаду. Скил бежал во Фракию. Октамасад решил вернуть и казнить беглеца. Собрав войско, он двинулся к Дунаю, где проходила граница скифов с Одрисским царством. Там их встретил Ситалк, дядя Октамасада. Не желая понапрасну проливать кровь, фракийский царь предложил племяннику обмен. Оказалось, что у скифов скрывался брат, ранее бежавший от Ситалка. В итоге, два царя договорились. Октамасад получил Скила, которому тут же отрубили голову, а Ситалк вернул брата, которого увел с собой (*Hdt*., IV, 80). Дальнейшая судьба его не известна, что не останавливает исследователей.

Уже традиционным, можно сказать, стало представление о том, что безымянный брат царя Ситалка соответствует Спарадоку (*Виноградов Ю.Г.*, 1989:117), но многие идут дальше. Не первое десятилетие смущает исследователей истории античного Северного Причерноморья сходство имен фракийского правителя и основателя династии боспорских тиранов Спартока (*Diod*., XII, 31), захват власти

которого в Пантикапее датируют 438-436 гг. Между Боспором и Фракией существовало множество связей. Фракийские наемники принимали участие в боспорских междоусобицах (*Diod*., XX. 22). Среди боспорских тиранов пользовались популярностью имена «Спарток» и «Перисад», которые имеют аналогии во Фракии (различные мнения на этот счет: *Крыкин С.М*., 1993:78-79; *Гиндин Л.А*., 1981:62-63). Все это закономерно должно было породить представление о фракийском или полуфракийском происхождении самого Спартока. Е.А. Молев считал его фракийским наемником, который совершил переворот в Пантикапее и захватил власть (*Молев Е.А*., 1999:30-35). С.А. Жебелев считал его неким одрисским князем, который прибыл на Боспор по приглашению местного правящего рода Археанактидов (*Жебелев С.А*., 1953:168.).

Дальше всех пошел Д.А. Мачинский, который отождествил боспорского Спартока, безымянного брата Ситалка, о котором рассказывал Геродот, и Спарадока (*Мачинский Д.А*., 1993). С большим энтузиазмом воспринял эту гипотезу А.Ю. Алексеев (*Алексеев А.Ю.*, 2003:222-223). В пользу тождества Спартока Боспорского и Спарадока Одрисского с безымянным братом царя Ситалка высказывался В.А. Анохин (*Anochin V.*, 1998:41-42.). С критикой этого мнения выступил Н.А. Васильев (*Васильев А.Н.*, 1999:106-111). Однако, в целом он остался не услышанным. В недавней работе гипотезу Д.А. Мачинского вновь повторил С.Ю. Сапрыкин, который предполагает, что после событий в Скифии, которые он датирует 445 г., Спарадок нашел убежище в Синдике, а потом мог захватить власть в Пантикапее (*Сапрыкин С.Ю*., 2018:547).

Таким образом, боспорский тиран получил предысторию своего правления в Пантикапее, его фракийский тезка – новую жизнь, а незадачливый беглец Геродота – имя. Несмотря на всю увлекательность такой гипотезы, романтический ореол ее окружающий, возникают серьезные сомнения в возможности такого отождествления. Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, следует вновь обратиться к нумизматике.

Монеты – единственный собственно фракийский, а часто вовсе единственный, наш источник о правлении многих царей и о существовании ряда племен, от имени которых они выпускались.

Монеты Спарадока являются ярким тому примером. Любое исследование, посвященное этому представителю царского рода одрисов неизбежно будет носить хотя бы отчасти нумизматический характер. Традиционно считается, что Спарадок был первым одрисским правителем, чеканившим монету от своего имени, а может быть вовсе положившим начало одрисской монетной чеканке. Существует две основных точки зрения, объясняющих выпуск его монет.

Согласно первой из них, монеты Спарадока объясняли тем, что он был правителем одной из областей Одрисского царства, одним из тех представителей высшей одрисской аристократии, кого Фукидид называл парадинастами – «соправителями царя» (*Thuc*., II, 97, 3). Владения Спарадока пытались обнаружить, опираясь на особенности его монет. Значительное влияние, судя по символике, на чеканку Спарадока оказали традиции племен юго-западной Фракии, где выпуск собственной монеты появляется как минимум на рубеже VI-V вв. до н.э. Исходя из этого, предполагалось, что владения Спарадока находились в непосредственной близости к бисальтам и Олинфу или включали Бисальтию и даже Халкидику (*Златковская Т.Д*., 1971: 230; *Юрукова Й*., 1992:42). Новейшие исследования опровергли эту точку зрения. С. Псома, выводы которой позволяют полностью пересмотреть прежние гипотезы и по-новому взглянуть на всю деятельность Спарадока, отметила, что его чеканка ориентирована на аттический весовой стандарт, близкий монетам Эноса, крупного полиса в устье Гебра. Следовательно, необходимо отделять монеты Спарадока от чеканки полисов Халкидики и племен Юго-западной Фракии. На этом основании было выдвинуто предположение, что личные владения этого одрисского правителя находились недалеко от Эноса (*Psoma S*., 2002:513-522; *Порожанов К*., 2011:161). Это предположение подтверждается данными С. Топалова о находках монет Спарадока: их находят на юго-востоке Одрисского царства, в нижнем течении Марицы и на побережье Пропонтиды (*Топалов С*., 2014:378-379).

По мере увеличения наших сведений о монетной чеканке одрисов представления о том, что подобные локальные династы могли выпускать собственную монету стали уходить в прошлое. Монеты Спарадока служат явным доказательством того, что он был царем, наследовавшим своему отцу и предшествующим Ситалку (*Юрукова Й*.,

1992:36; *Топалов С.*, 2014:373 след.). Это объясняет особый статус его сына, которого Фукидид характеризует как «человека наиболее влиятельного после» царя Ситалка (*Thuc*., II, 101), а также то, что именно Севт стал царем после гибели Ситалка (*Thuc*., IV, 101), хотя у последнего был как минимум один сын (*Thuc*., II 29, 5; 67, 2).

О времени правления Спарадока высказывались разные мнения в литературе. Наиболее обоснованной на сегодняшний день представляется точка зрения В.А. Анохина, который относит начало чеканки этого царя к 470-м гг. (*Anochin V*., 1998:41) Он исходит из того, что на монетах Спарадока наиболее крупного номинала изображен всадник с двумя копьями на лицевой стороне и орел, терзающий змея на обратной. Впервые этот тип престижных монет появляется на монетах бисальтов, владевших серебряными рудниками горы Дисорон. Когда они около 475-473 гг. были завоеваны Александром I Македонским, эти изображения стали чеканиться на его монетах. Около 465 г. монетная чеканка в Македонии прекращается, а с 444 г. эти символы вновь появляются на монетах наследника Александра – Пердикки. Временное прекращение монетной чеканки связывают с утратой Александром I контроля над бисальтскими рудниками (*Тачева М.*, 2006:52-53). Опираясь на эти данные, вслед за Анохиным, начало чеканки аналогичных монет Спарадока большинство исследователей датируют сегодня 470-ми гг. Исходя из этого можно реконструировать основные вехи его правления.

Выводы, сделанные С. Псома и С. Топаловым о месте расположения «домена» Спарадока, указывают на Юго-восточную Фракию, как на основную арену политической деятельности этого правителя. Последние предприятия царя Тереса, отмеченные письменными источниками, были связаны с этим же регионом – землями финов. Из сделанного С. Псома вывода неизбежно вытекает следующий: при Спарадоке было завершено покорение фракийских областей, примыкавших к Эносу. Первые годы правления Спарадока были посвящены укреплению одрисского контроля над побережьем Пропонтиды. Нужно было завершить покорение финов. Следующий удар одрисы должны были нанести по племенам апсинтиев, кенов и петов, проживающих к северу от афинских владений на Херсонесе. Покорением этих территорий можно объяснить, почему именно

здесь получили распространение монеты Спарадока. Последние исследования позволяют сделать вывод, что в коренных землях одрисов долгое время использовались анэпиграфные монеты типа «силен и нимфа» (*Топалов С.*, 2014:217 след.). Аналогичные явления в чеканки племен Юго-Западной Фракии Т.Д. Златковская объясняла сохранением традиций племеного строя (*Златковская Т.Д.*, 1971:195). Монеты царской чеканки в коренных одрисских землях получают распространение лишь в последней четверти V в., то есть гораздо позже, чем в покоренных одрисами землях. «Царские монеты» были слишком больших номиналов, что говорит о том, что они играли в это время скорее демонстративную, репрезентативную роль, наглядно показывая богатство и могущество царя одрисов. Исходя из этого, логично предположить, что ранняя царская чеканка в Юго-Восточной Фракии была вызвана именно этими стремлениями. Монеты Спарадока сообщали фракийцам и грекам, что этот регион теперь принадлежит ему. Сообщать было кому, так как именно в это же время в районе черноморских проливов активизировались афиняне, столкновение которых с одрисами было неизбежным.

Определить, когда одрисы и афиняне встретились лицом к лицу, нам помогает Плутарх. В биографии Кимона он сообщает, что этот афинский стратег освободил полуостров от персов и их союзников – «фракийцев из внутренних областей» (*Plut*., Cim, 14). Поход на Херсонес датируют около 465 г. (*Строгецкий В.М*., 2008:141). В это время, на наш взгляд, «фракийцами из внутренних областей» могли быть именно одрисы, у которых с персами, насколько можно судить, существовали определенные дружественные отношения .

С запада Энос и новые одрисские приобретения устья Гебра отделяло от земли киконов, бистонов и других племен северного побережья Эгейского моря (*Hdt*., VII, 59; VII, 108; VII, 110). Античная традиция практически ничего не сообщает нам об исторических судьбах этого обширного региона в междуречье Гебра и Неста в период после изгнания Ксеркса, когда греческие поселения вошли в Первый Афинский морской союз. Недалеко от устья Гебра находилась персидская крепость Дориск, основанная на обширной равнине по приказу Дария еще ок. 513-512 гг. (*Hdt*., VII, 59). На протяжении всего периода Греко-персидских войн Дориск, расположенный в

землях племени киконов, оставался одной из основных военных баз персов во Фракии. По словам Геродота, это была единственная крепость, откуда грекам персидский гарнизон «не удалось изгнать и поныне, несмотря на неоднократные попытки» (*Hdt*., VII, 107). Из этого следует, что персы сохраняли контроль над этой крепостью, еще когда «Отец истории» работал над своей VII книгой. Опираясь на хронологические маркеры, которые в других случаях приводит Геродот, можно сделать вывод, что с одной стороны, он не знал о важнейших событиях в Греции после 444 г. (*Hdt*., VI, 98) вплоть до 430 г. (*Hdt*., VII, 137; VII, 233; IX, 73) (*Соболевский С.И. и др.*, 1955: 44). Таким образом, персы сохраняли Дориск как минимум до 444 г. Гарнизон мог продержаться так долго в своей крепости только при поддержке одрисов .

Одрисы стремились получить контроль над эллинскими полисами и эмпориями на побережье, которые также входили в сферу влияния Афин. Исходя из анализа афинских трибутных листов, фиксирующих поступление фороса с 454 по 406 гг., К. Порожанов приходит к выводу, что уже в 454-449 гг. (он относит этот период к правлению Тереса) одрисы получали дань с небольших полисов и эмпориев фракийского побережья, одновременно входивших в Афинский морской союз . Двойное господство одрисов и афинян над фракийским побережьем требовало какого-то юридического урегулирования и соответственно, мы должны предполагать наличие договора, аналогичного тем, что заключали с Афинами в последствии Ситалк и цари IV в. (*Порожанов К.,* 2011:166). Этот договор логично связывать с событиями 466-465 гг., когда афинянам пришлось вести две войны с фракийцами (*Plut*., Cim. 14, 1; *Thuc*., I, 100, 2-3). Сговорчивость афинян получает объяснение, если учитывать, что после успеха Кимона на Херсонесе и Фасосе, афиняне потерпели сокрушительное поражение при попытке закрепиться на реке Стримон, когда 10 000 афинских колонистов были уничтожены у эдонского поселения Драбеск афиняне встретили многочисленное войско «объединенных сил фракийцев» (*Thuc*., I, 100, 3). Неудача афинян под Драбеском не могла не отразиться на отношениях Афин с Одрисским царством и должна была способствовать определенным уступкам с их стороны.

Юго-западная Фракия стала в 470-460-е гг. ареной борьбы самых

разных сил. С уходом персов, на Нижнем Стримоне столкнулись интересы местных фракийцев и растущей мощи Македонии и Афин. Прежде дружественные отношения двух держав оказались испорчены после того, как афинянам под руководством Кимона в 476 г. удалось захватить крепость Эйон. Из его окрестностей были изгнаны фракийцы. Приблизительно в это же время Александр даровал Дельфам золотую статую самого себя. Статуя прославляла захват македонским царем «Девяти Путей», о чем сообщается в т.н. «Письме Филиппа», входящем в корпус речей Демосфена (*Dem*., XII, 21), чем доказывалось первенство македонян в спорном регионе Амфиполя. Судя по тому, что Кимону в 465-м приходилось уже бороться за «Девять Путей» с эдонами, контроль Александра над этой стратегически важной переправой через Стримон не продлился долго (*Борза Ю.Н*., 2013:161-163.). При каких обстоятельствах эдоны вернули переправу нам не известно, но очевидно это напрямую бы-ло связано с тем, что Александр примерно тогда же утратил свои приобретения в Крестонии и Бисальтии.

Фукидид, рассказывая о разгроме афинян, называет имя лишь одного фракийского племени – эдонов, которым принадлежал также Драбеск (*Thuc*., I, 100, 3). Трудно представить, что они осуществили такую военную операцию лишь своими силами. Ни во время осады Кимоном Эйона в 476-м (*Plut*., Cim. 7-8.2), ни в 436-м, когда афиняне все же сумели захватить «Девять Путей», на месте которых был основан Амфиполь (*Thuc*., IV, 102, 3), эдонам не удалось остановить греков. Поэтому, они могли быть только одним из членов коалиции, которую Фукидид назвал «объединенные силы фракийцев». На состав антиафинской коалиции могут указывать символы на монетах фракийских племен и царей. Именно участием одрисов в разгроме афинских колонистов «объединенными силами» ряд исследователей объясняют близость символики на монетах Спарадока и племен Юго-западной Фракии. На монетах Спарадока изображался дополнительный символ «коринфский шлем». Такой же символ изображался на монетах племени дерронов и Мозеса, неизвестного письменным источникам фракийского царя (*Тачева М*., 2006:52-53). В качестве основного или дополнительного символа он присутствует также на монетах с инициалами царей Докима (?), Эвергета, царя с инициалами ЕКСО,

которых также связывают с дерронами (*Златковская Т.Д.*, 1971:195-196), на реверсе некоторых анэпиграфных монет, на монетах орресков. Другой общий символ, изображение летящего орла, присутствует на монетах Спарадока и дерронов (*Топалов С.*, 2014:80-81). Эти символы М. Тачева трактует как свидетельство политического союза во главе с царем одрисов, направленного также против Македонии. Отчасти с М. Тачевой согласен С. Топалов. Те символы, что используются на монетах Спарадока как основные, на монетах некоторых фракийских племен являются дополнительными, что по мнению исследователя, свидетельствует о том, что эти племена признавали верховную власть Спарадока. Выпуск одрисским царем монет бисальтских типов исследователь рассматривает как претензии Спарадока на подконтрольные Македонии фракийские племенные территории. Исследователи связывают так или иначе появление общей символики на монетах фракийских племен и царей с событиями, которые развернулись в 465/464 г. вокруг рудников Пангея. Ряд исследователей подозревает также Александра в участии в разгроме коалицию фракийцев, разгромивших афинян под Драбеском. Однако, несмотря на совпадение изображений на монетах Александра, Спарадока и племен Юго-западной Фракии на македонских монетах нет символов, которые можно трактовать как признак военного союза и победы над общим врагом (орел со змеей, коринфский шлем). Кроме того, именно этим временем датируют прекращение монетной чеканки Александра (*Топалов С.,* 2014:81).

М. Тачева пошла еще дальше. Существует распространенная точка зрения, что всадники и воины на фракийских монетах – это символическое изображение реальных правителей (*Герасимов Т.*,1975:31; *Price M.*, 1974:8; *Тачева М.*, 2006:40; *Топалов С.*, 2014: 296 след.). По мнению М. Тачевой появление двух копий в руках Спарадока на монетах, свидетельствует об определенной его власти над бисальтами, эдонами, орресками и другими племенами региона, а символ орла со змеей, характерный для дерронских эмиссий – над этим племенем. Спарадок при этом выступает как предводитель фракийского войска, одержавшего победу при Драбеске. Временное прекращение чеканки монет бисальтского типа в Македонии по мнению М. Тачевой следует объяснять тем, что Бисальтия вышла из-под

власти македонских царей и даже на какое-то время вошла в состав Одрисского царства (*Тачева М.*, 2006:52-54).

Как мы видим, гипотеза М. Тачевой основывается лишь на нумизматическом материале. С ней можно согласиться в том, что есть все основания связывать разгром афинских колонистов и утрату македонского контроля над Бисальтией. Последнее событие более вероятным представляется связывать не с одрисами (во всяком случае, не на прямую), а с переходом этого региона под власть фракийского царя Мозеса, который примерно в это же время начал чеканку монет бисальтского типа. Это могло быть возможным лишь при участии коалиции племен (о монетах Мозеса: *Юрукова Й.*, 1992:23). Несомненно, «объединенные силы фракийцев» представляли собой серьезную военную силу. Однако, насколько возможно предполагать их связь с одрисами? Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют утверждать, что наследникам Тереса удалось в 460-е гг. закрепиться в Пангейской области и тем более к западу от Стримона, вопреки мнению М. Тачевой. Фукидид свидетельствует, что крайней точкой на юго-западе Одрисского царства во времена Пелопонесской войны были Абдеры (*Thuc*., II, 97, 1), а племена Пангейской области (одоманты, эдоны, дерсеи, дрои) сохраняли независимость и враждебность по отношению к одрисам в годы Пелопонесской войны (*Thuc*., II, 101, 3). Если Спарадок действительно участвовал в разгроме афинян, то лишь в качестве союзника). Определенное участие одрисов в событиях при Драбеске, тем не менее, можно предполагать. Заинтересованность Спарадока в участии во фракийской коалиции против афинян на Стримоне получает объяснение в событиях на Херсонесе Фракийском приблизительно годом ранее, где ему приходилось уже столкнуться с тем же противником. Там Кимон явно одержал верх и одрисы должны были отступить от Херсонеса. Вероятно, на юго-западе Спарадок надеялся отыграться и утвердить определенный статус-кво.

О том, что «объединенные силы фракийцев» с участием одрисов были временным явлением, свидетельствует судьба некоторых членов этой коалиции. Между 465 и 444 гг. македоняне сумели вернуть под свой контроль утраченные земли в Крестонии и Бисальтии, которыми правил сын Александра Филипп (*Thuc*., II, 100, 3-4). При этом ни о

каких конфликтах между Македонией и одрисами источники не сообщают. В 436 г. эдонам не удалось воспрепятствовать очередной попытке афинян занять «Девять Путей», на месте которых был основан Амфиполь (*Thuc*., IV, 102, 3). Весьма натянутыми были также отношения одрисов с бывшими предполагаемыми союзниками: в 429 г. племена в междуречье Стримона и Неста рассматривали одрисов как угрозу (*Thuc*., II, 101, 3).

Есть основания полагать, что в конце своего правления Спарадок вновь предпринял нападение на Херсонес Фракийский. Плутарх в «Перикле» (*Plut*., Per. 19) сообщает о новом нападении фракийцев на полуостров и действиях Перикла для его защиты в 447 г. до н.э. Новое обострение фракийско-афинских отношений связывали со сменой царя на одрисском престоле после смерти Тереса, но учитывая то, что правление Спарадока скорее всего началось гораздо раньше, логичнее видеть здесь просто давление одрисов на афинян. Причиной конфронтации было стремление Спарадока повысить размер дани с греческих полисов на побережье. Строительство стены, защищавшей Херсонес от фракийских набегов, Периклом в 447 г. до н.э. совпадает с уменьшением, выплатой символических сумм или полное отсутствие выплат фороса полисами Северной Пропонтиды. По мнению исследователей, эти явления указывают на заключение нового договора между Афинами и одрисами. При этом, размер дани значительно увеличивался в пользу одрисов. Так, среди эллинских данников Спарадока появляются Византий, Перинф и Энос – крупнейшие полисы региона. Общий размер дани, по подсчетам К. Порожанова увеличился на 17-27 талантов и 1000 драхм по сравнению с предыдущим периодом (*Порожанов К.*, 211:162, 166). Выводы К. Порожанова уточняет и расширяет С. Топалов. Исследуя дополнительные символы на монетах Спарадока и эллинских полисов Фракии, он пришел к выводу, что Спарадоку выплачивали дань такие полисы как Фасос, Абдеры, Маронея, Энос и города Херсонеса Фракийского (*Топалов С.*, 2006:281-318; *Топалов С.*, 2014:380-381).

Несмотря на то, что правление Спарадока не отразилось в письменной традиции, оно, судя по его монетным эмиссиям, про-должалось достаточно долго и стало важным этапом развития Одрисского царства. При Спарадоке одрисы закрепили за собой фракийское по-

бережье Эгеиды, установили протекторат над крупными полисами в этой части Фракии, установили соглашения с Афинами и, вероятно, с Македонией, утвердив границы Одрисского государства на южном побережье. Тем самым, Спарадок безусловно укрепил международное положение своей державы. Оснований отождествлять Спарадока с бежавшим к скифам братом Ситалка и, тем более, с боспорским тираном Спартоком имеющиеся в нашем распоряжении источники не предоставляют. Однако, как нам представляется, сходство имен одрисского царя и боспорского тирана, а также тот факт, что Спарток начал активно действовать вскоре после предполагаемой даты смерти Спарадока, позволяет поставить вопрос о родственных связях элит Одрисского царства и Пантикапея в V в. до н.э.

Литературы

Алексеев А.Ю., 2003 Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. – СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 222-223

Борза Ю.Н., 2013 История Античной Македонии (до Александра Великого). СПб

Васильев А.Н., 1999 Одрисский династ во главе Боспоре?.- *Боспорский Феномен*., 106-111.

Виноградов Ю.Г., 1989 Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Москва

Герасимов Т., 1975 Антични и средневековни монети в България. София

Гиндин Л.А., 1981 Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фракохетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София

Жебелев С.А., 1953 Северное Причерноморье. Москва-Ленинград

Златковская Т.Д., 1971 Возникновение государства у фракийцев VII-V вв. до н.э. Москва

История греческой литературы, 1955 В 3-х томах. Том II: история, философия, ораторское искусство классического периода (Под ред. С. И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского). Москва

Котова Д., 2016 Спарадок и родство му със Ситалк.- Thracia XXI. София, 161-168

Крыкин С.М., 1993 Фракийцы в античном Северном Причерноморье. Москва

Молев Е.А., 1999 Спарток и первые Спартокиды на Боспоре.- *Античный мир и археология*, Вып. 10. Саратов, 30-35

Порожанов К., 2011 Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г. пр. Хр. Благоевград

Сапрыкин С.Ю., 2018 Древнее Причерноморье. Москва-Санкт Петербург

Строгецкий В.М., 2008 Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478-431 гг.). Санкт Петербург

Тачева М., 2006 Царете на древна Тракия. Книга първа. София

Топалов С., 2014 Към политическата история на Одриското царство от края на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. II. София

Топалов С., 2006 Към политическата история на Одриското царство от края **на VI до средата на IV в. пр. н.е. Ч. I. София.**

Юрукова Й., 1992 Монетите на тракийските племена и владетели. Том I. - София

Anochin V., 1998 Die Pontische Expedition des Perikles der Kimmerische Bosporos (437 v Chr).- *Stephanos Nomismatikos*

Peter U., 1997 Die Münzen der thrakischen Dynasten (5.-3. Jahrhundert v. Chr.). Hintergründe ihrer Prägung. – Berlin: Akademie verlag
Price M., 1974 Coins of the Macedonians
Psoma S., 2002 Le monnayage de Sparadokos des Odryses. Unetat de la question.- *Thrace and the Aegean*. Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology, Sofia-Yambol, 25-29 September 2000, Volume II. Sofia, 513-522.

Забытый фракийский царь Спарадок

Резюме

Древнегреческий историк Фукидид мельком упоминает имя одрисского аристократа Спарадока, сын которого Севт приходился племянником царя Ситалка и наследовал ему власть в 424 г. до н.э. Помимо этого краткого упоминания известны три типа монет, отчеканенных от имени Спарадока. В историографии не существует единой точки зрения на место Спарадока в генеалогии царского рода одрисов и в истории Одрисского царства. Несмотря на скудость информации, в российской историографии получила распространение гипотеза о том, что со Спарадоком следует отождествлять безымянного брата Ситалка, бежавшего от него к скифам, а потом обменянного на беглого скифского царя Скила. Также Спарадока отождествляют с боспорским тираном Спартоком I. Эти предположения не имеют под собой надежных доказательств и плохо согласуются с принятой датировкой монет Спарадока и положением, которое занимал при Ситалке его сын Севт. Имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют достаточно уверенно предполагать, что Спарадок был царем одрисов, который правил после Тереса I и предшествовал Ситалку. Датировка монет позволяет связывать начало правления Спарадока с 470-ми гг. до н.э. Основной ареал их выпадения – бассейн Нижнего Гебра. Эти наблюдения предоставляют возможность реконструировать и вписать правление Спарадока в историю Фракии и Северной Эгеиды V в. до н.э.

Thracia Balcanica 1, 2022, 199-212

SÜLOĞLU: ARCHAEOLOGY AND HERİTAGE

Prof. Dr. *Engin Beksaç – Reader. Sule Nurengin Beksaç, M.A*.
(University of Thrace, Edirne, Turkey)

Summary:
The District of Süloğlu is a small, but archaeologically, glamorous place, in the Province of Edirne. Studies are so limited in general. Süloğlu has not been sufficiently recognized and promoted. The most comprehensive field studies and surveys have carried out by the authors, in this district, which has very important data in terms of the archeology of the Thrace, and especially Thracology, on the whole of district, as for its villages, and its pastures. All the territory of the district was examined, from the 1990s up to date.. This study is a very general summary of the information, concerning all available data, obtained by the authors, from 1992 to the present.

Özet:
Süloğlu Edirne İli'ne bağlı küçük fakat arkeolojik açıdan çok dikkat çeken bir ilçedir. Yapılan çalışmalar genel olarak sınırlı kalmış ve bu ilçe yeterince tanınmamış ve tanıtılamamıştır. Trakya arkeolojisi ve özellikle Trakoloji açısından çok önemli verilere sahip olan bu ilçede yapılmış olan çalışmaların en kapsamlısı makalenin yazarları tarafından gerçekleştirilmiş ve tüm ilçe köy köy mera mera incelenmiştir. Bu çalışma 1992 den başlayarak günümüze kadar geçen zamanda elde edilen bilgilerin çok genel bir özetidir.

Резюме:
Областта Сулоглу (Süloğlu) е малко, но археологически блестящо място в провинция Одрин. Изследванията са много ограничени като цяло. Süloğlu не е достатъчно признат и популяризиран. Най-изчерпателните полеви проучвания и проучвания са извършени от авторите в тази област, която има много важни данни по отношение на археологията на Тракия, и по-специално тракологията, за цялата област, както за нейните села, така и за пасищата. Изследвана е цялата територия на областта от 90-те години на миналия век досега. Това проучване е едно общо резюме на информацията, засягаща всички налични данни, получени от авторите, от 1992 г. до момента.

Süloğlu is a small district in the Province of Edirne, but an important region in which contains a most important and prosperous archaeological heritage, in a great number of tumuli.

Süloğlu, excluded as a result of not being able to find the identifiable and available works for a long time, is a place that offers the most interesting data, especially for the archaeological heritage of Thracian and Pre- and Post- Thracian periods.

There are many cemeteries within the district. The cemeteries, which are numerous and over very wide areas, and almost completely from the Ottoman period. These cemeteries, containing large standing stones prove that these great and long stones are not related to menhirs, and also not from the Thracian and Pre- and Post-Thracian Periods, but from the Ottoman period.

The same situation stands before us with the tumuli and areas that yield finds, which are very dense for the Thracian and Pre- and Post-Thracian periods. Süloğlu is one of the areas where we can encounter the highest number of tumuli on the whole of Thrace.

It is a fact that the finds representing the Neolithic Period, were also, unearthed in the different localities within the District of Süloğlu. Traces of such settlements have been found, especially on the banks of streams.

In fact, the author himself encountered such a settlement – although it has been destroyed by a private sand quarry company in the 1990s. In the light of these finds, it is noticed that the region had an interesting Neolithic formation and interaction, related to the Balkans and the lands of Danube.

It would be quite natural for the Bronze and Iron Ages to exist in a region where the finds of the Neolithic Period emerged. And it is. In addition to those of the Bronze Age, Iron Age finds are also encountered in different locations within the district of Süloğlu. Especially the Iron Age finds are available very intensely.

It is not a coincidence that the Valley of Küküler, irrigated by the Süloğlu Stream, is an outstanding focal point, as for its earliest finds, and at the same time, shows intensive archaeological data.

In fact, this region is perhaps the central place where the district's heart was pounding. The Valley of Küküler, as a significant part of which is within the borders of Havsa District, is one of the places that have been played the most important role in the early history of the Thrace.

Numerous tumuli still are standing all over the valley. And all the area is revealing early finds. Upon careful examination clearly testify to this. As it is understood, the Valley of Küküler had assumed a very important role in the transportation and communication network of the region, and even all the interactions, starting from the earliest periods, as it does today.

Considering the distribution of the existing tumuli, it is possible that this section may have constituted an intermediate region and even a border for the political structuring of the Thracian Period and the determination of the regional borders of the Thracian Tribes. When viewed from this aspect, the location of this section as an intermediate zone between the lands around Yağcılı and Geçkinli on the one hand, and the lands around Kerameddin on the other, has interesting connotations in terms of the Thracian periods.

Another important region is the land that is irrigated by the Streams of Somurcalı, Seymen, and Tuzlugeren and is surrounded by Sülecik, Taşlısekban and Süloğlu Center, where the Yağcılı and Geçkinli villages are located in the center. Especially with its mining potential, its suitable conditions for agriculture and animal husbandry have brought this district to a privileged position.

The landscape, which comprises the Kaynaklar Mevkii and the land all around that site, in Yağcili, and the land located between Geçkinli and Süloğlu, in which includes the necropolis of Dokuzhöyükler and many other sites of tumuli, is of great importance to study in the original cultural aspects of the Thracian and Pre-and Post Thracian Periods.

Kaynaklar Mevkii is an important archaeologic center whose religious and administrative nature is recognizable, within all the available archaeologic data, from the Bronze and Iron Ages up to the Post–Roman and even, the Ottoman Periods.

Besides of Kaynaklar Mevki, the necropolis of Dokuzhöyükler together with many other tumuli, seen within the main landscape, are most atractive sites.

This formation reflects an important viewpoint to be able to understand the administrative, cultural, religious, and social structure of the Thracian and Pre- and Post-Thracian Periods, without any deterioration.

Yağcılı and its neighboring land is a focal point. And of course, all the archaeologic data, gathered in Yağcılı demonstrate this very well.

In this region, it is clear that there are materials related to the Pre-Thracian Period, and even the first arrival of the Thracians. Among the sites, which give the early finds, Karabaş Mevki attracts special attention with its Chalcolithic finds (*Erdogu B*., 1996).

An inscribed pedestal, found in the remnants of an old cemetery, known as Eski Mezarlık, in the pasture of Yağcılı, in June 2020, is also, most remarkable, but an unsound discovery, in terms of Thracology. In the inscription, the name of Rhoemetalces, who had built a temple dedicated to Apollo, and Dascos, who had erected a statue, is mentioned (1).

It seems difficult to identify the person named on this stone, which contains information about the last period of Thracian history. Which of the three Sapean kings of the same name is this Rhoemetalces? Who is Dascos? It is a topic that needs more research.

It is certain that the pedestal and the inscription may be prepared on a date between 12 B.C. and 48 A.D.

And it certainly bears a record about the Sapeans' last years and their beliefs during this period.

What is really interesting is where this pedestal belongs. Could the pedestal be related to the site we know it, as Kaynaklar Mevkii?

Because it is obvious that this place was used as a cult center from very early times. It is a fact that we identified a large number of cultistic ceramic materials during our works there. And of course, materials related to the Bronze and Iron Ages are also abundant on this site.

From the earliest stages of our work, we have identified that there is a cultistic formation and cult center in this area.

Studies carried out around the tumuli nearby the village of Geçkinli are also clearly identified in connection with those found in Yağcılı. It is understood from the density of the tumulus formation that in this region, tumulus presence preserved its existence for a very long time. It is observed that the identifiable number of these tumuli has reached twenty-one and even, more. it is more plausible that they are much more.

Along with some tumuli, traces of some old cemeteries are also found in Yağcılı and neighboring pastures.

Domurcalı (Demircihalil), neighboring Yağcılı, exhibits a most interesting and highly different characteristic aspect, associated with a different region, which constitutes an interesting small pocket, and pre-

sents a situation, related with the geography of the District of Lalapaşa in particular.

Domurcalı, together with its two clearly identifiable and other destroyed dolmens, is located within the Dolmen belt, which spreads over the Rhodopes, Sakar, and all Strandja (Yıldız / Istrandzha) Mountains. With this feature, it constitutes an important outbreak for the Dolmen Expansion, which is distributed on our lands in connection with the Yıldız (Istrandzha) Mountains in the Lalapaşa District of Edirne, along with the Districts of the Kırklareli Centre, Kofçaz and Demirköy.

Domurcalı's dolmens are at a point where the outer skirts of the mountains end to open to plateaus and plains and carry important messages from the past. Apart from these dolmens, there are four tumuli in the Domurcalı pastures.

Another interesting regional formation within the scope of Süloğlu District is the village of Kerameddin, which is in a region irrigated by Akardere, and located in the eastern part of the district. A dense tumulus formation and an abundance of the finds all around Kerameddin prove the existence of very interesting Thracian settlement formation connected with the tumuli. They show remarkable features at this point. The finds identified in this region are also important for the Thracian and the Pre- and Post- Thracian Periods, as well as the Medieval and Ottoman Periods.

This region has also, close relations with the villages of the Central District in the Kırklareli Province, which is its immediate neighbor. In this regard, the area between the villages of Kerameddin and Yoguntaş is very interesting for a better understanding of those lands' archaeologic identity, and actually, preserves its original appearance largely.

Domurcalı (or Demircihalil) is also, another village, best known for its archaeological heritage, and especially, for the dolmens (destroyed and less preserved), as the only site with dolmens, outside of Lalapaşa District, in the Province of Edirne.

It has been learned from the Domurcalı's natives that the dolmens inside of the village were destroyed by the people many years ago.

There are two collapsed and one highly destroyed dolmens in **Bağlık Mevkii**. It is understood that the dolmen in the south-west side, which was found to be intact until 4 or 5 years ago, was knocked down by the makers of telephone transmitters and also, owner of the field by destabilizing it. It

gives the impression that it has a single room and a single dromos, and its main axis is clearly south. Identifying the second dolmen's structure is not easy, for the present, due to its very devasted conditions, and smaller ones. This south-facing dolmen must also, be of the one-room type. The third dolmen is also, badly damaged.

Some Iron Age pottery fragments are found in the fields, next to the first dolmen. Among these pottery fragments, it is also, possible to find examples showing very interesting ornamental features and decorations. They show the interactions and relations with the south-western regions of the Northern Pontic Area, and especially, with the Late Bronze and Early Iron Age finds in the region between the Dnieper and the Dniester Rivers.

The Domurcalı Village's cemetery has also, unwritten and standing long tombstones, called by the people, as Karataş (Blackstone). However, it has religious and socio-cultural specialties.

The main space, which from a steep elevation, overlooks the stream's bed on the west side, spreads on a slope, descending towards the South, and a ridge extending with a slight inclination towards the east.

Due to the density of finds, it is noticed that the focus of this site is the southern and southwestern parts. The rate of finds in this section is also higher than in other sections.

On the field of this site, It is not difficult to identify the data covering a long period, starting from the Early Bronze Age to the Roman Period. In fact, there is also information that finds with a cultistic quality such as stone cuts and pieces of fire altars have emerged on the site.

It is very easy to find the traces of buildings and to identify the presence of fortified walls, with careful observation of the field. These traces and intense finds bring this area to a different position in the whole of Thrace.

All these finds and ruins bring to mind the places where the Thracian Kings, who were the Priest-King, had a central settlement that served all their military, political and religious functions.

Therefore, it is no coincidence that an epitaph named after a Thracian King (as Rhoemetalces) - albeit from a very late period, was found in a place, very near to this site, known as Kaynaklar. The inscribed pedestal found in June 2020, seems to show that this area has preserved its sanctity and importance until very late dates of the Thracian presence in the region.

While the density of Bronze Age materials (as for pottery fragments,

polished stone axes, and celts, pieces of terracotta cult and votive tables, etc.) found on the surface indicates that the site was used intensively, from quite early periods of the Bronze Age, the high quantity of the Iron Age – ordinary and cultistic – materials, documents that the site had a very important function and significance in the Iron Age period as well.

In addition, the available materials from the Roman period, testify that this site retained its importance in the Roman Period with its general characteristics.

Geçkinli is located in the archaeologic landscape formation of which Kaynaklar Mevkii forms the center. This village is located in the south of Yağcili and forms an archaeological unity within the Kaynaklar Mevkii's main landscape.

Geçkinli is important in terms of mineral (especially Lignite Coal) resources around it. It is always, available to find the data on the processing of copper and iron ores around the tumuli and on the field, within the pastures of this village.

It is identifiable many of the tumuli in the pasture - to the north and northeast - of Geçkinli. While some of them are large-scale monumental examples, some of them are also, small ones. It is easy to identify the archaeologic materials, related to the early periods, all of which are from the Bronze and Iron Ages, all around them.

It seems that they are mostly related to the main site of Kaynaklar, which has revealed a similar material.

The most magnificent of these tumuli is Kocahüyük that has located to the north of Geçkinli and has a view that dominates a very wide field, all around the village.

During the studies carried out all around Kocahöyük, the fragments of a broken large stone sledgehammer to break and crush the ores were found, along with the other interesting Bronze and Iron Age materials.

Another of the great tumuli in this region, Pötürtepe is a magnificent mound located further north of Kocahuyuk, in the pastures of Geçkinli. There are also, Bronze and Iron Age finds around it.

The most important of the necropolis areas, consisting of many tumuli, in this region, is known as Dokuzhöyükler.

Dokuzhöyükler, located in an area, between the pastures of Geçkinli and Süloğlu Central settlement, is a large necropolis that occupies an

important position with its archaeological aspect and probably, its data, related to the Thracian Period, in the cultural landscape of the district. In terms of its general nature and landscape, this necropolis has an important position in the historical geography and archaeological landscape of Süloğlu.

This necropolis that contains nine visible but more invisible tumuli, is actually, an extension of the Tumuli of Geçkinli and should be evaluated within the context of the Kaynaklar Mevki site, in fact. This necropolis area is also, in contact with the other forms of tumuli in the Küküler Valley, to the south-east, and the other groups of tumuli to the South.

Kerameddin is one of the villages of the Süloğlu District, which draws attention with its archaeology and archaeologic heritage.

Kerameddin's archaeology and archaeologic landscape have a close relation with Yoğuntas', located within the borders of the Central District of the Province of Kırklareli, as an immediate neighbor of Kerameddin, in fact.

Yoğuntas is also, an important village with its magnificent Medieval Age castle, dolmens, and cemeteries. At this point, the necropolis area in which contains the tumuli, within the borders of Yoğuntaş (or Polos), completes Kerameddin's archaeologic landscape, as a most remarkable place.

All the available archaeologic finds from the Kerameddin's vast pastures are actually, most remarkable ones, as for the tumuli, burials, settlements, and cemeteries.

The Tumulus of Höyüktepe, to the southeastern side of the village cemetery, along with another tumulus, located inside of that cemetery, can be seen immediately, from the village.

The tumuli occupy an important place in the landscape of Kerameddin, similar to its neighboring villages'.

Especially the Höyüktepe Tumulus clearly proves that it has a special place in the landscape of the region.

A tomb, which was found and robbed by the illegal diggers, many years ago, is in Hançer Mevki, next to rocky corps, to the southern side of the dirt road, from Kerameddin to Yoguntaş, and seems to be from the Roman Period.

This great tomb, constructed of the white marble blocks mostly,

shows the characteristics, related to the chist type graves. The fact that the tomb was placed in a rocky area, indicates the existence of a belief, closely related to the cult of rocks, similar to the Thracians' . The tradition of making similar tombs, created with the use of this type of rocky land or rock manifests itself, for a long time, all over the Thrace.

Similar graves have also, appeared, in the Provinces of Edirne and Kırklareli, in relation to the Late Roman Period, especially.

Another important and interesting archaeological site, nearby Kerameddin, is Dişliktepe.

At first glance, the majestic tumulus, located on the hill of Dişliktepe fills the entire landscape and stands before us as a magnificent monument.

But this tumulus is not the only archaeologic creation on this hill. With careful observation, it is possible to find the remains of an early settlement that may be connected with this tumulus and related to a Thracian occupation.

The remains of a Thracian settlement are discerned, in the testimony of the abundant Black Iron Age pottery fragments, especially in the area to the north of the tumulus. The vastness of the area, and the findings of abundant pottery fragments and abundant stones on the surface, prove that this site was a Thracian settlement, occupied in the Iron Age.

The density of the large and small stones, on the hill, indicates that these stones were brought here from other places to build a well fortified defensive residential place.

The fact that no other than Thracian pottery fragments were found on this residential area, along with the tumuli, indicates that this area was a settlement, related to a certain Thracian chief or king. It is plausible that the tumulus is also the tomb of this chief or king. With these features, Dişliktepe rises to an important position in the cultural landscape of the region.

In the area, known as Arpacanlar Cemetery, in the Kerameddin's Pastures, is an old - Ottoman Period – cemetery, with large and long standing stones. This cemetery is connected with a now-gone village, known as Arpacanlar. This old and abandoned – Ottoman -cemetery shows also that such stones are not called menhir, because they are only tombstones.

There are many tumuli and related necropolises all around Kerameddin. The finds in Pamuktepe are remarkable in this respect.

During the studies carried out around Pamuktepe, the traces of a previous illegal excavation were identified, and a highly destroyed tomb and desolated pottery and urn fragments were found. In addition, another tumulus, close to the other, has been identified.

As for Pamuktepe that has been completely destroyed by heavy construction equipment, it is no longer possible to write anything about its true nature. In the light of those, obtained from the remnants, it is possible to talk about a relationship with the Roman Period, and especially the Late Roman period.

On the border of Kerameddin's and Yoguntas' pastures, Üçtepeler attracts special attention, with its three magnificent tumuli.

Üçhüyükler Mevki is also, an atractive place, as for the tumuli.

The rock formations, such as Cadıkaya, Bekçikaya, Yanıkkaya, located around Kerameddin, do not show any cultural trace.

However, Sofrakaya, overturned by the illegal diggers, has been distorted its original shape and appearance, despite it stands out with its interesting cup-marks and rock formations. It should not be overlooked that it also exhibits an interesting relationship with the surrounding rocks - within the landscape formation. It is noticed that this rock formation has archaeo-astronomical functions in terms of its formation characteristics as well as its situation in the landscape. Due to this situation, it seems that it has an interesting and specific - cultistic - function.

The site of **Kaynak Mevki** noticed to be an interesting medieval settlement, is within the borders of Kerameddin. But actually, it is located between the villages of Kerameddin and Büyükgerdelli. The pottery fragments - that can be associated with the Medieval Period, together with a large number of coin finds (from the different periods), are also, most important in terms of indicating the importance of this site.

In the village cemetery of Kerameddin, there are also, many large and long tombstones. They prove that these types of stones are not from the Thracian period, but from the Ottoman period. They are not menhirs, as called by some scholars (who do not have or do not want to have a better knowledge of the Thrace indeed). This is also, true for all similar standing stones in Thrace.

Kovankayalar, to the north of the central settlement of Süloğlu, is also diagnosed as a natural rocky formation, like many rocky areas in the

district's borders.

In **Tatarlar** Village, there are the remains of a late-historical building in a place called the Tomb. The bricks used in this structure, are identified, as so late European ones (from the late nineteenth century to the early twentieth century).

The structure, which has an east-west axis and a four-pillar structural arrangement, suggests strongly the possibility of its origins for the beginnings of the 20. Century.

Behind this structure, it can be identified the remnants of an ancient cemetery (called by the people, as Koca Mezarlık) with large standing stones. The large standing Stones, in accordance with all other similar ones, are related to a village cemetery, from the Ottoman Period, and certainly, not connected with a Thracian cult center, which contains the menhirs.

Although Kapaklıkayalar Mevkii 's rocks, in the pastures of Tatarlar, resembles the dolmens, at first glance, they are actually, not megalithic monuments, but completely natural rock formations.

Tatarlar' s Cemetery is also an ancient Ottoman Period burial place that draws attention with its large and long standing stones. Besides, there are remains of another- Ottoman Period - cemetery in Demirkapı Mevkii. The remains of the large and long standing stones exist in this – Ottoman Period - cemetery as well.

The tumuli that can be seen in the Tatarlar's pastures are more than twenty.

These are usually built as large and high hills and are well preserved, such as tumuli of Üçhüyükler and Aksu.

Küküler is a most important village, in terms of having remarkable pastures, in which have many tumuli. Tumuli that can be seen, in the village's pastures may be more than thirty. And it is plausible that this number is much higher, together with those that can not be identified for the present.

These tumuli are quite numerous and located in different parts of the village pasture. Most of them have been severe, damaged, unfortunately.

Kocatepe and **Üçtepeler**, as well as Ortabayır and Kalebayırı, are remarkable in terms of their size and situation.

Apart from these, tumuli, such as Gevgiller, Ortadeğirmen, Bahçetepe,

Mezarlıkyani are known as monumental examples that survive, despite they are highly destroyed.

The cemetery of this village has also, long standing stones, from the Ottoman and even, Modern periods. In this cemetery, some people, born and raised in Süloğlu and its villages, remember the preparation of the standing stones, that have been moved to these cemeteries, even today (3).

In the area, known as the Araplar Mezarlığı within the pastures of the village of Akardere, no other material was found other than a single stone remaining from an Ottoman period cemetery that once had many large and long standing stones.

Informations, obtained by the village's native people proves that once, this burial place was over a wide area between the Villages of Arpaç and Akardere, and of course, not a Thracian Cult Center, full of menhirs.

The remains of a tumulus, which no longer exist, were found next to the road leading to Akardere. The area covered by the remnants of the tumulus could be discerned with difficulty. it was identified by the existing traces that this tumulus had a very large volume in its original form.

During the surveys, It has been observed some tumuli between the Villages of Akardere and Arpaç. The others were also, diagnosed in the pastures of Arpaç, within the Havsa District's border. They are called Kışla Tepe, Çallı Höyük and Üçtepeler.

Three tumuli can be identified in Büyükgerdelli 's pastures as well.

Sülecik, located in the middle part of the district, has four tumuli that can be identified clearly, along with an Ottoman Period cemetery, with long standing stones. Kocamezarlık and Dişlihöyük are well known tumuli, in the pastures of Sülecik.

In addition to the others, the three tumuli, known as Höyükler, are found in the pastures of Taşlısekban, located in the middle part of the district.

As it can be understood from all the writings, Süloğlu is a very remarkable district, with its tumuli above all. However, all the tumuli and all the other – archaeologic – sites of the district, are also, of a great importance for a better understanding and best study of the Thracian and Pre-and-Post Thracian Periods.

The notes:

1) We would like to thank the Edirne Museum officials for the information they have given us on this subject.

2) The first field studies in Domurcalı (Demircihalil) were carried out in 2005. Then, it is observed that there have been significant changes in the cemetery, as in many other places, since that time. And cemetery has lost many of its features over the years.

3) At this point, all the informations, provided us by Mr. Mustafa Karaca, (who is a native of the Village of Kerameddin and director and owner of an active bookstore, in Edirne) were and are of great importance for us. We owe him a debt of gratitude.

Bibliography

Beksaç E., **2008** Kuzey Batı Anadolu Ve Trakya'da Erken Kültistik Kaya (Kaya Oyma ve Megalit) Anıtları Ve Kült Alanları Projesi 'Edirne ve Kırklareli İlleri 2006Yüzey Araştırması', *25.— Araştırma Sonuçları Toplantısı,* Kocaeli, 2007, Cilt 3, Ankara, s.71–84

Beksaç E., 2009 Kuzey Batı Anadolu Ve Trakya'da Erken Kültistik Kaya (Kaya Oyma ve Megalit) Anıtları Ve Kült Alanları Projesi' Edirne ve Kırklareli İlleri 2007Yüzey Araştırması', *26.— Araştırma Sonuçları Toplantısı, Ankara*, 2008, Cilt 1, Ankara 2009, s.181-190,

Beksaç E., 2010 Kuzeybatı Anadolu Ve Trakya 'da Erken Kültistik Kaya Anıtları Ve Kült alanları Projesi. Edirne Ve Kırklareli Yüzey Araştırması'. *27.— Araştırma Sonuçları Toplantısı, Ankara*, 2009, Cilt 3, s. 187-203,

Beksaç E., 2011 'Süloğlu', Yöre, 140-141, 3-20

Beksaç E., 2012 'Kuzeybatı Anadolu Ve Trakya 'da Erken Kültistik Kaya Anıtları Ve Kült alanları Projesi. Edirne Ve Kırklareli 2010Yüzey Araştırması '. *29.— Araştırma Sonuçları Toplantısı, Ankara*, 2011, Cilt 3, s. 1-13,

Beksaç E., Nurengin Beksaç Ş., 2018 'Süloğlu'nun Arkeolojisi'.— *Meriç,* 2-5, 116-132

Erdoğu B., 1997 'Edirne İli 1995 Yılı Yüzey Araştırması', *14.— Araştırma Sonuçları Toplantısı*, *Ankara,* 7,Cilt 1, 273-291

Erdoğu B., 1999 '1997 Edirne İli Yüzey Araştırması', 16.— *Araştırma Sonuçları Toplantısı*, Ankara, Cilt 2, 345-358

Melukova A. I., 1979 Skifiya İ Frakiiskii Mir. Moskova,

Zlatkovskaya T.D., Melyukova A. İ., 1969 Drevnie Frakiitskiv Severnom Prichernomorve. Moskova

Thracia Balcanica 1, 2022, 213-226

STARTING TO A NEW EXCAVATION AT PERINTHOS (TEKİRDAĞ MARMARA EREĞLİSİ OF TURKISH THRACE) -PRELIMINARY REPORT AND THE NEW FINDINGS

*Zeynep Koçel Erdem**

Abstract

Perinthos/Herakleia (Tekirdağ Marmara Ereğlisi), which was the provincial capital of ancient Thrace and has been inhabited uninterruptedly until today, is an important ancient harbour settlement on the coast of Propontis. Although it is accepted in the scientific literature that the city was founded by colonists from Samos in approximately 600 BC, its settlement was taken to much earlier periods based on the new excavation findings of Prehistoric Age, such as ceramics and stone tools found in the Acropolis during the 2021 excavations. During the Roman Period the city became quite magnificent and also became an important episcopate center during the Christian period. In the city, which has been mentioned many times by ancient authors with different aspects, there have been many studies starting from the last century, yet, except for the rescue excavations carried out by the Tekirdağ Museum, long-term scientific excavations have not been carried out until now. An excavation was started by Mimar Sinan Fine Arts University with the Presidential Decree and the official permissions of the Ministry of Culture and Tourism, General Directorate of Cultural Heritage and Museums as of 2021. Excavations were started in the western part of the ancient city Acropolis, which covers a very large area.

In this article, the first results of the excavation will be introduced, as well as the investigations made in the urban territory, some new findings and future projects will be briefly mentioned.

* Director of the excavation Prof. Dr. Zeynep Koçel Erdem, Mimar Sinan Fine Arts University, Facult of Letters, Department of Archaeology, İstanbul, Turkye).

Ancient City and Research History

Perinthos, on the coast of Propontis, located in the Marmara Ereğlisi district of Tekirdağ province today, is certainly one of the most important ancient cities of Thrace. The city become prominent in many respects, such as its convenient ports, its declaration as the provincial capital of Thrace in 46 AD, being the center of attention of the emperors, its settlement throughout history[1] and the unique opportunities given by its geography.

The territory of the city is extensive and consists of the Acropolis, the lower city (today's modern settlement), necropolis areas and ports (**Fig.1**). The large part of the ancient city except for the Acropolis has remained under the modern structures of the Marmara Ereğlisi today. Some of the remains defined as monumental structures in Tekirdağ Museum studies can be given as an example to the situation[2]. The ruins of the land and sea fortification walls surrounding the city from the west and north, the theatre, the stadium, the basilica and the remains of the port that can be partially viewed into the sea are the artefacts that have partially survived from the ancient structures. Modern-day neighborhoods and houses located on the northern slope of the acropolis are still positioned to follow the ancient street patterns and spolia used in these buildings can be seen on the walls. Architectural fragments and sarcophagi from various periods exhibited in the Open-Air Museum and in front of the Town Hall (**Fig. 2**), various artifacts preserved in Tekirdağ Museum (**Fig. 3**), large block stones belonging to the structures in the Acropolis as well as pottery fragments dated to the Archaic Period to the Late Antique Period that can be seen on the surface can be counted among other ruins from the ancient city. These findings provide important information about the former magnificence and longevity of the city. Many finds from the ancient city are scattered in various museums, including the İstanbul Archaeological Museums, Edirne Museum and the Thessaloniki Museum.

Most of the lands in the modern settlement are privately owned, and the fact that a large part of the Acropolis belongs to the State Treasury has ensured the area to remain untouched for many years. In terms of excavations, this is an important advantage and it is certain that substantial

[1] For the history of the ancient city see *Sayar M. H.,* 1998:71 f.; *Külzer A*., 2008: 398 f.

[2] *Işın M. A*., 1996:383 f.

information will be obtained from this area in the following years. The sea view modern villas built on the Acropolis in the 1980s were demolished and a large part of the ancient city was included in the 1st Degree Archaeological Site and taken under protection.

Even though the studies in the ancient city started in the past centuries, long-term scientific excavation work has not been carried out so far. The earliest information about the city take part in many ancient sources such as Strabo, Herodotos, Xenophon etc. Herodotos states that the place is a Thracian castle (*Historiae* VI, 33) and Diodoros mentions that the houses almost formed as a defense line (*Bibliotheka Historica* XVI 74-76)[3]. Although it is accepted in the literature that the city was founded by the colonists from Samos in 600 BC[4], the excavation we started in the western part of the acropolis, the ceramic and stone tool fragments uncovered at approximately -2 m level, also the stone tools uncovered on the surface indicates the early periods of the city strengthen the presence of Prehistoric Age layers in the Acropolis and move the settlement of the city to the earlier periods from the colonial movement (**Fig. 4**). During the researches made in the immediate environment of the city, Prehistoric artefacts were also found around some of the tumuli in the north[5].

It is known that the preliminary investigations in the ancient city were carried out by Cyriacus of Ancona. British and French travelers and researchers have published a few publications, mainly on inscriptions and some architectural pieces in the last century[6].

The first scientific studies and drillings were carried out by Dr. N. Asgari on behalf of the İstanbul Archeological Museums and also by Tekirdağ Museum at various points of the ancient city in 1980 which gave important results. During these studies, the plans of the Stadium and the topographic map of the city were outlined also various spots of the city and the surrounding tumuli were investigated[7]. Asgari also pioneered the

[3] For the ancient sources mention about the city see *Sayar M. H.,* 1998: 87 f.

[4] *Danov C. M*., 1976:199; *Loukopoulou L. D*., 1989:53; *Külzer A.*, 2008:399.

[5] Another prehistoric site in the territory of Perinthos is Toptepe which was excavated by Prof. M. Özdoğan. See. *Özdoğan M., Miyake Y., Özbaşaran Dede N*., 1991:75 f.

[6] *Seure G.*, 1898:593 f.; *Seure G.*, 1900:164 f.; *Seure G.,* 1912:534 f. For the research history of the city also see *Sayar M. H.*, 1998:53 f.

[7] *Asgari N.,* 1981, 115 f.; *Asgari N.*, 1983, 337 f.; *Asgari N.,* 1986: 451 f.; *Asgari*

collection and exhibition of many individual artefacts preserved in the Open-Air Museum in the district like architectural fragments, inscriptions and sarcophagi. Drilling excavations of the Tekirdağ Museum have continued because of the drainage, natural gas and various construction works in the district until today. In this context, rescue excavations were carried out both at various spots of the modern settlement and in the two large necropolis areas of the ancient city, Kamaradere and Kiremitlik[8] (**Fig.1**).

The most comprehensive research on the city so far is a study that started as a doctoral dissertation by Prof. Dr. M. H. Sayar in which the history of the city and its surroundings is discussed in the light of inscriptions and later published in the form of a monograph. The book is not only the history of Perinthos in the light of inscriptions, but also qualified research that sheds light on the history of the region and cultural assets[9]. Prof. Sayar also has many observations and publications about the city[10]. In addition to this study, the Kapıkale Basilica publication enlighten the Late Antique Age of the city which was excavated by the Tekirdağ Museum in between 1992-2010[11]. Apart from these studies, there are a number of individual studies on various materials[12].

Excavation of The New Period

Excavations were started in the western part of the Acropolis in 2021[13]

N., 1994: 343 f. It is noteworthy that many tumuli around the city are located especially in the north of the city, around the *Via Militaris*, the road that passes near today's Çorlu road. Aforementioned tumuli form a tumulus necropolis spread over a wide area, but among these tombs, most of which have been robbed, there is a limited number of examples from which information can be obtained from excavations, periods and inventories.

[8] *Öztürk N. Ö.*, 1999:239 f.; *Öztürk N. Ö.*, 2000:79 f. The grave goods unearthed in the Kamaradere and Kiremitlik necropolises and exhibited in the Tekirdağ Museum are being prepared for publication by me.

[9] *Sayar M. H.*, 1998.

[10] *Sayar M. H.*, 2007: 197 f.; Sayar M. H., 2020: 731 f.

[11] *Westphalen S.*, 2016.

[12] *Taşlıklıoğlu Z.,* 1971*; Eyice S.,* 1987*; Yağız O., 2016; Bülbül H. A.*, 2019.

[13] The excavation was supported by Turkish Ministry of Culture and Tourism, Turkish Historical Society (TTK), Mimar Sinan Fine Arts University BAP (Scientific Research Project), Marmara Ereğlisi Municipality, Kaptan Demir

(**Fig.1, 5**). A rather large illegal excavation pit, which had been excavated in previous years and destroyed the layers, made it necessary to start the excavation primarily from this part.

The fortification walls (Western Walls) on this part of the acropolis facing the West Harbor surround the hill as a revetement at the same time. In the excavation we started right at the western end, traces of a building that could be the bastion of the fortification were found which inferred from the rotation of the wall. However this area has deteriorated considerably in the 6th century and later. Small courtyards and terraced spaces for various demands and workshops were built based upon the tower wall.

This part of the acropolis is facing the harbor and a highly visible point in terms of its location, and also one of the temples in the city must be located here as it is known from the inscriptions. In the light of the information given by the inscriptions it is known that there was a temple built in the name of Emperor Hadrianus and his wife Sabina in the city and this inscription belonging to the probable temple was used as a spolia on the wall of the old Metropolitan Church[14]. In addition, the temple depictions on the coins from the Period of Emperor Septimius Severus also give an idea about the existence of these structures[15]. During the excavations a piece of an entablature found in the lower levels which corroborates the presence of a temple from the Roman Imperial Period[16].

The finds obtained from the excavation of the western sector give clues also about a church, however, it is unclear whether it was the Hagios Georgios or Hagia Glykeria Church mentioned in the publications[17]. It

Çelik Group, also a number of other sponsors. We would like to thank all these institutions.

[14] *Seure G.*, 1898: 593 f.; Raycheva M., 2015: 23 f.

[15] *Schönert S.,* 1965: No. 461. About Septimius Severus and the temple in Perinthos: see. *Raycheva M.*, 2015:23 f.; *Sayar M. H.*, 2016:853 f.; *Raycheva M.*, 2020:709 f.

[16] The possible temple dedicated to Emperor Hadrian and his wife Sabina and the Bishopskirche are localized by Prof. Sayar in the west part of the acropolis, the area we excavated. See *Sayar M.H.*, 1998: Karte I.

[17] There is also the large Metropolitan Church (known as Ereğli Cathedral) located on the Acropolis in Ereğli, which partially survived until the 1950s and has photographs taken in the 1900s. It was also stated that this building could be the Episcopal Palace. See *Eyice S.*, 1987:3 f. Eyice also stated that this building may have been dedicated to Hagia Glykeria, whose existence was known in the 7th century. As can be seen from the old photographs, we think that the location

was confirmed that some marble architectural fragments found close by the excavation area, which may belong to the church, were filled in a pit during the plowing of the field. The fragments have been arranged and put under protection.

Red Slipped pottery dating to the 4-7th century, brick masonry fragments from the Late Roman-Byzantine Period, 6th century *kubikularios* stamped bricks (**Fig. 6**), decorated fresco fragments, various ceramics dated to 9-11th century (sigrafitto, Zeuxippus ware, white-pasted ceramics, plain wares, etc.), glass vessel fragments (calyx, bottle, bowl, various cups and oil lamp fragments), windowpanes, gold leaf glass tesserae, metal fragments, refined bone objects and Byzantine bronze coins are among the remains and finds from different periods unearthed during the excavation in this sector.

In addition, several finds such as various animal bones, seeds[18], burn marks on the soil, many slags, mostly burnt cooking pots, and a large pithos found in this area show that the place were also used as workshops during later periods. Animal bones include a large number of fish, various poultry, and bones of large and small animals, moreover, a significant number of oysters, scallops, clams and types of murexes were also identified[19]. The preliminary survey on the bones indicates that this place was also a waste area. The bones, seeds and pottery found in the area are very important in terms of understanding the consumption habits and food economy of the period.

In order to understand the extension of the structures and the stratigraphy, a sector measuring 5 x 5 m was also excavated in the nearby area of the western sector during the 2021 excavations. A simple earthen

---

of this building is above the large vaults that can still be seen in the Acropolis. However, discussions continue about these churches, which are no longer exist. According to our opinion, the church in the area we excavated must be a different structure from the Great Cathedral, and although it is not yet certain, it may be the Hagios Georgios Church.

[18] In the light of the first investigations, it was determined that the seeds were fig, pumpkin and watermelon seeds. We thank to B. Balbay for making the preliminary observations. Seed analysis continues.

[19] Animal bones are studied by osteoarchaeologist Prof. Dr. V. Onar from İstanbul University. The incision marks on the bones and also bone colors provide information about cooking techniques. Laboratory examinations of the bones continue.

burial was found under about 80 cm of ground level, lying in the the curved terracotta cover[20] (**Fig. 7**). It was observed that the tomb was bordered with irregular and scattered stone blocks casually. Burial gifts were not found in the tomb, but around it, very small amorphous pottery sherds (a few glazed sherds and Late Roman Red Slips) were found. Among the other artefacts found around, many animal bones attract attention. Human bones belonging to a child and an adult were also identified among the animal bones. Therefore, it can be said that apart from the single skeleton mentioned above, there might be other burials and for now, that area can be identified as a church burial area. The excavation in progress in the area.

A clear understanding of the nature of the area and structures will be possible with further excavations.

In addition to the excavations, the ground survey studies carried also out in the modern settlement to understand the situation of the West Harbor in ancient times, whose location has changed with alluvium, The area called Geren Plain today is identified as an ancient port area. According to the preliminary results of geophysical studies, it was determined with certain data that the interior of the purple-colored area on the map was the sea in ancient times[21] (**Fig. 1**). Assuming that the East Port, another port of the city, was more inward in the ancient period, it is understood that the acropolis is only in the form of a peninsula connected to the mainland with a narrow piece of land. Investigation of ground conditions are continuing at various points of the lower city.

Urban territory surveys and intended studies

Various investigations were carried out along with the excavations in the ancient city territory. In this context, rock cut tombs carved into sandstone dated to Late Antique and located on the skirts of the Acropolis and overlooking Propontis were examined[22]. There is a flat natural rock platform right on the shore, in front of the tombs which are carved into the

[20] The skeleton is being reviewed by anthropologist Dr. Ö. D. Erdal from Hacettepe University, Ankara.

[21] Geophysical studies were carried out by geological engineer Mehmet Atasoy from Marmara Ereğlisi Municipality.

[22] These tombs were first discovered by Prof. Taşlıklıoğlu during his Thrace epigraphic research. Within the scope of these studies, various finds like many inscriptions, tombs and votive stelae, sarcophagi and ceramics belonging to the ancient city were also published. See *Taşlıklıoğlu Z.*, 1971: 99 f.

very steep slope of the acropolis but can be seen more clearly from the sea. Paving stones of a road that reached the platform were discovered that it is partly submerged today (Fig. 8). The use of the area in the early periods and its relationship with the cult of the Mother Goddess/Cybele, especially common in the region and the ancient city, is a subject worth examining. The seaside cult areas dedicated to Cybele, which are also related to the sea, are known around Propontis, for example, near Kyzikos, which is located on the opposite shore. The "Eğridere Cybele Sanctuary" on the Kapıdağ Peninsula, where the ancient city of Kyzikos is located, is a good example of this[23]. The continuation of the sacredness of this area at the foot of the Perinthos acropolis and its use as a necropolis area in the following periods may be related to its sanctity. The natural rock platform must have been used for some rituals.

Another possible cult area within the city is located on the hill overlooking the East Harbor. There is a niche on the natural rocks and its position dominating the entire harbor. However, it is almost impossible to reach here due to the destruction of the rock in which the niche is located. We think that this point can be a worship area because it has high visibility and is a quite suitable spot for inner-city worship. Just above the niche, a monastery was built on the plain in later periods, which must be an indication of the continuity of the sanctuary.

Apart from these locations, which are thought to have been used for cult purposes in the city, another area was identified during the observations made in Esentepe (**Fig.1**), the highest hill near the ancient city which reminds of the rocky cult areas of Cybele. In addition to the physical characteristics of the area, the presence of a water source, which has been used as the Holy Spring until today, complies with the characteristics of the cult areas of the Goddess Cybele. During the survey carried out in the surrounding area, many marble fragments and plain ware fragments were also found besides a marble fragment that may belong to an altar or stele. This area dominates the entire Perinthos Acropolis and the West Harbor in terms of its location, also dominates the most important ancient cult center of the region, sacred Ganos (Işıklar) Mountain (Hieron Oros). Ganos Mountain, which was understood to be dedicated to the Mother Goddess in the light of an inscription, must have been the most important

[23] *Meral K., Aydın T.,* 1991:469 f.

and ancient cult center for many settlements, including Perinthos.

Apart from these studies carried out in 2021, the priority area we plan to work on from next year is the theater located on the eastern slope of the Acropolis (**Fig. 9**). The structure has the characteristic of being the largest theater in the ancient settlements of Turkish Thrace. Although the rows of seats belonging to the *cavea* were dismantled and moved for the construction of modern structures, a marble lion's claw fragment (Fig. 10) found in the survey indicates that the original blocks of the rows of seats may still be buried and can be unearthed by excavation. Many Hellenistic Period and Roman Period sigillata sherds identified around also provide an idea about the phases of the structure. In the examinations, it was identified that the *analemna* and the *epitheatron* part of the building collapsed downwards. Various inscribed pedestals were found and published by Seure during the research on the stage building in 1898[24]. The trace of a large pit in the *proskenion* part of the building, which was probably excavated at that time, can also be seen quite clearly today.

Due to the pandemic in 2021 the team has been limited that our field studies could not continue for a long time. However, in addition to the georadar studies in the Acropolis, studies carry on the creation of the city's topographic plan. Restoration projects for consolidation have been initiated in the endangered parts of the surviving parts of the fortification walls. The Acropolis was taken under protection, the excavation areas were fenced, and information and direction signs were placed for visitors. Analysis on materials and studies in the depot are also continuing.

As a result, the excavations carried out in the western sector of the Acropolis, in the area where a temple and then a church were located, have not yet reached definitive results, but traces of these structures and a burial area have begun to be unearthed in the studies of 2021. In addition to expanding the excavated areas starting next year, it is planned to include large-scale vaults located on the Acropolis, theatre, stadium, necropolis areas and underwater researches in ports to the excavation program.

[24] *Seure G.*, 1898: 593 f.

Selected Bibliography

Asgari N., 1981 'Marmara Ereğlisi (Tekirdağ) Çalışmaları 1980', III.– *Kazı Sonuçları Toplantısı,* 115-116.
Asgari N., 1983 'Perinthos (Marmara Ereğlisi) Çalışması 1981', IV.– *Kazı Sonuçları Toplantısı,* 337-345.
Asgari N., 1986 'Perinthos (Marmara Ereğlisi) Araştırmaları', IX.– *Türk Tarih Kongresi*, Ankara, 451-458.
Asgari N., 1994 'Perinthos (Marmara Ereğlisi) Araştırmaları II'.– *Türk Tarih Kongresi* 11/1, 343-350.
Bülbül A. H., 2019 'Perinthos'tan 'Oturan Tanrıça': Arkaik Dönem Propontis Çevresi Atölye Sorunsalı Üzerine Düşünceler / 'The Sitting Goddess from Perinthos: Some Ideas on the Workshop Problematic at Propontis Area in the Archaic Period'.– *MSGSÜ Sosyal Bilimler Dergisi*, 2019/3 (19) 120-128.
Danov C. M., 1976 *Altthrakien*, Berlin-New York.
Eyice S., 1987 'Marmara Ereğlisi Bizans Kilisesi'.– *TAÇ Türkiye Anıt Çevre Turizm Değerlerini Koruma Vakfı Yayını*, Cilt 2, Sayı 7, 3-7.
Isaac B., 1986 The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest, Brill.
Işın M. A., 1996 'Perinthos Anıtsal Yapı Kurtarma Kazısı', VI.– *Müze Kurtarma Kazıları Semineri*, 383-399.
Külzer A., 2008 Ostthrakien (Europe).– *Tabula Imperii Byzantini* 12, Wien.
Loukopoulou L. D., 1989 Contribution a l'Histoire de la Thrace Propontique, Athenes.
Meral K.-Aydın T., 1991 'Eğridere Açıkhava Tapınım Alanı Işığında Kapıdağı Yarımadası'nda Kybele Kültü'.– *Cevat Başaran'a 60. Yaş Armağanı, Essaysfor Cevat Başaran's 60th Birthday Occasion*, Eds. V. Keleş; H. Kasapoğlu; H. E. Ergürer; E. Çelikbaş; A. Yılmaz, Ankara, 469-484.
Özdoğan M.-Miyake Y.-Özbaşaran Dede N., 1991 'An Interim Report on Excavations at Yarımburgaz and Toptepe'.– *Anatolica* XVII, 59-121.
Öztürk N. Ö., 1999 'M. Ereğlisi Kaya Mezarları Kurtarma Kazısı', IX.– *Müze Kurtarma Kazıları Semineri*, Ankara, 239-246.
Öztürk N. Ö., 2000 'Perinthos Kaya Mezarları Kurtarma Kazısı', 10.– *Müze Kurtarma Kazıları Semineri*, Ankara, 79-87.
Raycheva M., 2015 'The Imperial Cult in Perinthos'.– *Archaeologia Bulgarica* XIX/2, 23-34.
Raycheva M., 2020 'Neocorate Temples and Ceremonial Routes of Perinthos in the 3rd Century AD'.– *Parion Studies* III. *Propontis ve Çevre Kültürleri. Propontis and Surrounding Cultures*, Ed. V. Keleş, İstanbul, 709-715.
Sayar M. H., 1998 Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung. Geschichte, Testimonies Griechische und Lateinische Inschriften, Wien.

Sayar M. H., 2007 'Doğu Trakya Yüzey Araştırmaları 2005'.– *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 24/2, 197-200.
Sayar M. H., 2016 'Septimius Severus, Iulia Domna ve Perinthos'.– *Vir Doctus Anatolicus. Studies in Memory of Sencer Şahin/Sencer Şahin Anısına Yazılar*, Eds. E. N. Akdoğu Arca; N. Gökalp Özdil; T. Burak, İstanbul, 852-858.
Sayar M. H., 2020 'Propontis'in Kuzey ve Güney Sahillerindeki Şehir Devletleri Arasındaki İlişkilere Bir Örnek: Perinthos ve Kyzikos'.– *Propontis ve Çevre Kültürleri/Propontis and Surrounding Cultures, Parion Studies* III, Ed. V. Keleş, İstanbul, 731-742.
Seure G., 1898 'Le Theatre de Perinthe-Heraklee'.– *BCH* 22, 593-598.
Seure G., 1900 'Inscriptions de Thrace'.– *BCH* 24, 147-169.
Seure G., 1912 'Antiquities Thraces de la Propontide, Collection Stamoulis'.– *BCH* 36, 534-641.
Schönert S., 1965 Die Münzpraegung von Perinthos, Berlin.
Taşlıklıoğlu Z., 1971 Trakya'da Epigrafya Araştırmaları, İstanbul.
Westphalen S., 2016 Die Basilika am Kalekapı in Herakleia Perinthos : Bericht über die Ausgrabungen von 1992-2010 in Marmara Ereğlisi, Tübingen.
Yağız O., 2016 'Coin Circulation in the Rhaidesos Region during the Classical, Hellenistic and Roman Periods'.– *Rhaidestos-Thessaloniki Antiquities in a Refugee Journey*, Thessaloniki, 235-241.

The List of the Figures:

Fig. 1. The Map of Perinthos and its environment (Prepared by M. Atasoy)
Fig. 2. General view from Open Air Museum in Marmara Ereğlisi (Photo: Author)
Fig. 3. Marble stele of Cybele form Perinthos in Tekirdağ Museum (Bülbül 2019: 121, fig. 1-2)
Fig. 4. Prehistoric ceramic piece from Acropolis (Photo: Author)
Fig. 5. The excavated area of the western part of Acropolis in 2021 (Photo: Author)
Fig. 6. *Kubikularios* stamped bricks (Photo: Author)
Fig. 7. Earthen burial from Acropolis (Photo: Author)
Fig. 8. Rock cut tombs at the southern skirts of Acropolis and the stone paved road in front of them (Photo: Author)
Fig. 9. Aerial photo of the theatre (Photo: S. Tercan)
Fig 10. Marble lion's claw fragment from the theatre (Photo: Author)

Tekirdağ
Road
Esentepe
Tumuli
Kamaradere
Necropolis
The Sea - Geren Plain
West
Harbour
Kiremitlik
Necropolis
Lower
City
East
Harbour
Stadium
Excavation
Area
Acropolis
Vault
Theatre
Rock-cut
Tombs
Propontis
Fig. 1

Fig. 2

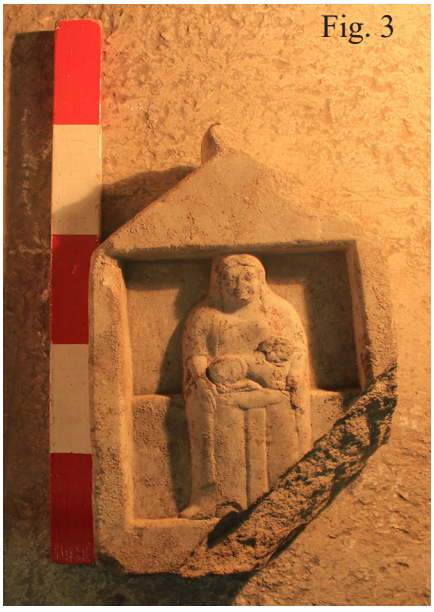

Fig. 3

Fig. 5

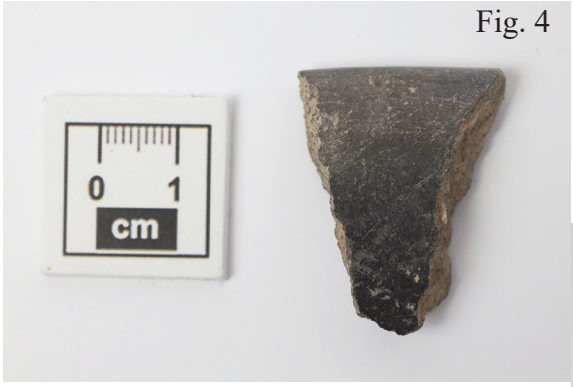

Fig. 4

Fig. 10

Fig. 6

Fig. 7

Fig. 8

Fig. 9

Thracia Balcanica 1, 2022, 227-248

SEARCH FOR THE ANCIENT CITY OF ALMANA PERSEUS "AD ALMANAM URBEM PERVENIT ET IN RIPA FLUMINIS AXI POSUIT CASTRA"

(T. Livy, XLIV.26. 8)

Viktor Lilchikj Adams
Scopje

The city of Almana was mentioned in only one historical source, fortunately with a broader story, whose careful analysis, as well as archaeological data from archaeological recconaissance in the Axius River valley, allowed me to suggest a completely new, hitherto unknown location for its location (**Fig. 1**).*

Describing the unsuccessful military action of the Macedonian king Perseus, in February or March 168 BC, to engage the Bastarnae, for the war with Rome, or to expel the Dardanians, from the northern border of the kingdom, and to join forces of the Illyrian king Gentius (*Hammond N. G. L., Walbank F. W.,* 1988:534, note 2), Titus Livius wrote that Perseus, with part of the army, in a rapid march, after arriving at the city of Almana, on the banks of the river Axius (Vardar), set up camp: *Ad Almanam urbem pervenit et in ripa fluminis Axi posuit castra* (*T. Livy,* XLIV, 26. 8).

The leader of the Bastarnae (Gaul tribe living in Pannonia) Clondicus, led 20,000 people (half pedestrians, half horsemen) (T. Livy, XLIV, 26. 3).

Perseus spent the winter in the camp at **Elpeus** (Mavrolongos) in Pieria below Olympus. His army consisted of 40,000 infantry and 4,000 cavalry. He took half of the army with him, which means 22,000 soldiers (*Hammond N. G. L., Walbank F. W.,* 1988:539541) This information obviously tells us that he was thinking of the possibility that the Bastarnae could at one point attack his army.

* *The initial information regarding the problem of the location of the city of Almana I presented in: Lilchikj (Adams), V.,* 2010:23-38. *In the meantime, I was conducting additional research on the sites in the valley of Axius, so that I present some of the results together with the information about the location of Almana in Gradishte, Kochilari at this place*.

Titus Livy writes about these events (*T. Livy*, XLIV, 26-27):

T. Livy, XLIV, 26.

This was not the only chance which Perseus threw away in his avarice. Had he paid the money, it is possible that he might have had peace through Eumenes's instrumentality, and this was worth purchasing even at the cost of a part of his kingdom, or if Eumenes had played him false he could have held him up as his enemy loaded with his gold, and made the Romans regard him justly as their enemy. But the alliance with Gentius which had been already mooted and the invaluable support now offered of the Gauls who were pouring through Illyria, were both lost to him through his avarice. A body of 1000 cavalry came to offer their services, and with them the same number of foot soldiers. These latter used to run alongside the horses and when the trooper fell they seized the riderless horses and rode on them into the battle. These men had agreed to serve for ten gold pieces for each horseman and five for each footman; their leaders were to receive a thousand. Perseus went with half his whole force from his camp at the Elpeus and began to give notice through all the villages and cities adjoining their route that they were to prepare ample supplies of corn, wine and cattle. He took with him some horses with their trappings and some military cloaks as presents to their officers, and a small quantity of gold to be distributed amongst a few of the troops, trusting that the mass of the soldiery would be attracted by the hope of more. He went as far as the city of Almana and fixed his camp by the River Axius. The Gaulish army was lying in the neighbourhood of Desudaba in Maedica waiting for the stipulated pay. Perseus sent Antigonus, one of the nobles of his Court, to order the soldiers to shift their camp to Bylazora, a place in Paeonia, and their officers to go in a body to him. They were seventy-five miles distant from the king's camp on the Axius. After Antigonus had given them these orders and told them what an abundance of everything the king's care had provided for them on their line of march, and what presents of clothing and silver and horses the king had ready for the officers when they arrived, they replied that they would find out all about this on the spot. They then enquired whether they had brought the gold to be distributed according to the agreement amongst the horse and foot. To this there was no reply. Then their chief Claudicus said, "Go back! Tell the king the Gauls will not move a step further unless they receive the gold and the hostages." On this being

reported to the king he held a council of war. When it became obvious what the unanimous decision would be, the king began to descant on the perfidy and savagery of the Gauls, vices which many had already experienced to their ruin. It was a dangerous thing to admit so vast a multitude into Macedonia; they might find them more troublesome as allies than the Romans as enemies; 5000 cavalry were quite enough to make use of in the war, and not too many to be dangerous.

T. Livy, XLIV, 27.

It was quite clear to every one that the only thing the king was afraid of was having to pay such a large host, and as no one had the courage to attempt to dissuade him, Antigonus was sent back to say that the king would only employ 5000 of their cavalry and would not detain the rest. When the barbarians heard this, there were murmurs of indignation from the rest of the army at having been called away from their homes to no purpose. Claudicus again enquired whether he would pay the stipulated sum to the 5000. He detected something evasive in the answer and sent the crafty messenger back unhurt - treatment which the man himself hardly ventured to hope for. The Gauls returned to the Hister, devastating those parts of Thrace which lay near their line of march. This band might have been led against the Romans through the mountain pass of Perrhaebia into Thessaly while the king remained quiet at the Elpeus, and could not only have plundered and stripped the fields so that the Romans could have looked for no supplies from those districts, but also have utterly destroyed the cities to prevent their affording any assistance to their allies, while Perseus was holding the Romans at the Elpeus. The Romans would have had to think of their own safety, for they could not have stayed where they were when Thessaly which fed their army was lost, nor could they have made any advance with the camp of the Macedonians in front of them. By losing such an opportunity Perseus encouraged the Romans and discouraged to a great extent the Macedonians who had hung their hopes on his taking advantage of it. (**Transl**. by Rev. Canon Roberts, 1905)

* * *

We see, therefore, that Perseus sent the nobleman Antigonus, on the orders of the Bastards, to come to the city of Bilazora in Paeonia, to meet and negotiate.

The Bastards were located in Desudaba, Maedia, 75 miles (112.5 km)

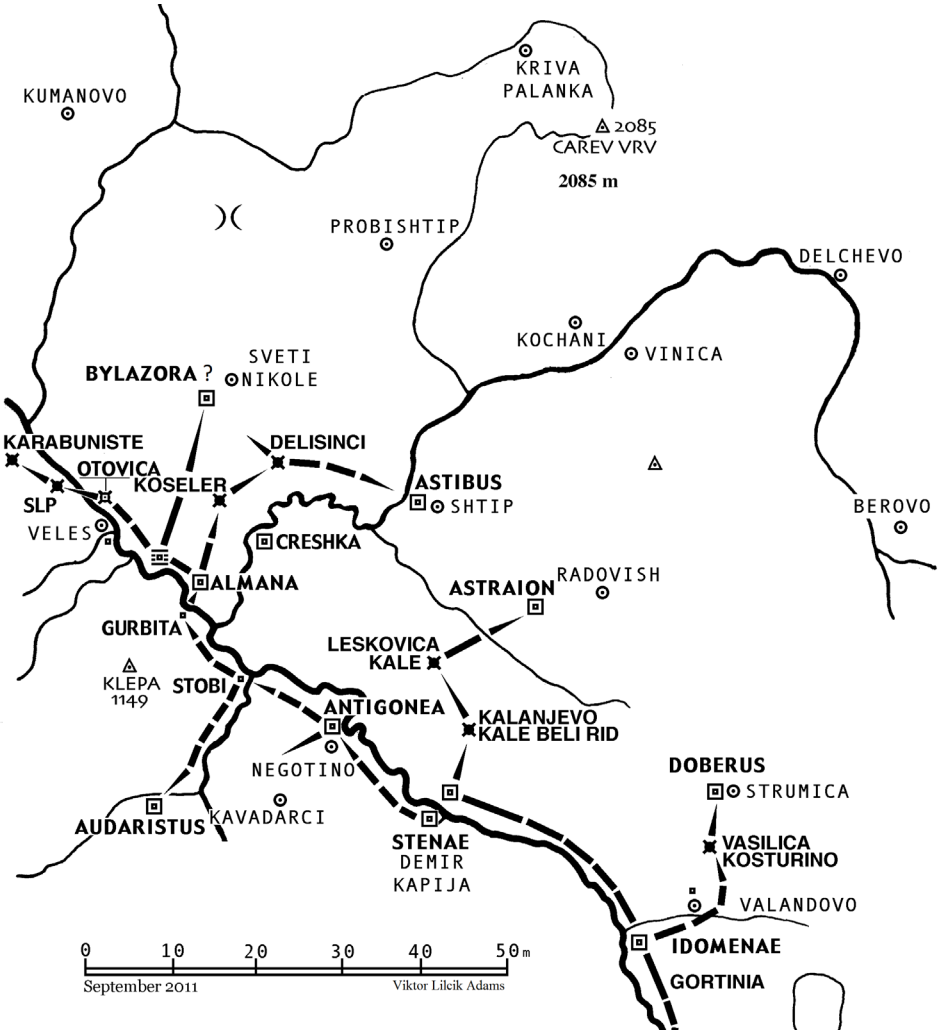

Fig. 1 *Map of part of the Middle Stream of Axius / Vardar with position on Gradishte, village Kochilari - Almana*

from the river Axius and the camp of King Perseus. Desudaba according to N. Hammond was located upstream of the Strymon River (Struma) (*Hammond N. G. L., Walbank F. W.,* 1988:534).

To reach the upper course of the river Strimon (Struma), Antigonus, the delegate of Perseus, had the most convenient route from Axius through Ovche Pole, then through the valley of Kriva Reka to today's Kriva Palanka. I guess it took Antigon about 2.5 days in one direction.

The meeting between Antigonus and Klondike had an unfavorable outcome. In addition to the king's proposal to meet at Bilazora, Antigonus described to him the planned gifts: clothes, silver, horses. But Clondicus answered decisively: „Go back! Tell the king the Gauls will not move a step further unless they receive the gold and the hostages" (*Tit Livy,* XLIV, 26. 9-11).

Perseus, in response to this, expressed fear of receiving a large army of wild and unpredictable barbarians in Macedonia. Because of this, or perhaps because the sum of their wages seemed too great for him, he suggested to the Bastarnae that he hire only 5,000 men, with whom he would gain the necessary supremacy over the Romans. But the Bastarnae demanded full engagement, that is, a salary for all 20,000 people. Perseus did not agree and the negotiations failed (*T. Livy*, XLIV, 26. 8-12).

The Bastarnae then headed north to the Danube, plundering villages and towns along the way. Perseus returned to Pieria without allies.

Further known events say that the Roman legions under the leadership of Lucius Emilius Paulus on June 22, 168 at the Battle of Pydna, defeated the army of King Perseus.

Since then, eternal time has covered the remnants of the earth, but the questions remain: where were the city of Almana and the camp of King Perseus in the valley of the river Axius?

* * *

It is obvious that the problem of this short history involves the location of two more points:

1. The city of Bilazora
2. The problem with the approaches that lead in Macedonia

It is believed that the location of the Paeonian city of Bilazora has been secured. I. Mikulchic in 1976, based on his own research with the method of archaeological reconnaissance, located this large Paeonian town on the locality Gradishte, village Knezhje in the region of Sveti Nikole. Subsequent archeological excavations by the American archaeologist V.

Neidinger, as well as Prof. Dr. Dragi Mitrevski from the University of Ss. Cyril and Methodius in Skopje, on this site confirmed the existence of an important ancient Paeonian city (*Микулчиќ И., 1976*:149-165 pp, figs 1-13; *Neidinger W., Matthews E.,* 2008:1-20); the research was continued by Prof. D. Mitrevski (*Mitrevski D., 2*016:1-74; *Mitrevski D.,* 2018:179-190, 194).*

The problem with the approaches that lead in Macedonia

However, the historian F. Papazoglu remained convinced that Bilazora was located on the site of Veleshko Kale, Veles (*Papazoglu F.,* 1988:308-310. Unfortunately, the large ancient and medieval city of Veleshko Kale, Veles has never been the subject of serious archeological excavations.). It was guided by the text of Polybius, in which the location of the city of Bilazora is associated with the placement of the crossings through which the barbarians constantly invaded Macedonia. And that could be primarily the valley of the river Axius between the Skopje Basin and the region of Veles (*Tit Liv*, XLIV, 97).

Polybius, V. 97.

At the same time, King Philip conquered Bilazora, the largest city of Peonia, very conveniently located for the incursions from Dardania to Macedonia. With his conquest he almost got rid of the Dardanian danger, because the Dardanians could no longer invade Macedonia so easily, after Philip had once conquered the mentioned city, and with it the approaches to Macedonia (**Превод:** *Рицл М*., 1988:465 (translation of the quote from Serbian into Macedonian by Vl. Adams).

With the research I organized with my research team, in 2021, I came to the knowledge that the crossings that Polybius was thinking of, led along the two banks of the river Axius (Vardar) through the Taor Gorge and the Bader-Pcinja Gorge (*Lilchikj Adams V., Jakimovski A., Ilievski A., Shirtovski I., Treneski G.,* 2022).

The problem of Bilazora's location in the context of Polybius is complicated by the fact that he does not mention the Axius River at all. The Veles Fortress is located in the narrow gorge of Axius on the southern outskirts of the city of Veles. This location is completely opposite to the plain area around Gradishte Knezhje. Perseus led 22,000 troops and Clondicus 20,000. It is obvious that the quote of Titus Livius speaks more in favor of the location of Bilazora at the locality Gradishte, Knezhje,

than at Veleshko Kale, Veles, because the terrain around Gradishte village Knezhje near Sveti Nikole is flat, and on it Perseus probably had in mind to develop the phalanx in the event of an unexpected clash with the Bastarnae army. While the fortification of Veles Kale is located in the narrow gorge part of the river Axius.

Asarlak, Kochilari - the camp of Perseus (Fig 2)

The location of the camp of King Perseus, I think it should be sought at that point on the left bank of the river Axius (Vardar), from where the shortest road to Bylazora separated (if Bilazora is Gradishte, Knezhje). And that can be the area of the villages Kochilari and Karaslari, from where the plain opens to the northeast to the Village Knezhje (Bilazora). I carefully researched the left bank of the Vardar and recorded an indicative archeological site (*Lilcik V.,* 2009:467-472).

The Asarlak site has been noted on an archeological map by I. Mikulchic, with the toponym Chuka, was mistakenly identified as a tumulus (*Микулчиќ И.,* 1976: Map fig 1, no 25). I guess because the author

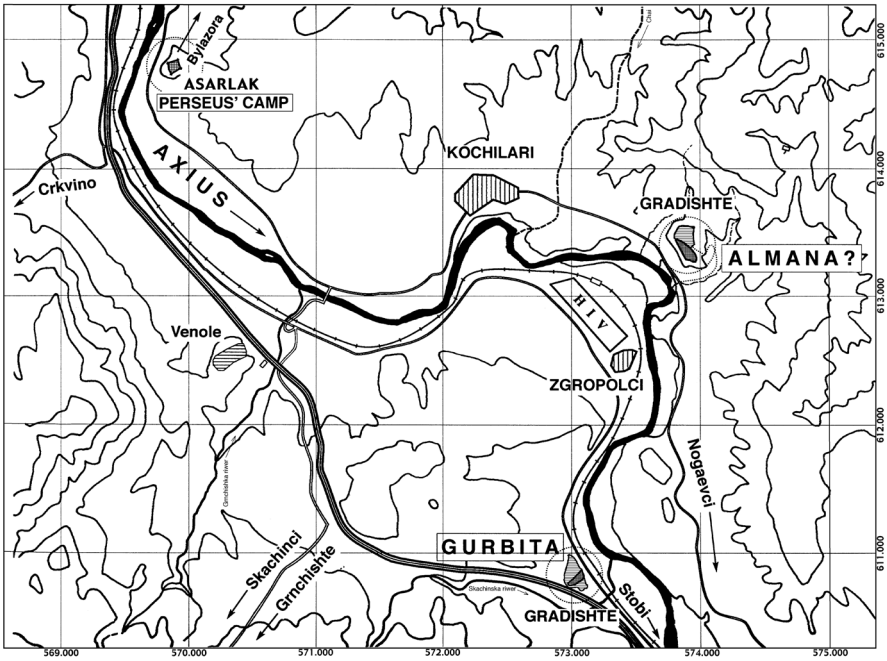

Fig 2 *Map, detail with the position of the ancient city of Almana*

has never visited it. Namely, he saw the site from the highway, from the right bank of the Vardar, from where you can see a tumular contour at the top of the hill.

With surface research on Asarlak, I recorded the remains of a small ancient fortress with the contours of a central building. The fortification is made by a perimeter wall whose contours are clearly visible on the ground. With a square plan, large about 50 x 50 meters. The west / northwest wall towards the river was slightly longer (59 m with towers) and slightly protruding in the middle. The eastern rampart is flat and 48 m long, while the northern and southern ramparts are flat and 55 m long.

The wall was in a drywall. At the four corners I recorded the contours of four corner towers. In addition, around a wide diameter, along the fields and on the slopes of the low hill above the river Vardar on the top of which were the remains of the fortification, I recorded numerous fragments and parts of pottery. With careful surface reconnaissance of the terrain I discovered parts of amphorae, kitchen pottery. Then a piece of round stone - a hand-held grain mill, a number of horseshoes, two coins, an arrowhead and a ring.

In the context of the grain mill, it is important to note that the army in antiquity received a portion of grain (calatus / modius) for its own needs, which the soldiers themselves ground, kneaded and baked in bread.

On the slopes of the site I discovered a large number of horseshoes, mainly two types, half and whole horseshoe. On the flat side of the half-horseshoes, which are more numerous, a small V-notch is noticed, which was a sign for symmetrical anchoring of the two halves opposite each other.

With the surface research of the fortification and the surroundings, I recorded the remains of three cultural horizons, dominated by the time of the Macedonian king Perseus, dated with several bronze coins.

I found two coins on the north side of the square castle. One is a coin of the city of Pella (Zeus / winged lightning, minted from 187-168), and the other is an autonomous coin from the time of Perseus (also Zeus / winged lightning, minted from 187-168) with the legend MAKE|ΔONΩN.

A little later, about 100 meters southwest of the castle with archeological reconnaissance, we discovered 28 coins, among which I identified coins of the Macedonian kings Philip V, Perseus, the cities of Pella, Thessaloniki and the Roman quaestor Gaius Tamius Publilius (148-

146). It is obvious that the coin of Gaius Tamius Publilius, indicates that Rome also considered this point as an important geostrategic position.

Almana - Gradishte, village Kochilari (Figs 2-9)

In the search for the location of Almana (*Lilchik (Adams) V.,* 2010:23-38), an important signpost is the thinking of N. Hammond, who thought that this city should be sought somewhere in the area after Stobi, and before Bilazora (*Hammond N. G. L., Walbank F. W.,* 1988:534).

I researched this area for many years and thought that there was no longer any unknown site. Along the right bank of the Vardar is Gradishte, Zgropolci, where Gurbita is located, an ancient road station marked on the Poitinger map (Tabula Peutingeriana) (For Gurbita see: *Mikulčić I., 2002:* 443-444, no. 383).

I. Mikulchic described the Gradishte locality on the left bank of the Vardar, in the area of the village Nogaevci. It presents coordinates, description of the fortification with a stone wall 120x40 meters large and other data and cited literature (*Mikulčić I., 2002:*434, No. 371). I researched this area in detail. The inhabitants of the village of Nogaevci do not know such a place at all, with such a toponym.

However, I found the first trace in the literature. The geographer / ethnologist V. Radovanovic noticed a place in Gradiste, in the area of the neighboring village Kochilari: ... below the village on the hill that closes the gorge, there is the settlement (selishte) Peshterica, the ruins of Manastir and Gradishte (*Радовановић В., 1924:*477).

Unfortunately, the first expedition in search of this site with my colleague Spirko Stojmenov, an archaeologist from Kocani, ended in failure. However after receiving oral information* for the exact location of the site of Gradishte near Kochilari, within the second research expedition that I realized on 20.02.2011, I finally found this locality. I guess I. Mikulchic received some unverified information about this locality, so he put it in the area of Nogaevci without checking it on the field.

Gradishte is located on the left bank of the Vardar, north of the village Zgropolci and in the area of the village Kochilari. More specifically, it is located 1.5 km southeast of the village of Kochilari. Unfortunately V.

* *Thanks to Mr. M. Danev and Mr. J. Dimitrievski for pointing out the hill Gradiste, Kochilari on Vardar.*

Radovanovic did not provide any more specific description other than "ruins ... Gradishte". Gradishte is a dominant hill that rises 80 meters above the level of Vardar, and is located opposite the railway station Zgropolci and the Chemical Industry Veles, 700 meters northeast across the river Vardar (Axius). Fig. 9. The hill is separated from the adjacent hills by two ravines. To the north is Kaja Alti, while along the southern, nameless ravine led the approach to the entrance gate of Gradishte.

With several research visits, I recorded the planimetry of an ancient city that consisted of at least three segments: the acropolis, the lower city, and the southern suburb.

Gradishte, Kochilari, Acropolis (Figs 3-5, A on the **Fig 3)**

At the top of the hill Gradishte there is a specially fortified acropolis, with an approximately triangular, elongated shape, large 240x83 m. Its area is 16,800 m^2 (1.68 hectares, Figs. 8, 10). It is oriented, from the high wedge-shaped forehead on the northwest side, to the lower extended part of the southeast. The surface relief of the acropolis has four stepped

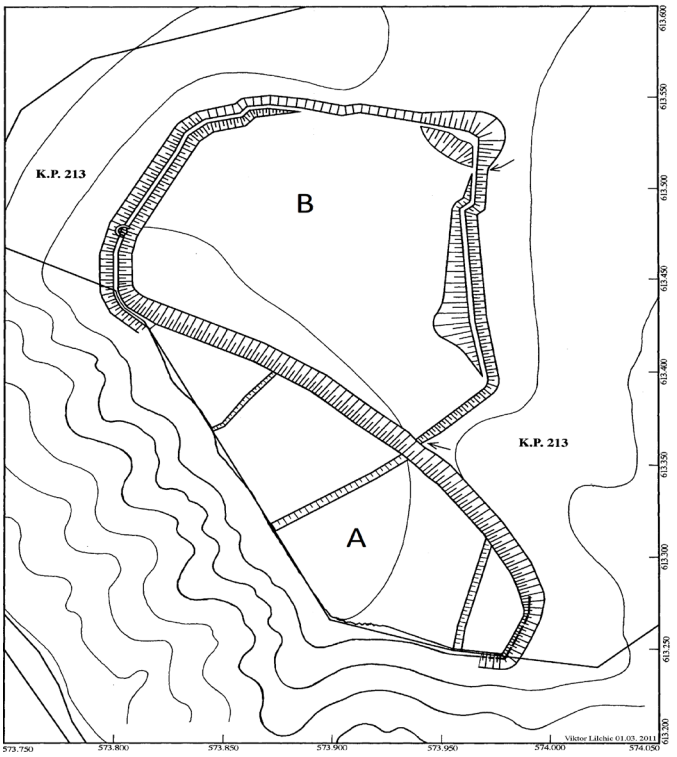

Fig. 3 *Plan of the city of Gradiste, Kochilari*

surfaces, separated by contours of walls, which probably served to level the terrain. The highest elevation of the acropolis is 220 m. The coordinates are 7,573,850 m east of Greenwich and 4,613,400 north of the equator.

The city fortification perimeter is well preserved on the long northeast side. On the field you can see the extremely powerful contour of the long defensive drywall, with a sharp edge, about 4-5 meters high. Its width was probably at least 2 meters at the top, and up to 4 meters at the base. According to the findings, the wall was formed in the Late Bronze Age and was restored or repaired during the Iron Age and early antiquity.

On the southwest side towards Vardar, I recorded a steep slope with a sharp edge, without the remains of a defensive wall. I guess the erosive sandy soil over the centuries has devastated the wall down.

Gradishte, Kochilari, Lower town (B on Fig 3)

To the north, northeast of the acropolis, stretched the wide lower city. It is attached to the northern part of the acropolis wall, 135 meters long. The area of the lower city is 22,000 m^2 (2.2 hectares). It has an irregular pentagon shape. This flat plateau, about 5 m below the acropolis, was particularly fortified in the west, toward the river, in the north, in the east, and in the southeast. The composition of the north and east city walls is located exactly on the wide mountain saddle on which attacks could come, and that is why the citizens fortified it especially with a high and dominant tower, which today has a slightly elongated, rounded contour. On the wide hilly saddle on the southeast side, I noticed the contours of several tumuli.

The total urban area (*intra muros*) of the acropolis and the lower town is 3,880 m^2 (3.88 hectares), excluding the southern suburb.

Careful reconnaissance and photography of the terrain of the site can show a contrast between the large number of ceramic parts and fragments and the absence of surface visible contours of the former buildings and premises in the fortified acropolis and the lower city. In this context, we should keep in mind that this is a prehistoric and early antique architecture in which the foundations are deeply dug into the soil and on them about 70-80% was erected plethora architecture. The plethora walls have melted over the centuries and covered all the rooms, creating an ideal natural conservation of the city.

Fig. 4 *View of the acropolis of Gradiste, Kochilari from the southeast*

Gradishte, Kochilari, Southeast suburb

On the southeastern gentle slope, in the corner between the southern parts of the acropolis and the lower town, there is a gentle slope on which fragments and pieces of pottery can be seen. There are no surface visible contours of objects. The space is limited on the south and east side by a **dry valley SUVODOLICA** , along which came the main approach and entrance to the city and measures 17,000 m2. I guess this is a small suburb should be checked with additional archaeological research.

Gradishte, Kochilari, South suburb

South of Gradishte, opposite the nameless valley, on the neighboring hill Peshterica (elevation 202 m, KP 213 / RM Veles) there is a plateau, slightly sloping to the east, with an area of 24,800 m^2 (2.4 ha). On its lower, eastern side, I noticed contours of a defensive wall, while on the southwest, west and north it seemed to have been naturally defended by the sharp rocky edge of the plateau. Fragments of pottery can be seen on the surface.

Gradishte, Kochilari, Moving Finds

During the research I discovered surface findings of pottery and metal finds.

Fig. 5 *View of the acropolis of Gradiste, Kochilari from the south*

Градиште, Кочилари, Монети

1. Pella, bronze coin, Av. Head of Athena with helmet to the right Rv. Cattle graze. Legend: ΠΕΛ|ΛΗΣ (**Fig 6**).

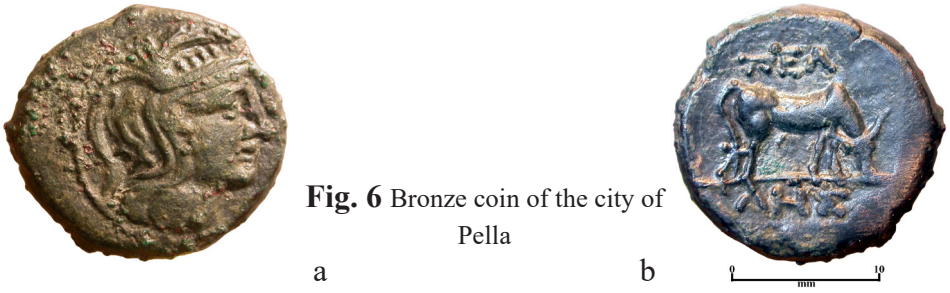

Fig. 6 Bronze coin of the city of Pella

a b

2. Pella, bronze coin. Av. Athena's head with a helmet to the right, rather worn Rv. Cattle graze. Legend: (ΠΕΛ)|ΛΗΣ (16.5 мм, 5.68 гр).

3. Amphipolis, bronze coin. Av. Artemis head to the right in a grainy circle. Rv. grain class. Legend ΑΜΦΙΠο|ΛΙΤΩΝ (15.5 mm, 3.22 g) **Fig 7**.

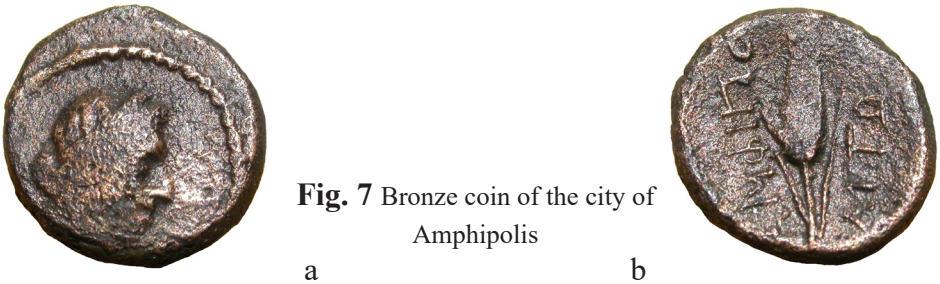

Fig. 7 Bronze coin of the city of Amphipolis

a b

4. Almost illegible bronze coin. Av. Displaced forged. Can see part of the circle with part of the head, perhaps Athena's helmet from Pella coins. Rv. Completely illegible. (17 mm, 5.00 g).
5. King Perseus, bronze coin. Av. Right profile of the hero Perseus with a helmet. Rv. Eagle with a plow in its claws. Legend: B A ΠEP (the three letters joined in a monogram). Weight 9.12 g; diameter 22.3 mm (**Fig 8**).

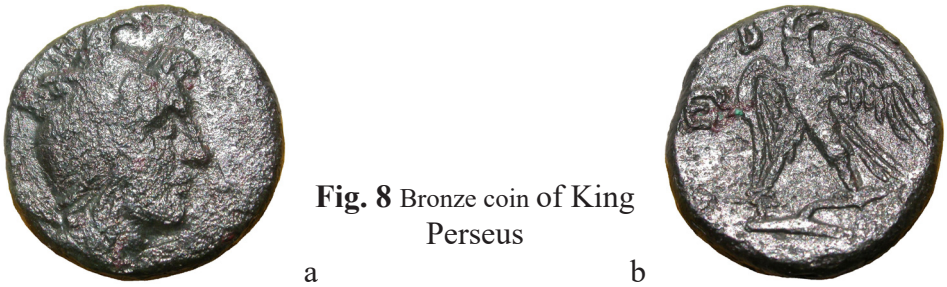

Fig. 8 Bronze coin of King Perseus

a b

6. King Perseus, bronze coin. Av. Right profile of the hero Perseus with a helmet and *harpa* behind his head. Rv. Eagle with a plow in its claws. Left of the plow, class grain. Legend: B A ΠEP (joined in a monogram, to the right wing of the eagle). To the left wing: H. Between the eagle's legs: Π. Weight 6.14 g; diameter 22.5 mm (**Fig 9**).

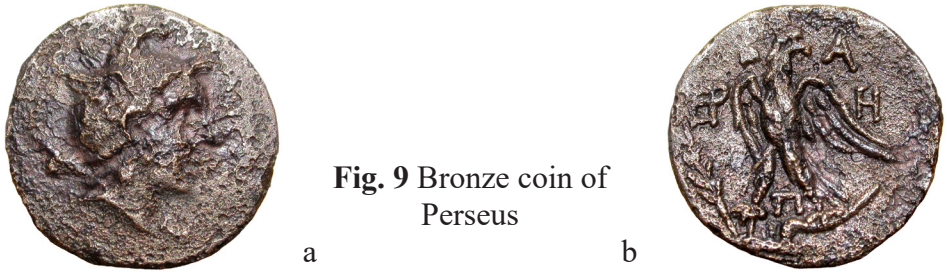

Fig. 9 Bronze coin of Perseus

a b

* * *

Finally, I can freely say that the sites Gradishte and Asarlak village Kochilari, are one of the latest significant discoveries in Macedonian archeology. Of course, many unanswered questions remain related to the action of the Macedonian king Perseus, the remains of the city of Almana at the locality Gradiste near the village Kochilari, and his camp by the river Vardar (Axius). Among them is the problem of crossing the rivers Astibus (Bregalnica) and Axius, as well as Erigon (Crna Reka), which certainly slowed down the advance of the Macedonian army. In this context is the problem of the route of the road along Axius from early antiquity. From the comparison of the road stations and the route of the Vardar road from Roman times (according to the source Tabula Peutingeriana), we see that the right bank of the Axius was in use for the most part, as it is today. However, it is obvious that in prehistory and early antiquity, the left bank of the Axis was used in parallel. This is evident, for example, having in mind the fortifications and settlements: Markova Kula and Markov Grad, village Koreshnica, the settlement near the village Bistrenci, the fortification Stolot and the plateau Topot near the village Ulanci, Gradishte near Kochilari, Otovichko Kale near Bashino Selo, Kale near the village Sopot the section of the river Pchinja from the confluence of Vardar to Katlanovo with the fortresses: Markovi Kuli, village Letevci, Solishte village Letevci, Drma village Bader and Gradiste village Taor on the left bank of the Vardar already in the Skopje territory. In the case of Gradishte, the village of Kochilari, it is obvious that exactly in its southwestern foothills in the past Vardar was run over. Because the river coming from the northwest hits the western foot of Gradishte and makes a big turn to the west, spilling the waters and widening the banks flows in the eastern foot of the terrain of the village Zgropolci. Probably this river crossing was the reason for the formation of the two towns, Gradishte, Kochilari and Gradishte, village Zgropolci.

From these latest and especially significant discoveries so far, we can see that life in Gradiste, the village of Kochilari did not continue in Roman times and that may mean that the city was conquered by the Roman army.

It is clear that we have before us a significant ancient Paeonian city with older traditions and existence since the Bronze Age. The character of the ancient Macedonian cultural horizon is not clear yet. On the one hand, the recorded Bronze Age cultural horizon, as well as the naming of

Livy as ... *ad Almanam urbem* ..., indicate the possibility of the presence of a Paeonian ethnic element. On the other hand, the findings of coins in the cities of Pella, Amphipolis and Perseus, and the fact that Perseus arrived right next to Almana, indicate the possibility that King Philip V, on the plateau of the acropolis, settled Macedonians, ie. rebuilt the town of Almana, due to the control of the ancient crossing over the river Vardar at this very place.

In fact, the percentage of pottery collected from surface research of the acropolis and the lower town is 90% of the Bronze Age and 10% of the Old Macedonian period.

Later, at the end of the 3rd century BC. and the first half of the 2nd century BC, in the time of the Macedonian kings Philip V and Perseus, the life of Gradishte, Kochilari was restored. For now, it remains unclear whether this reconstruction was realized something before that, the local Paionians, or was initiated within the famous revitalization - colonization of the Vardar cities of the Macedonian Strategy Paeonia by Philip V (*Lilchikj (Adams) V*., 2011:15-71; *Микулчиќ И.,* 1999:148-149; *Stanchevski I.,* 1997:68-80).

* * *

Analysis of older hypotheses about the location of the city of Almana

1. The city of Almana on the locality Veleshko Kale, Veles (*Mikulchic I.*, 1976). In 1976 I. Mikulchic, with a fence, proposes a location of the city of Almana on Veleshko Kale (*Микулчиќ И.,* 1976:149-165, figs 1-13), however, without specific archaeological confirmations, comparisons and analyzes of the attempt of the Macedonian king Perseus in 168 BC to hire the forces of Clondicus, the leader of Bastarnae.

The logic of the march of the Macedonian army convinces us that Perseus, after arriving in the city of Almana, built a camp on the bank of the river Axius. His goal was, according to T. Livy, the plain around the Paeonian city of Bilazora.

This line of development highlights the site of Asarlak on the banks of the river Vardar as the only candidate for the location of the camp of Perseus. And this location obviously rejects the idea of I. Mikulchic for the location of the Veleshko Kale, Veles with Almana.

Was Veles Kale the ancient city of Bilazora?

The findings that emerged from the surface field reconnaissance and measurements of the planimetry of this locality, preliminary talk about at least three basic cultural horizons:

1) Castel within the acropolis from the 3rd-2nd centuries BC. According to I. Mikulchic is an *opidum* that spread over the entire surface of the acropolis and its suburbs. The lower town has not been excavated (*Микулчиќ И., 1*976:149-165, figs 1-13).

Through my research I discovered a bronze coin of Thessalonika (Av. Athens on the right / Rv. Horse running on the right) dated 187/6-168/7 BC. The coin was discovered on the southwestern slope, 70 meters below the edge of the acropolis, where it slipped along with a mass of other cultural materials.

2) Ancient city on an area of 3.5 hectares composed of an acropolis and a northern suburb (*Микулчиќ И.,* 1976:152-153).

3) Medieval city within the same framework as the ancient city (*Mikulčić I.,* 2002:439-441).

It is obvious that the camp of Perseus could not be near the Veleshko Kale. Veleshko Kale is located in the gorge of Vardar between the hilly massifs of Babuna in the west and Sveti Ilija in the east, from which the last mass dominates over the left bank of Vardar and is a natural obstacle to the Ovchepole plain.

Let us recall once again the words of T. Livius: *Ad Almanam urbem pervenit et in ripa fluminis Axi posuit castra.* (Perseus) He came to the city of Almana and set up camp on the bank of the river Axius. This means that the camp of Perseus was near the city of Almana.

Although, maybe the next option holds. The camp of Perseus on Axius (Asarlak, Kochilari) is about 5.5 km southeast of the city on the site of Veleshko Kale (4.7 km in a straight line), which is close. And the area north of the Perseus camp, today in the area of the village of Gorno Karaslari, is a plain. Does this mean that the city of Bilazora was still located in Veleshko Kale?

4. The city of Almana on the locality Markov Grad, Koreshnica near

Demir Kapija (*Mikulchic I.*, 1999)

The same researcher, I. Mikulchic, a little later, in 1999, proposed the location of Almana, at the Markov Grad site, in the village of Koreshnica, near Demir Kapija. He thought that a large army of 20,000 men, led by Clondicus, could attack the Macedonian troops and Perseus. Due to that, the Demir Kapija Strait, on I. Mikulchic was seen as an ideal place for defense and eventual withdrawal (*Микулчиќ И*., 1985:82-100).

In this context, Mikulchic began to think that King Perseus, for security reasons, considered the rocks and the Demir Kapija Strait as a safe protection from a possible attack on the Bastarnae. So yes, if Clondicus and Bastarnae attacked him, he could safely retreat - he fled south.

However, I will remind you of the fact that at that time the ancient kingdom of Paeonia was an integral part of the kingdom of Macedonia under the name Strategy Paeonia, formed by King Philip V (*Микулчиќ И,.* 1999:180, map fig 121, page 177). Perseus' army was stationed in at least two Macedonian military bases (Otovichko Kale, Bashino Selo; Korija, Rashtani village) and at least three castles (Kale village Slp, Cuculigovo village Karabunishte, Gradishte village Dobrino) and probably in two more castles (Bidamazh village Buzalkovo, Gradishte village Rlevci). This means that Perseus crossed the strait of Demir Kapija without any problems and marched in his own, Macedonian territory, and had no reason to be afraid. Because he firmly held the northern border to the Dardanians. Perseus moved freely in his own country, in addition to the cities, settlements, and fortresses founded or rebuilt by his father, who colonized the coasts of Axius through Paeonia, around Antigoneia, Stobi, and Gurbita, and probably rebuilt the city of Almana as part of that project.

According to this, Perseus had no reason to fear, and besides, he was more militarily powerful. Namely, he led with him half of the entire army, and that half numbered 22,000 soldiers, which means 2000 soldiers larger than the army of the Bastarnae under the leadership of Clondicus. All this eliminates the very thought of locating the city of Almana and the camp of Perseus near Demir Kapija. By the way, one should also think about the fact that from Demir Kapija to Bilazora (Knezje) there are about 69 km, which in the military conditions of those times means two whole days of marching, so the question arises, would Perseus risk bringing a tired army to Bilazora on a meeting with the Bastards?!?

3. The city of Almana - Alavandovo - Valandovo (*Sokolovska V*., 2009; *Lilchik (Adams) V.*, 2011).

B. Sokolovska, in 2009, proposed the location of the city of Almana, on the site of the city of Valandovo, mostly because of the linguistic possibility of similarity, according to her, of the name Almana with Valandovo. Namely, the name Valandovo, according to her, may originate from Almana, modified in Alavandovo and finally in Valandovo.

Her proposal to locate the Perseus camp on the banks of the river Vardar, in the Valandovo field, as well as the town of Almana near Valandovo, is the most illogical. Namely, the distance, from a conditionally taken point near the village of Udovo, to Bilazora (Knezje), is about 100 kilometers. If we take into account that the march of the Macedonian army in winter conditions and crossings of the river Vardar or the tributaries of Astibus or Erigon in certain places, was about 30 km per day, it is clear that Perseus would need at least three full days to reach Bilazora (Knezhje). In other words, the result would be a tired army, unprepared for war. Would Perseus take the risk?

In addition, Valandovo is about 5-6 km away from the coast of Axius (Vardar), which in my opinion does not correspond to the words of Livius: *... He went as far as the city of Almana and fixed his camp by the River Axius*.

In this context, I think that, because Perseus marched in conditions of winter cold in the north, directly on the Vardar road corridor, with the idea to go directly to Bilazora (whether it is Bilazora Velesko Kale or Gradiste village Knezje), he had neither time nor reasons to stop in Valandovo, Sokolovska's idea obviously falls into the water.

There are still current problems that will be clarified, I hope with future archeological research - excavations at the sites Gradiste and Asarlak, in the area of the village Kochilari, at this time the most adequate favorites to locate the city of Almana and the camp of the Macedonian King Perseus on the coast of Axius / Vardar.

Abbreviations

BCH: Bulletin de Correspondance Hellénique, journal of École Française d'Athénes
FAB: Folia Archaeologica Balcanica, journal of the Faculty of Philosophy – Skopje, Institute of Art History and Archaeology
ГЗФФ: Годишен зборник на Филозофскиот факултет - Скопје
MH: Macedonian Heritage. Journal for Archaeology, History, Art History and Ethnology, editor publishing house Macedonian Civilization Skopje

Bibliography

Микулчиќ И., 1976 Убикација на Билазора.— *Годишен зборник на Филозофски факултет Скопје* бр. 2 (28). Скопје, 149-165, сл. 1-13.

Микулчиќ И., 1985 Средновековен град Велес.— *ГЗФФ,* кн 12 (38), Скопје, 82-100

Микулчиќ И., 1999 Антички градови во Македонија, Скопје

Радовановић В., 1924 Тиквеш и Рајец. Београд

Рицл М., 1988 Полибије, Историје I, Матица Српска. Београд

Hammond N. G. L., Walbank F. W., 1988 A History of Macedonia, Vol. III (336-167) B.C.), Oxford

Lilcik V., 2009 Perseus "in Ripa Fluminis Axii posuit Castra" (T. Livy, XLIV. 26.2-12).— *Histria Antiqua*, Sv./Vol. 18/1, Pula, 467-472

Lilchik (Adams) V., 2010 A hypothesis on the identification of the site of the paeonian town Almana.— *MH,* nº 36-37. Skopje, 23-38

Lilchik (Adams) V., 2011 Macedonian region Strategia Paeonia.— *MH* nº 38-39. Skopje, 15-71

Lilchik Adams V., Jakimovski A., Ilievski A., Shirtovski I., Treneski G., 2022 Macedonian Kings Philip V and Perseus, concentrate army in the valley of Axius, between Veles and Skopje. Skopje (in preparing)

Mikulčić I., 2002 Spätantike und frühbyzantinische befestigungen in Nordmakedonien. München

Mitrevski D., 2016 Ancient Bylazora the capital of independent Paeonians. (Ed: National museum Sveti Nikole & International University "G. R. Derzhavin" – Sveti Nikole). Sveti Nikole, 1-74

Mitrevski D., 2018 The royal palace in Bylazora.— *BCH* IV. Skopje, 179-194

Neidinger W., Matthews E., 2008 The 2008 Excavation Bylazora Republic of Macedonia.— *Texas Foundation for Archaeological and Historical Research*, Canyon Lake, Texas, September, 1-20, www.tfahr.org/files/Bylazora_low-res_report.pdf; www.tfahr.org/files/bylazora2010.pdf.

Papazoglu F., 1988 Les villes de Macédoine a l'époque Romaine.— *BCH*, Supplément XVI, Athénes – Paris

Sokolovska V., 2009 Almana – Alavandovo – Valandovo.— *MH,* nº 34-35, Skopje, 61-66

Stanchevski I., 1997 A late Macedonian deposit from Gurbita.— *MH,* nº 3, Skopje, 68-80.

Thracia Balcanica 1, 2022, 249-260

МОГИЛЬНИК СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ IV В. ДО Н.Э. У С. КАЗАКЛИЯ

(Краткий обзор, украшения)

С.М. Агульников

(Кишинев)

The Scythian necropolis the IV sentury a.Cr. of Cazaclia

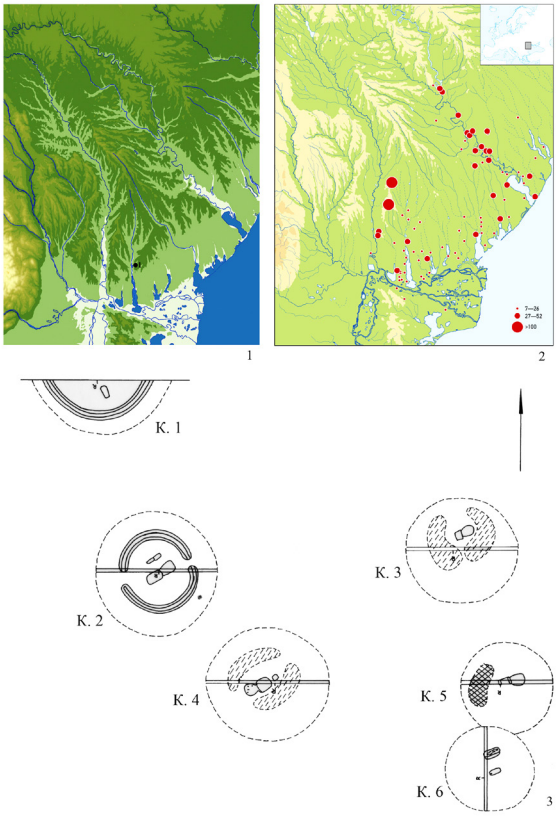
Summary: The village of Cazaclia is located in the central part of the Bugeac steppe, occupying most of the plateau between the Ialpug and Lunga steppe rivers in the Ceadâr-Lunga district of Moldova. Administratively, this community is currently part of the UTA Gagauzia. The geographical location contributed to the fact that, in the vicinity of the village, from antiquity to the present day, there were a significant number of archaeological sites represented by colonies, mounds and flat necropolises of different cultures and populations, which lived in the steppes of Bugeac. In 2019, a group of researchers from the Gagauzie Scientific Research Centre, led by M.V. Marunevici of the Institute of Bioarchaeological and Ethnocultural Studies and the Institute of Cultural Heritage of the Republic of Moldova, undertook archaeological field research on a site located on the land of the village estate.

A Scythian necropolis was discovered as part of archaeological research conducted in 2019 on the territory of the village of Cazaclia, 3.2 km southwest of the village, on a plateau on the left bank of the Ialpug River. It is located in the central part of the Ialpug and Lunga Rivers, 1.35 km from the bank of the Taraclia Reservoir, 2.7 km northwest of the Lunga River and 1.2 km west of Cioprac-Dersen Creek. On the current surface, the mounds are virtually unseen. The scythian tumular necropolis was discovered using aerial photography data (Geoportal MD). The soil was removed in layers of 5 to 10 cm up to the level of the transition layer between chernozem and yellow clay, where the structures of the tombs were fixed. Virtually all the important tombs of the mounds were robbed in antiquity. Most Scythian tombs were found in Type II catacombs (after *Olihovski* 1991).

Only in tumulus no. 6 two tombs are simple rectangular pits. Chronologically, Type II catacombs spread as early as the second quarter of the 4th century, in the Lower Danube region. As in the mounds of the Lower Danube, structural features were mentioned as circular ditches, interrupted in the western and eastern parts, where amphorae fragments are concentrated (*Suniciuk, Fokeev* 1984:117). The amphoras found in ditches are mainly Heraclea type III, biconic (*Monakhov* 2003:142, 144). The knives found in the tombs of the mounds 0 3 and 5 are Type I, with a bone handle and a curved blade reports this type of knife to the II group and dates from the IV-h to the III -h century BC (*Meliukova* 1964, D.1 / 4 40-42).Weapons are represented by arrowheads with three fins. In the mounds of the Cazaclia, the arrowheads belonging to the chronological group III, type A-B, predominate and date back to the IV-III centuries î.Hr. As regards protective armor, its presence is confirmed by the finding of an applied, rectangular iron plate of the shell part of tomb I, tumul 5. Such armors are associated with the graves of heavily armed soldiers (*Мелюкова* 1979:203-206). A glass walk was found in a single copy in tomb 1, tumul 2, a small number of such jewels being noted in the mounds of the Lower Danube (*Суничук Е.Ф., Фокеев М.М.,* 1984:116). The pieces of ornament discovered in the scitic tombs of Cazaclia are represented by a bronze earring, in the form of a pound, with curved ends and cone-shaped peaks, as well as curved fibulas from the 5th mound. A similar type of jewelry comes from the territory of the Balkan Peninsula and appears in 5th century Thrace. î.Hr. But these pieces of ornament became common in the IV-th to III -rd centuries in the scitic burial complexes of the Lower Dniester and lower Danube region (*Редина Е.Ф.,* 1998:23, *Тельнов и др*., 2016). In general, the tombs of scites near the village of Cazaclia date back to the second half, the end of the 4th century .i.Hr.

Key words: mounds, necropolis, Scythian

Памятники скифской культуры на территории Республика Молдова в Пруто-Днестровском междуречье и Одесской области на территории Республика Украина концентрируются преимущественно в степной зоне региона, заметно тяготея к нижнему течению таких крупных рек как Днестр, Прут и Дунай (**Таб.1**,2). В определенной степени их концентрация наблюдается и вдоль небольших степных речек, таких как Алкалия, Чага, Сарата, Когильник, Салчия, Кагул (Таб.1,1.). В процессе археологических исследований у с. Казаклия, Чадыр-Лунгского р-на Республики Молдова, АТО Гагаузия, в 3,2 км к Юго-западу от села, на плато левого берега реки Ялпуг в 2019 году был открыт скифский могильник. Могильник располагался в центральной

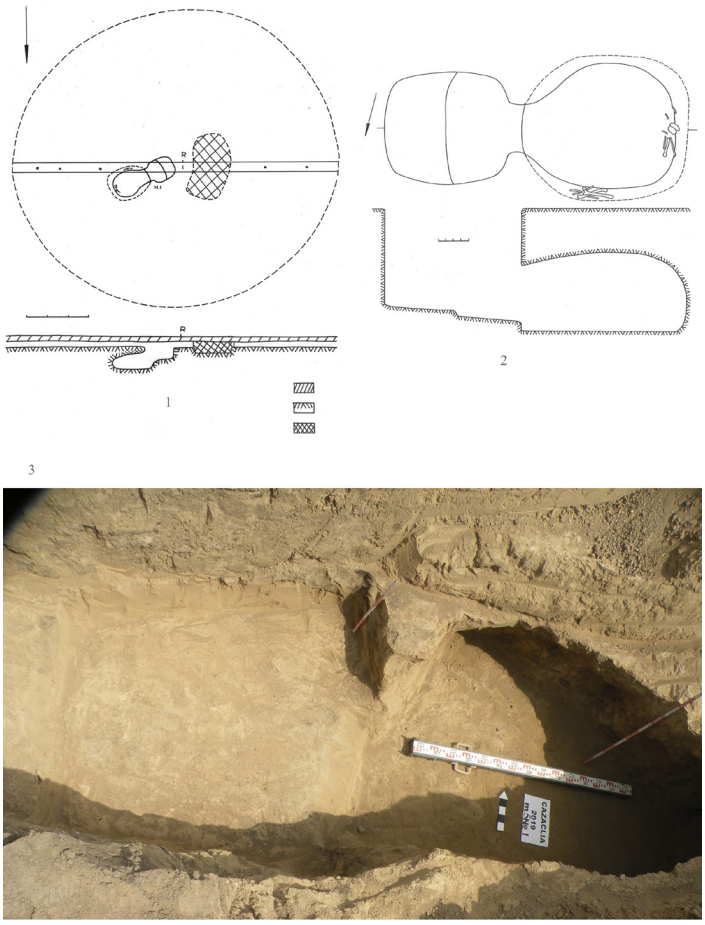

Таб. 1 *Географическое положение. 2. -Скифские курганы в Пруто-Днестровсом междуречье. 3.- План скифского могильника у с. Казаклия*
(ПоТопал Д., 2018)

части водораздела Ялпуг-Лунга в 1,35 км от берега Та-раклийского водохранилища, в 2,7 км к СЗ от реки Лунга и в 1,2 км к З (90 гр.) от ручья Чопрак-Дерсен (Таб.1,3.). Следует напомнить, что в 1984-85 гг. на Казаклийских полях, где проводились масштабные археологические исследования из 25 курганов разных эпох, был раскопан лишь один скифский курган №20 (*Агульников С.М., Малюкевич А.Е.*, 2013:185-191; *Сава Е., Агульников С.М., Манзура И.*, 2019:156, Рис.114) а погребения Раннего железного века были представлены только Сарматской культурой. Скифский курганный могильник был обнаружен при помощи данных аэрофотосъемки (Geoportal MD) Геопортал МД. Курганы полностью распаханы и практически не выделялись на современной дневной поверхности. Курганы скифского могильника располагались двумя неровными параллельными рядами (Таб.1,3). В процессе работ курганы были пронумерованы как №№ 1-6 с сохранением дублирующей нумерации (№№ 26-31), принятую в 1984-1985 гг. Буджакской Новостроечной экспедицией (*Сава Е., Агульников С.М., Манзура И.,* 1984; *Бейлекчи В.С., Агульников С.М., Чирков А.Ю.*, 1985; *Сава Е., Агульников С.М., Манзура И.*, 2019). Исследования проводились совместной экспедицией Института Биоархеологических Исследований и Института Культурного Насле-дия, при участии Научно-Исследовательского Центра АТО Гагаузия им. М.В. Маруневич, под руководством С.М. Агульникова при участии научного сотрудника Института Культурного Наследия В. Железного в период с 26 мая 2019 года по 14 августа 2019 года.

Наибольший интерес представляют материалы кургана 5 Казаклийского курганного могильника Скифской культуры, где была найдена серия скифских украшений.

Курган 5 (Таб.2,1) располагался в 65 м к ЮВ от репера. Насыпь полностью снивелирована вспашкой. Диаметр кургана 13,5 м. В кургане обнаружено одно погребение. Погребение 1 (Таб.2,2; Таб.2,3-фото) катакомба, состоявшая из входного колода и погребальной камеры, была ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Входной колодец прямоугольной формы с округленными углами. Размеры 1,75 х 1,6 м, глубина 1,65 м. На дне в ЮЗ части, на глубине 0,9 м имелась ступенька размерами 0,8 х 1,6 м. Далее дно понижалось, в виде пандуса, достигая глубины 1,65 м, переходя в дромос-вход в погребальную камеру.

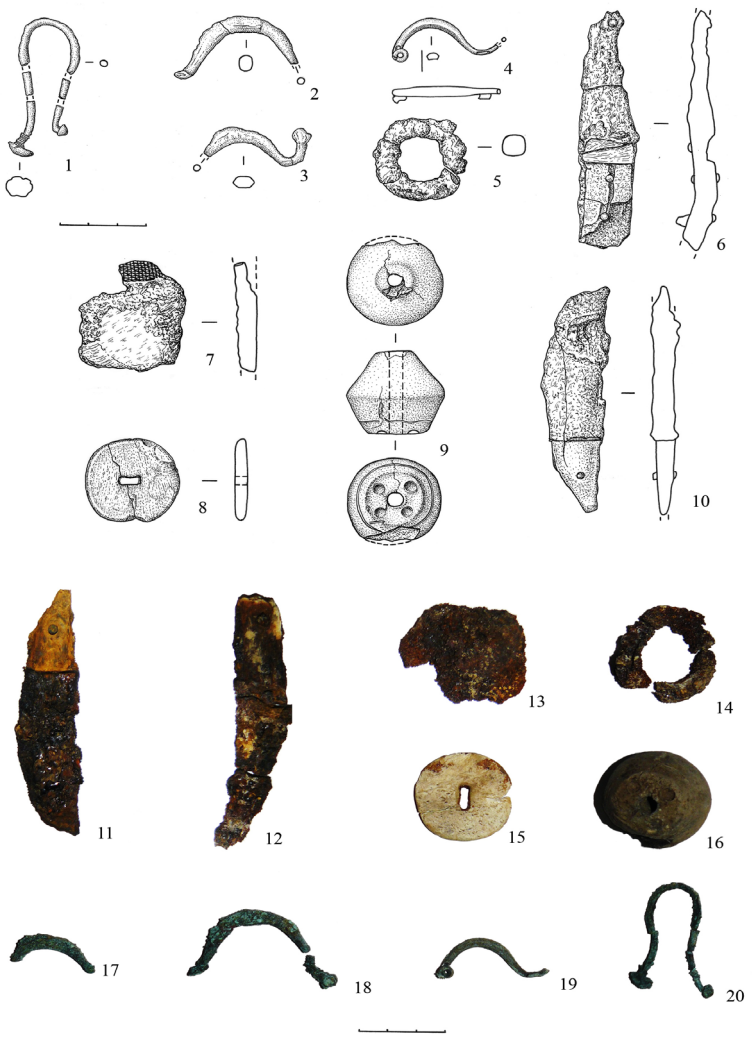
Таб. 2 *Казаклия, 2019. Курган 5. 1-план, профиль, 2-погр. 1, 3. Фото погр. 1*

Размеры дромоса 0,6 х 0,7 м. Дромос выделен ступенькой, высотой 0,2 м.Глиняный свод над погребальной камерой достигал толщины от 0,8 до 0,65 м. Глубина погребальной камеры от уровня фиксации достигала 1,65-1,7 м. Погребальная камера овальной формы имела размеры 2,1 х 2 м., расширяясь ко дну до 2, 35 м. Захоронение ограблено в древности. Заполнение представлено затечным черноземом, перемешанным с материковой глиной, в котором встречались мелкие разрозненные кости животных и человека, а также невыразительные фрагменты амфор. Человеческий скелет был разрушен и кости концентрировались в СВ части погребальной камеры, отмечены длинные

кости, ребра, череп. Кости принадлежали взрослому человеку до 45-55 л. У входа в погребальную камеру справа имелось скопление костей, принадлежащих крупному рогатому скоту.

Инвентарь: Все находки группировались возле разрозненных костей человеческого скелета и животных в ЮВ части погребальной камеры.

1. Лезвие железного ножа с горбатой спинкой с сохранившейся заклепкой в основании. Длина лезвия-8 см, в сечении-0,3 см (Таб. 3,6-

Таб.3. *Казаклия 2019. Кург.5. Инвентарь погр.1. 1-10 рис., фото 1-10. — копия-1*

рис; Таб. 3,12-фото).

2. Лезвие еще одного ножа с горбатой спинкой с остатками костяной рукояти с двумя сохранившимися заклепками крепления. Длина лезвия - 9,2 см, в сечении - 0,3 см (Таб. 3,10-рис; Таб. 3.11- фото.).

3. Фрагмент железного панциря, в виде прямоугольной пластины размерами 3 х 4 см, толщиной-0,3 см (Таб. 3,7-рис.; Таб. 3,13 – фото) Поверхность подверглась сильной коррозии, но на поверхности имеются следы кожаного изделия в виде стекловидных отложений. Вероятно, это окислы железа. Пластины подобных панцирей нашивались на кожаную основу.

4. Железное кольцо (деталь доспеха либо конской сбруи) диаметром-3,7 см, в сечении-0,4 см (Таб. 3,6; Таб. 3-фото 6.).

5. Костяная пуговица (деталь основания веретена?) круглой формы, диаметром-3,2 см с подпрямоугольным отверстием для подвешивания, размером 1 х 0,2 см, с отполированной поверхностью и со следами ржавчины, так как находилась среди железных предметов (Таб. 3,8-рис; Таб. 3,20-фото.).

6. Бронзовая лировидная подвеска с изогнутыми окончаниями и с напаянными на них грибовидными навершиями, размерами 4,1 х 1,9 см, изготовленная из металлического прута в сечении 0, 2 см (Таб. 3,1; Таб. 3-фото 10.).

7. Бронзовая дуговидная спинка от фибулы, длиной -3 см, в сечении-0,3-0,2 см (Таб. 3,2-рис; Таб. 3,18-фото)

8. Бронзовая дуговидная фибула (булавка) с загнутым приемником и уплощенным окончанием с конусовидным навершием, размерами 3,5 х 1,3 см, в сечении от 0,1 до 0,3 см. Игла фибулы сильно фрагментирована (Таб. 3.2; Таб. 3,17-фото.).

9. Бронзовая фибула с дуговидной спинкой с утолщением посередине и грибовидным окончанием. Размеры: длина 4,5 см, в сечении от 0,1 до 0,3 см (Таб. 3,4-рис.; Таб. 3,19-фото.)

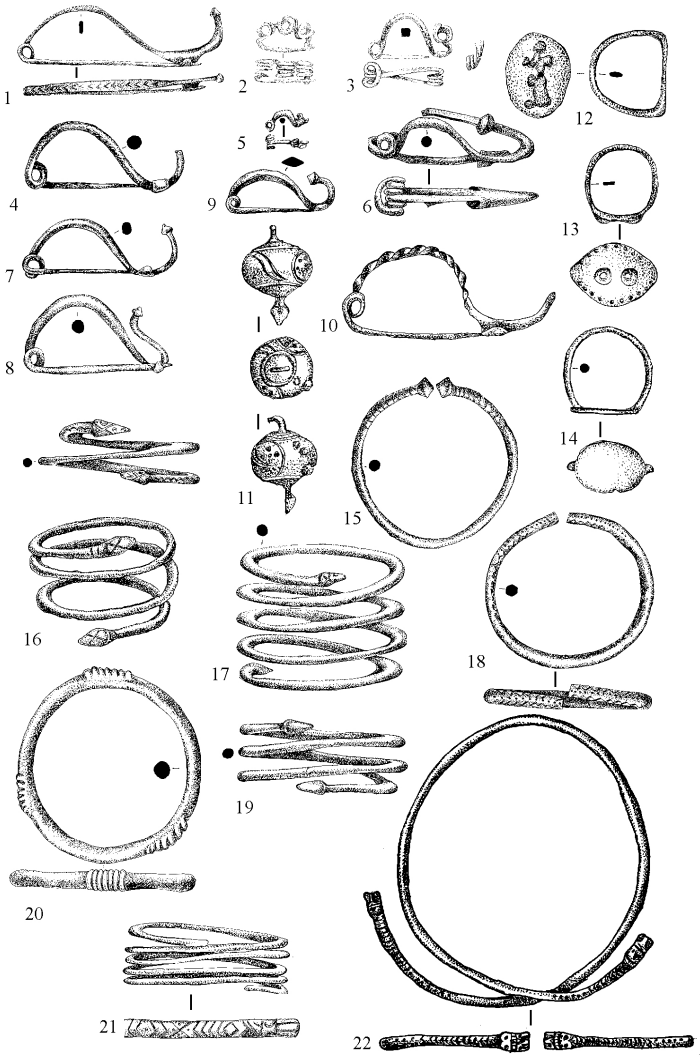
10. Глиняное пряслице биконической формы, размерами: высотой-3 см, диаметром-1,5 и 1 см, диаметр отверстия-0,5 см. Наибольшая сторона украшена углубленными округлыми вдавлениями, образующие крестовидную фигуру (Таб. 3, 9-рис; Таб. 3, 16-фото.). Пряслице изготовлено из глины, поверхность темно серого цвета, тесто в изломе черного цвета с примесью мелкотолченого шамота.

Стратиграфия кургана 5

Курган 5 был сооружен в один прием над основным скифским погребением 1. Толщина пахотного слоя 0,25-0,35 м. Погребенная почва отмечена на глубине 0,67-0,75 м. В 1-1,5 от репера, под насыпью отмечена выемка прямоугольной формы-углубление, откуда брался грунт для сооружения курганной насыпи. Размеры выемки 32,5 х 1,6 м. Глубина-0,4-0,5 м.

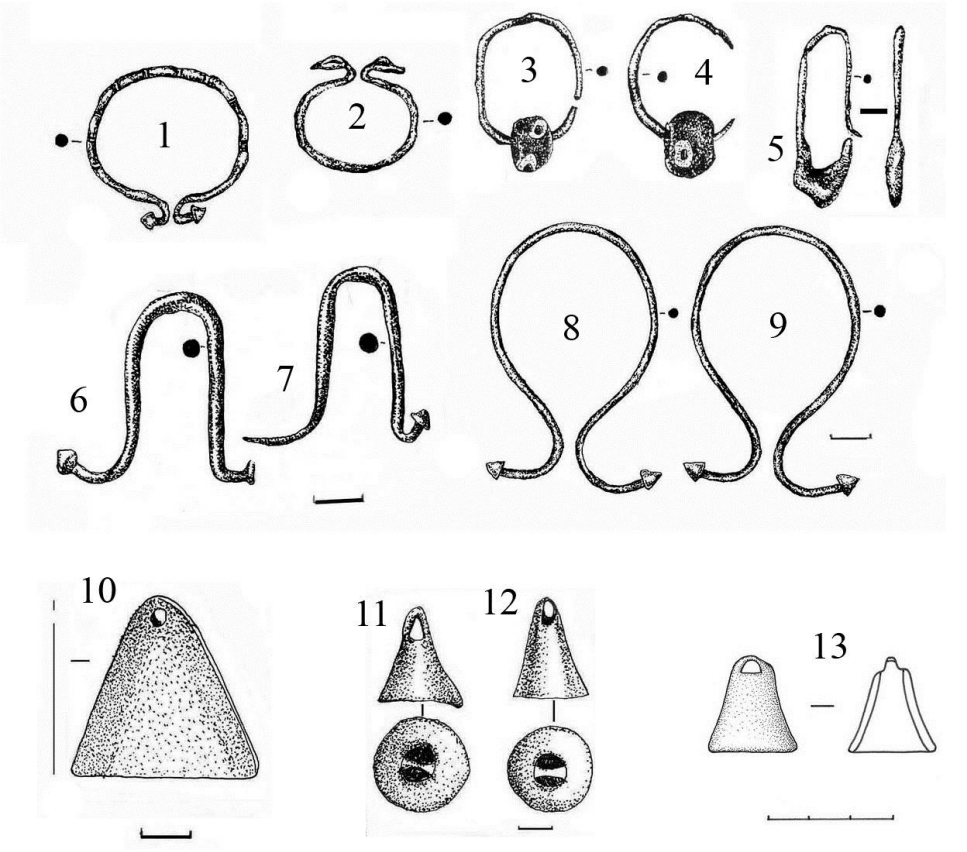
Отдельно следует остановиться на находках украшений из данного кургана. Украшения, найденные в скифском кургана 5, представлены экземпляром височной подвески лировидной фор-мы с загнутыми окончаниями и конусовидными навершиями, а также фибулами с выгнутой спинкой из кургана 5. Подобный тип украшений происходит с территории Балканского полуострова и появляется во Фракии в V в. до н.э. (*Петренко В.Г.*, 1978:53). Но эти украшения получают распространение в течении IV-III вв. в скифских погребальных комплексах Поднестровья и Подунавья (Редина 1998, 122-123). Фибулы-застежки фракийского варианта - раннелатенского типа, появляются в элементах скифского костюма в начале середине IV в. до н.э. Они изготовлены из округлого стержня, как правило, округлого или плоского в сечении с высокой дуговидной спинкой, снабженные коническими кнопками в окончаниях. Анализ подобных фибул, присутствующих в Нижнем Подунавье и Буджаке представлен в работах болгарских исследователей (*Домарадски М*., 1977:120-128; *Миков В*., 1930-1931:50-53). Подобные фибулы распределены на 3 группы раннелатенского типа: фракийские, кельтские и на группу гибридных кельто-скифских (*Редина Е.Ф.,* 1993:50-53; *Редина Е.Ф*., 1998:122-123) (**Таб. 4**.1,4, 6-7, 8, 10). Представительная серия подобных фибул происходит из курганов могильников Мреснота Могила, Дервент, Кугурлуй в низовьях рек Ялпуга-Кагула (Островерхов, Редина 2013:402-403, рис.100, 1, 4, 7, 8). Подвеска в форме колокольчика (ворворка из погр.1 кургана 4) аналогична подобной, найденной в могильнике Градешка (*Островерхов А.С., Редина Е.Ф.*, 2013:406, рис. 102, 7). Таким образом, материалы скифского могильника, открытого в 2019 году у с. Казаклия являются подобными, исследованным в 70-80-е годы между крупными придунайскими озерами Ялпуг и Кагул. На основании вышеизложенного материала Казаклийский скифский могильник можно соотнести с Нижнедунайской скифской группой,

выделяемой в последнее время (*Суничук Е.Ф., Фокеев М.М.*, 1984:118; *Андрух С.И.*, 1995:1-15; *Островерхов А.С., Редина Е.Ф* 2013:379-419).

Таб.4 *Аналогии украшений из курганов Нижнего Подунавья*
(по Островерхов А.С.,, Редина Е.Ф., 2013:1)

1-Мреснота Могила к.8, погр.2; 2,22 м-к Дервент, к.13, погр.1;3-м-к Кугурлуй, к.26, погр.2; 4-м-к Кугурлуй, к.17, погр.1; 5-м-к Мреснота Могила, к.14, погр.3; 6-м-к Дервент, к.15, погр.1; 9-16-16а-м-к Градешка, к.7а, погр.1;10-Красное, к.8, погр.1; 13-15-м-к Мреснота Могила, к.21, погр.2; 20-м-к Кугурлуй, к.26, погр.2; 21-м-к Градешка, к.11, погр.1.

Таб.5 *Аналогии к украшениям из Казаклии.-1*

Предположение о датировке III-II вв. скифских курганов в Нижнедунайских могильниках Дервент, Кугурлуй, Градешка не имеет основания. Как показывает анализ греческой керамики из этих курганов, все они являются памятниками II половины - конца IV в. до. н.э. (*Полин С.В*., 2014:648). О том же свидетельствует вещевой инвентарь этих курганов, во многом сходный и с материалами, найденными в скифских курганах у Казаклии в 2019 году. Соответственно Казаклийский скифский могильник следует датировать II пол. IV в. до н.э. Следует отметить, что скифские курганные могильники в Прутo-Днестровском и в Днестро-Дунайском междуречье располагались преимущественно в степной зоне, вдоль течения рек на основных магистральных водоразделах (Таб.1,2). Практически не отмечены

скифские курганные могильники в пойменных пространствах. Степень исследованности скифских погребальных комплексов не равномерная. Так, скифские курганы на территории Одесской области Украины, на левобережье Дуная, исследовались в 1970-е-1980-е годы XX столетия (*Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.В., Редина Е.В.*, 1992; *Островерхов А.С., Редина Е.Ф.,* 2013:374-419) в связи с масштабными гидромелиоративными работами в регионе. В XXI столетии, по ряду причин, подобные исследования курганных некрополей в юго-западном регионе Одесской области не проводились. Поэтому данные о скифских комплексах Буджака и Дунайского Левобережья приводятся по материалам раскопок конца XX столетия (*Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.В., Редина Е.В.*, 1992; *Островерхов А.С., Редина Е.Ф.,* 2013, 374-419). В свою очередь ряд скифских курганов исследовался на территории Республики Молдова на Нижнем Пруту в 1990-е годы (*Agulnikov A.S.*, 1997, 275-292) и в период с 2014 по 2019 гг. (*Ciobanu I., Simalcic A., Bejenaru L., Părneu R., Agulnicov S., Popovici S.,* 2019:71-119) материалы которых также датируются финалом IVв. до.н.э.

Библиография

Андрух С. И., 1995 Нижнедунайская Скифия в VI- начале I в. до н.э. Запорожье

Агульников С.М., Малюкевич А.Е., 2013 Стратиграфия кургана 20 Казаклийского курганного могильника.- *Revista Arheologică*, SN, Vol – IX, nr. 2. Chişinău, 185-191

Бейлекчи В.С., Агульников С.М., Чирков А.Ю, 1985 Отчет о работе Буджакской Новостроечной экспедиции в 1985 г. Архив МНАИМ, инв. №231. Кишинев

Домарадски М., 1977 Фибули от късножелязната епоха в Тракия.- *Годишник на Департамент Археология на Нов Български Университет*. Т. IV, София

Миков М., 1930-1931 Тракийски тип фибули.- *ИБАИ*, IV, 1930-1931,150-153

Редина Е.Ф., 1993 Классификация фибул из скифских погребений Северо–Западного Причерноморья.- *Причерноморье*: КС ОАО. Одесса, 50-53

Петренко В.Г., 1978 Украшения Скифии VII-III вв. до н.э.- *САИ*. Д-4-5, Таб. 22, 19. Москва, 53

Островерхов А.С., Редина Е. Ф., 2013 Скифские Древности.- Древние

культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 374-419.
Полин С.В., 2014 Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев
Редина Е.Ф., 1993 Классификация фибул из скифских погребений Северо –Западного Причерноморья.- *Причерноморье*: КС ОАО. Одесса, 50-53
Редина Е.Ф., 1998 О месте производства некоторых типов украшений из скифских могильников.- *Древнее Причерноморье*. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 122-123
Сава Е.Н., Агульников С.М., Манзура И., 1984 Отчет о раскопках Буджакской Новостроечной Экспедиции в 1984 г.- *Архив МНАИМ*, инв. № 102. Кишинев
Сава Е.Н., Агульников С.М., Манзура И., 2019 Исследования курганов в Буджакской степи. Кишинев
Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1992 Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Одесса
Суничук Е.Ф., Фокеев М.М., 1984 Скифский могильник Плавни - I в низовьях Дуная.- *Ранний Железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 103-120

Agulnikov C.M., 1997 Tumuli scitice de lăngă satele Manta și Crihana Veche // Cercetări arheologice în Aria Nord-Tracă (București 1997), 275-292.
Ciobanu et al., : Ciobanu I., Simalcic A., Bejenaru L., Părneu R., Agulnicov S., Popovici S., 2019 Considerații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare la Crihana Veche (r-nul Cahul) Companiile 2016 și 2017 //in Arheologia preventivă în Republica Moldova-IV. Chisinău, 71-119
Domaradzki M., 1995 La diffusion des monnaes de Cavaros au Nord-Est de la Thrace.- *EIRENE* XXXI, 120-128

Сергей Агульников - Ст. специалист Археологического Национального Агентства Министерства Культуры, Образования и Исследований Республики Молдова. МД 2015, ул. Эминеску 50, г. Кишинев, Республика Молдова.

E-mail: www.agulnikov-budjak@mail.ru

Thracia Balcanica 1, 2022, 261-274

МИР-СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ И РАЗОРЕНИЕ МИКАЛЕССА В 413 Г. ДО Н.Э.[1]

World-systems theory and the sack of Mycalessus in 413 B.C.

А. Ю. Можайский
(Институт классического Востока и античности,
НИУ «Высшая школа экономики», Россия)

Ключевые слова: Пелопоннесская война, фракийцы, фракийские пельтасты, Микалесс, Беотия, Фукидид, Диитреф, школа, мир-системная теория.

Аннотация: в статье представлена попытка использовать модель «центра-периферии» мир-системной теории для анализа наиболее ужасного эпизода Пелопоннесской войны – разорения Микалесса. Показано, что перемещения людей и военных технологий из периферии в центр могли иметь не только положительный, но и отрицательный эффект. Афины повели себя по принципу «цель оправдывает средства», использовав фракийцев и расправившись с другими эллинами руками наемников. Как показывает топография и археология, Диитреф, вероятнее всего, готовил нападение заранее, использовав преимущества местности, чтобы его наемники, приближаясь к Микалессу, до последнего оставались незамеченными.

Key words: Peloponnesian War, Thracians, Thracian peltasts, Mycalessus, Boiotia, Thucydides, Di(e)itrephes, school, world-systems theory.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10001, https://rscf.ru/project/18-78-10001/**.** Идея данной статьи пришла автору давно, еще во время работы над диссертационным исследованием в 2007 году, и даже в малой степени была воплощена в следующих опубликованных тезисах: *Можайский А.Ю.*, 2017 Нападение фракийских наемников на беотийский Микалесс в контексте мир-системной теории.– *Наука, образование, культура. Международная научно-практическая конференция, посвященная 26-ой годовщине Комратского государственного университета: сборник тезисов*, 132-134. Однако, накопленный материал позволяет опубликовать более пространное, переработанное исследование. Автор выражает благодарность доценту, доктору Тошо Спиридонову за возможность участия в данном издании.

В статье представлена попытка проанализировать известный по описанию Фукидида (*Thuc*., VII, 29, 1-5) эпизод Пелопоннесской войны, когда в 413 г. до н.э. произошло разорение беотийского города Микалесса фракийскими наемниками афинян под командованием афинянина Диитрефа. На наш взгляд, использование модели «центра-периферии» мир-системной теории применительно к данному трагическому эпизоду позволяет ответить на вопрос: как могло произойти так, что Афины, будучи «школой всей Эллады»[2], оказались оганизаторами уничтожения не просто всего живого в Микалессе, но – по иронии судьбы – самой крупной школы (διδασκαλεῖον) этого беотийского центра, куда только что пришли дети, которые были вырезаны фракийцами.

Прежде чем исследовать эпизод с нападением фракийских наемников на беотийский город Микалесс в 413 г. до н.э., следует понять, кем же являлись фракийцы для греков в это время.

В западном научном сообществе относительно этого вопроса сейчас популярна адаптация модели «центра-периферии» как части мир-системной теории (мир-системного анализа). Наиболее популярная версия данной теории была разработана в 1970-е годы известным философом Иммануилом Валлерстайном (*Wallerstein I.*, 1974). Для нас центральным элементом этой теории является то, что она делит страны на центральные, полупериферийные и периферийные. Центральные страны – наиболее развитые, периферийные – сырьевой придаток центральных и полупериферийных стран, а последние иногда выступают медиатором между центральными и периферийными.

В 1990-е годы эта модель была использована при анализе Великой греческой колонизации. Здесь Греция является второстепенным, дочерним или вспомогательным партнером более продвинутых

[2] Здесь приведена аллегория на знаменитые слова «Погребальной речи» Перикла у Фукидида (Thuc. 2.41.1): ‘ξυνελών τε λέγω τήν τε πᾶσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν εἶναι, которые близко к тексту можно перевести следующим образом: «Будучи кратким, я говорю, что наш полис является школой (παίδευσιν) Эллады» (переводы с древнегреческого, кроме обозначенных иначе, выполнены нами). Παίδευσιν – существительное единственного числа, женского рода, винительного падежа от παίδευσις – в значении «средства обучения», см.: *Liddel H.G., Scott R.,* 1996:1287.

экономик Ближнего Востока. Однако, города-государства Греции, в свою очередь, смогли оформить второе центральное звено и эксплуатировали периферию к северу и западу от Эгеиды, которая была гораздо менее развита, чем они сами. Обобщая, модель «центра-периферии» означает, что центральные экономики сбывали высококачественные статусные блага (особенно драгоценности и даже военные технологии) в обмен на сырье из периферии (сельскохозяйственные излишки, металлы, рабов) (*Bintliff J.*, 2012:247).

В результате применения вышеприведенной теории к Средиземноморью, Фракия выступает периферией по отношению к центральным греческим государствам.

Что касается античной мир-системы, то исследователь Костас Влассопулос выделяет три разных мировых процесса: процесс перемещения людей, процесс перемещения товаров и процесс перемещения идей/технологий. Причем, эти три процесса не обязательно следует разделять. Могло быть так, что одни и те же агенты могли перемещать людей, блага и идеи/технологии в одно и тоже время (*Vlassopoulos K.*, 2007:295).

Эпизод с фракийскими наемниками позволяет взглянуть на эту концепцию под другим углом, поскольку он представляет не только перемещение людей и использование периферийных военных технологий в самом центре Эллады, но и иллюстрирует то, что подобные перемещения могли далеко не всегда иметь положительные последствия для центральных греческих государств. Обычно подразумевается, что центр выкачивает из периферии сырье и использует людские ресурсы периферии для своих нужд и улучшения жизни или же подчеркивается взаимозависимость центра и периферии. В условиях Пелопоннесской войны, когда одни греческие полисы вели тотальную войну против других греческих полисов, использование фракийских наемников повлекло за собой ужасную трагедию: на наш взгляд, один из первых, говоря современными терминами, террористических актов в западном мире, когда целью фракийской атаки стали не военные контингенты, а население города Микалесса, в том числе находившиеся в школе дети. Изучение этого трагического эпизода античной мир-системной истории тем более актуально, что не так давно, весь мир был свидетелем весьма схожей трагедии в

Беслане, когда в 2004 г. в школе №1 произошел печально известный террористический акт.

Перейдем к событиям 413 г. до н.э., которые передает историк Фукидид. Тогда в Афины прибыли 1300 фракийских пельтастов, которые должны были отправиться на Сицилию, но опоздали. У афинян было сложное финансовое положение, поэтому они решили отправить фракийцев домой, но чтобы по пути они причинили как можно больший ущерб беотийцам. Направить фракийцев на место афиняне поручили Диитрефу, который сначала высадился в Танагрской области и учинил там грабеж. Затем он «из евбейской Халкиды переправился при наступлении вечера через Еврип и, высадившись в Беотии, повел фракиян на Микалесс» (*Thuc*., VII, 29. 2-3, здесь и далее пер. - Ф.Г. Мищенко). Далее Фукидид продолжает описание следующим образом:

«Не будучи замеченным, Диитреф провел ночь подле святилища Гермеса, отстоящего от Микалесса стадий на шестнадцать, а на рассвете, напав на город, который был невелик, взял его, потому что жители не приняли мер предосторожности и не ждали, чтобы кто-либо мог так далеко зайти от моря вглубь материка и напасть на них; к тому же укрепления Микалесса были слабы, кое-где упали, в других местах низки, а ворота ввиду того, что жители Микалесса считали себя в безопасности, были открыты» (*Thuc*., VII, 29. 3).

Затем Фукидид передает нам собственно описание террора фракийцев:

ἐσπεσόντες δὲ οἱ Θρᾷκες ἐς τὴν Μυκαλησσὸν τάς τε οἰκίας καὶ τὰ ἱερὰ ἐπόρθουν καὶ τοὺς ἀνθρώπους ἐφόνευον φειδόμενοι οὔτε πρεσβυτέρας οὔτε νεωτέρας ἡλικίας, ἀλλὰ πάντας ἐξῆς, ὅτῳ ἐντύχοιεν, καὶ παῖδας καὶ γυναῖκας κτείνοντες, καὶ προσέτι καὶ ὑποζύγια καὶ ὅσα ἄλλα ἔμψυχα ἴδοιεν· τὸ γὰρ γένος τὸ τῶν Θρᾳκῶν ὁμοῖα τοῖς μάλιστα τοῦ βαρβαρικοῦ, ἐν ᾧ ἂν θαρσήσῃ, φονικώτατόν ἐστιν. καὶ τότε ἄλλη τε ταραχὴ οὐκ ὀλίγη καὶ ἰδέα πᾶσα καθειστήκει ὀλέθρου, καὶ ἐπιπεσόντες διδασκαλείῳ παίδων, ὅπερ μέγιστον ἦν αὐτόθι καὶ ἄρτι ἔτυχον οἱ παῖδες ἐσεληλυθότες, κατέκοψαν πάντας·καὶ ξυμφορὰ τῇ πόλει πάσῃ οὐδεμιᾶς ἥσσων μᾶλλον ἑτέρας ἀδόκητός τε ἐπέπεσεν αὕτη καὶ δεινή (*Thuc*., VII, 29. 4-5).

«Ворвавшись в Микалесс, фракияне стали разорять дома и святилища, избивать людей, не щадя ни старых, ни юных, а убивали вся-

кого встречного без разбора, и женщин, и детей, даже вьючный скот, и вообще все, что находили живого. Ведь, фракияне, когда осмелеют, становятся очень кровожадными, подобно настоящим варварам. Так и тогда фракияне повергли Микалесс в большое смятение и губили там все как только могли; между прочим, они напали и на детскую школу, наибольшую в этом городе и куда только что вошли дети, и всех их зарубили. Такое ужасное несчастье обрушилось на целый город, и не было бедствия столь тяжкого и столь внезапного» (*Thuc*., VII, 29. 4-5).

Как только фиванцы узнали о нападении на Микалесс, то пришли на помощь. Они обратили в бегство фракийцев и гнали к их кораблям до Еврипа. Потери фракийцев составили 250 человек, а у фиванцев – около 20 человек и один беотарх Скирфонд (*Thuc*., VII, 30. 2-3).

Виктор Хэнсон назвал фракийский рейд на Микалесс «древней версией нападения чеченских террористов на русскую школу в Беслане в начале сентября 2004 г.» (*Hanson V.*, 2005:179). В определенном смысле это верно, т.к. разница состоит лишь в том, что в современном мире большая роль отводится средствам массовой информации, и террористы это учитывали, в чем не нуждались фракийцы, которые сразу уничтожили своих жертв. Битва при Делии 424 г. до н.э. показала, что регулярные гоплитские сражения не могли принесли афинянам желаемого результата в отношении Беотии. В таком случае террор оставался единственным способом отплатить беотийцам за их рейды в Аттику и помощь Сиракузам (*Можайский А.Ю.*, 2007:130).

Что представляли собой фракийцы, напавшие на Микалесс в военном отношении? Фракийцы были пельтастами – носителями пельты – легкого щита из прутьев или кожи (*Van Wees H.*, 2008: 106). Именно этот щит дал название всему роду войск, который был распространен в северо-западной Греции, Македонии и во Фракии. Такие пельтасты могли представлять серьезную угрозу гоплитам. Типичная экипировка пельтаста – длинный дротик и короткий меч. Легкий щит позволял пельтастам выбежать вперед, бросить дротики и быстро ретироваться, что не давало возможности тяжеловооруженному противнику защитить себя. Особенно опасны пельтасты были для гоплитов, если последние не имели прикрытыми фланги (*Van Wees H.*, 2000:88). Ксенофонт упоминает (Hell., IV, 4.17), что лакедемоняне позволяли себе шутить над союзниками, которые

«боятся пельтастов, как малые ребята – буки» (пер. С.Я. Лурье). Однако, как видно, в нашем сюжете, фракийцы-пельтасты действовали не против военных подразделений, а против захваченных врасплох жителей города. Таким образом, в данном случае фракийцы должны были в основном пустить вход свои короткие мечи…

Фукидид характеризует фракийцев как очень кровожадных варваров, говоря о них следующими словами: τὸ γὰρ γένος τὸ τῶν Θρᾳκῶν ὁμοῖα τοῖς μάλιστα τοῦ βαρβαρικοῦ, ἐν ᾧ ἂν θαρσήῃ, φονικώτατόν ἐστιν («ведь народ фракийцев также, как и самые варварские (народы), пока не боится, бывает очень кровожадным» (*Thuc*., VII, 29. 4)[3]. Нам представляется, что данная фраза Фукидида уже сама по себе несет некоторое оправдание пагубных действий афинян по отношению к другим грекам, поскольку напрямую указывается, что фракийцы – кровожадный народ и именно в этом кроется главная причина произошедшей резни[4]. В этой связи, современные интерпретаторы данного события показывают, как Фукидид, вероятно, переносит прямую вину в резне с афинян на какие-либо другие факторы. Так, исследование Лизы Кэллет связывает резню в Микалессе со знаменитой «чумой»[5] в Афинах, последствия которой повлияли на склонность афинян принимать иррациональные решения, поэтому

[3] Φονικώτατόν в греческом языке является прилагательным единственного числа, мужского рода, винительного падежа, отражающим подверженность превосходной степени убийства, т.е. по сути – «устраивающий резню».

[4] При этом описание данного эпизода у Фукидида весьма строгое, лишено комментария и выражения каких-либо чувств. Таким образом, Фукидид сознательно не пытается вызвать эмоции у читателя относительно резни. Ср.: *Quinn T.*, 1995:572.

[5] В переводе Ф.Г. Мищенко данный недуг в основном называется «болезнь», однако встречается и перевод «чума». Тоже справедливо и для перевода Г.А. Стратановского. Равно и у английских переводчиков (Томас Гоббс, Бенджамин Джовет и Ричард Кроули) болезнь определяется как plague – «чума», «мор». Сам Фукидид называет постигшую афинян болезнь терминами «νόσος» и «λοιμός». В 2005 г. было проведено исследование, которое выявило схожесть между ДНК, выделенного из зубной пульпы трех зубов, которые были взяты из материала раскопок (отождествленных с погребенными, умершими от этой болезни) в Керамике (1994-95 гг.), и известным патогеном брюшного тифа, см.: *Papagrigorakis M.J., Yapijakis C.*,

моральная ответственность афинян за резню как бы исчезает (*Kallet L.*, 1999:223-244)[6]. Здесь же отмечены и финансовые трудности Афин, которые привели к этим иррациональным решениям. На последний момент обратил внимание еще Дональд Кэген в классической работе по истории Пелопоннесской войны. По мнению исследователя, именно финансовые трудности Афин косвенно привели к эпизоду с резней в Микалессе, который Кэген называет «самым страшным злодеянием в длительной и ужасной войне» (*Kagan D.*, 1992:293; *Kagan D.*, 2005:300). Кэген также отмечает, что нападение на Микалесс стало полной неожиданностью, поскольку город был далеко расположен от моря (*Kagan D.*, 1992:293). Далее исследователь лишь следует тексту Фукидида. Найджел Бэгнелл – профессиональный британский военный и историк – отмечает, что описание данного эпизода Фукидидом есть «пример того, что может случиться, когда цивилизованная армия привлекает менее цивилизованных союзников в качестве наемных войск» (*Bagnall N.*, 2004:231).

На наш взгляд, оба вышеприведенных исследователя сознательно или несознательно не освещают в достаточной мере один факт. Главным организатором нападения на беотийский город был афинянин Диитреф, и он прекрасно знал, кого ведет с собой. Фукидид совершенно четко показывает, что нападение на Микалесс не было стихийной резней. Ведь еще накануне вечером, чтобы остаться незамеченным, Диитреф переправился через Евбейский пролив и повел фракийцев на Микалесс. Афинянин с наемниками остановился в шестнадцати стадиях от города, провел ночь незамеченным и рано утром атаковал незащищенный город. Это был четко разработанный план, который афинский командующий исполнил. Поэтому исследователям,

Synodinos P.N., Baziotopoulou-Valavani E., 2006, 2006. Аргументы против отождествления болезни с брюшным тифом см.: *Shapiro B., Rambaut A., Gilbert M. T. P.*, 2006.

[6] Тем не менее, текст Фукидида дает основание полагать, что древний историк так или иначе связывает ответственность за произошедшее и с афинянами. Было подсчитано, что историк десять раз использует третье лицо, единственное число по отношению к Диитрефу в тексте VII, 29, 2-3, прямо перед описанием начала резни. Таким образом, Фукидид прямо удерживает Диитрефа в поле зрения, косвенно делая и его ответственным за то, что последовало (*Karkavelias N.*, 2015:67, no. 36).

которые намерены осветить эпизод с резней в Микалессе с позиции современной нравственности, трудно сказать, кто в данном случае менее цивилизован: афиняне, которые приказали Диитрефу нанести как можно больший урон беотийцам, сам Диитреф или фракийцы.

Кратко коснемся личности самого Диитрефа и посмотрим, что ее анализ может добавить в связи с нашей темой. Диитреф происходил из весьма значимой в политическом отношении афинской семьи. Известно, что брат его деда – Гермолик I, сын Евфена, «муж в панкратионе искусный» (ἀνὴρ παγκράτιον ἐπασκήσας) – сражался и отличился в 479 г. до н.э. в битве при Микале, а затем погиб в битве при Кирне с каристийцами, и, таким образом, упокоился в дали от дома (*Hdt*., IX, 105)[7]. Павсаний упоминает о статуе панкратиаста Гермолика наряду со статуей Формиона (*Paus*., I, 23, 10)[8]. Брат Гермолика – Диитреф I – был кандидатом на остракизм, вероятно, в 460-е гг. до н.э. (*Kakavelias N.*, 2015:64). Однако, более всего известен Никострат[9] – отец или дядя нашего Диитрефа – который был стратегом в 427/8 г. (*Thuc*., III, 75, 1), 424/3 г. (*Thuc*., IV, 119, 2), 423/2 г. (*Thuc*., IV, 129, 2; *Diod*., XII, 72, 8; *Plut*., *Nic*. VI, 4), 418/7 г. (*Thuc*., V, 61, 65, 69; Androtion *FGrHist* 324F41; *Diod*., XII, 79). Последний год – дата битвы при Мантинее, где Никострат и погиб. Аристофан называет его φιλοθύτην («любящий жертвоприношение») и φιλόξενον («гостеприимный») (*Ar*., Vesp. 81). С одной стороны, эти прозвища показывают нам контраст между Никостратом и Диитрефом, поскольку тот же Аристофан, вероятно, подчеркивает антисоциальный характер Диитрефа (см. ниже). С дру-

[7] ἐν δὲ ταύτῃ τῇ μάχῃ Ἑλλήνων ἠρίστευσαν Ἀθηναῖοι καὶ Ἀθηναίων Ἑρμόλυκος ὁ Εὐθοίνου, ἀνὴρ παγκράτιον ἐπασκήσας. τοῦτον δὲ τὸν Ἑρμόλυκον κατέλαβε ὕστερον τούτων, πολέμου ἐόντος Ἀθηναίοισί τε καὶ Καρυστίοισι, ἐν Κύρνῳ τῆς Καρυστίης χώρης ἀποθανόντα ἐν μάχῃ κεῖσθαι ἐπὶ Γεραιστῷ.

[8] τὰ δὲ ἐς Ἑρμόλυκον τὸν παγκρατιαστὴν καὶ Φορμίωνα τὸν Ἀσωπίχου γραψάντων ἑτέρων παρίημι.

[9] Данные краснофигурной вазописи также показывают нам некоего Никострата, быть может, тоже представителя рода Диитрефа. Однако эти вазы датированы 490-ми и 480-ми гг. до н.э., см.: *Beazley J.*, 1963:207 no. 139, line 1; 1635 no. 185, line 2; 298 no. 1, line 1; 361 no. 7 line, 1; 1603 no. 6, line 1; 337 no. 26, lines 1–2; 257 no. 6, line 1; 1635 no. 185, line 1. Такое имя было распространено в Афинах (*Kakavelias N.,* 2015: 62, no. 12).

гой стороны, прослеживается семейная традиция по отношению к чужестранцам, а может быть даже к близким к фракийцам людям или людям, имеющим интересы на фракийском побережье (уже Никострат командовал фракийцами). Какавелиас вслед за Сиарсом[10] предполагает тесную связь между Никостратом и Никием, т.к. они сотрудничали в последних двух кампаниях против Кифер (*Thuc*., IV, 53, 1), а также против Менды и Скионы (*Thuc*., IV, 129, 2), где оба были стратегами (*Kakavelias N.*, 2015:62). Это положение вполне могло быть правдой: оба стратега были соперниками Алкивиада[11]. Показательно, что Никострат прославился, в том числе, как прекрасный переговорщик вкупе с гуманистической инициативой. Так, Никострат убедил демократов не убивать их политических оппонентов на Керкире (*Thuc*., III, 75). Интересно, что Диитреф также показал навыки умелого переговорщика в деле переворота на Фасосе[12], однако по части гуманности эпизод с резней в Микалессе не оставил ему шансов, и мы скорее склонны воспринимать его как alter ego Никострата, с которым у него есть много общего при психологическом смещении в рамках антисоциального контекста[13]. Вероятно, не только резня в Микалессе могла повлиять на антисоциальную характеристику

[10] *Sears M.*, 2013: 83.

[11] Весьма вероятно, что род Алкивиада и род Никострата сильно соперничали в политическом отношении: если дем Никострата был Скамбониды, то сам Никострат и Алкивиад могли ежегодно соперничать за должность стратега (*Wade-Gery H.*, 1930:34, no.2.). Вероятно, это семейное соперничество могло повлиять на решение Диитрефа примкнуть к олигархам в 411 г. до н.э. (*Kakavelias N.*, 2015: 63).

[12] По сообщению Фукидида, в 411 г. до н.э. Диитреф был избран управлять на Фракийское побережье. Заговорщики отправили его (находившегося у Хиоса) на Фасос, где он и свергнул демократию (*Thuc.*, VIII, 64, 2): καὶ Διειτρέφη ὄντα περὶ Χίον, ᾑρημένον δὲ ἐς τὰ ἐπὶ Θρᾴκης ἄρχειν, ἀπέστελλον ἐπὶ τὴν ἀρχήν. καὶ ἀφικόμενος ἐς τὴν Θάσον τὸν δῆμον κατέλυσεν. Представляется, что не имей Диитреф личных связей в данном регионе, он бы не смог столь быстро сменить режим на Фасосе. Это, вероятно, должно было произойти путем переговоров Диитрефа со своими сторонниками и их соотечественниками.

[13] Платон называет Диитрефа критянином, т.е. чужеземцем в глазах

Диитрефа в афинском обществе. Существует эпиграфический документ – декрет, датируемый 408/7 г. до н.э. (*IG* I³ 110, 6 = ML 90) – где упомянуто, что некий Диитреф предложил, чтобы Ойниад из Скиатоса и его потомки получили *проксению* и представляли интересы Афин на острове[14]. Если это действительно наш Диитреф, то, несмотря на участие в олигархическом перевороте 411 г. до н.э.,

афинян. Цитата происходит из схолии к «Птицам» Аристофана (*Kakavelias N.*, 2015:72) (Av. 798b): Πλάτων δὲ ἐν Ἑορταῖς καὶ ξένον τὸν μαινόμενον, τὸν Κρῆτα, τὸν μόγις Ἀττικόν. Исследователи предполагают, что это также показывает его антисоциальность, поскольку, вероятно, прозвище отражает способность Диитрефа действовать не по-афински. Представляет интерес исследование Гросси (*Grossi G.*, 1984:521), которое, к сожалению, нам было не доступно, но информация о котором, почерпнута нами из статьи Какавелиаса (*Kakavelias N.*, 2015:73) и его диссертации (*Kakavelias N.*, 2014: 159). В исследовании говорится, что в данном фрагменте использование определенного артикля перед тремя эпитетами предполагает то, что в период создания постановки в афинском обществе такая характеристика Диитрефа была хорошо известна и речь идет не об этнической принадлежности, а о поведении. Глагол κρητίζω относится к определению обманщика, лжеца и прочих подобных характеристик. Некоторые исследователи полагают, что «критянином» Диитрефа могли назвать потому, что он был командующим над фракийцами, а они, как и критяне, были известны своим умением обращаться с луком (*Sears M.,* 2013:161). Какавелиас также отмечает, что Диитреф встречается у Кратина (K-A 251), где он представлен как бесстыдный жестокий человек, которого вызвали предстать перед морским судом, который в Афинах также рассматривал коммерческие дела и дела о незаконных гражданских правах, полученных чужаками. Какавелиас отмечает, что данный фрагмент может быть интерпретирован как аллюзия на то, что Диитреф воспринимался чужаком (схоже с определением, приписываемому Платону) и, таким образом, являлся упреком в его антиобщественном и высокомерном поведении (*Kakavelias N.*, 2015:73). В цитируемой работе Какавелиаса также разбирается вероятность того, что Диитреф, несмотря на свое происхождение, в сложной экономической ситуации времен Пелопоннесской войны был владельцем бизнеса по производству емкостей для вина (мы не беремся здесь делать предположений по поводу вида этих емкостей), и это отражает его интересы на Фасосе, Скиатосе и фракийском побережье.

[14] Различные точки зрения относительно данного декрета в связи с личностью Диитрефа и его должностью на тот момент– см. с указанием библиографии: (*Kakavelias N.,* 2015:73-74).

он не потерял своего влияния в Афинах. Таким образом, перед нами предстает фигура, принадлежащая к афинской политической и военной «косточке», но, у которой, как выразился Йохан Хёйзинга в труде «Осень Средневековья» о Шателене, «сквозь импозантный облик придворного… проступает грубый фламандец» (*Хёйзинга Й.*, 1988:107). Главное, что мы должны вынести из анализа личности Диитрефа, это то, что в глазах афинян, он (семейно-наследственно) специализировался на Фракии и имел политические связи в северной части Эгейского региона.

В отношении Микалесса остается решить еще один вопрос: как могло произойти то, что никто не смог заметить приближение 1300 фракийцев, так далеко идущих от моря вглубь материка? Ответить на этот вопрос нам поможет археология и топография. Р. Бак (*Buck R.*, 1979:15) суммирует возможные варианты местоположения Микалесса, однако наиболее аргументированно, на наш взгляд, локализует положение Микалесса Дж. Фосси (*Fossey J., 1988*: 80-85). Так, еще в XIX в. В. Лик предложил локализовать упомянутое у Фукидида святилище Гермеса с тем, которое описал Тит Ливий в связи с событиями 192 г. до н.э. (XXXV.50,9 – cum iam Menippus castra ante Salganea ad Hermaeum, qua transitus ex Boeotia in Euboeam insulam est, haberet), т.е. там, где переправа на Халкиду. В соответствии с указанием Фукидида, Лик поместил Микалесс в шестнадцати стадиях от этого святилища, в Мегало Вуно (Megálo Vounó) (*Leake W.M.*, 1835:251; *Fossey J., 1988*:84). Однако, Мегало Вуно – высота, которая находится в непосредственной близости от Евбейского пролива, с которой просматривается все побережье вплоть до Халкиды. Нам представляется мало вероятным, чтобы из Мегало Вуно не заметили приближение 1300 наемников. Кроме того, на Мегало Вуно присутствует значительная фортификация, в том числе классического времени, и это не было слабо защищенное место, как Микалесс. Мегало Вуно было крепостью стратегического значения, что определил С. Бакуйзен (*Bakhuizen S.C.*, 1970:89-92; *Fossey J., 1988*: 84). Если игнорировать сообщение Тита Ливия (ведь святилищ Гермеса в разное время могло быть разное количество) и исходить из текста Фукидида, то существует только одно приемлемое место в Танагрской области, подходящее для локализации Микалесса: это

поселение Ритсона (Rhitsóna), откуда нельзя видеть побережье и Еврипа из-за горной гряды Галатасидеза (Galatasídheza). Войско, которое продвигалось из Халкиды, было бы совершенно невидимым из Ритсоны до тех пор, пока оно не пересекло бы горный проход Анафорит (Anaphorítes), что как раз точно в шестнадцати стадиях (3 км) от Ритсоны (см. карты 3 и 7 в работе *Fossey J., 1988*:28, 69). На наш взгляд, это также объясняет неготовность жителей Микалесса к нападению фракийцев.

В заключении вернемся к мир-системной теории. Перемещения людей и военных технологий из периферии в центр могли иметь не только положительный, но и отрицательный эффект. В условиях тотального конфликта, которым являлась Пелопоннесская война, подобное взаимодействие и взаимовлияние различных культур привело к наиболее жуткому эпизоду данной войны – резне в Микалессе. На наш взгляд, ряд исследователей смещают акценты вины за содеянное с якобы «цивилизованных» Афин на якобы «нецивилизованных» фракийцев. Представители этих двух регионов, как составные части мировой системы, давно знали друг друга, взаимодействовали и получали профицит от такого взаимодействия, но в данном случае Афины повели себя по принципу «цель оправдывает средства»: использовав фракийцев, они расправились с другими эллинами руками наемников. В данном случае именно Афины как полис в целом и Диитреф с его связями на Фракийском побережье в частности были агентами перемещения периферийного насилия в Среднюю Грецию. Афины, имевшие славу «школы Эллады», оказались стоящими за уничтожением школы с детьми местного беотийского центра – Микалесса. Как показывает топография и археология, Диитреф, вероятнее всего, готовил нападение заранее, использовав преимущества местности, чтобы приближающиеся к Микалессу наемники до последнего оставались незамеченными.

Литература

Bagnall N., 2004 *The Peloponnesian War: Athens, Sparta and the Struggle for Greece*. London
Bakhuizen S.C., 1970 *Salganeus and the Fortifications on its Mountains.* Groningen
Beazley J., 1963 *Red Figured Vase Painters*. Oxford
Bintliff J., 2012: *The Complite Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD*. Oxford
Buck R., 1979 *A history of Boeotia*. Edmonton
Fossey J., 1988 *Topography and Population of Ancient Boiotia*. Chicago
Grossi G., 1984 Dietrefe e l'oligarchia a Taso. – *CS*, 21, 517-534
Hanson V., 2005 *A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War*. London
Kagan D., 1992 *The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition*. Ithaca / London
Kagan D., 2005 *The Peloponnesian War: Athens and Sparta in Savage Conflict 431-404 BC*. London
Kallet L., 1999 The Diseased Body Politic, Athenian Public Finance, and Massacre at Mykalessos (Thucydides 7.27-29). – *The American Journal of Philology*, 120/2, 223-244
Karkavelias N., 2014 *Studies in the Prosopography of the Four Hundred Oligarchy in Athens 411 B.C.* PhD thesis, Uiversität Wien.
Karkavelias N., 2015 Di(e)itrephes. – *Tyche: Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*, 30, 61-75
Leake W.M., 1835 *Travels in Northern Greece* II: Attica, Boeotia, Phocis, Locris and Euboea. London
Liddel H.G., Scott R., 1996 *A Greek-English Lexicon.* 9th ed. New York / Oxford
Papagrigorakis M.J., Yapijakis C., Synodinos P.N., Baziotopoulou-Valavani E., 2006 DNA examination of ancient dental pulp incriminates typhoid fever as a probable cause of the Plague of Athens. – *International Journal of Infectious Diseases*, 10/3, 206-214
Papagrigorakis M.J., Yapijakis C., Synodinos P.N., Baziotopoulou-Valavani E., 2006 Insufficient phylogenetic analysis may not exclude candidacy of typhoid fever as a probable cause of the Plague of Athens (reply to Shapiro et al.). – *International Journal of Infectious Diseases*, 10/4, 335–336.
Sears M., 2013 *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge
Shapiro B., Rambaut, A., Gilbert M. T. P., 2006 No proof that typhoid caused the Plague of Athens (a reply to Papagrigorakis et al.). – *International Journal of Infectious Diseases*, 10/4, 334–335

Van Wees H., 2000 The city at war. – *Classical Greece 500-323 BC* (R. Osborne ed.). New York, 81-110
Van Wees H., 2008 War in Archaic and Classical Greece. – *The Ancient World at War: A Global History* (P. de Souza ed.). London, 101-117
Vlassopoulos K., 2007 Between East and West: the Greek Poleis as Part of a World-System. – AWE, 6, 91-111
Wade-Gery H., 1930 The Year of the Armistice 423 B.C. – *The Classical Quarterly*, 24/1, 33-39
Wallerstein I., 1974 *The Modern World System*. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974
Quinn T., 1995 Thucydides and the Massacre at Mycalessus. – *Mnemosyne*, 48/5, 571-574
Можайский А.Ю., 2007 Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.03 / Можайский Андрей Юрьевич; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва (*кандидатская диссертация*).
Можайский А.Ю., 2017 Нападение фракийских наемников на беотийский Микалесс в контексте Мир-системной теории. – *Наука, образование, культура. Международная научно-практическая конференция, посвященная 26-ой годовщине Комратского государственного университета: сборник тезисов*, 132-134
Хёйзинга Й., 1988 Осень Средневековья. Москва

Можайский Андрей Юрьевич
Доцент: Факультет гуманитарных наук / Институт классического Востока и античности / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Образование, учёные степени
2007: Кандидат исторических наук: Московский педагогический государственный университет, специальность Всеобщая история (История древнего мира), тема диссертации: Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период
2004: Специалитет: Московский городской педагогический университет, специальность «История», квалификация «Учитель истории»

Профессиональные интересы
История и археология Греции от бронзового века до нового времени, топография и археологические памятники Беотии, история образования в Греции и Риме, археологическая теория, рецепция античной традиции, история античной металлургии и металлических артефактов.

Thracia Balcanica 1, 2022, 275-312

THE ROUTE OF ALEXANDER OF MACEDON IN THRACE

Tosho Spiridonov

Анотация: През 1975 г. Институтът по тракология при БАН провеждаше езиковедска експедиция в района на с. Могилица, Смолянско. След пристигането ми там организирахме теренно проучване, в резултат на което бяха открити няколко обекта, като най-важният сред тях беше светилището на вр. Ком (н. в. 1569 м) и път, който идваше от беломорския бряг и водеше към Пловдив. На вр. Ком бяха открити значителен брой керамични фрагменти, пръснати по целия връх. През следващата 1976 г. организирахме сондаж, ръководен от Р. Георгиева, а през следващата 1977 г. редовни разкопки; с това обектът стана първото високопланинско светилище, разкопано с редовни разкопки. Успоредно разкопките обикаляхме района и издирвахме други обекти – така беше открито тракийско селище в м. *Ръсильца*, както и едно по-малко светилище – в м. Светок Илия. Древният път беше публикуван през 1978 г., а по-късно в общата с проф. Ал. Фол монография от 1983 г. Интересът ми към района и пътя продължи, и през 1992 г. публикувах студия, посветена на пътя през античността и средновековието; през 2009 г., в отговор на различните публикации по въпроса, тезата ми беше допълнена.

В района е обитавало население от различни тракийски племена, които Херодот познава под името **сатри**. При своя поход към Тракия Александър Македонски тръгва на изток от Амфиполис, и достига до р. Места, от където завива на север към Родопите. Тук той преминава покрай дн. Ксанти, и през района на вр. Ком достига до прохода Рожен, след което по билото на планината Чернатица достига до района на Пловдив; при преминаването на Родопите Александър се отбива в светилището на Дионис, засега нелокализирано. След Пловдив македонската армия напредва към Хемус, която преминава или през прохода Шипка или през Тревненския проход, като достига до остров Певка, идентифициран с остров Белене. След битки с трибалите и кробизите, обитаващи района, Александър се завръща по пътя на Филип II през Софийското поле и по Места, към Амфиполис.

Ключови думи: поход на Александър Македонски, Родопи, връх Ком, Рожен, Чернатица, Пловдив, Стара планина, о. Певка

In 1975, the Institute of Thracology at the Bulgarian Academy of Sciences conducted a linguistic expedition in the area of the village of Mogilitsa, Smolyan region. Upon my arrival there, my colleagues told me about toponymic data suggesting an active life in the vicinity. Thus a field survey was organized resulting in the discovery of several sites, the most important of which were the sanctuary atop of Kom Peak (above sea level 1569 m) and a road coming the Aegean coast and leading to Plovdiv. A significant number of pottery fragments were found over Kom Peak, scattered throughout its area. In the following 1976 we did a trench, directed by R. Georgieva, and in the following 1977 - regular excavations; with this the site became the first alpine sanctuary explored through regular excavations. In parallel with these excavations, a field group surveyed the area in search for other sites - so a Thracian settlement was discovered in the locality of Rasiltsa, as well as a smaller sanctuary - in the locality of Svetok Iliya. The ancient road was analyzed in my dissertation in 1978, and then in the joint monograph with Prof. Al. Fol in 1983. Later, my interest in the area and the road continued, and in 1992 I published a study on the road in the Antiquity and the Middle Ages; in 2009, in response to various publications on the subject, my thesis was supplemented.

Today my thesis looks like this way. The area was inhabited by a population of various Thracian tribes (united or not), which Herodotus knows as Satrai. During his march to Thrace, Alexander the Great set out east of Amphipolis, and reached the Mesta River, from where he turned north to the Rhodopes. There he passed along the present-day Xanthi, and through the area of Kom Peak reached the Rozhen Pass, then along the ridge of the Chernatitsa Mountain he came the Plovdiv region; when crossing the Rhodopes, Alexander stopped at the Sanctuary of Dionysus, not yet localized. After Plovdiv, the Macedonian army advanced towards Haemus, crossing it either through the Shipka Pass or through the Tryavna Pass, reaching the Island of Peuke, identified with the Island of Belene. After battles with the Triballoi and Krobyzoi inhabiting the area, Alexander returned to Amphipolis along the road of Philip II through the Sofia plain.

* * *

Territory of the Satrai

The Satrai are first mentioned by Hecataeus as a tribe living in Europe but without locating it (FGrH I, 157 = St. Byz. 557, Meinecke = St. Byz.

S. V. Σάτραι); the information refers to the 6th–5th c. BC. Herodotus' description is more detailed and allows for a more accurate localization of this composite name. The population standing behind this name, occupied territories north of the tribes described and listed beforehand, which is explicitly emphasized by Herodotus (VII, 110). According to T. Sarafov, the expression "high mountains" should direct us to Rila, Pirin and the Western Rhodopes located to the west (*Сарафов Т.,* 1973:158/40); according to the author „le nom *Σάτραι* n'est pas le nom d'une tribu déterminée, mais bien la dénomination thrace des tribus montagnardes, s'appelant elles-mêmes et étant appelées aussi par des autres „indépendants", „libres" (*Sarafov T.*, 1972:116).

According to P. Delev, "both Hecataeus and Herodotus explicitly call the Satrai a tribe, but in Herodotus they clearly go beyond the circle of the other listed coastal tribes along the route of Xerxes' army" (*Делев П.*, 2014:433). According to the author, the "Thracian tribes through whose lands he passed are the following: Paeti, Kikones, Bistones, Sapaioi, Darsioi, Edonoi, Satrai" (*Hdt*., VII, 110; 112 – "mines employed by Pieres, Odomantoi and mainly Satrai"; he does not know the main part of the lands of the Satrai, but has only heard of them (*Hdt*., VII, 111 - "as far as we know"). Knowing about the Satrai in Pangaion, Herodotus perceived this as part of a tribal territory, when in fact it was a territory commonly inhabited by the three tribes - something usual at the time.

Herodotus does not call the Satrai a tribe, otherwise, as T. Sarafov says, he would explicitly mention it, "and he would not emphasize definitely that they live in the interior of the country among high mountains" (*Сарафов Т.,* 1974:151/33): "The Satrai, as far as we know, have not yet been conquered by anyone; only they of the Thracians have retained their freedom to this day, because they live on high mountains covered with various forests and snow, and are warlike. They wield the oracle of Dionysus, which is located on the highest mountain; the Bessoi of the Satrai serve as prophets of the sanctuary" (*Hdt*., VII, 111).

Considering the question of the Bessoi, P. Delev noted that the following phrase cause a problem: „... Βησσοὶ δὲ τῶν Σατρέων εἰσὶ οἱ προφητεύοντες τοῦ ἱροῦ; it can be understood alternatively either in the sense that the priests in the sanctuary belonging to the Satrai were Bessoi or that the Bessoi, who were part (branch, tribe?) of the Satrai, served as priests

in the sanctuary ..." (*Hdt*., VII, 111; *Делев П*., 2014:431). The analysis of the two proposed possibilities shows that both are exactly the same - the Bessoi are priests in the Sanctuary of Dionysus (*Спиридонов Т*., 1992; *Спиридонов Т*., 2009; other opinions on the location of the sanctuary see *Ботева Д*., 1996; *Тачева М*., 2007).

I cannot here ignore his claim that the Bessoi are absent from Mount Pangaion: "As far as the Satrai are explicitly attested in the area of Mount Pangaion (although with the clear idea suggested by his text that their main territories are in the high snowy mountains to the north, **the Bessoi are absent perceivably** (marked by me - TS) from his relatively detailed and comprehensive information about the population in the region of the Aegean Thrace; in such an interpretation of Herodotus' text, it could be assumed that their territories [of the Bessoi - TS] should be sought even further into the Thracian lands than those of the Satrai" (*Делев П*., 2012:11). Probably the author wants to substantiate in this way his thesis about the Sanctuary of Dionysus at Batkun, for which reason the territory of the Bessoi should be "even further into the Thracian lands"?

Herodotus does mention indeed the Satrai at Pangaion, but when it comes to the "gold and silver mines employed by the Pieres, Odomantoi, and mainly the Satrai" (*Hdt*., VII, 112), and we know from Arrianus that the Rhodopes were the main territory of the Satrai. In the text of Herodotus, the Satrai are actually mentioned in Pangaion, but only as people who use the mines in the mountains with their sanctuary (as there did the Bessoi probably serve?). Those familiar with the economic life of ancient societies know that there are sites such as mines, pastures, springs, etc. which were originally for general use; later they began to be seized and exploited mainly by state associations. In this case we are talking about mines that have been exploited by three tribes - Pieres, Odomantoi and Satrai. In addition, the division of the territory of the Bessoi from the territory of the Satrai is artificial precisely because of the text of Herodotus - the Bessoi are a priestly family among the Satrai who serve in the Sanctuary of Dionysus.

I was amazed by the amazement of D. Boteva, according to whom "there is no ancient author who locates in the Rhodopes either the Bessoi or the Oracle of Dionysus connected with their lands" (*Ботева Д.,* 2013: 91). And again, according to her: "It really makes an impression that both the newly grounded (*Делев П*., 2012:63-65), and the reconfirmed (*Спи-*

ридонов Т., 2009:55 with lit.) variant for localization of the Thracian Dionysus' Oracle, once again placed in the Rhodopes, although in anci-ent literature such a localization is absolutely unknown" (*Ботева Д.,* 2013:

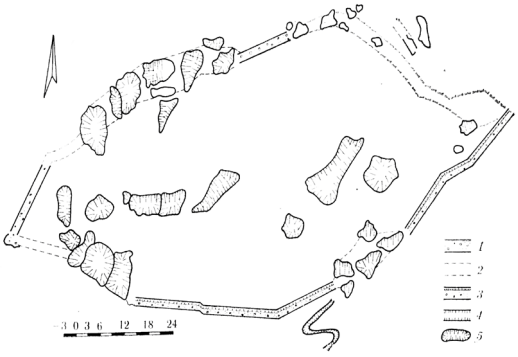

Stone circle - Ovchevo village, Dzhebel region

Stone circle - Golyama Zhelyazna village, Troyan region

93). I don't know how she imagines that it must have been written by the ancient author - maybe "the central sanctuary of Dionysus, which is located in the Rhodopes"? Let us think - if we think so, the Satrai also should not be localized in the Rhodopes. And since the Satrai according to Herodotus and according to Arrianus were in the Rhodopes, and the Bessoi were priests in the sanctuary of Dionysus, which belonged to the Satrai, where is this sanctuary according to D. Boteva? And how does Herodotus, not knowing well the region of the Rhodopes, know that near Etropole in Haemus was the Sanctuary of Dionysus? The same, by the way, applies to the localization of the sanctuary at Batkun, suggested by P.

The fortress on Videnitsa Peak

The wall on Videnitsa Peak. 1. Fortress wall; 2. A presumed fortress wall; 3-4. Trench; 5. Rocks (*Panayotov Iv.*, 1978:309, 312)

Delev, regardless of the concentration of sanctuaries in the area - an issue more related to research than to reality. Let me repeat once again that I do not locate the sanctuary of Dionysus somewhere specifically, because I consider that this is not possible at the moment, and such sanctuaries, as I have written, and I have always claimed, exist throughout Thrace! I would not be surprised if somewhere around Etropole there was a Thracian sanctuary, as they were on many mountain peaks. Does it mean that this was the spot of the Great Sanctuary of Dionysus, mentioned by Herodotus?

The simple summation of all the indicated points where sanctuaries have been discovered (let it be borne in mind that their final number is not known - according to K. Kisyov only in the Rhodopes they are 17?) shows that the reality is different. So far I know (and checked on the spot): a large round sanctuary with diam. 23 m near Ovchevo village, Dzhebel region (*Спиридонов Т*., 1996; *Спиридонов Т.,* 2009:49 et seq.); an elliptical sanctuary in Vetrilnika locality near Vasilyov Peak in the Balkan Range with diam. 13 m x 18 m (*Христов Ив*., 2007:54-55; *Христов Ив*., 1977:5–14); near Golyama Zhelyazna village, in the Gramaaite locality, near the Linzipar locality with diam. 21 m (*Спиридонов Т*., 2013:227-228); on Genevra Peak near the town of Peshtera, registered and excavated by K. Kisyov.

In 2020, D. Bayrakov's PhD thesis of *Mountain Sanctuaries in Southern Thrace* was published on the Internet, where the author analyzes the sanctuaries, including those in the Rhodopes, from the archaeological point of view. Despite the rather extended scope of the study, the text and especially the maps come as good grounds for further research in this scholarly field.

The earlier scholars are looking for the sanctuary atop of Videnitsa Peak (*Иречек К.,* 1974[2]:449 и сл.; *Велков Ив.*. 1933*; Миков В*., 1928/29:330; *Дечев Д*., 1904:74-78; *Panayotov Iv*., 1978); during my visit to this peak (height 1623 m.) I could not establish the presence, and even the possibility of such a large sanctuary. Other researchers moved it far to the northeast, in Prespa Mountain, on Enihan Baba Tepe *(Делирадев П.,* 1953/1956; *Миков В.,* 1928/ 1929) and others. It has long been impossible to establish exactly what happened over the Enihan Baba Tepe - the contemporary constructions of Turkish Tekke have covered everything; during my visit there I found only a few fragments of gray Thracian pottery.

The same is the situation on Perperikon (*Овчаров Н.*, 2005:195) where there was an ordinary settlement sanctuary. Apparently the sanctuaries were more than one, but the Bessoi of the Satrai served in one of them, dedicated to the god who was most venerable in this area, and because it was the largest one (obviously known to Herodotus), so he noted it in his History.

D. Boteva says that "in 2002 I had the occasion to remind that no ancient author specifies under what circumstances the Great General visited the Oracle of Dionysus (*Boteva D.*, 2002: 28)."Therefore, correctness requires to emphasize that the route of the Macedonian king in 335, which is no less problematic in itself, cannot be used as an argument in locating the Oracle" (*Ботева Д.*, 2013:95). In 2009 I wrote that "we should not expect that there (on the given archeological site - Sanctuary of Dionysus), we will find the inscription of "I, Alexander the Great, visited this sanctuary" (*Спиридонов Т.*, 2009:44). Contrary to D. Boteva, I accept as true that the layout of the road is the most important indication for the area in which the sanctuary is located. For neither the battles with the Maidoi in Western Thrace, nor the battle of Perinthos or the march to Persia enabled the Macedonian king to turn aside and pay a visit to the sanctuary; if there was a visit during these campaigns, it could be done only in Pangaion, which is not of the rank of the sanctuary in the Rhodopes. First of all, none of these battles was so close to the sanctuary located in the Rhodopes, and secondly, because none of these campaigns had the nature of a **ritual tour**, as had Alexander's expedition in Thrace. That is why the "Thracian campaign of Alexander the Great in 335 BC did not disturb the Getai political development in the second half of the century" (*Фол Ал.*, 1975:53), and not only of the Getai.

According to D. Boteva, M. Tacheva revived the tendency in historiography for the localization of the Bessoi in the "valley of the Upper Maritsa, the Western Rhodopes and partly the Middle Balkan Range", quoting Dion Cassius (2nd – 3rd c.) in ИСИГТМ, 1949:380 Note 34: "The Bessoi inhabited the valley of Upper Maritsa, the Western Rhodopes and partly the Middle Balkan Range" (*Ботева Д.,* 1996:23); the translation and notes are by B. Gerov. Thus D. Boteva confuses the late mention of the Strategia Bessike, which covered a much larger and different region, with the territory of the Bessoi (if such an area existed at all?) who since the time of Herodotus were located together with the Satrai in the Rhodopes; so when she says

that "... the ancient authors situate the Bessoi tribal massif in a wider area, almost always including parts of Haemus" she is wrong - the information refers only to the time when the strategii emerged taking the name of the most famous tribe in a certain area and time and with them designated a territory different from the one mentioned by the earlier authors; there is no evidence that Herodotus included parts of Haemus into the territory of the Bessoi as the mountain was unknown to him.

Here I must obviously recall once again that the ancient authors, many of whom did not know well the geography of ancient Thrace, often confused Haemus with Rila - enough examples, despite the claims of D. Boteva that the Greek authors knew Thrace well. Her argument that, according to Herodotus, the sanctuary is in the "highest mountain" but does not say that it is "in the highest part of the mountain" is unsustainable - Herodotus does not claim that the sanctuary is in the highest part of a mountain, but only that it is located in the highest mountain in the Rhodopes. Where exactly it was located, we may figure out when we ascertain exactly in which part of the Rhodopes was this sanctuary, which, at today's level of knowledge, it is impossible to say.

According to M. Tacheva, if "the Satrai as a collective ethnonym ruled Pangaion and the **only** (emphasized - TS) sanctuary known to Herodotus there is with Bessoi as prophets, we should assume that:

- In Pangaion the Bessoi royal-priestly family was on their own land;
- After the Greco-Persian wars and until the mid 5th c. BC, when Herodotus wrote his history, the Satrai inhabited Pangaion and its vicinity, most probably west of the river Nestos and the Thasos Peraia (Her., 7, 109, 2), along with the Pieres, Odomantoi, and Edonoi (7, 112)" (*Тачева М.,* 1995:11); P. Delev is obviously of a different opinion (*Делев П.*, 2012:11).

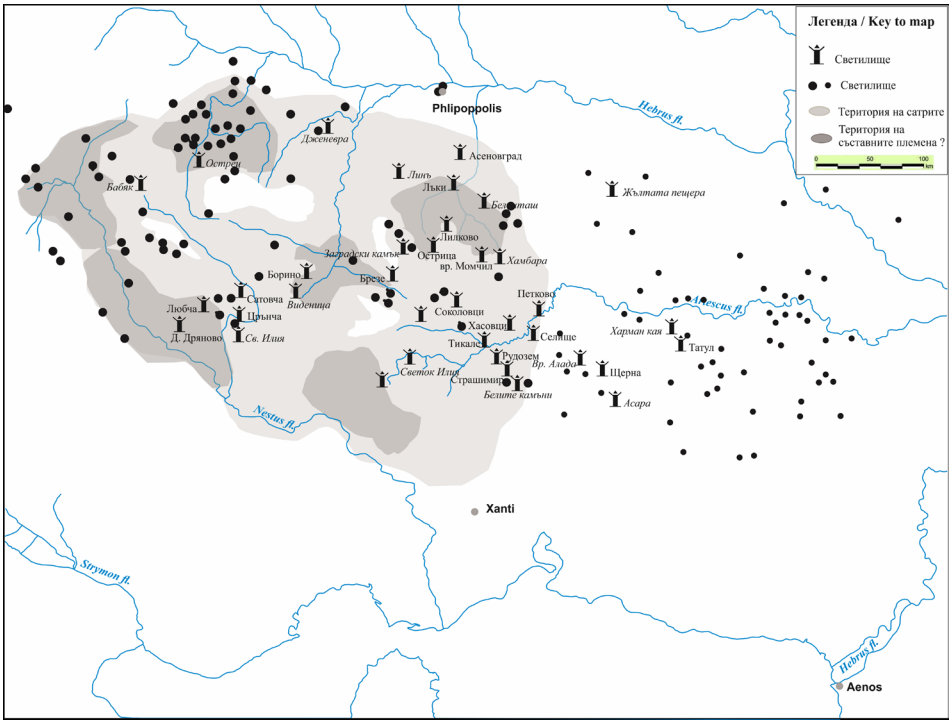
In the quoted passage (*Hdt*., VII, 112) the Odomantoi, Pieres and Satrai "inhabited" the area because they exploited the mines: "After he traveled this area [the area of Lakes Ismarida and Vistonida], as well as the lands inhabited by various tribes, including the Satrai (Hdt., VII, 110) -TS], Xerxes passed further the fortified places of the Pieres, one of which is called Phagret and the other Pergamum. Here his route was along the fortresses themselves; on the right he left Mount Pangaion, large and high, with gold and silver mines **exploited** (emphasized -TS) by the Pieres, the Odomantoi, and above all the Satrai" (*Hdt*., VII, 112; ИСИГТМ,

1949:31). And here we see the significant difference in the opinion of M. Tacheva and the text of Herodotus - according to her, the Satrai "inhabited Pangaion", and according to Herodotus' text, "the mines ... exploited ... above all the Satrai". Then author goes on to say at once that "the Bessoi were miners," which differs drastically from what Herodotus said, that they served as prophets in the Sanctuary of Dionysus (*Hdt*., VII, 111 - "the Bessoi of the Satrai serve as prophets in the sanctuary."); she supports this with the opinion that "the Bessoi have been attested by the ancient tradition in other, and to this day gold and silver mining areas in the Struma Valley, in the mountains between Mesta and Struma, in Haemus and the Rhodopes" (*Тачева М.,* 1995:11). I leave aside the question of the (non) logical question she derives about "the only sanctuary known to Herodotus located in Pangaion" (?), which is contradicted by the same author (*Hdt*., VII, 111), who says only that the Satrai live "high in the mountains", i.e. he does not know the main area of the Satrai, but knows about a large sanctuary that is located there.

Interpretations of the nature of the population included under the name of Satrai are different, especially the expression of "they have never been subjugated by anyone" - was it a tribe or was it a group of tribes called Satrai, similar to Triballoi or Getai? This can be confirmed in the view that just as there is no tribe of Odrysai, Triballoi or Getai, there is no tribe of Satrai (except in the text of Hecataeus), and the name itself disappears from the written sources after Herodotus. By the same logic, we can assume that the name of Dioi had for some reason replaced the name of Satrai, and after it the name of Bessoi became a common designation of all the Thracians. As I know the nature of the Rhodope Mountains, dotted with separate, in some places quite isolated valleys and fields, and have in mind its large territory, I share the opinion of T. Sarafov that Satrai is a collective ethnonym covering a group of tribes.

Network of sanctuaries

An important question is that of the spiritual culture of the Thracians, illustrated by the network of sanctuaries. I emphasize the term of *network*, which means two things: that there are many sanctuaries and that they probably served different groups of people. What are the grounds for such conclusions? First of all, the rank and the number of sanctuaries, which

Map of the sanctuaries in the Rhodopes
(After data of K. Kisyov, D. Damyanov, D. Bayrakov, 2020:591, map 1 and personal research)

include the ones of Belantash, Enihan Baba Tepe and others. In 1970s, the research brought to light new sanctuaries located on the peaks of the Rhodopes: on Svetok Iliya Peak near Arda village, Smolyan region, a large sanctuary in the area of Kom Peak east of Arda (*Spiridonov T*., 1977; *Спиридонов Т.,* 1992; *Спиридонов Т*., 2009) and many other places; this circumstance allows to set the question of the hierarchy of the different sanctuaries, depending on what needs they had to satisfy - ancestral / settlement, regional or tribal (*Спиридонов Т.,* 2013:96; *Спиридонов Т.,* 1998:145). D. Bayrakov also offers such a hierarchization of the sanctuaries (*Байраков Д*., 2020: 321), but the detailing that the author makes is based on an archaeological point of view; general activities do not help either (*Iliev Y.,* 2013). As the Thracian social and settlement system developed in most cases in separate valleys and hollows, the sanctuaries belonged to three main categories: 1. Ancestral / settlement - such are the sanctuaries

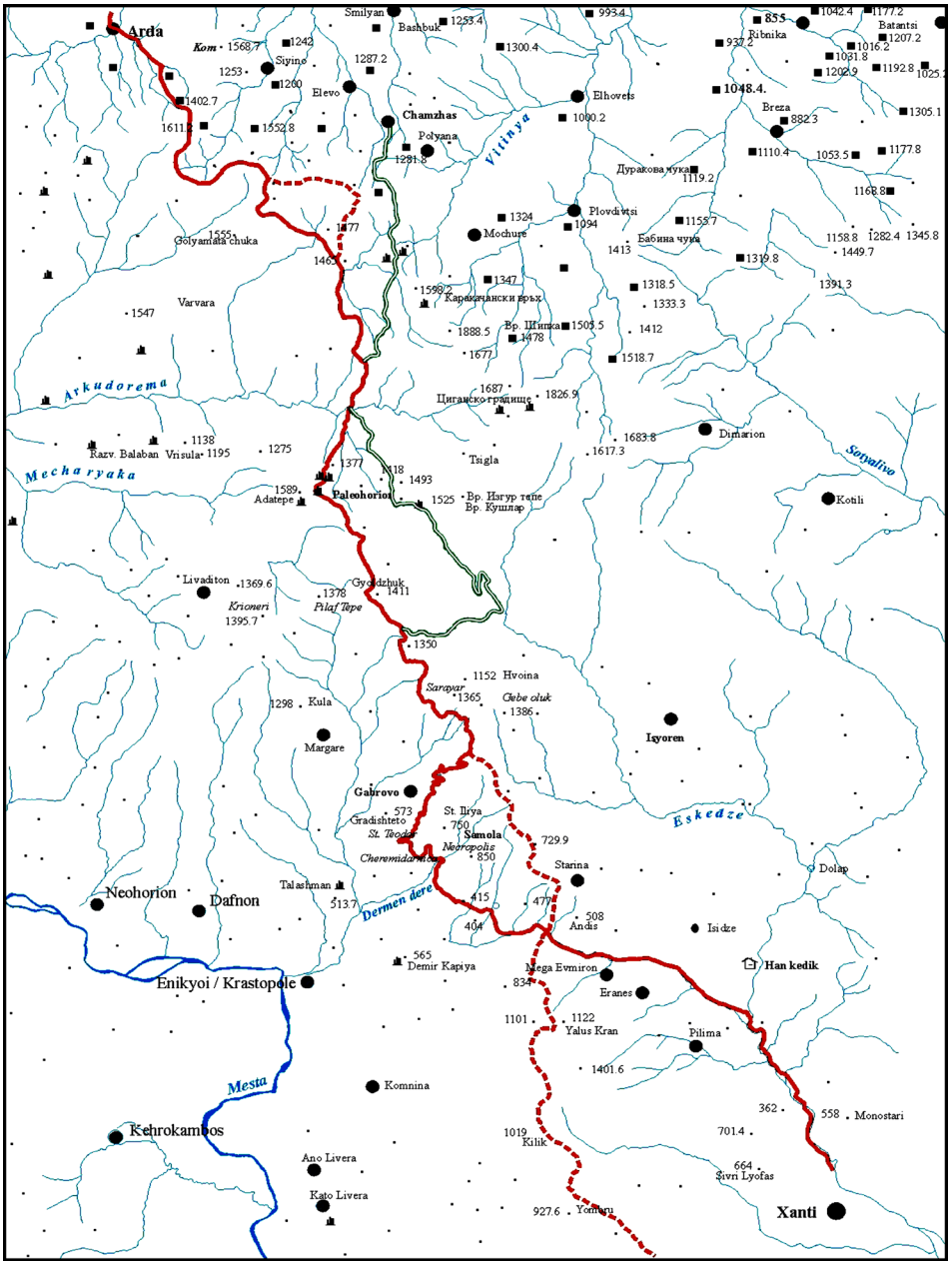
in Perperikon, near Arda village (Saint Elijah), near Tsrancha village, etc.; 2. Regional – for example such are the sanctuaries on Kom Peak, of Belantash, above Ovchevo village, Dzhebel municipality, in Pangaion, in Crestonia, etc.; 3. General Thracian ones - such is the Sanctuary of Dionysus, not yet localized.

During the survey of Kom Peak (1975) we found a large amount of pottery cord – marked in various variants. R. Georgieva's opinion that there was a seasonal settlement of a pastoral population at the top was not confirmed - compared to the site of Kom Peak, the site in the locality of Rasiltsa, near Arda village, located in a more convenient place for a settlement on 5 - 6 terraces, was covered with fragments of daub, not found at all on Kom Peak.

The route of Alexander of Macedon – Xanthi – Kom Peak

From the region of Xanthi the road to the north (the route is not surveyed) passed not far from the modern village of Gabrovo, near the first settlement of Samola and probably guarded by the fortress of Gradishteto. P. Koruev writes: "Along the northern border of the Gabrovo area, above the Mecha Ryaka River – a tributary of the Mesta River, there is a vaulted камерлия bridge on the road passing from there (друмът, жадето) to the Aegean Sea" (*Коруев П.*, 1984:66). Still another similar road and bridge exist west of Gabrovo, near the mills and over the Vodenichnoto Dere (Mill Gorge). Then the road continues northeast, to the area of Sarayar Peak, which was reached in less than two days. Further on, it was running to Adatepe (it is possible to have a fortress there – toponym of Paleochorion), or it passed east of this route, along the ridge (Drugution Peak, Izgur Tepe Peak = Kuşlar), descending down to the current of the present-day Melsika River. From this river the road continued north to today's Bulgarian-Greek border (running along the ridges); refugees from 1913 have been fleeing along this route to Chamjas - Bashbuk - Smilyan. However, the ancient road hardly went along this bed, but turned west-northwest - to the area of Sivino village and Kom Peak - the village of Arda, where it continued to the fortress of Kalyota near Mogilitsa.

There are three fortresses near the village of Krastopole (Eniköy) - Demir Kapiya, Talashman and Gradishteto. We can assume that both fortresses - Demir Kapiya and Talashman, belonged to the road along the

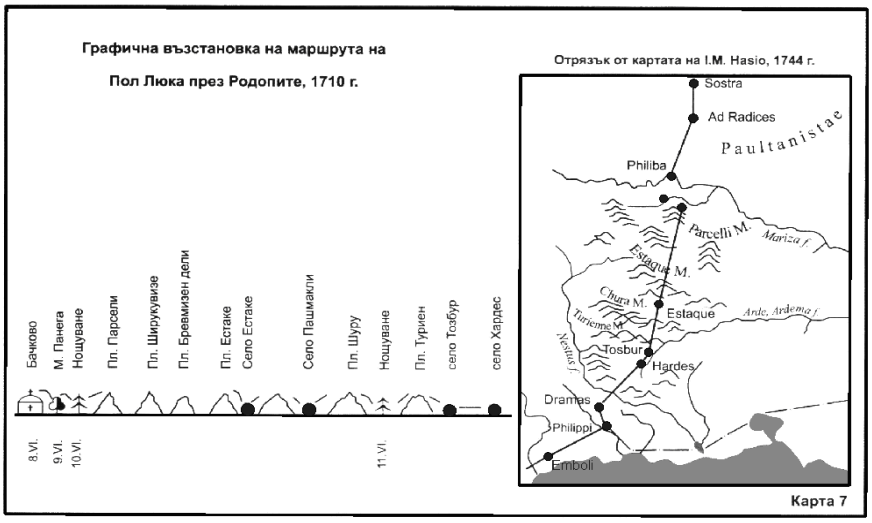
The southern part of the route of Alexander III through the Rhodopes

Mesta River to Drama, but the third one - Gradishteto - had nothing to do with this road, and most likely guarded a road running north. Here we have to add still another toponym – Keremidnitsa (Bulg., a derivative of roof tile) close to Gradishteto.

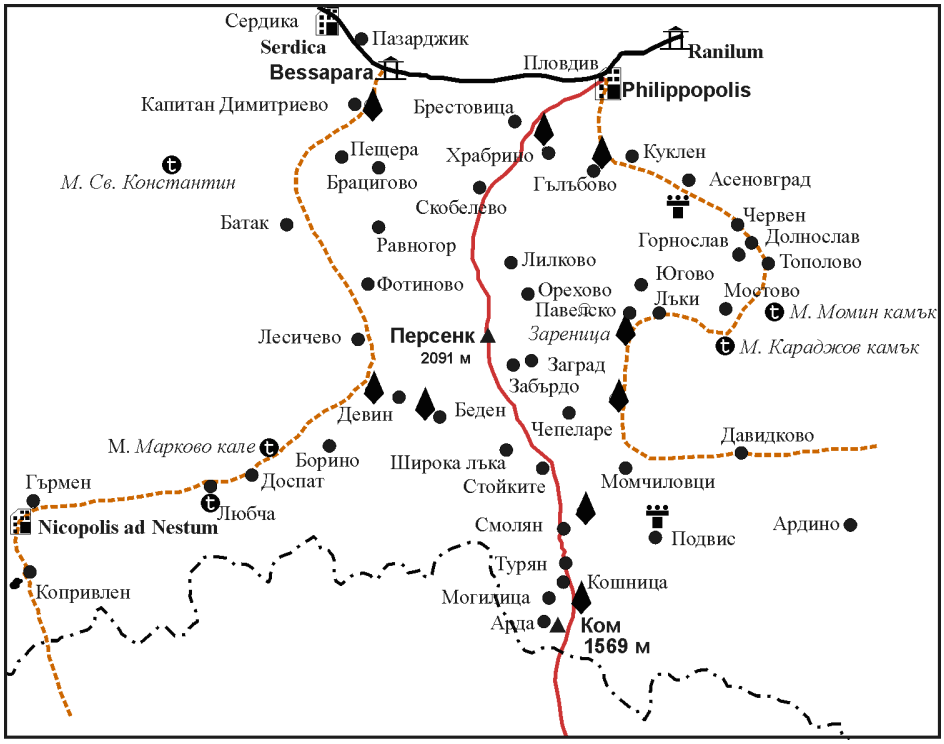
Many records testify to the antiquity of the village of Krastopole - the fortresses and the Roman road; a Roman tomb in the area of Gribnar; traces of a settlement in the area of Gradishte near the fortress of Demata; and three Roman water tanks with twenty steps each in the area of Kashtinkite (*Шалапатов Д.,* 2011:190-193). All data suggest the prospects of the area, still unexplored.

For completeness I have to note the opinion of Al. Fol that Alexander the Great followed the road to the Maritsa River, from where he headed north (*Fol Al.,* 1980); K. Yordanov follows the same route (*Йорданов К.*, 1984). This route is hard to prove, evident even from the fact that the movement along the Maritsa River could not but lead to the marking of the great river by the ancient authors - something we see in many other similar cases.

The road on which P. Luca passed in 1710, also marked by M. Madzharov, after the village of Arda (Hardes) goes to the mountain Jura and today's Drama (*Спиридонов Т.*, 1992:17-18, 31; *Спиридонов Т.*, 2013[2]: 309) and was walked during the Ottoman Age.

The route of P. Luca across the Rhodopes
(After Hasio I.M., 1744; Luca P., 1710; Спиридонов Т., 1992)

Map of the Central Road through the Rhodopes according to M. Madzharov
(According to Маджаров М., 2019)

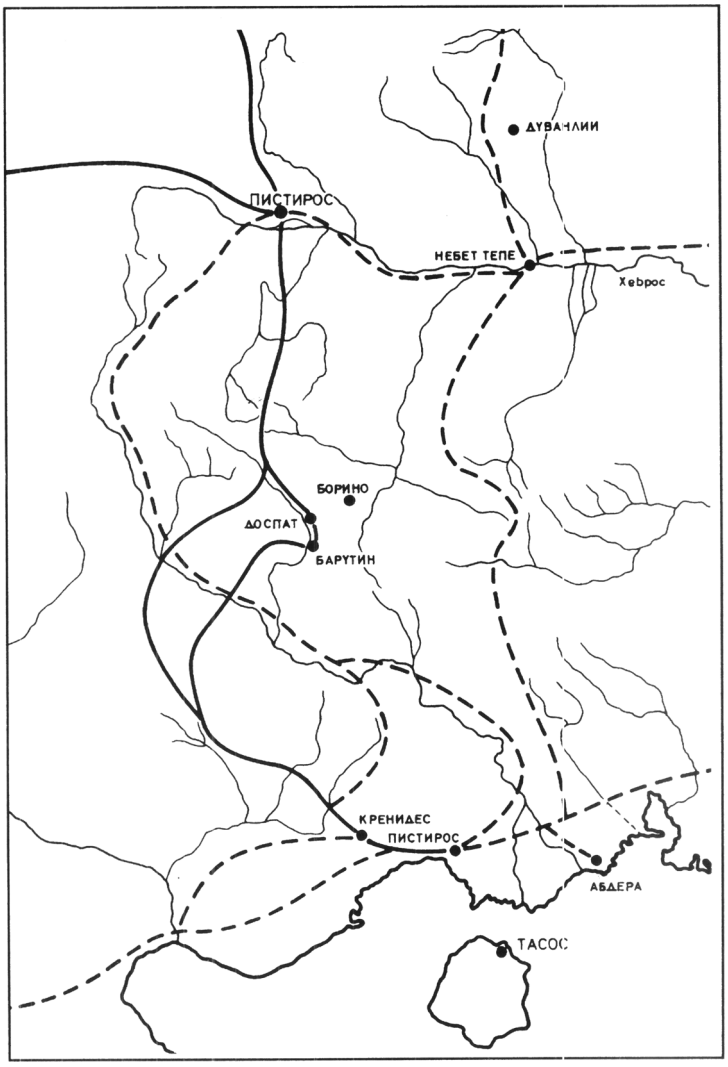
The route of Alexander of Macedon – Kom Peak - Plovdiv

The two most convenient and probable routes through the Central Rhodopes are known. One of them is running from the area of Videnitsa Peak to Peshtera - Bratsigovo along the Ridge of Batashka Mountain and was walked during the Pre-Roman and Roman Ages (*Spiridonov T.*, 1977). The second one, which is shorter, more convenient, and therefore the most important, passes along Kom Peak – Arda village – Mogilitsa village - Smolyan (through Rozhen / Pamporovo) - along the Ridge of Chernatitsa Mountain to Plovdiv or along the Ridge of Prespa Mountain - Topolovo village - Plovdiv (*Spiridonov T.,* 1977; *Спиридонов Т.*, 1992; *Спиридонов Т.,* 2013[2]) – a route bed passing along the Ridge of Chernatitsa Mountain, established in 1975; in the same year N. Petrova studied the Pamporovo - Persenk section in her article. Due to “patriotic motives”, D. Damyanov

and M. Madzharov suggest a different bed of this road descending to today's Smolyan: "In the most general plan after Pamporovo the direction of the road is to the south to the Smolyan Lakes area and the northern outskirts of the town of Smolyan. Before entering the town of Smolyan, the Roman road passed by the late antique fortress in the area of Turluka ... in the town of Smolyan, the Roman road crossed the Cherna River at the Beyski Bridge. A part of its stone pavement was preserved there until the late 20th century. After the Bayski Bridge, through serpentines the road climbed along Kainadinski Ridge to the west and along its summit reached the foot of Izvorets Peak. There the road made a big turn and changed its direction to the south. At Izvorets Peak there was a deviation from the Central Road, leading west to Mogilitsa village and from there to the south - to the springs of the Arda River. In 1706, the French traveler Paul Luca also passed along this deviation; he "... passed through the southeastern outskirts of Koshnitsa village and in a southern direction began to ascent along the mountain ridge to Kom Peak… continued to the south, passed west of Karaburun Peak and reached the southwestern foot of Kom Peak… from the southern foot of Kom Peak the road changed its direction to the southwest ... it reached Sedlovinata locality, where it crossed today's Bulgarian-Greek state border and entered the territory of the Hellenic Republic" (*Маджаров М.,* 2019). The author here repeats extensively what D. Damyanov said: "Today, three main roads are archaeologically registered, which pass through the Middle Rhodopes and connect the Thracian lowlands with the Aegean coast" (*Дамянов Д*., 2010:3).

I have to make a remark about the time when the mentioned roads were walked. While M. Madzharov and D. Damyanov talk about the roads from the Roman and Late Antiquity Ages, the roads I am considering refer to the time from the pre-Roman era; in a sense, these roads differ to some extent and were located in some of the sections in different geographical terrain, according to the building principles adopted at the time. In any case, the routes, with small deviations, are the same, and moreover, in the Rhodopes during the Roman Age there were no military units that would require the construction of roads convenient for the army.

M. Domaradzki also considered the road through the Rhodopes with the first publication on Emporion Pistiros (*Домарадски М.,* 1993:38-39). According to the author, since in the area of the Maritsa River upper reaches

Roads through the Rhodopes
(Домарадски М., 1993:38)

there is still another large trade and cultural center besides Philippopolis, i.e. Pistiros, he asks himself the question "how was it possible for the Greeks to pass unimpeded through the territory of the warlike Dioi, Satrai, and other independent Thracians" and for such reasons he supposes that the road passed from Pistiros on the Aegean coast - through Barutin / Dospat to Pistiros on Maritsa (maybe the Thracians were not so militant there?).

The answer to the question posed by M. Domaradzki can be found in the text of Herodotus, who describes the path that Xerxes took - such roads were neither destroyed nor sown by the Thracians (*Hdt*., VII, 114-115). Anyone who has studied historical ethnography knows that in ancient times there were sites considered common and all tribes used them - mines, pastures, roads, forests, etc. The fact that Attic pottery was discovered in the area of Dospat, Chavdar and Borino is not a reason to outline the main (if any) trade route through the area (*Домарадски М.,* 1993:39) - it is simply not worked actively enough on it.

Do we have archaeological confirmation of the roads through the Rhodopes? The answer is yes and includes:

● for the road Videnitsa – Peshtera - Bratsigovo we have the ruins of Videnitsa (*Миков В.,* 1928/1929), the Roman road along the ridge of Batashka Mountain and the Thracian fortresses on both sides;

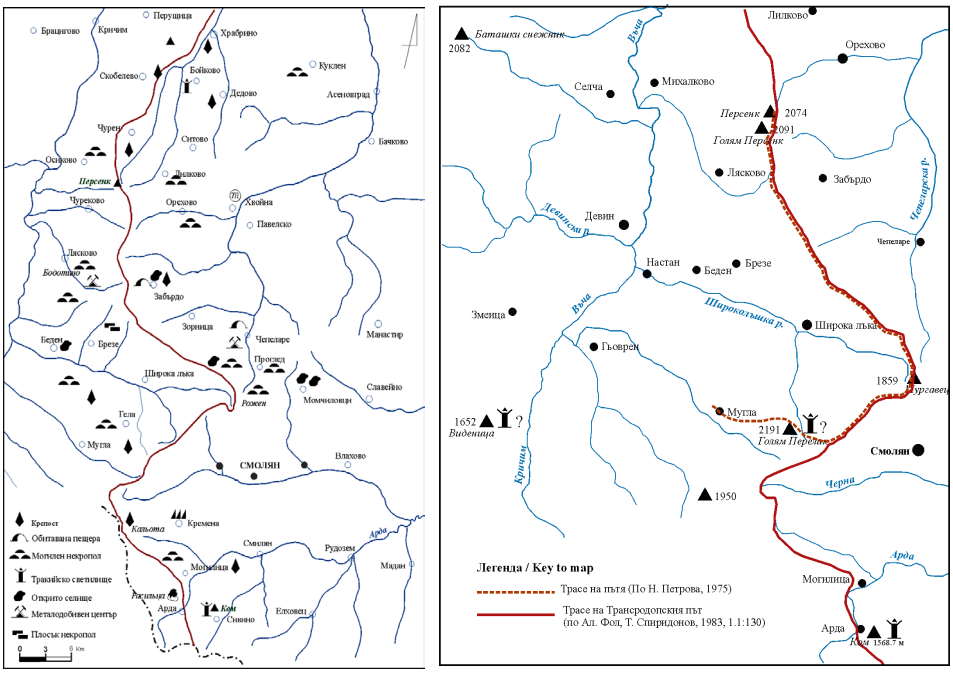
● for the area of Arda village - the remains of a Roman road in the border area, the two Late Antique fortresses near Koshnitsa village and the Kalyata locality near Mogilitsa village, a sanctuary on Kom Peak (*Spiridonov T*., 1977). The road leads to Rozhen Peak, where a tumular necropolis with an amber scarab has been excavated;

● from Rozhen in the direction to Topolovo village – the indicative finds are those from the village itself, as well as those from Manastir village, near which is the sanctuary on Enihan Baba Tepe Peak;

● the second road is running from Rozhen along the ridge of Chernatitsa - Persenk Peak - Modar Peak - the fortress near Skobelevo village *(Панайотов Ив.* и др., 1976; 1977; *Spiridonov T.*, 1977:228; *Спиридонов Т*., 1992; *Спиридонов Т*., 2013[2]).

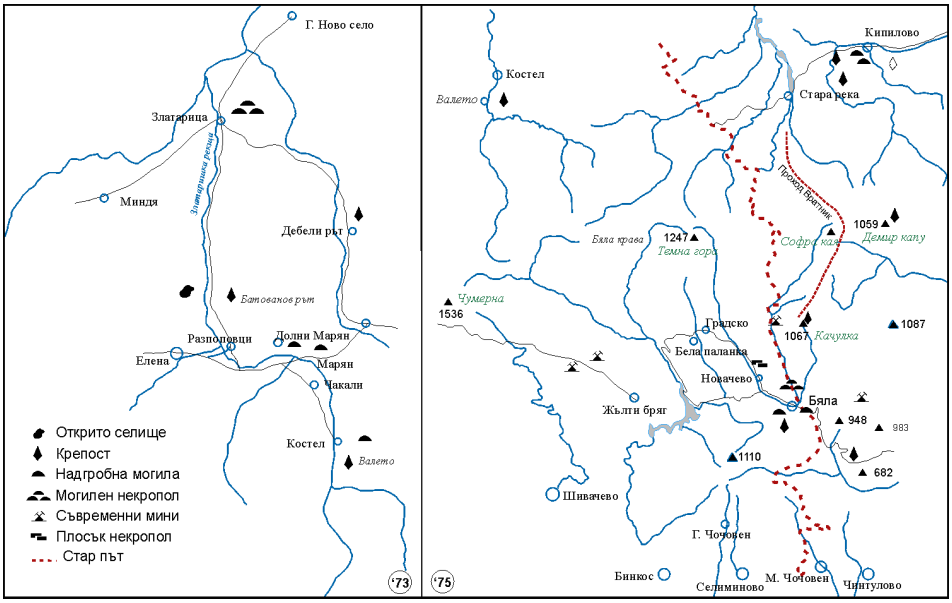
The trench and excavations directed by R. Georgieva (1976 and 1977) on Kom Peak showed that the conclusion defining the site as a sanctuary has been correct. The large amount of pottery, two knives, a fibula, a bracelet, a spearhead, arrowheads, coins (two of Abdera from the 4th c. BC, one of Roimetalkas from the early 1st c. BC, two Late Republican ones from 44 and 38 BC, of Alexander Severus and Constantius) and a pot from the 7th c. BC give grounds for such a confidence. According to the author, the initial date of human presence at the top takes the time of the 9th – 8th c. BC, after which it was interrupted until the 4th c. BC and subsided by the 2nd c. BC (*Георгиева Р*., 1980:76).

During the period of 1975 - 1978 it was established that the road goes from Arda village - Varat locality - Kalyota Fortress and from there - to Pamporovo, and then it takes the ridge of Chernatitsa to Skobelevo village and Plovdiv. After the settlement near Arda village the road is marked by Kalyota Fortress, a necropolis located in Bardoto in the area of Mogilitsa village, a burial in an urn with two handles near the mouth, small in size and decorated with a cord-pattern, as well as by the Rimski Grobishta locality, where human bones were found during plowing *(Спиридонов Т.,* 1977). After the Kalyota Fortress the road has not been surveyed, but a significant concentration of sites along its bed has been registered (*Найденова В*., 1970; *Деянова М*., 1970; *Петрова Н*., 1975; *Панайтов Ив., и др*., 1982), as well as toponymic observations (*Саламбашев Ан.*, 1976:16) and reports by Iv. Velkov (*Велков Ив.*, 1947). In 1975, in N. Petrova's article, the section of this road for the region of Persenk - Murgavets - Mugla - Perelik was studied (*Петрова Н*., 1975:96).

Map of the Central Road through the Rhodopes and the archeological sites around it

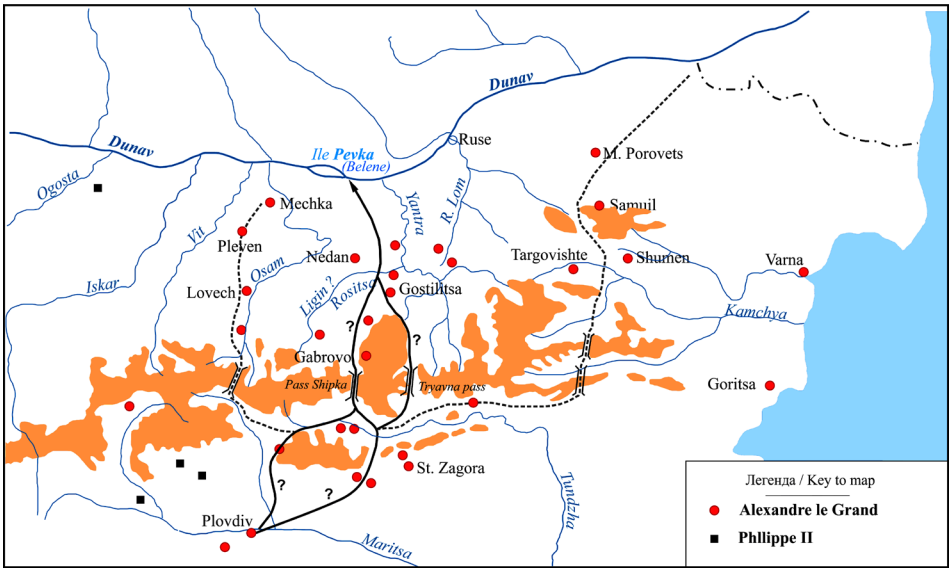
We find some later data about this road, from the time of Philip V (221-179 BC), who, according to M. Tacheva, "invaded the Bessoi lands, coming from the Denteletai" (*Тачева М.*, 1995:12). According to the text of Polybius, however, Philip V, "crossing Thrace in the middle of it [abandoning the Greek towns, including Enos and Maroneia], he invaded the land of the Odrysai, Bessoi and Denteletai" (*Polib.*, XXIII, 8) to reach Philippopolis, where he fought battles, and then, ravaging the area, retreated to the lands of the Denteletai.

Maps of the roads through the Balkan Range
(According to Спиридонов Т., 2013[2]:8, 67)

The route of Alexander of Macedon – Plovdiv – Island of Peuke

The road outlined in this way reaches Plovdiv. From there it heads north, and according to the coin finds the road was probably divided into three, the main one being the middle bed; it seems possible that these routes came as a result of an inaccurate interpretation of the coin finds left by Philip II and Alexander III, but they outlined such a picture in 1977. If we look at the distribution of coins according to J. Iliev (2010: 24-26) we will see that they have increased with only one more coin find of Philip II and three more of Alexander III - at Dabene, Alexandrovo and Turia.

Map of the route of Alexander III through Haemus according to the coin finds
(According to Spiridonov T., 1977:229)

All the battles of Alexander III in Thrace during the campaign were provoked by the local tribes and were not his goal. Obviously, his goal was to confirm the lands conquered by his father and to arouse respect of the locals, not to conquer them. Therefore, I cannot accept the objections of K. Yordanov (*Йорданов К.*, 1984: 113) that the division of his army into three columns, as the coin finds indicated at the time, meant the conquest of the local population. On the contrary, it is division that means covering more space and demonstrating power to a larger number of people. K. Yordanov himself has not engaged in the route of Alexander III - for him the king "followed the famous routes from the Persian campaigns to Macedonia and Greece, of Sitalkes and naturally of his father Philip. Thus he reached the Sliven Balkans, and along the Thracian fortress near Malak Chochoven village, Sliven region passed near Byala village, the basin of the Zlataritsa River, the fortress near Kosten village and came to the valley of the Yantra River (*Fol Al.,* 1980:131-133)"; the author simply repeats the **then known** route, part of which I outlined during the expedition to the Elena Balkans in 1973, and later continued my observations in the Sliven Balkans in 1975 (*Лилова Б.*, 1973:105-106; *Мегалити*, 1976:173-174; *Спиридонов*

T., 2013[2]:7-8, 62-67). The route (of the middle column) of Alexander III went out along the Yantra River and from there - to the Island of Peuke. Whether this route passed Gabrovo (Shipka Pass) or Tryavna (Tryavna Pass, surveyed in 1992) in this case does not matter much - both routes reach the area of the Yantra River and from there - to the Belene Island.

Testimonia post-antique

The employment of various late in date sources in the analysis of problems of the Antiquity is possible (*Spiridonov T*., 1995; *Spiridonov T*., 2007; *Спиридонов Т*., 2010; *Спиридонов Т.,* 2011), but only when there is a certain connection between the data from them and the data from the Antiquity. However, I do not find such a connection when using a Turkish register in the text of D. Boteva-Boyanova, who obviously supports the opinion expressed by M. Domaradzki that the road of Alexander III passed through Pistiros (*Домарадски М.,* 1993:34) and then to Haemus (Arabakonak Pass).

According to the author, one of the arguments to consider the road near Baba Peak, located south of Etropole, as a road walked by the Macedonian military leader is that the inhabitants of Jedrepole (now Etropole) were *derventzhii* during the Ottoman Age who guarded the road passing under Baba Peak and today's Mirkovo village and leading to Septemvri town; according to the researchers, this road system functioned in the 14th and 15th centuries. At that time, **all** the Balkan passes were guarded by *derventzhii*, so this argument has little probative value. D. Boteva suggests that "*this* [functioning of this road system - TS] *is valid for the earlier centuries as well, as these are traditional routes*" (*Ботева-Боянова Д*., 2014:13-14). It is possible, but the author does not provide any evidence that the road has been used traditionally since previous centuries, even more than the 4th c. BC - e.g. coins of Alexander III, or a map of the ancient settlements along the passage (which requires surveying). As for the possible mountain "ambushes", the route Pistiros > Baba Peak > Etropole does not save them at all.

According to a popular text, "The village of Stargel is located below the highest peak in the vicinity - Zvezdets Peak (1655 m). During the Turkish joke, a five-pointed star-shaped fortress was built on the top of Zvezdets, on the site of an old Thracian-Roman fortress, for which the peak was named Yeldaz Tabia (Star Trench) or Yaldz Tavla. On the west

Fragment from a map of the Militärgeographisches Institut, 1918
(Sheet 241, Pleven)

and east side of the peak there are two very low saddles - Arabakonak and Etropole saddle. The Roman road Kaldarmata (Roman *Drum* = Road, Etropole Pass) was running through the village being the main crossing from Southern to Northern Bulgaria until the construction of the Arabakonak Pass by Mithad Paşa in 1866. The Etropole Pass has been used since the time of the Thracians, as evidenced by the Thracian tumuli in the areas of *Gyola, St. Elijah* and *Butsata* close to Stargel village.

In ancient times, the route of the Etropole Pass was quite different from the bed of the dirt road that connects the two settlements today. From the area of Selishteto located at the southern foot of the mountain, the old Roman road climbed the Krasta Ridge to the north, reached the meadow of the same name – Krasta, and from there continued to the Ushite Peak

(1283 m). Threading through the Ushite locality, the road crossed the *Radina* area to the north and climbed to the springs of the Suhata River - one of the initial tributaries of the Bunovska River. Today, at the springs of the Suhata River, the Kom - Emine tourist trail reaches the abandoned bed of the old Roman road.

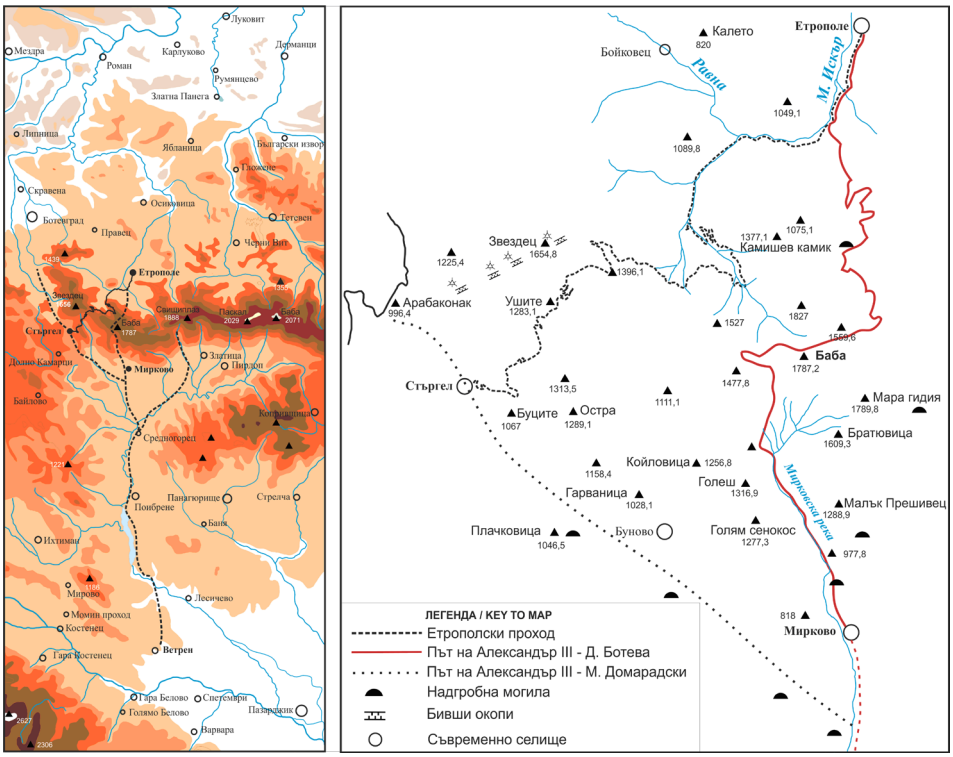
The pass is 23.1 km long and the altitude of the saddle is 1401 m.

The pass [from the northern side - TS] begins from the valley of Suha Reka (left tributary of Malki Iskar) at 648 m above sea level and with many turns, serpentines and a large slope after 13.3 km climbs the saddle at 1401 m above sea level, located east of Zvezdets Peak. From there, the road continues in a southwesterly direction along the southern slope of the mountain and after 9.8 km descends to the center of Stargel village, located in the northern part of the Kamarska valley, at 849 m above sea level (*Стъргел*, 2019).

Let us analyze the map of the region of Vetren - Baba Peak - Etropole. There, as D. Boteva notes, two famous passes run - at Zlatitsa and Etropole; I would also add the Arabakonak, according to the version of M. Domaradzki. The Zlatitsa Pass falls off not because it is impossible, but because the author tacitly refuses to recognize it as conceivable for the passage of Alexander III, as well as the Arabakonak Pass. As can be seen from the text above, the Etropole Pass was the most frequently taken before the road through Arabakonak constructed by Mithad Paşa in 1866. We have even references of a pavement from the Roman Age, which is a subject to inspection by archaeologists, as well as tumuli in the area, some of which are marked in today's topographic maps.

The road marked by D. Boteva, which corresponds to the text in the Turkish register for proximity to Baba Peak, after leaving Etropole, turned south along the Malak Iskar River and headed towards Baba Peak (1787.2 m), passing it on its western side, then through the Chichulets locality and along the Mirkovska river it descended to Mirkovo village. Such a road does not exist today - it is a mountain track, probably walked by locals, but marked on the Austrian map of Eastern Rumelia from 1918; the same road (path) is marked on a Russian topographic map (sheet K-34-048-4, published in 1989).

During the Russo-Turkish War of Liberation (1877-1878), the left column of the Western Detachment of General Gurko took the same road

Map of the region Vetren - Etropole
(According to Boteva-Boyanova D., 2014:14-19; sheet K-34-048-4)

from Etropole to the villages of Bunovo and Mirkovo; this part of the Russian detachment, which passed closer to Baba Peak, was caught in a snowstorm and forced to return to Etropole and to deviate through the Zlatitsa Pass; today, near Baba Peak, there is a memorial plaque in memory of the frozen Russian soldiers.

Possibly there are Thracian settlements along this road/ path that are not known to me (the so-called Archaeological Map of Bulgaria is not available to me), unlike the road Mirkovo - Bunovo - Stargel, with the tumuli marked on the map.

The road proposed by D. Boteva (height about 1500 m), as well as the Etropole Pass (length 23.1 km, height 1400 m), differ in height from the Arabakonak Pass - height 996 m or the Shipka Pass - length 29 km, height of the saddle - 1195 m. Passing through the area in question, the Macedonian army would make a sharp turn to the northwest (not to mention

the road through Arabakonak), followed by another turn to the northeast in the Danube Plain to reach the Danube River.

If the author thinks that the route she proposes is safer than the Balkan passes where "... the Macedonian army would be easily vulnerable", then how will she interpret her text: "the readiness to organize ... ambushes on the Thracian side ... documented in Arrianus' account of Alexander's movement to the "top of Haemus"… the ancient text contains the suggestion of repeated (not once!) Thracian attacks against the Macedonian army on the way and through Haemus to the top of the mountain" (*Ботева-Боянова Д*., 2014:19)? The archaeological excavations at St. Atanas Peak, conducted by A. Petrova *(Петрова А.,* 2013: 37-60) reveal that "the foundations and fragments of frescoes of a church built probably in the 17th c. and rebuilt in the second half of the 18th c." were discovered on the site *(Ботева Д.,* 2013:94)*;* after this evidence, all reasoning remains a futile effort to prove the author's thesis. The maps and their analysis show that the probability that the road indicated by D. Boteva was used by Alexander III tends to zero.

The problem of Peuce

The problem arises while analyzing the route of Alexander of Macedon; it relates to the reference of the Getai located on the northern bank of the Danube. This question does not create special problems in Bulgarian historiography, but in the foreign one it is the basis of far-reaching conclusions.

According to M.E. Tkachuk, (monuments of) the Getai first appeared on the territory of present-day Moldova (and its neighboring lands) in the 6th c. BC, and the mass settlement - in the 5th c. BC: "(The first monuments of Getai culture appeared north of the Danube not earlier than the late 6th c., and the mass settlement of the Carpathian-Dniester lands by the Getai occurred in the late 5th c. – *Ткачук М. Е.*, 1999:300)". Such a picture, according to the author, stands out after Darius' campaign against the Scythians and his retreat. What data does the author rely on?

According to him, "the Getai were mentioned for the first time on the left bank of the Danube four years after the Scythian-Macedonian conflict, that is, in 335, which was the year of Alexander the Great's march to the Danube. According to Strabo and Arrianus, recounting the memoirs of

Map of the Peuce Island at the mouth of the Danube

Ptolemy Lagus, a direct participant in the events, the Triballoi lived on the Lower Danube, up to the island of Peuke (Arr., 1, 2-4; Strabo, VII, 3, 8), and the area of their domination included the territories beyond Istros, inhabited by Getai (*Strabo*, VII, 3, 8)" (*Ткачук М. Е.*, 1999:276). Obviously the author is wrong - the mention of the northern lands is only in connection with the battle at the Island of Peuke to which the eastern borders of the Triballoi reached. The question is where is this island?

Concerning the Peuke Island, the reader can find sufficient research in Romanian (*Pârvan V.,* 1926:46; *Moscalu E.,* 1983:205) and Bulgarian literature; M.E. Tkachuk himself cites (unfortunately) only the Romanian one, and apparently does not know what has been achieved in Bulgarian literature. Despite the works of the Romanian (and Bulgarian) authors, M.E. Tkachuk trusts E. Polashek (RE, 1938:1382-1390), Strabo and Arrianus more. But nowhere in his description does Arrianus locate the Peuke Island: „Syrmos, the King of the Triballoi, who had learned earlier of Alexander's campaign, sent the women and children of the Triballoi to Istros and ordered them to cross to one of the islands of the river; the name of the island is Peuke" (*Arr.*, Anab., I, 2). On the contrary, when he writes about the Istros River, „which is the largest one of Europe's rivers and flows through the most lands… at last the Scythians to the end, where it flows

into the Euxinus Pontus by five mouths" (*Arr*., Anab., I, 3), he does not mention of Peuke Island at all next to the mouth of the Istros River; the text locates the Scythians north of the Istros River. So it is one thing to have significant Getai fortifications near Novoselskoe and Orlovka (*Бруяко И.В., Кожокару В.А.,* 1990:142; *Ткачук М.Е.,* 1999:289), but it is another who the political ruler was at that time in the mentioned lands, and these were the Scythians. As for the name of Peuke, which stood at the mouth of the Danube, it is known that the word comes from the Greek name of Πεύκη meaning *pine*, and is hardly the only island that existed at that time under the same name. The name is associated with the dense forests covering the island. It is known to the ancient and early medieval authors - *Apollonius of Rhodes* (3rd c. BC), *Pseudo - Scymnus* (2nd c. BC), *Pliny the Elder* (1st c.), *Claudius Ptolemy* (2nd c.), and *Ammianus Marcellinus* (4th c.); the island does not exist today due to the drying up of the southernmost arm of the Danube Delta (*Певка*, 2020).

The existence of an island of the same name in the Danube Delta is not a surprise, given the naming of settlements, rivers and other sites according to the geographical features of a certain area. However, this does not mean that the mentioned name is the only one and it is necessary to look for a "suitable" place, which ancient authors have made references to. On the contrary, the ancient written sources included the names of sites related to certain actions - military or political, which happened in their vicinity. Such is the case with the Peuke Island connected with the battle between the Macedonians and the Triballoi, and the Bulgarian historical literature definitely associates it with the today's Belene Island.

* * *

So, the different attempts to "lead" Alexander of Macedon along different routes through Thrace, in my opinion, face different obstacles. The ambiguity in the geographical description of Herodotus, the relatively poor study of the Rhodopes and the different authorial views contribute to the emergence of different hypotheses. Thus were born the hypotheses about the sanctuary of Dionysus in Crestonia (Al. Fol), in Pangaion (J. Iliev), its localization in the region of Batkun (P. Delev), or in the region of Haemus - Etropole (D. Boteva). In my mind, none of these hypotheses can withstand academic criticism - we do not know well the archaeological reality of the

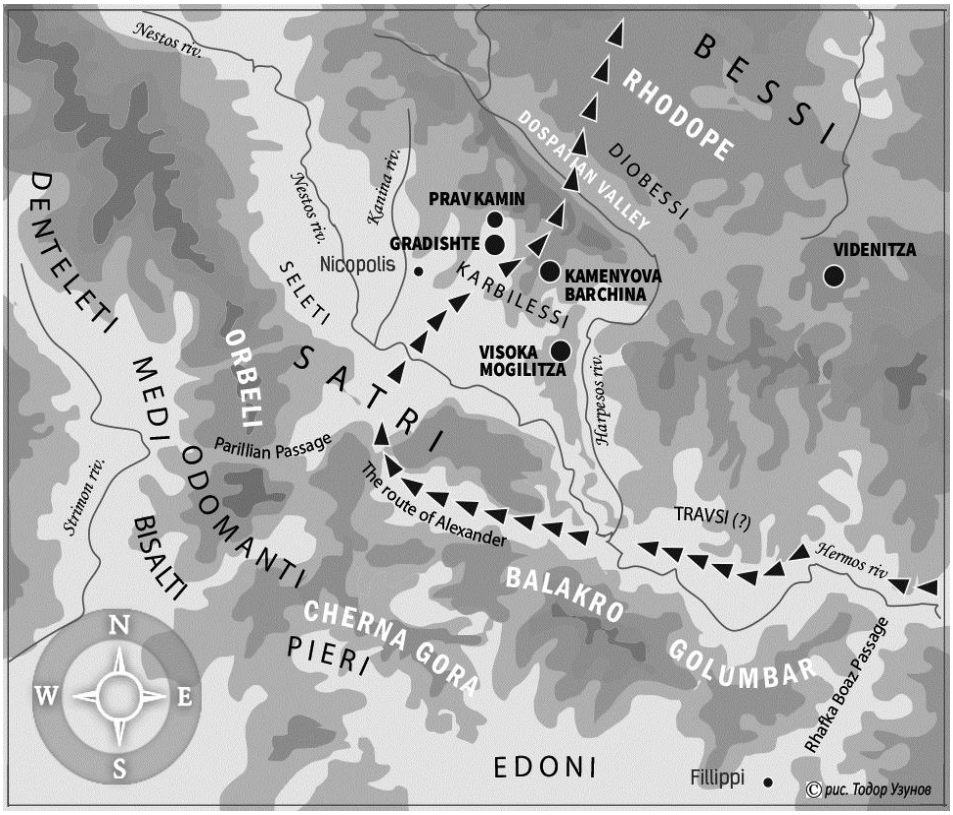
Rhodopes; some regions in the Rhodopes are inaccessible to scholars (e.g. the area of Golyam Perelik Peak or the area of Pangaion). On the other hand, no hypothesis can withstand criticism if it does not take into account the route of Alexander of Macedon - the sanctuary was hardly very far away from its bed. One of the characteristic elements of this sanctuary - the round shape - does not help either. Therefore, the conclusion is one - so far this sanctuary cannot be located due to the lack of unanimity about the outline of the road and due to the ignorance of the archaeological reality of the Rhodopes in detail. We have to wait for better times.

In 2020 it came out of the print at a collection of Shumen University, dedicated entirely to the Bessi (*Shumen*, 2020). In it, apart from the detailed retellings of the known data of the ancient authors (*Sayar M.H.*, 2020; *Solas A.R.*, 2020; *Evangelidis V.*, 2020), there are some studies containing surprising hypotheses. For example, A.R. Solas proposes that the tombs of the "Valley of the Kings", "located at the foot of the Balkans, which the demons occupy" be attributed to them, although the geography of the tribes between the V century BC. and Strabo's time is evolving" (*Solas A.R.*, 2020:29), or rather inaccurate or false statements (*Uzunov T.*, 2020), which I want to dwell on.

Before you start presenting your critical notes on the text of T. Uzunov, I should repeat that it is good for the author to re-read the book by Al. Fol "Demographic and Social Structure of Ancient Thrace" (*Fol Al.*, 1970), especially when dealing with problems of historical geography. There the author presents his view on the existence of chronological layers in this historical discipline, which must be observed when performing the analysis of historical events. The point is that the analysis should be based mainly on the data of authors from the epoch under analysis, and the data from the authors after that time should be attracted only after careful and detailed analysis that considers all changes in ethnogeography and development. of the analyzed area.

And so, T. Uzunov deals in detail with the analysis of the route of the road taken by Alexander III during his campaign in Thrace and the Thracian sanctuary of Dionysus.

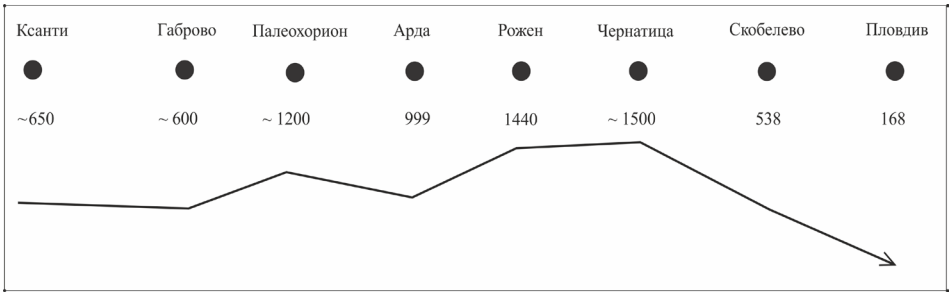
Without retelling the text of the article in detail, I will point out some of the main mistakes in the author's text. According to him [T. Spiridonov] "offers an impossible route for the army due to the narrow

Map of the tribes and toponyms in the area.
the path of Alexander III; localization of the discussed objects
(Uzunov T., 2020:78)

roads and especially the large displacement" (*Uzunov T.*, 2020:71). This is an interesting way to deny one statement with another that has no value - the author does not indicate where in Thrace at that time there was a "path" in the sense he imagines? The only roads in the pre-Roman era that were used were carriage roads, the width of a modern cart, and for routes used mainly by merchants. In all other cases, these were routes that changed their direction, depending on the season that allowed it. As a general principle I will point out that in the Rhodopes the ridges of the hills and mountains were used - from there the travelers could easily see the people chasing them, and thus avoided crossing rivers, especially at high tide.

The reference to research on roads during the Roman era is not evidence - the Romans built roads only where they had interests and had

Scheme of the displacement of the road through the Rhodopes

to pass Roman troops trained to fight on equal footing and travel quickly between two randomly selected points. In general, there are very few such roads in the Rhodopes.

As can be seen, the displacement between Xanthi and the ridge of Chernatitsa along the route of the road is about 600 m, as it is relatively smooth, and of course in places is smaller or larger, depending on the area. However, there are no sharp crossings, crossings of large rivers or rocks - let's not forget that the road never passes through the peaks themselves, so the altitude is averaged.

I do not dwell on the surprising statement that "the heights of [the mountain-TS] Montenegro are revealed there, a small subdivision of the Slavyanka mountain group (Ali Botush, Kitka). This mountain is mentioned on several maps as Orbelos.

She and [the mountain-TS] Balakro together, seen from the field, give the impression of "the high snowy peaks of the Rhodopes. Slavyanka connects with Balacro through the mountain Montenegro, which has the mountain Zmiyanitsa as its southern part. Zmiyanitsa, Montenegro and Balacro are a natural barrier to entering the territory of the Satras, which creates the image of the unconquered and "independent Thracians" (Uzunov T., 2020: 74). The mountains of Montenegro (1653 m) and Bozdag (Falakro) (2232 m) will hardly give Herodotus the impression of the "high snow peaks" of the Rhodopes, at least because Herodotus knows the area, but also because in describing the path of Xerxes he describes the coastal road south of Pangea. Here T. Uzunov enters into a fictional hypothesis, in which the piers are located south of the mountains of Montenegro, while all historical literature knows that they are located south of Pangea. The

reference to "historical maps" actually refers only to a map by A. Ortelius (1585), a 1662 edition, which cannot serve as a source because it is the fruit of research, just as it is today. Moreover, sinking into his hypothesis, the author believes that Pangea "is by no means known for the [natural-TC] resources mentioned in the text. It is too far to the southeast to be a source of livelihood for the three above-mentioned mountain tribes [Odomants, Pierre and Satri-TS], located far and northwest of it "(*Uzunov T.*, 2020: 74). It is probably good to remind that no one in the historical literature doubts the existence of natural resources in today's Pangea, not even Herodotus and Thucydides! I am not even talking about the text of Herodotus, who says of Pangea that "it was large and tall, with gold and silver mines used by the Pierre, the Odomant, and chiefly the Satri" (*Hdt*., VII, 112). It is clear that the people of these tribes, miners, have "used" Pangea, providing a livelihood for part of the population, and the rest is engaged in other economic activities.

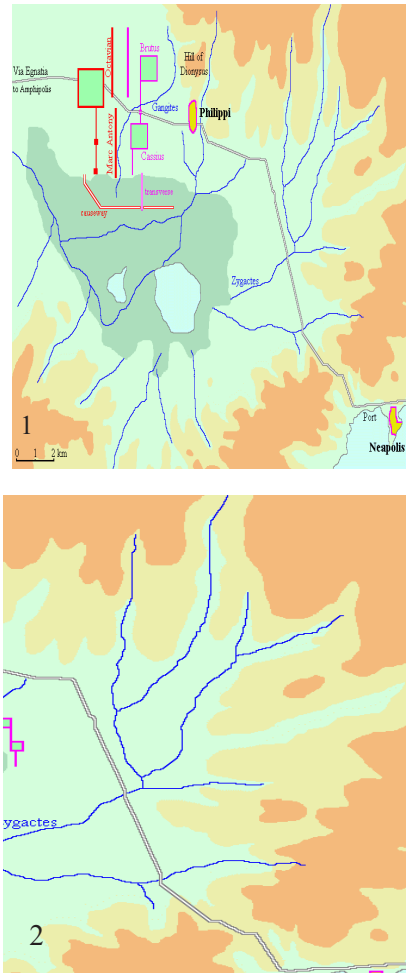
The location of the sanctuary, which D. Boteva wants to connect with that of Dionysus, was also wrongly determined, as it was placed by T. Uzunov in Sredna Gora (*Uzunov T.*, 2020:72), while the author connects it with Etropole and peak of St. Athanasius, who are in the Balkan Mountains.

According to Appian: "When Cassius and Brutus asked about the roads, Rascuporis said that the road through Enos and Maronia, which is direct and which is usually followed, led to the Sape Pass, which, if occupied by the enemy, you could cross. , and the other road he bypassed was three times as long and difficult» (*App*., Civ., IV 368-373). "… When the ships arrived, Norban, who was guarding the Sapei Pass, was overwhelmed with embarrassment and called Decidius of the Korpil Straits to come to his aid quickly. He came to his aid. And the armies of Brutus and Cassius passed the abandoned Korplis Pass" (*App*., Civ., IV 426-430). "After this trick was discovered, Norban and Decidius firmly occupied the Sapei Pass. … In this situation, Rascuporis informed them that there was a bypass road through the Sapei Mountain itself, which passed in three days, hitherto inaccessible to human foot because of the rocks, waterlessness and dense forests. … On the fourth day they would reach the river Harpesos, which flowed into Hermos, from where they would have another day's journey to Philippi »(*App*., Civ., IV 431). "So they sent an army unit under the command of Lucius Bibulus together with Rascuporis to pave the way.

They, though with difficulty, did so with all their might, but even more willingly, when the sent ones returned and told them that they had seen the river in the distance. … In the evening [on the fourth day-TS] the front soldiers saw the river, began to shout with joy… As soon as Brutus and Cassius learned of this, they immediately led the rest of the army across the road. In the end, however, they did not go unnoticed by the enemies [who-TS] did not surround them, because Rascos, Rascuporis' brother ... did reconnaissance. ... he was amazed that such a large army had passed

The Way of Brutus, Cassius and Rescuporis to Philippi

The Battle of Philippi (Lindering J., 2020)

on a waterless road, which he thought an animal could not pass because of such large forests. He informed Norban, and during the night his army fled from the Sape region to Amphipolis.» (*App*., Civ., IV 434-438). To this text I can only add that in total the army of Brutus and Cassius had about 10,000 soldiers!

According to T. Uzunov "in 42 BC, south of it [Videnitsa-TS peak], bypassing Kainchal peak, passed the march of Rascuporis and Lucius Bibulus, described in detail by Appian", as well as "15 km east of it [the sanctuary of Dionysus-TS] on the left bank of the river Harpezos »(*Uzunov T.*, 2020: 80). There are two inaccuracies here - the first is that the march of Lucius Bibulus and Rascuporis, sent to make their way through the dense forests of the Sapei Mountains, passed around Mount Kainchal. Kainchal is the name of a peak and abandoned settlement in Greece near the Bulgarian village of Buynovo and the Bulgarian-Greek border, which is very far from the region of Philippi. The second is that the march passed along the left bank of the Harpezos River, identified by the author with the Dospat River without any linguistic analysis. The map shows the insolvency of such allegations, as this route could hardly be traversed by 10,000 troops in four days, accompanied by deforestation; the front detachment cut down the forest for 3 days, and only on the fourth day did it see the river, and the army crossed the new road in one day. That is why we must analyze the text of Appian quoted above.

Since the hypothesis proposed by T. Uzunov obviously falls away, there are two more possibilities. The first assumes that the Sapei Pass will be surrounded from the north, above the Sapei Pass, starting from the area of Xanthi. However, the difficulty with it comes from the fact that the army of Brutus and Cassius has to cross the Nest River, which is not reported by the author. The second hypothesis also allows starting from the area of Xanthi (altitude 650 m), but the route of the army is to the west, through the Sapei Mountains, and the altitude here is between 800-1000 m. Philippi states that the city is located on a rocky hill and is as big as the hill. To the north there are forests, through which Rascuporis led the army of Brutus and Cassius (sub-TS)» (*App*., Civ., IV 430-442). The Sapei mountain took 3-4 days to cross, "because of the rocks, the waterlessness and dense forests", which forced a front detachment to cut down the forest, after which the 10,000th army and its convoys crossed the mountain in one

day! And when Norban's army guarding the Sape Pass learned of this, they quickly, in Appian's words, "fled" to Amphipolis. If Brutus and Cassius' army had come from the north, under the other two hypotheses, Brutus and Cassius would have crossed the path of Norban's army from the Sapei Pass to Amphipolis, while this is not the case because there is enough distance between the two armies.

As for the identification of the Nest River with the ancient Hermos River and the Dospat River with the ancient Harpesos River, the author obviously does not know the linguistic research on hydronymy, where these issues are comprehensively addressed (*Yanakieva S.*, 2009:33-34).

The last thing I want to focus on is the location of the Great Thracian Sanctuary of Dionysus. Although the author claims that the mountains of Montenegro and Bozdag gave the impression of "high snow peaks", he still tries to prove that the sanctuary of Dionysus is far to the north - in today's Gotse Delchev. From the attached map above, it can be seen that he cannot give an unambiguous answer to the question of which archeological site meets the conditions for a sanctuary, so he lists many sites - Videnitsa, Kamenova Brchina, Visoka Mogilitsa, Gradishte, Prav kamin - except for Videnitsa, the rest are between the Kanina River and the Dospatska River. Dolno Dryanovo has an altitude of 800-900 m, the area around Visoka Mogila and Kamenova Mogila have an altitude of about 1300-1400 m, and Videnitsa - 1652 m. Unfortunately, the author does not know the publication of Iv. Panayotov (*Panayotov Iv.*, 1978:309, 312), who in the 70s of the twentieth century conducted excavations on Videnitsa peak.

Thus, the author accepts the hypothesis that the path of Alexander III goes to the river Nest to the east, then turns and goes northwest along the river. It reaches the Nevrokop field and from here it goes northeast to cross the Western Rhodopes in their widest part, to reach Plovdiv and Hemus in 10 days (!?). In my opinion, this is meaningless - Alexander III could have gone northwest to Drama and then north to the Nevrokop field (the road still passes from there today), without making this unnecessary "walk" to the lower reaches of the river Nest.

Bibliography

Байраков Д., 2020 Планински светилища в Южна Тракия. София (дисертация)

Ботева-Боянова Д., 2014 Античните текстове и тяхното четен днес. Акценти от осем века фрагментарна история на древна Тракия (IV в. пр. Хр.— IV в. сл. Хр.). София

Ботева Д., 2013 Етрополският Атанасовден и преданията за манастир „Свеи Атанас“ в района на Етрополе (аспекти на формирането на локална колективна памет), 133–176

Ботева Д., 2013 За локализирането на бесите и на тяхното Дионисово прорицалище (шестнадесет години по-късно).— *История и култура на Старопланинското население. По примера на общините Етрополе и Сунгурларе*, 91-116

Ботева Д., 1996 Етрополският Свети Атанас, Сабазий и светилището на бесите. Res.: St. Athanassius of Etropole, Sabazios and the Dionysiac Oracle in Thrace.— *Минало,* 2, 18–28

Бруяко И. В., Кожокару В. А., 1990 Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетии до н.э.— *АИМУМ*. Кишинев

Велков Ив., 1947 В сърцето на Родопите. От Чепино до Чепеларе.— *Балкански преглед*, 4-6,

Велков Ив., 1933 Няколко крепости, селища и светилища из Родопите.— *ИИД*, XIII, 180 -184

Георгиева Р., 1980 Тракийско селище на връх Ком в Централните Родопи.— *Thracia Antiqua*, 9, 65-102

Делев П., 2014 История на племената в Югозападна Тракия през I хил. пр. Хр. София

Делев П., 2012 Тракийските беси.— *Годишник на Софийския университет*, *Исторически факултет*, т. 100. София, 7-65

Дечев Д., 1904

Деянова М., 1970 Гела.— *Родопи*, 11, 26-28

Домарадски М., 1993 Емпорион Пистирос. Трако-гръцки търговски отно-шения. Септември

Илиев Й., 2011 Родопите и тракийският поход на Александър III Велики от 335 г. пр. Хр..— *Известия на Старозагорския музей*, том IV. Ст. Загора, 276-284

Илиев Й., 2010 Родопите и кризата в Тракия по времето на Филип II (359 – 336 г. пр. Хр.).— *Докторантски изследвания по социални и хуманитарни науки*, том 2. София, 13-32

Иречек К., 1974[2] Пътувания по България. София

Йорданов К., 1984 Политическа история през ранноелинистическата епоха. Дромихет.— *Добруджа* 1, 110-123

Коруев П., 1984 Село Габрово, Ксантийско. София

Лилова Б., 1973 Пътят Кабиле-р. Искър. Експедиция „Еленски Балкан-73.— *Векове*, 6, 105-106

Маджаров М., 2019а www.thrabyzhe.com/wp-content/.../12/Митко-Маджаров-BGМегалити, 1976

Маджаров М., 2004 Римският път Ескус-Филипопол. Пътни станции и селища. Пловдив

Маджаров М., 1988 Римски път от Филипопол през Родопите за Егейско море.— *ИМЮБ*, 114, 97-104

Миков В., 1928/29 Принос към предисторическата култура у нас.— *ИБАИ,* 5, 209

Найденова В., 1970 Тракийският некропол при с. Гела.— *Родопи*, 11, 26-28

Панайотов Ив. и др., 1976 Материали за археологическата карт» на Родопите. Експедиция „Бесика 73".— *Родопски сборник*, 4

Певка, 2020 https://bg.wikipedia.org/wiki/Певки

Петрова А., 2013 Археологически обект в м. Св. Атанас, гр. Етрополе: Резултати от проучванията през 2011 и 2012 г. София, 37–60

Петрова Н., 1975 За проучванията на тракийските крепости в Смолянски окръг.— *ИМЮБ*, 1, 91-93

Саламбашев Ан., 1976 Местните имена в Смолянско. София

Сарафов Т., 1974 Тракийските сатри. Принос към етногенезиса на тракий-ските племена.— *ГСУ ФЗФ* 67/1, 119-191

Спиридонов Т., 2013 Историческа география на древна Тракия. Предмет, проблеми и задачи.— *Историческа география*. Изследвания. София, 74-82

Спиридонов Т., 2013² Тракийският град Бине.— *Историческа география.* Изследвания. София, 215-224

Спиридонов Т., 2013² Големият път през Родопите.— *Историческа геогра-фия*. Изследвания. София 277-309

Спиридонов Т., 2009а Светилището на Дионис в древна Тракия.— *Сборник В. Велков*, София, 43-56

Спиридонов Т., 1992 Големият път през Родопите.— *Поселищни проучва-ния*, 1, 7-31

Стъргел, 2019 (http://www.pelitko.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=43:sstargel-stargelska-sedlovina-vr-zvezdetz&Itemid=159)

Тачева М., 2007 Изворите за прорицалището на Дионис в Тракия и т. нар. Свещен град Перперикон.— *Rhodopica*, 1, 251–258

Тачева М., 1995 За бесите и техните племенни територии.— *Минало,* 1, 9–15

Ткачук М.Е., 1999 Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологи-ческих разрывов).— *Stratum plus* (3), 274–304

Шалапатов Д., 2011 Българските християнски селища в Западна (Бело-морска) Тракия. София

Boteva D., 2002 An Attempt At Identifying Alexander's Route Towards The Danu-be In 335 BC.— *Jubilaeus V.* Сборник в чест на проф. М. Тачева. София, 27–31

Fol Al., 1980 La route d'Aelxandre le Grand en Thrace au prinemps d l'an 335 av.n.è.— *Μεγας Αελχανδροϛ*. Thessalonike, 131-133

Hasio I.M., 1744 Carte d'Ungarie en general-contenant...

Iliev J., 2013 Oracles of Dionysos in Ancient Thrace.— *Haemus Journal*, vol. 2, 61-70

Moscalu E., 1983 Ceramica traco-geticä. Bucureşti

Panayotov Iv., 1978 New Data about the thracian Fortresses in the Rhodope Mountains.— *Pulpudeva* 2, Sofia, 306-314

Pârvan V., 1926 Getica. O protoistorie a Daciei. Bucureşti

Spiridonov T., 1977 Le marche d'Alexandre le Grand en Thrace antique et les tribus entre Stara Planuina et le Danube.— *Thracia* 4, 225-254

Sarafov T., 1972 Une nouvelle étimologie du nom de la tribu thrace Σατραι.— *Etude balkanique*, 2, 115-120

Tosho Spiridonov
Ass. Prof., PhD
tosho_sp@abv.bg